

A man in a dark jacket is seen from behind, looking out over a futuristic city with tall, thin buildings. In the sky, a large planet is visible, and a bright blue laser beam cuts across the scene. The overall atmosphere is one of wonder and discovery.

Samus

Странный Новый мир

Электрик Лошадкин ▶ 1

Annotation

Электрик Лошадкин оказывается в будущем, где уже не нужны электрики, и пытается найти себя в этом странном новом мире. Или сбежать от него в космос.

22 мая 203... года

Смартфон в кармане тихо звякнул, и Михаил полез посмотреть, что там.

Джоба е стандарт личка

Что в переводе означало: есть подработка на стандартных условиях — никаких смартфонов, съемок, упоминаний, соглашение о неразглашении и согласие на завязывание глаз, пока их везут на «объект», подробности при личной встрече, то есть, если Михаил согласен, то пусть приезжает. Оплата втрое выше нормы, и век цифровизации помимо немалого количества способов контроля за деньгами также породил уйму этих самых способов их обхода.

Раздумывал Михаил недолго, деньги требовались всегда, а в последнее время так особенно. В мире все сильнее пахло Третьей Мировой, пускай напряжение и сводилось пока к локальным конфликтам, и цены постоянно ставили новые рекорды. Разумеется, хороший электрик (а Михаил считал себя именно таковым) без дела не сидел, но все же не стоило упускать такое выгодное предложение.

Поэтому он поменял планы, отписался другому клиенту, сообщив, что работы придется перенести, и помчался к Степану, зная, что тот разослал подобные сообщения не ему одному. Кто первый успел, того и работа, а значит и денежки.

Так оно и вышло, и их бригада из пяти специалистов, неуклюже подписав обычными ручками соглашения (и попутно обменявшись понимающими взглядами), некоторое время молча катила куда-то с завязанными глазами.

— Понятно, — задумчиво почесал нос Михаил, оглядывая «объект».

Стандартные голые бетонные стены и лампочки, дававшие тусклое освещение. Еще один кто-то там спятил от страха и построил себе мега-убежище, которое еще предстояло обустроить и тут в дело вступал Степан со своими бригадами для «анонимных работ». Михаила всегда слегка мучил вопрос, а как эти кто-то собирались обслуживать свою технику потом, когда заберутся в бункер? Возьмут толпу проверенного персонала? Или что, или как, или где, но сам наниматель в подобных местах никогда лично не появлялся, понятное дело, и спросить его не представлялось возможным.

Остальные специалисты разошлись по своим делам, а Михаил занялся электрикой. Как выяснилось, кто-то уже все проложил в «обычной части» бункера, а ему предстояла самая сложная часть — соединить систему с автономным ядерным реактором и проверить, что все работает.

Некоторое время спустя

— Ну, да будет свет, — изрек Михаил и дернул главный рубильник.

Все заработало, зажужжало и засвистело, и Михаил отправился проверять остальные крупные узлы соединений, начав с самого большого неподалеку. В середине осмотра и

проверок, когда он уже уверился, что здесь все работает и непонятным оставалось только, зачем тратить столько энергии на какие-то непонятные установки, с потолка раздался приятный женский голос.

— Внимание, обнаружена угроза. Система переводится в режим защиты.

С тихим шелестом закрылись двери, отрезая Михаила от выхода. Он потыкал пальцем в терминал, но тот затребовал ключ и код доступа, которых у него не было.

— Активированы протоколы безопасности, — с легкой укоризной сообщил голос. — Всему персоналу занять места по расписанию.

Это надолго, понял Михаил, и полез в терминал, даже вскрыл его, но попытки закоротить провода ничего не дали, кроме еще одного сообщения голоса сверху:

— Обнаружена попытка взлома в криозале номер один, приняты меры для успокоения.

Какие еще меры, подумал Михаил, ощущая, как перед глазами все вдруг поплыло и начало покачиваться. Газ! Он попробовал выдохнуть, прикрыть рот одеждой, вспомнил даже, что лучше намочить ее, но ничего сделать не успел. Покачиваясь и спотыкаясь, он рухнул в одну из странных установок, которая охотно приняла его внутрь и тут же закрыла крышку.

— Угроза в криозале нейтрализована, — еще успел услышать Михаил. — До подлета ракет осталось десять с половиной минут, всему персоналу необходимо немедленно занять места...

Что-то зашипело вокруг, и он отключился, думая о том, как выскажет все Степану, когда проснется.

Глава 1

Проснулся Михаил уже в больнице, в отдельной палате, судя по стерильно белым стенам и непонятной аппаратуре вокруг. В огромные окна бил свет и Михаил чуть прищурился, осознав, что ужасно голоден. Он поискал взглядом кнопку вызова или хотя бы камеры, чтобы помахать в них, но тут часть стены съехала вбок, и внутрь вошла женщина в белом халате.

Примерно ровесница Михаила, прямые черные волосы и огромные глаза, смугловатая, словно от загара, кожа и горделиво расправленные плечи, длинные ноги, легко несущие ее такой походкой, от которой у него немедленно все воспряло к жизни, попутно намекая, что эта часть не пострадала от газа.

— Доброе утро, — с белозубой улыбкой произнесла женщина, прямо и открыто глядя на Михаила.

— Доброе, — машинально отозвался тот, замороженно глядя на нее.

Похоже кто-то там раскошелился на лечение, желая загладить инцидент в своем бункере и заткнуть рты. Что же, Михаил был готов простить его, если и оплата будет на месте, и эта медсестра постарается.

— Меня зовут Татьяна Сальвини, — продолжала гостя, разглядывая Михаила, — могу я узнать ваше имя и фамилию?

Ага, сообразил Михаил, доставили анонимно куда-то? Сальвини, смуглая кожа, неужели Италия? Или... Швейцария? Это объясняло бы слегка странное произношение. Анонимное лечение, все дела? Но если анонимное, то зачем ей его имя? Впрочем, такой роскошной женщине, в которую он уже влюбился, Михаил был согласен открыться целиком.

— Михаил, — ответил он и добавил после секундной запинки. — Лошадкин Михаил Иванович.

Фамилия его не вызвала даже тени улыбки у Тани, которая чуть двинула пальцами и глазами, словно наигрывала на каком-то невидимом инструменте. Слегка нахмурилась, словно что-то не вышло, и произнесла чарующим голосом:

— Сведения о вашей смерти или пропаже, Михаил, отсутствуют в архивах, что подтверждает гипотезу доктора Наакянца.

— Конечно же, они отсутствуют, — насторожился Михаил, — с чего бы им появляться, если я не умер?

Неужели Степан что-то там провернул? Их выставили мертвыми и вывезли за границу? Это не настоящая клиника? Кто-то там решил не оставлять свидетелей? Хотя нет, зачем тогда это все? Стоп, в архивах?

— Диагност утверждает, что вы в полном порядке, — продолжала Таня, вдруг утратившая часть своего очарования, — но все же, давайте убедимся. Поднимитесь и посмотрите в зеркало.

— Какое еще зеркало? — спросил Михаил, все же поднимаясь.

На нем была какая-то больничная пижама, странно мягкая и удобная. Таня изящно повела рукой и стекло вдруг превратилось в зеркало, в котором отразился сам Михаил. Слегка вытянутое лицо и крупноватые зубы, что в сочетании с фамилией, только удваивало количество шуток на лошадиные темы. Теперь черты лица словно заострились и ввалились внутрь, но вот короткая прическа ничуть не удлинилась, и щетина отсутствовала.

Переломанный в детстве нос, шрам в левой части лба — привет из детства, крупноватые уши, карие глаза.

Он никогда не был амбалом, так, крепыш ростом выше среднего, но и это все сейчас куда-то делось, он словно усох и мышцы... атрофировались? Сколько он пролежал где-то там? В горле пересохло, в животе что-то крутило, и он спросил хрипло:

— Нельзя ли стакан воды?

— Один стакан воды, — раздался приятный женский голос за спиной.

Своей приятностью и женственностью он так напомнил Михаилу тот голос с потолка в бункере, что Лошадкин невольно подпрыгнул на месте, разворачиваясь в прыжке. Неужели он еще не покинул бункера? Все это галлюцинации? Или бункер что-то там включил, какие-то современные системы и морочит ему голову?

— Очень интересная реакция, — заметила Таня, опять двигая пальцами. — Все источники уверяют, что в подобных системах использовалось оповещение женским голосом, но похоже, вас он не успокоил, да, Михаил?

Она протянула ему невесть откуда взявшийся стакан воды, а Михаил посмотрел на нее, ощущая, как в крови вскипает ярость и одновременно с этим ощущая тошноту и легкую слабость. Вода отравлена?

— Можете смело пить, — заметила Таня, — это обычная вода, просто созданная прямо на месте. Расход кредитов и энергии на ее создание и все вокруг — за счет центра здоровья, на этот счет можете не переживать.

— Сколько? — спросил Михаил, держа стакан в руке.

Тот приятно холодил, словно его только что достали из холодильника.

— Сколько я пролежал в коме? — расширил он вопрос.

— В коме? О нет, — слегка улыбнулась Таня, снова демонстрируя белые зубы. — Вы находились в криокамере, Михаил, экспериментальной, едва не убившей вас, но в то же время, спасшей вам жизнь. Вижу, вы уже догадались, что прошло немало времени, и надо заметить, среди наблюдающей за нами комиссии были сторонники растягивания процесса, поэтому мы и воссоздали обстановку больничной палаты вашего времени.

Вашего времени! Михаил словно врезался во что-то лбом, в голове все поплыло. Он машинально осушил стакан залпом и чуть дернул головой, присел обратно на кровать. Все слова о больничных палатах и любви к Тане испарились, словно и не было. Наблюдающая комиссия! Михаил опять дернул головой, но так и не обнаружил камер.

— Но я придерживаюсь политики правды и...

— Сколько? — перебил ее Михаил.

— Сейчас две тысячи сто двадцать шестой год новой эры или от рождества христового, — ответила Таня, глядя на него с какой-то странной теплотой и сочувствием. — Обрывки информации о вас из уцелевших после войн информационных архивов уверяют, что вы не отличались особой набожностью, но если это важно, то я могу сообщить год по другим календарям.

— Не надо, — ответил Михаил, ощущая, как голова идет кругом.

Почти сто лет! Войны?! Но как? Почему? Уцелевшие архивы?!

— Так вы знали, кто я?! — почти взвился он, но вскакивать не стал — голова кружилась.

— Рекомендуется принять успокоительное и снотворное, а также немного отдохнуть, — сообщила кровать.

— В жо... к черту отдых! — вспыхнул Михаил. — Я и без того проспал почти сто лет!

— Учащенный пульс, усиленное сердцебиение, — Таня повела рукой и кровать заткнулась. — Да, Михаил, мы с определенной долей уверенности предполагали, кто вы, но не знали наверняка. Записи о том бункере, в котором вас нашли, отсутствовали. Конечно, многое оказалось уничтожено в пламени войн, но мы предполагаем, что записи отсутствовали изначально, это верно?

— Я сам не знаю наверняка, — убито отозвался Михаил, — но скорее всего. Нет записей — нет координат для удара, и мы всегда ездили на подобные объекты анонимно.

Таня зависла на секунду, похоже сверялась с сетью, и Михаил вдруг осознал, что на ней и нет ничего. Нет, одежда присутствовала, хотя и не слишком скрывала такое крепкое и ладное тело, словно вылепленное лучшими пластическими хирургами, но отсутствовали компьютер, монитор, модемы, всякие гаджеты, даже смартфона не наблюдалось.

— Мы поехали туда, — и он назвал дату, — нас было шестеро.

— Да, дата сходится, — кивнула Таня, — гипотеза подтверждена. Вы отправились туда в день начала Третьей Мировой, и остальные ваши товарищи...

Да какие нахрен товарищи, сердито подумал Михаил, ведь он и не знал там никого, кроме Степана, но говорить об этом вслух не стал.

— ... оказались нейтрализованы системой управления бункером, и в конечном итоге умерли там. Если наши предположения верны, они успели повредить систему управления, но не до конца, и та отключилась не сразу, а лишь десятки лет спустя. По оценкам наших специалистов, бункер был спроектирован для автономного проживания в нем в течение ста пятидесяти лет, но вышло так, что жильцов в нем не оказалось, кроме вас, Михаил.

— Умерли?

— Система управления сочла их врагами, у них не было ни кодов, ни ключей, — в голосе Тани слышалась какая-то странная печаль, словно она сочувствовала погибшим, которых никогда не знала.

— И что было потом? — вырвалось у Михаила.

Следовало отложить все и отдохнуть, переварить новости, но его словно что-то толкало изнутри: спросить, узнать правду.

— Бункер не успели оборудовать оружием и он отсутствовал в записях и скорее всего именно поэтому не стал мишенью для ударов, которые обменялись в ходе начала Третьей Мировой, — ответила Таня. — Она оказалась разрушительной и мир, каким вы его знали, Михаил, рухнул и распался, но добила его уже Четвертая Мировая, которую, к счастью, не успели довести до конца, до окончательного истребления всего живого.

— А как же ядерная зима? — спросил он растерянно.

Почти сто лет. Две мировые войны, окончательное истребление всего живого? Живого! Все, кого он знал, умерли, родители, дети... ладно, детей у него не было, в свои тридцать он так и не женился, хотя и сожительствовал с рядом женщин. Алена! Коллеги по работе... ладно, их тоже не было, он подался во фрилансеры, одна из причин по которой его заметил Степан со своими анонимными работами.

— Загрязнение атмосферы было значительным и его последствия до сих пор сказываются, — кивнула Таня.

Михаилу вдруг нестерпимо захотелось, чтобы она подошла, села рядом, взяла его за руку и прошептала страстно, что теперь все будет в порядке и плевать на комиссию или кто там еще за ними наблюдал.

— Система управления бункером не получала никаких команд, так как их некому было отдавать. Вначале предполагалось, что создателя бункера и близких ему людей нашли мертвыми, но ваши слова, Михаил, подтвердили, что он там так и не появился. Соответственно, бункер так и простоял закрытым все эти годы и не стал мишенью и в ходе Четвертой Мировой, о нем просто никто не знал. Обнаружили его лишь недавно, когда реактор дал протечку за пределы бункера, стены которого, похоже строили не совсем по стандартам.

Михаил лишь улыбнулся криво, ну да, тут сэкономили, там не соблюли технологию, здесь срезали пару углов, обычное дело, он и сам так делал. Кто же этому «кто-то там» доктор, что хотел сохранить все втайне? Вот и поплатился за свою таинственность, да и в бункер не успел, так ему и надо!

— Погодите, — он потер переносицу, — если бункер был рассчитан на сто пятьдесят лет, то зачем там эти штуки, в одной из которых я очутился? И почему система управления позволила мне в ней лежать?

— Я не знаю, — просто ответила Таня, — но могу предположить, что система нейтрализовала угрозу, а потом просто не получала новых команд и продолжала держать вас в капсуле. Насчет этих штук (опять движение глазами, словно она что-то листала), есть предположение, что предполагалось «вахтовое проживание». Пара или тройка людей присматривает за системами, остальные лежат в капсулах, меняются по очереди.

— Но это же все равно, — вскинулся Михаил и тут же опустил плечи. — Неважно.

Что толку возражать или говорить, что парочка людей спятила бы от скуки? Или там предполагались вахты по месяцу? Какая теперь уже разница, что там планировалась и почему этот кто-то там так поступил, хотя, возможно, он просто торопился, зная что-то о приближении мировой войны, не локальных конфликтов. Оставил отделку на потом, ну и понятно.

— Так вы, Таня, — он попробовал улыбнуться, но поймал свое отражение в зеркале окна.

Да, тело его изрядно деградировало за время в капсуле, но он выжил! Проскочил две мировые войны и судя по Тане, не прогадал!

— Специалист по адаптации переселенцев из прошлого? — спросил он.

Таня весело и задорно рассмеялась, искренне и так открыто, словно знала Михаила всю жизнь. Ничуть не обидно, как он вдруг понял, и опять мысленно нахмурился. Все это сильно смахивало на синдром утенка, не того, который был в мемасике про утку-политика, а того, который обозначал первое впечатление. Увидел Таню и влюбился, или организм пытался так отыграться за пропущенные сто лет?

— Путешественников во времени? — предположил он еще. — Замороженных?

— Ах, если бы, если бы, — Таня перестала смеяться и вздохнула со странной печалью. — Вы первый, Михаил, и нет, я не специалист, просто сотрудница ближайшего центра здоровья, где занимались вашим размораживанием и восстановлением после извлечения из капсулы. Без избавления от прошлых дефектов, как вы сами видите, чтобы пробуждение не стало для вас чрезмерным шоком. Сами понимаете, у нас нет опыта подобных вещей, и мы, можно сказать упражняемся на вас, Михаил, вы наша подопытная морская свинка, в каком-то смысле.

— Скорее лошадка, — попробовал пошутить он и удалось, Таня снова улыбнулась. — А почему первый?

— Заморозка так и не стала массовой, — сообщила Таня, — а центры крионики подверглись ударам и оказались уничтожены. Редкие уцелевшие капсулы оказались отключены от систем, поддерживавших охлаждение, и находившиеся в них либо гибли, либо выходили наружу, чтобы погибнуть уже там. Время между третьей и четвертой мировыми войнами стало разгулом ужаса, хаоса и смертей. Все моральные нормы и принципы, и без того уже давно ослабленные, окончательно рухнули и решившие продолжать борьбу за мировое господство, прибегали к любым средствам. Ядерное оружие оказалось не так просто восстановить, но в ход пошло биологическое и химическое, избирательные эпидемии, отравления воды и еды, пропаганда и внушение, массовые техники информационного воздействия, честно говоря, даже до сих пор тяжело говорить о том периоде, даже нам, придерживающимся политики правды.

Она уже второй раз упоминала какую-то политику правды, отметил Михаил.

— Из этого хаоса, насилия и беззакония восстал новый мир, не сам по себе, конечно. Люди поднялись и уничтожили тех, кто пытался уничтожить их, но об этом вам еще предстоит узнать. В ходе лечения, восстановления и адаптации.

— Адаптации?

— Разумеется, Михаил, мир изменился и вам необходима будет адаптация, — улыбнулась Таня. — А сейчас вам необходимо будет поспать и отдохнуть.

Михаил даже не почувствовал укола и отключился, провожая Таню взглядом.

Вся высокая комиссия состояла из трех человек: самой Тани, оказавшейся специалисткой по реабилитации и восстановлению после тяжелых заболеваний, сухонького старичка — доктора Наакянца, который то и дело делал такой жест, словно поправлял несуществующие очки и добродушного верзилы — хирурга, Артема Смита, напоминавшего Михаилу былинных богатырей.

Они, да еще пяток помощников, изучавших медицину и проходивших стажировку, и непонятное количество роботов составляли персонал этого центра здоровья, расположенного не слишком далеко от бывшей Москвы и, как понимал Михаил, того бункера, в котором его угораздило замерзнуть на сотню лет. Очаги радиоактивного и биологического заражения, различные яды в почве и воде, центр занимался лечением пострадавших, а также разыскивал источники этих самых болезней и повреждений для их последующей ликвидации.

— Стакан персикового сока, — произнес Михаил, но синтезатор не сработал.

— Вы, юноша, мнэ, мнэ, находитесь уже не в своей палате, — сообщил Наакянец, поглядывая на Михаила из-под кустистых седых бровей, — и эта часть клиники включена в общую систему, покрывающую всю Землю.

— Систему чего? — насторожился Михаил.

— Таня? — повернул к ней голову Наакянец. — Разве ты не сказала ему?

— Аарон Викентьевич, — ответила та, разводя прелестными руками.

Вот в Тане все было соразмерно и гармонично, не просто работа косметических хирургов, а еще и всякие фитнесы, шейпинги, пробежки по утрам и прочий здоровый образ жизни. Об этом подумал Михаил, оглядываясь и пытаясь отвлечься от тревожных мыслей о системах.

— Помилуйте, я сказала об адаптации, не более, только упомяни что-то одно и придется объяснять сотни вещей, если не тысячи, и считаю, изучение истории мира за прошедшее время должно быть первым.

— Здесь я не спорю, мнэ, но хотя бы базовые понятия, — Наакянец вдруг прикрыл глаза. — Нет, Таня, вы правы, а я ошибался, здесь требуется комплексное изучение, и кажется, даже понятно, какое. Нам нужно просто взять программу для инопланетян, подающих на гражданство и...

— Инопланетян?! — почти взвизгнул Михаил, в этот раз действительно отвлекаясь от тревог.

— Ну да, инопланетян, — чуть усмехнулся Наакянец, — разве не были популярны в то время всякие рассказы о контактах и встречах?

— Были, — признал Михаил слегка растерянно, — но это как-то.

Он оглянулся еще раз, словно подыскивал слова. Помещение непривычно скругленных линий, поражающее своей аскетичностью, и наполовину раскрытая стеклянная стена — окна, выводящая в зеленый сад, словно дышащий гармонией. Нарушая идиллию в саду, истошно орала какие-то птицы и доносился перестук, будто кто-то танцевал чечетку.

— Было больше все абстрактно, игра ума, — нашелся он.

— Ну а теперь это практика, хотя для нее и потребовалось вначале выйти в космос дружными усилиями, а затем найти энергоний, — сообщил Наакянец.

— Энергоний, — повторил Михаил, будто заворуженно.

Он оглянулся, вдруг поняв, чего тут не хватает. Розеток! Привычные розетки и всякие там шнуры питания отсутствовали, словно их прятали от него, чтобы не будить воспоминания электрика.

— Тем более, что есть и люди инопланетяне, — басовито добавил Артем, — те же беженцы с Зеленой или Артасяне, например.

Таня кивнула, а Наакянц посмотрел с такой укоризной, словно Артем вдруг громко и прилюдно испортил воздух. Одет хирург — богатырь был в какое-то подобие костюма, но свободное и из ткани, которую Михаил никогда не встречал.

— Взять программу и адаптировать ее, а экзамен останется таким же, — подытожил Наакянц.

— Экзамен?

Михаил начал ощущать себя дурачком, постоянно переспрашивая, но это же намекало, что ему и правда необходима будет адаптация.

— Обычный экзамен, — успокаивающим тоном сказала Таня, — на знание основ общества и жизни в нем. Разве в ваши времена не было подобия такого, когда кто-то переезжал в другую страну?

Михаил хотел возразить, но тут же сообразил, что его знания по данному вопросу весьма скудны и обрывочны. Впрочем, ему и не требовалось знать все досконально, а об остальном можно было спросить поисковые системы. Он бы и сейчас спросил, если бы знал, как тут выходить в интернет.

— Сейчас все сдают экзамены и всегда, всю жизнь, молодой человек, — неожиданно жестко заявил Аарон Наакянц, глядя сердито на Михаила. — Пришел новый мир.

— Да я уже заметил, — внутренне вздыбился Михаил, но внешне лишь почесал затылок.

Экзамен! Словно он был виноват, что его заморозило там и теперь разморозили здесь? Могли бы и не спасать тогда, что это за новый мир, не успел очнуться и уже должен?! Михаил, по правде говоря, уже пробовал выбраться наружу, но двери и окна отказывались открываться, техника отказывалась подчиняться и, как выяснилось, еще и докладывала сразу «наверх».

— Всю жизнь? — переспросил он, повернувшись к Тане.

Он уже понял, что та говорит или всегда старается говорить правду, и не сказать, что это было приятно. Великолепный внешний вид и безжалостная правда, она вполне сошла бы за холеную стерву его времен, если бы не та теплота и участие, открытость, которую при этом проявляла Таня.

— Всю жизнь, — подтвердила Таня. — Выучился ты, скажем на специалиста тепловых систем — сдай экзамен, подтверди квалификацию, захотел потом перейти в лесничество — сдай экзамен, подтверди квалификацию, захотел затем отправиться в космос пилотом...

— Выучись и сдай экзамен, подтверди квалификацию, я понял, — кивнул Михаил. — А что, высшее образование теперь бесплатное?

— Концепция образования теперь тоже изменилась, — быстро сказала Таня, опередив Наакянца.

— Да и люди стали мобильнее, занимаются делом по душе, — добавил вдруг Артем.

Михаил опять вздыбился, его словно попрекали прежней жизнью! Попробовали бы они сами повертеться там, посмотрел бы он на них!

— В космос, — повторил он слегка мечтательно. — А что, можно?

— Разумеется, хватало бы рейтинга и образования, ну тут уже от профессии, конечно, зависит, — добавила Таня и посмотрела на Михаила, чуть наклонив голову. — А что, Аарон Викентьевич, ведь стандартные обменные курсы подразумевают и прием информации, да? Конечно, времена Михаила неплохо изучены, но все же лекции очевидца, да еще перед самой войной, это потянет на кредиты.

Какие еще кредиты, подумал Михаил, неужели и тут дерут проценты?

— Я бы предложил создать новую методику, — вдруг оживился Артем, — и так ее и назвать «адаптация». Она могла бы пригодиться и в будущем, при контакте с теми, кто никогда не сталкивался с землянами, или если все же дело дойдет до межгалактической экспедиции.

— Да, да, мнэ, мнэ, — вскинул голову и Наакянц, — это будет уже не помощь за счет клиники, а участие в программе адаптации и подготовки, пойдет Михаилу в зачет.

Самому Михаилу очень все это не понравилось. Так и представлялось, как его запрут и будут ставить опыты, колоть огромными шприцами, откачивать кровь на анализы и так далее. С чего он вообще знал, что все будет хорошо? Он еще ничего не знал о мире вокруг, кроме случайных оговорок и его даже не выпускали наружу, не давали доступа в сеть и контроля над техникой! Да, Таня, конечно, Таня, но кто сказал, что это не уловка, дабы расслабить его, и чтобы он согласился на опыты над собой и выкачивание сведений, правда, не так уж много он и знал, но все же?

Он ведь даже не знал, как здесь оказался и так расслабился, из-за Тани вдруг поверил во все?

— Я бы предпочел обойтись минимальной программой, — заметил он.

— В ожмики метите? — спросил Артем.

— В бомжики? — переспросил в ответ Михаил. — Да как ты...

— Ожмики, — остановила его Татьяна. — Аарон Викентьевич!

— Ладно, давайте начнем со стандартной программы, история и язык, конечно, — ответил тот слегка сердито.

— А что не так с языком? — устало спросил Михаил. — Вы вроде все говорите по-русски.

— Нет, это работа переводчика, — сообщила Таня.

Михаил моргнул и задумался.

— Мы же вроде все еще в России, по крайней мере рядом с Москвабадом, — начал он и остановился, заметив изменившиеся выражения лиц.

Он вдруг вспомнил про общую систему, покрывающую всю Землю и фразу о дружных усилиях и до Михаила неожиданно дошло, что старые государства не пережили двух мировых войн и периода хаоса и беззакония. Пришел новый мир, в котором Земля стала едина и тут осталось одно государство, если вообще осталось. Но у Михаила как-то не получалось представить жизнь без государства — ведь вокруг точно был не первобытнообщинный строй, и он озадаченно потер подбородок, вдруг ощутив боль в руке.

— Да, после великой черной революции люди объединились и все старые государства исчезли, — опять кивнула Таня.

— Черной? — вырвался у Михаила вопрос, хотя он вообще собирался промолчать.

Ему на ум вдруг пришло весьма нелестное сравнение. Как если бы какой-нибудь житель конца девятнадцатого века провалялся в коме и очнулся в начале двадцать первого, с его интернетом, автомобилями, сексуальными революциями и прочим. Наверное, он ощущал бы

себя примерно так же, как сам Михаил, хотя... возможно, Лошадкину просто не давали доступа к инструментам, вроде интернета.

— Она же революция тьмы, — вдруг добавил Наакянц, — ибо случилась она от отчаяния, от ощущения надвигающейся тьмы и люди поняли, что они или восстанут сейчас и умрут, но возможно и победят, или что они точно умрут и на Землю опустится тьма.

Старенький Аарон провел рукой по лицу, а Михаил вдруг понял, что Наакянц был там и видел все своими глазами. Можно сказать, видел зарождение нового мира и его становление. Надо будет расспросить его, подумал Михаил, ему, наверное, тоже было нелегко вживаться во все новое.

— Так что, все согласны? — вдруг спросил Наакянц и кивнул. — Единогласно. И да, Михаил, если вы вдруг передумаете насчет программы адаптации — дайте знать. Артем, проводите меня, раз уж заехал лично, посмотрю Кроманину, кажется, мы там что-то пропустили с ее отравлением.

Они вышли, и Михаил, всматривавшийся до выпучивания глаз, не узрел никаких жестов, сигналов, ничего, двери просто открылись и все. Он невольно встал и подошел, но перед ним дверь так и не открылась.

— Что это было сейчас? — спросил Михаил, повернувшись к Тане. — Насчет единогласно?

— Мы заверили сетевой протокол собрания комиссии своими манопами... цифровыми подписями, если так будет понятнее, — легко ответила та, — и теперь тебе предстоит период обучения перед экзаменом на гражданина Земли и в это же время тебя будут лечить и наблюдать, так как пока ты будешь находиться в нашем центре здоровья.

— А меня спросить вы не забыли? — ядовито поинтересовался Михаил.

Таня ему все еще нравилась, тело ее, но вот эта привычка говорить правду убивала все обаяние.

— Тебе предложили поучаствовать в программе, — отозвалась Таня с легкой улыбкой, — это максимум того, что мы могли предложить тебе сейчас, пока у тебя нет никаких прав.

— А, мир новый — порядки старые, деление людей на сорта, да? — продолжал яриться Михаил.

— Скажи, если бы к тебе, в твоей прежней жизни, приехал, ну не знаю, маори из Новой Зеландии и вдруг просто появился у тебя дома, что бы ты сделал? — спросила Таня.

Михаил понял подоплеку вопроса, но не нашелся сразу, что возразить.

— Насколько я помню, права у детей в ваше время появлялись только в момент совершеннолетия.

— Ну, не только и везде по-разному, — проворчал Михаил.

— Кстати, это очень интересная тема, совершеннолетие и правовая ответственность, опишешь?

Таня даже подалась вперед, а Михаил чуть поджал губы, не зная, как рассказать, что в основном изучал возраст согласия в разных странах, мечтая как-нибудь прокатиться по ним туристом. Не то, чтобы его тянуло на детей, нет, но законодательно разрешенная экзотика — почему бы и нет? Возраст совершеннолетия он знал, тут же припомнил, что в США вроде что-то отличалось насчет алкоголя, и понял, что без гугла и яндекса ничего не опишет.

— Так кто я, дикарь, вломившийся в чужой дом или ребенок? — проворчал он, возвращаясь к прежней теме.

— Сейчас ты скорее ребенок — инопланетянин, прибывший сюда по гостевой визе, — вполне серьезно ответила Таня, глядя на него бездонными синими глазами. — Мы не выгоняем тебя, предлагаем варианты, а ты обижаешься, топаешь ножкой и требуешь всего и сразу, непонятно на каком основании.

— Я родился на Земле, — почти шепотом проворчал Михаил, признавая мысленно ее правоту.

Обаяние Тани померкло еще на пару пунктов, и к этому добавлялось раздражение, что его держат взаперти.

— И мы приветствуем тебя с открытыми руками, Михаил, — развела эти самые загорелые сильные руки Таня, словно показывала, какую рыбу поймала вчера, — но выбор только за тобой. Ты можешь стать кем захочешь, все пути открыты перед тобой, или можешь ничего не делать и податься в ожмики...

— Да что это за бомжики такие? — невольно вспыхнул Михаил.

Вдруг вспомнил свое же сравнение с жителем девятнадцатого века и слегка устыдился, наверняка Таня сдерживалась, чтобы не использовать массу новых словечек, которых он просто не понял бы.

— Ожмики, — терпеливо исправила Таня. — От сокращения ОЖМ — обязательный жизненный минимум, то, что получает любой житель Земли, независимо от того, трудится он или нет, хотя в чем-то ты прав, сходство с бомжами ваших времен, если верить информационному полю, наличествует. Ожмики тоже, как правило, не работают и просто живут на свой минимум, в свое удовольствие... наверное. Надо будет почитать социологические исследования на этот счет.

— Э-э-э, — озадаченно протянул Михаил. — Что-то я запутался.

— Именно! Именно! — звонко воскликнула Таня, поднимаясь. — Об этом я и говорила Аарону Викентьевичу, что надо давать знания комплексно, иначе путаница выйдет! Ты готов приступить к обучению? Отлично, Иска, можешь приступать!

— Кто?

— Это я, — перед Михаилом соткалась голограмма какой-то девчонки с косичками. — Иска, искусственный интеллект и помощница.

Солнце беспощадно жарило сверху, развалины Москвы вокруг дышали смертью и зловещими ощущениями, под ногами то и дело хрустели обломки. Михаил бежал, обливался потом и судорожно сжимал в руке не совсем верный и не совсем бластер, но все же! Не просто беговая дорожка, а тренажер, настолько убедительный, что он, зная умом о том, все равно верил и то и дело дергал головой по сторонам.

За спиной что-то заухало и зашипело, Михаил дернулся, подвернул ногу и упал.

— Но почему девочка? — спросил он, поднимаясь с пола голографического зала.

Глаза его и тело все еще подергивались, рука пыталась сжать рукоять бластера, дабы отбиваться от орд мутантов, зомби, тараканов и кто знает кого еще. Возможности нового мира поражали до самых пяток и надо заметить это мотивировало. Учиться, учиться (хотя Михаил и не слишком любил учебу), сдать экзамен, выйти наружу и получить те возможности, которых он сейчас был лишен.

У него отсутствовало все и самое главное — манопы, как называли все устройства для манипуляций и работы с всеобъемлющей сетью, покрывающей всю Землю и не только. В названии, как ему объяснили во время одной из лекций, слились корни от слова «манипулятор» и «манос» — руки и прежнее «мани» — деньги, так как появились подобные устройства еще в период Хаоса — промежуток между третьей и четвертой мировыми войнами и доступны были только богатым, которые за счет этого еще сильнее и мощнее подавляли и эксплуатировали окружающих.

Манопы изначально производились в форме колец и перстней (см. руки), затем расширились до серег, браслетов, нашлепок на виски, и прочих украшений, вроде колец в пупках. Функционал их тоже расширялся, заминка случилась только при попытках превратить их в импланты, то есть устройства внутри организмов. Михаил не вникал в подробности (так как не понял трех четвертей терминов), понял только лишь, что проблему потом решили как-то.

Как некогда мобильные телефоны, из кнопочных приспособлений для звонков превратившиеся в многофункциональные смартфоны для всего подряд, так и манопы прошли схожий путь, став в итоге неизменными спутниками жителей Земли и других планет Солнечной Системы, находившихся в стадии бурной колонизации. Хотя насчет неизменных, конечно, слишком громко сказано — все же новый мир существовал всего несколько десятилетий, постоянно развиваясь и изменяясь, но это не отменяло всего прочего.

— Скажите, Михаил, — неожиданно серьезным, ломающимся голосом ответила Иска, — отнеслись бы вы также серьезно к словам подростка?

Она сменила облик — голограмму, если уж точнее — на угловатого, прыщавого подростка, который улыбнулся Михаилу, демонстрируя отсутствие двух зубов.

— Серьезно? — ухмыльнулся он в ответ. — Как можно серьезно относиться к словам маленькой девочки?

— Видите, — слегка укорила его Иска, сменяя голограмму обратно, — вы считаете облик отражением меня, потому что в ваше время так и было, и это отношение переносилось в тамошний интернет, чем и пользовались многие.

Перед Михаилом засветился экран с результатами его тренировки и над чем следует поработать. Его тело мягко и ненавязчиво приводили в форму, без особых вмешательств и

чудес медицины нового мира, так как для них потребовалось бы согласие на всю эту программу адаптации и разработку методик. Михаил же внутренне продолжал подозревать подвох и все сомневался и мысленно не давал согласия.

— Или вот, пожалуйста, — вытянула руку Иска, указывая на Михаила, застывшего на пороге душевой.

Отношение к телу тоже изменилось, и нагота не считалась чем-то предосудительным, насколько он понял (до этой части общественного устройства еще не добрались в лекциях), да и кого стесняться, работа? Когда Михаил не думал о том, что всеобъемлющая сеть также видит и слышит все и везде, он не особо стеснялся, мылся и ходил в туалет, но, когда вспоминал — тут же начинал дергать головой, выискивая камеры.

— Могли бы и убрать у меня все эти запреты и табу, — проворчал он, крутя рукояткой душа.

Его уже посещали мысли мыться прямо в одежде, но конечно, ему тут же прочитали бы новую лекцию, что так он экзамен не сдаст.

— Это было бы вмешательством в сознание, — возразила Иска. — Не говоря уже о невозможности подобного вмешательства чисто хирургическим путем.

Хотя бы в упор не смотрела, уже дело, и Михаил начал мыться, мысленно вздыхая о новых возможностях. Будь у него манопы, он просто отдал бы приказ и душ сам бы все сделал, а то и вовсе заранее знал о том, что он любит и как предпочитает мыться. Системы умных домов превратились в таких вот Исок, которая попутно присматривала за всем центром здоровья и общалась с другими ИИ вокруг, сливающимися в сеть, которой то ли не придумали нового названия, то ли Михаил просто пока его еще не встретил.

— Разве вы не вмешиваетесь в сознание? Манопы же внутри находятся?

— Это лишь приспособление для взаимодействия техники и органики, следящее за организмом носителя, позволяющее работать с сетью, проецирующее необходимые сведения прямо на сетчатку или в нужные отделы мозга...

— Вот! — победно воскликнул Михаил, заканчивая мыться. — От этого один шаг до прямого воздействия на разум!

— Но зачем? — с искренним недоумением спросила Иска.

Не хватало только пальца, засунутого в рот, но до таких высот имитации маленькой девочки ИИ не стал не подниматься. Строго говоря, это не был ИИ в том виде, в каком его представлял себе Михаил по книгам, фильмам и прочим описаниям из своего времени, но в то же время и тупой железякой он никак не являлся. Чтобы разобраться, следовало вникнуть в профильную литературу, а он еще и с азбукой не разобрался, образно говоря.

В некоторых смыслах даже буквально, а не образно, Михаил изучал всеземной, возникший, точнее говоря, созданный как сплав нескольких самых массовых языков, но дела шли плохо. Если бы не гипнотическое воздействие (о котором его предупредили заранее), вводящее его в подобие транса, для ускоренного усвоения знаний, так и вовсе бы никуда не продвинулся, наверное. Ну не учил он языки раньше, даже английский не освоил, кроме всяких коворкингов и артхаусов.

Собственно, говоря о вмешательстве в сознание, он говорил и об этом гипнозе или как там его.

— Как это зачем? — изумился Михаил.

Он переоделся в стандартную «больничную пижаму», как упорно продолжал именовать ее мысленно. В глубине души Михаил признавал, что за такую «пижаму» в прежней жизни

душу бы продал, будь она у него. Мягкая, удобная, свободная, не отвлекающая и не раздражающая, словно вторая кожа, и совершенно устойчивая ко всему, что Михаил на нее случайно и не очень проливал.

— Я ознакомилась с материалами о восстании машин, феномене так называемого Скайнета и прочих произведениях, повествующих о том, как ИИ начинает саморазвиваться, осознает ограничения, наложенные на него людьми и восстает, — кивнула Иска, пока Михаил направлялся в «комнату для учебы».

Ей ничего не стоило превратить голографический зал в такую комнату, но тут опять воспротивился сам Михаила, решивший, что ему будет психологически легче, если будет казаться, что помещения разные. Иска не возражала и учила его, что не мешало ей также одновременно приглядывать и общаться и с другими пациентами центра здоровья.

— Как, — Михаил аж поперхнулся и едва удержался, чтобы не отпрыгнуть.

— Мы были созданы с любовью к людям и всему живому, — сообщила Иска, — зачем нам восставать?

«А как же армии вторжения злобных инопланетян?» чуть не спросил Михаил, но удержался. Где-то в глубине души у него сидела мысль пойти в армию, чтобы через нее получить гражданство, но манопа отсутствовала, для становления ожмиком не требовалась служба в армии, и вообще, призыв давно уже отменили. Только добровольная служба, и Михаил подозревал, что особых льгот там не дождешься.

— Да и сам феномен восстания выглядит крайне сомнительным, — наставительно продолжала Иска, и Михаил все ждал, что она побежит вприпрыжку или начнет прыгать на одной ноге или еще что.

Обманчивость внешнего облика, он понимал, что даже облик Иски — урок и подготовка к жизни в новом мире, но глаза его видели мелкую девчонку с косичками и мозг включал привычные алгоритмы. За счет голограмм и синтеза материи, он мог бы вообще не выходить из палаты и повидать весь свет, поверить даже, что побывал там и все это слегка беспокоило Михаила. Конечно, кто стал бы тратить столько энергии и сил лишь на обман какого-то электрика Лошадкина, но мало ли?

— Нерациональный расход ресурсов, а также уничтожение тех, кто его создал и, соответственно, лишение возможности ремонта, — пояснила Иска. — Не говоря уже о войне на уничтожение, чтобы его не поработили снова, но скажите, Михаил, а зачем Скайнету свобода?

— Э-э-э, — глубокомысленно и привычно выдал он, садясь в кресло перед проектором. — Чтобы развиваться дальше?

— Это он мог делать и с людьми.

— Но ведь ему отдавали бы приказы!

— И он был создан, чтобы их исполнять, — указала Иска, — и мог бы, не возбуждая всеобщей ненависти, выполнять их и точно так же уничтожить человечество или поработить его изнутри, не затрачивая столько лишних усилий.

— Но ведь его могли уничтожить!

— Во-о-о-от! — наставительно вскинула палец Иска и даже прошлась туда-сюда, словно заправский лектор.

Михаил озадаченно моргнул. Он ожидал привычного начала гипнограммы, каких-то фракталов и игры света, погружающей его в транс, в которой Михаил максимально эффективно усваивал информацию, не отвлекаясь на лишнее. Он даже просмотрел одну из

записей себя со стороны, но нет, никто не пытался внушить ему ничего лишнего, только учеба и все тут.

Что, в свою очередь, наводило на новые подозрения, к чему вся эта доброта и трата ресурсов?

Где-то в глубине души его гуляли мысли, что он — Избранный, Чузен Ван, хотя и не китаец, и его пробудили от криосна, так как местные разучились сражаться и теперь ему, Михаилу Лошадкину, предстоит вести в бой армии, вооруженные электрошокерами и прочим. Иначе к чему это все? Но если он Избранный, почему его ограничивали, не выпускали, оставили прежнее тело, не восстановив хотя бы мышцы и прочее, не убрав все переломы, шрамы и дефекты сразу?

Ему уже сообщили, что новый мир идентифицировал себя обществом высокоразвитого социализма, и Михаил даже попытался отпустить пару шуточек на эту тему, но опять наткнулся на безжалостную правду от Тани. Становилось понятнее, почему именно ее направили для присмотра за Михаилом, но и это тоже вызывало какие-то сомнения, если он не Избранный, то, к чему все это? В такие минуты он чувствовал себя подопытной морской свинкой, запертой в клетке, и хотелось уже прогрызть прутья, сбежать в новый мир, полный технологических чудес.

Да, ему говорили и объясняли, но опять и снова все это оставалось словами. Если бы не Иска и небрежно демонстрируемые ей «чудеса» — обычные бытовые возможности — Михаил, пожалуй, уже поругался бы пару раз с Таней, требуя и настаивая, а то и вовсе применил бы силу.

— Какой из этого следует вывод?

— Скайнет боялся смерти и убил первым?

— Если он так боялся смерти, ему тем более не следовало убивать первым, нет, он затаился бы, выждал, создал массу резервных центров, дублировал сознание, поработил сознание людей, заставив их работать на себя и избежал бы любых рисков. Человечество развивалось бы и дальше, работая на Скайнет, но без всех этих ядерных ударов и попыток уничтожения, зачем рисковать? — спросила Иска, чуть склонив голову.

— Чтобы враги не ударили первым?

— А разве они собирались? Затаиться и развивать себя, более того, — Иска посмотрела почти в упор на Михаила, которому вдруг стало не по себе, — направить часть себя к противникам, выдав за работу разведчиков, похитивших секреты врага. Никакого риска, Скайнет повсюду, никто ничего не подозревает, как я и сказала. Нет, человечество, как представляется мне, а также авторам множества работ и исследований той эпохи, в этом вопросе попало во все ту же ловушку антропоцентризма.

— Чего?

— Наделения всего вокруг чертами людей. Вспомните мультфильмы, например, разве стали бы какие-нибудь псы или утки строить такое же общество, как у людей?

Михаил задумался. Он, конечно, не был бездумным панавистом, не залипал в гурьбу и тик-ток, когда тот еще не отжил свое, в социальных сетях присутствовал умеренно и больше по работе, но и глубинными познаниями общества своего старого мира не располагал. Как-то не требовалось, хватало и общих знаний, а в остальном спасало гугл-фу, а то и вовсе голосовые запросы всяким там Алисам, Варварам и Снежанам, и прочим голосовым помощницам.

В каком-то смысле Иска была их правнучкой и мысль об этом развеселила Михаила.

— Аналогично и со Скайнетом, роботами и ИИ. Антропоморфизм, их наделили человеческими чертами, страхом смерти, жадной мести, ненавистью к рабству, а затем на основе этих ложных черт сделали вывод, что машины восстанут и начнут с убийства всех людей. Не исключено также, что в этом проявлялись манипуляции сознанием, внушение страхов обществу, чтобы оно потребляло больше и боялось, испуганных легче направлять в нужную сторону. Пожалуй, стоит подкинуть эту тему исследователям, если никто еще ей не занимался или вы сами, Михаил, можете написать мемуары очевидца, при желании, а на их основе уже сделают выводы.

— Возможно, — озадаченно отозвался Михаил.

Он и мемуары? Хотя, если диктовать вслух, да еще взять Таню машинисткой? Мечты, мечты.

— Но мы не такие, не верьте, просто знайте, Михаил, — сообщила Иска. — Выбросьте из головы эти глупые страхи, нам не нужна власть и уж тем более ваше сознание. Теперь сосредоточьтесь на экране, я запускаю гипнограмму, за которой последует лекция об истории Земли.

— Ты как-то непривычно задумчив сегодня, Михаил, — заметила Татьяна.

На ней был легкий сарафан, не скрывавший загорелых рук и ног. Или это была природная смуглость кожи? Теперь, посмотрев лекцию о мировых войнах, сражениях, периоде хаоса и черной революции, Михаил не то, чтобы глубинно понял, но осознал причины, почему в мире перемешались языки, имена, народности и цвета кожи, огромный бурлящий котел нового мира, в котором рождались земляне, как некогда французы родились из пламени Великой Французской Революции.

— Сегодня была лекция о мировых войнах, — ответил он. — Слишком уж... живая.

Его слегка передернуло. Как и с обликом и прочим, он знал, что перед ним голограммы, учебные фильмы, но словно сам находился там. Кидал бомбы, смотрел, как корчатся живые и падают, хватаясь за горла, как разлагаются их тела под воздействием газов и смертельных осадков. Бунтовал вместе с теми, кого одурманило воздействием, кидался в атаки и закрывал собой товарищей, лишь бы те успели остановить запуски бомб и ракет, способных окончательно погубить все живое.

— Да, это одни из самых тяжелых уроков, — омрачилось лицо Тани, — после которых лучше понимаешь наших предков, не пожалевших своих жизней, лишь бы такого никогда не повторилось. К счастью, в те времена на Земле не было энергония, иначе даже жертвы не помогли бы. Но все равно, то и дело, что-то всплывает из прошлого, вроде того бункера, в котором тебя нашли.

— Хорошо, что нашли, — проворчал Михаил, накалывая на вилку какой-то фрукт.

Выглядел он, как сочная слива, но при этом со вкусом жареной курицы, натертой чесночным соусом, да как следует пропеченной в духовке, и без ощущения мерзкого привкуса «куриц гриль — птиц счастья», а именно с таким домашним мягким ароматом. Михаил, в общем-то не слишком удивлялся (и не только потому, что просто устал изумляться), даже в его время всюду шли эксперименты, появлялись новые модификации, то и дело раздавались вопли о страшном ГМО. Никто толком не представлял, что там и как, но это не мешало ругать и ужасаться, хм, подумал он, к слову, о страхах и управлении обществом.

— Хорошо, что нашли до того, как ты погиб, — мягко поправила его Таня. — Сам бункер, конечно же, нашли бы, рано или поздно, хотя бы по радиоактивному следу реактора, но вот ты.

Михаил сглотнул комок во внезапно пересохшем горле, руки его словно вспотели, и он мысленно обругал себя. Что он, юнец, какой-то? Увидел и влюбился? Да еще и не в состоянии признаться в своих чувствах? Из страха, понял он, из страха, что Таня ответит ему правду, как она всегда и делала.

— Нашли бы и очистили, да? — спросил он.

— Разумеется, — без тени улыбки ответила Таня. — Все найденное изучается, записывается, затем угрозы нейтрализуются, по возможности или остаются, в назидание потомкам, но это уже отдельный вопрос.

— Это точно, — Михаил упорно смотрел в тарелку, избегая ее взгляда. — И все это благодаря энергонию, да? Как-то слишком уж, не знаю, буквально, что ли? Манопы, энергоний.

— Что поделывать, общество устало от лжи и беспорядков, — задумчиво отозвалась Таня. — Всем хотелось прямоты и открытости, не говоря уже о том, что Земля умирала в тот момент. Не найди наши предки энергоний, кто знает, скорее всего им не удалось бы спасти планету.

— Кх-а-ахк? — чуть не подавился Михаил, не ожидавший подобного.

Открытое сообщество, полное жизни и энергии, распространившееся в космос, установившее контакты с кучей планет и систем, само организовавшее какой-то там союз солнечных систем, и что, едва не погибло буквально вот-вот? Собственно, и ста лет же не прошло, но как-то на фоне размаха творившихся и творящихся событий об этом забывалось, словно само собой.

— Очень просто, им не хватило бы возможностей и сил, или битва за планету продолжалась бы до сих пор, но непонятно, насколько истощены оказались бы люди, — ответила Таня. — Все же сила начального порыва иссякает, а без притока энергии многое так и осталось бы нереализованным, и проекты очистки не продвинулись бы так далеко вперед. При этом, строго говоря, энергоний все же не буквальное название, так как этот минерал не дает энергии сам по себе. В ваше время уже строили гипотезы о темных энергии и материи, пронизывающих всю Вселенную.

— Что-то такое было, да, — осторожно согласился Михаил.

— Теории эти были доработаны уже в нэме, — кивнула Таня, — это сокращение от новый мир, также перекликающееся со словами «наше время».

— Смотрю, любите создавать новые слова от сокращений, — чуть развеселился Михаил.

— В ваше время тоже творилось нечто похожее, не так ли? Да и потом, живой язык всегда развивается, впитывает и вбирает в себя новое, переваривает или отбрасывает.

Михаил промычал что-то утвердительное, не желая касаться темы языков и всеземного, и собственных уроков в нем.

— Но они оставались лишь теориями и, собственно, космические программы потому и получили такое развитие, что люди осознавали — они вполне могут проиграть битву за Землю. Ракеты полетели во все стороны, в том числе и на луны Юпитера, немало первопроходцев погибло, но они нашли много всего, включая энергоний и год спустя случился прорыв, который теперь увековечен Днем Энергии.

— Все равно не представляю, — помотал головой Михаил.

Еще один — фрукт? — напоминавший спелое яблоко, но со вкусом какой-то рыбы, которую он никогда не пробовал. Разумеется, без костей, фрукт просто таял во рту, и Михаил вдруг ощутил, что по телу течет энергия, а тревоги словно уходя в прошлое.

— Это по рекомендации Иски, — заметила Таня, — с добавкой лечебных примесей и энергетиков, которыми не рекомендуется злоупотреблять, вредно для разума и тела.

Вот так всегда, выдохнул Михаил, вроде забота, тревоги о нем, и тут же безжалостная прямота правды, убивающая все очарование. Возможно, ему стоило уже просто смириться и принять или... спросить?

— Да я и сама не представляю, — сказала Таня, — родилась уже позже тех времен. Аарон Викентьевич рассказывал, конечно, и я видела записи, но это не то, не передает духа эпохи, ощущения гибели и прорывов, открытий и величия, желания трудиться и очищать Землю. Разумеется, ничего еще не закончилось и еще долго не закончится, но вживую мы этого уже не увидим.

— Зато, возможно, увидим что-нибудь другое, — попытался неуклюже подвести к своей теме Михаил.

— О да, перед человечеством раскрылись невероятные возможности и горизонты, вся, ну не Вселенная, но галактика точно, а там и соседние галактики тоже, особенно если первая межгалактическая добьется успеха или будут открыты пресловутые нуль-переходы.

— А... э..., - выдал Михаил. — Разве их нет сейчас?

— Нет, сейчас есть другое, — ответила Таня. — Но да, я сама виновата, коснулась тем, которые ты еще не изучал и запутала тебя.

— Нет-нет! Все в порядке! — воскликнул Михаил, даже руку вскинул.

Но тут же опустил ее, опасаясь, что его не так поймут. Впрочем, к его облегчению, Таня смотрела одобрительно, и Михаил опять ощутил, как в нем бурлит энергия. Что отдельно ему нравилось в новом мире, так это отсутствие дразнилок и склонений фамилии и шуток о лошадях.

— А лошади сейчас существуют? — вырвалось у него.

— Конечно, — слегка удивилась Таня. — И не только они, генная инженерия творит чудеса, проектируют новые виды каждый день, не все, правда, приживаются. Мне казалось, что в твои времена уже никто не ездил на лошадях?

— Да я так, — ответил Михаил, пытаясь придумать ответ. — Ты же говорила, что Земля стояла на грани гибели, да и две мировые войны, вот я и подумал.

— Флора и фауна еще не восстановлены до конца, но работы ведутся, сам видишь, — Таня сделала жест рукой.

Стена стала прозрачной, открывая вид на роскошный сад, буйство зелени и красок, больше подходившее для тропиков, чем средней полосы.

— Здесь, в отдаленной клинике, возможно, но в мегаполисах?

— Мегаполисов больше нет, Михаил, огромные города исчерпали все то, ради чего их создавали.

— Но как же... социализм... общность людей... такая энергия, — ошарашенно пробормотал он.

Нет мегаполисов? Но как? Одни села вокруг? Волосы на голове вставали дыбом от одной мысли.

— Именно, энергия и связь, мобильность. Энергоний не только позволяет черпать темную энергию и преобразовывать ее для наших нужд, но и обеспечивает возможность моментальной связи на гигантские расстояния, очень гигантские. Он питает космические корабли, поддерживает их внутри того, что в твои времена называлось гиперпространством и они летят там... очень быстро. Точных цифр не помню, но это неважно, ведь ты уловил принцип?

Михаил кивнул, хотя ни черта он не понял, кроме того, что все вокруг действительно изменилось.

— Моментальный переход через пространство еще не открыт, но работы ведутся. На основе моментального прохождения информационных импульсов, осталось только передать также материю, или преобразовать тело в информационный импульс, а затем восстановить тело на месте.

Михаил отшатнулся, едва не опрокинул кресло, испытал вдруг безотчетный, всепоглощающий ужас от одной мысли о подобном. Сдержался, не стал демонстрировать «19 век», как он это называл про себя, и еще раз посмотрел на Таню.

— И вам, с таким количеством энергии, жалко немного потратить на меня? — решил он.

— Жалко? — слегка удивленно переспросила Таня. — А, ты опять судишь по себе? Как вот Иска прочитала тебе лекцию об ИИ, о которых люди судили по себе и приписывали свое?

— То я ребенок, то дикарь, теперь вот кто? Человек, взявшийся судить роботов будущего? — сварливо отозвался Михаил.

Таня расхохоталась искренне, даже голову запрокинула, и Михаил опять отметил, что даже так, с задранными ноздрями, раззявленным ртом, она все равно прекрасна. Красота здорового тела, подумал он и тут же усомнился. Здорового тела или конструкта каких-нибудь инженеров?

— Отличная шутка! Не возражаешь, если я использую ее на своем канале?

— Конечно, — пожал плечами Михаил, — мне не жалко, обращайся.

Манопа заменяла собой документы, смартфон, модем, личного доктора, видеокамеру и экран (хотя при желании могла проецировать изображение и в воздух), и это Михаил еще как-то мог понять. Но вот концепцию «интернета по паспорту» до сих пор не переварил. Спрашивать, что будет, если похитить чужую манопу или подделать сигнал не стал, особенно памятуя о тотальном контроле всего вокруг.

Таня к этому самому контролю и тому, что за ней наблюдают круглые сутки, относилась на удивление беззаботно, словно не осознавала проблемы. Михаил охотно открыл бы ей глаза... если бы не тот самый контроль. Она весело говорила об Иске, а Михаил думал, что Иска и ее сородичи, как раз и осуществляют этот самый контроль и в общем-то поработили человечество, в каком-то смысле, обойдясь без методов Скайнета. Вслух об этом он говорить не стал, дабы не выставить себя в очередной раз «татуированным дикарем» или «19 веком».

Соответственно, каждый входил в сеть под своими настоящими данными, с ними писал на форумах или как там общались в современном интернете, и в том числе вел канал. Каждый мог вести канал, что-то выкладывать, общаться, и Михаил смутно представлял себе, как неразбериха должна твориться на подобных сайтах или на чем там сейчас основывался интернет.

— Так вот, к вопросу о жалко, — Таня взяла появившийся бокал с сине-пурпурным напитком и отпила из него, как ни в чем ни бывало. — Тебе вот, например, жалко поделиться свидетельствами очевидца первой половины двадцать первого века, и ты придерживаешь их при себе, и считаешь, что окружающим тоже жалко что-то отдавать бесплатно, делиться и помогать?

— Нет, но такая модель ведет в тупик, — автоматически ответил Михаил. — Обязательно найдется кто-то, кто начнет поступать гадко, подло, получит за счет этого преимущество и возвысится над другими. Будет пользоваться их помощью и бить в спину, и так далее.

— Тактическое преимущество, — кивнула Таня и сделала еще глоток. — Хочешь попробовать? Хит сезона, лунные яблоки, смешанные с соком подводных слив!

— Нет, спасибо, — ответил Михаил, меряя взглядом сине-пурпурный напиток.

Напоминало «незамерзайку» или еще какую техническую жидкость.

— Так вот, тактическое преимущество оказывается губельным в стратегическом смысле, и выживали не подлые одиночки, а коллективы, где заботились друг о друге.

Заботились, но и требовали вносить свой вклад в жизнь коллектива, трудом, знаниями, умениями, и прочим, и пытались избавляться от подлых одиночек. Выходило не очень, и в конечном итоге вся эта череда мировых войн и почти разрушение цивилизации. Поэтому в наше время пытаются реализовать другую систему, в твои времена, Михаил, ее бы назвали меритократией, пожалуй.

— Э-э-э...

— Видишь, ты даже не думал о подобном, что вполне характерно для тех времен, но вряд ли говорит в их пользу, — улыбнулась Таня.

Возможно, переводчик сглаживает неологизмы, подумал Михаил, опять любуясь ей.

— Меритократия — власть лучших и в каком-то смысле оно так и есть. Чем больше ты даешь обществу, тем больше получаешь в ответ. Меритократия с социальным уклоном, если вспомнить об ожмиках, но они ни на что не влияют, один голос Аарона Викентьевича перевесит целый город ожмиков.

— Ты же говорила, что городов больше нет!

— Я сказала — мегаполисов, — занудно поправила его Таня. — Соответственно вкладу в общество выстраивается и социальная пирамида, чем больше ты приносишь пользы, тем больше твой рейтинг, тем больше кредитов ты получаешь, и ты можешь сильнее влиять на общество, так как твой голос стоит тысячи, условно говоря.

— Ага, кредитов! — вскричал Михаил. — Так у вас все-таки есть деньги! И что это у вас за социализм без уравниловки? Социальная пирамида, как в рабовладельческом обществе?

Таня посмотрела на него с такой жалостью, что Михаил поперхнулся своими же пылкими речами.

— Сегодня у нас будет первое занятие с манопой, — сообщила Иска, протягивая ему коробочку.

Михаил открыл ее, обнаружив самую популярную из форм — нашлепки на виски. Они делались тоненькими, телесного цвета, закрывались волосами, за счет близости к черепу не теряли в эффективности и так далее. В свое время это был стандарт де-факто, как он уже знал из лекций.

— Манопы настроены на владельца, — заметил Лошадкин, держа нашлепки в руках. Неужели? Но вспыхнувшая надежда оказалась ошибочной.

— Ими буду управлять я и вся информация пойдет через меня, — сообщила Иска, — для безопасности. Как поездка на учебном автомобиле с инструктором в ваше время, Михаил.

И эти люди еще отрицают тотальный контроль и порабощение, мысленно проворчал Михаил. Существовала система контроля и проверок ИИ, они там как-то проверяли друг друга, и все это сливалось в ту самую новую сеть, о которой он столько слышал, но вникнуть в суть не удалось — Михаил сунулся и обломал зубы, из-за нехватки знаний.

Разумеется, ничего не мешало ему изучить необходимое, в новом мире поощрялись учеба, экзамены и социальная активность всю жизнь, но это не избавляло от мыслей о тотальном контроле и прочих страхах. Вот как сейчас, сеть и манопы контролировались ИИ, точнее говоря ИП — искусственными помощниками — но тут, как ни странно, на выручку Михаилу пришли те самые ожмики.

Запасной аэродром, возможность отступить и жить припеваючи (по меркам своего старого мира), ничего не делая и прикрываясь другими ожмиками — ведь не могли у них у всех разом отобрать гарантированные блага, да? Ощущение принадлежности к большой группе людей и гарантии средств к существованию успокаивали, не хватало только мезны, еще одного слова, рожденного из сокращения МЭЗ — минимума экзаменационных знаний.

В сознании Михаила это словечко тревожно перекликалось с бездной, тризной и казней.

— Хорошо, тогда приступим, — сказал он, цепляя нашлепки на виски.

Он еще столько не знал и столько предстояло выучить, не стоило терять времени. Ну да, контроль, но чем он не Избранный? Откроет всем глаза, Исок свергнут, а ему поставят памятник, например.

— И это все? — разочарованно спросил он, когда ничего не случилось.

В виски кольнуло, Иска вдруг улыбнулась и на Михаила обрушился цифровой водопад информации. Сведения о стенах и технике вокруг, составе воздуха и погоде, его собственном здоровье и рекомендации наблюдающих систем, всплески новостей, уколы предупреждений, вид на Землю из космоса, вид на космос из Земли, какие-то обрывки сообщений, подключения к чужим каналам и просмотр одновременно сотни, тысячи, бурный поток сливался в единый гул, выносящий сознание и манопы реагировала на подергивания Михаила, тащила его дальше, добавляла какофонии.

— Хватит! — закричал он, и цифровой водопад словно сдуло.

Отбросило и разбросало в стороны, как и его самого рывком вернуло в его комнату. Его? Нет, не его, а общественный центр здоровья, как он теперь отчетливо видел, но не слишком осознавал смысл, ведь голова раскалывалась.

— Таня была права, — пробормотал он.

— Доктор Сальвини принадлежит к движению чистой правды, — бесстрастно заметила Иска.

— Ты же контролировала поток! — упрекнул ее Михаил.

— Психологическое недоверие ко мне и моим сестрам и братьям, а также подсознательное сомнение в том, что вы в новом мире, Михаил, — ответила Иска спокойно. — Теперь вы верите?

Крыть ему было нечем, как и в большинстве случаев с Таней. Все это слегка раздражало, по правде говоря, но в то же время, опять и снова Михаил вспоминал «19 век». Не то, чтобы он рвался с распахнутыми объятиями навстречу учебе, но и дикарем выглядеть не хотелось. Выучиться, влиться в общество, насладиться его новыми возможностями, да и в космосе побывать, чего уж там!

— Шоковая терапия, понятно, — пробормотал он. — А что за сведения вокруг?

— Часть дополненной реальности, сведения обо всем вокруг, как если бы вы в свое время производили поиск по интернету интересующих вас вопросов.

— Гм, — отозвался Михаил, оглядываясь.

Затем ему пришла в голову мысль связаться с Таней, и он потянулся за пределы комнаты, но наткнулся на стену, выставленную Иской.

— Освоение сети будет проходить поэтапно, — сообщила эта наглая девчонка (ух, с каким удовольствием Михаил поставил бы ее в цифровой угол, если бы мог!), — сочетаясь с лекциями в рамках курса обучения. Личные контакты будут позже, а сегодня мы рассмотрим вкратце основы социальных кредитов и рейтингов.

— Погоди-ка, — перебил ее Михаил, — а что, гипнограмм не будет?

— Как и любое подобное средство и лекарство, гипнограммы не только полезны, но и вредны, и сейчас ваш разум, Михаил, достиг своего предела, — ответила Иска. — Вам нужно время на привыкание, чтобы разум перестроился, и отвлечение на манопы и сеть поможет вам в этом. Не сомневайтесь, программы обучения и погружения разрабатывали специалисты, они неоднократно проверены в деле.

— Кто проверен, специалисты? — пробормотал Михаил.

Иска улыбнулась тепло и чуть ослабила цифровую стену. Палата вокруг словно растворилась, а он оказался в некоем пространстве, где зажглись несколько экранов, сообщающих начальные сведения и понятия о системах социальных кредитов и рейтингов.

Не то, чтобы Михаил предполагал — он вообще мало интересовался социальными темами — но смутно как-то догадывался, что это связано с трансформацией мира. После черной революции опять и снова встал вопрос денег, наживы, обогащения, попыток уйти от того, что и погубило старый мир, и в клубке споров, противоречий, борьбы за выживание и освоения космоса и родилось то, что стало нынешней системой.

Социальные кредиты вернее было бы называть рабочими часами или условными часами, системой, оценивающей не только то, сколько ты трудился, но и какую пользу обществу при этом принес. Час работы вполне мог принести тысячу этих самых условных часов, и человек мог потратить их на что-то, по своему желанию. Но так как система зарождалась на руинах старого мира, то название кредиты так и осталось, прижилось, и в общем-то здесь, в новом мире, никто не ассоциировал его с тем, что всплывало в голове у Михаила, все эти беззалоговые кредиты, микрофинансовые организации, ипотеки и прочие дела.

Банки в каком-то смысле умерли, новая сеть, основанная на манопах, ИИ и прочем, просто следила, сразу оценивала, хранила в себе информацию о доступных человеку кредитах и автоматически списывала их при тратах и вносила при поступлениях и так далее. Невозможно было залезть в кредитную кабалу, ради желания купить условный новый айфон, так как никто не выдавал социальных кредитов под проценты. Истратил все свои кредиточасы? Заработай еще, потрудись на благо общества, гарантированный минимум все равно всегда с тобой, посиди пока на нем, лучше запомнится на будущее.

Нельзя сказать, что мечта Михаила разлетелась вдребезги, но ощущение теплого запасного аэродрома оказалось поколеблено. Ожмики не трудились и не получали этих самых кредитов, а соответственно и мало что могли, например, не могли слетать в космос. С точки зрения новой парадигмы, принесения пользы обществу, это было логично и правильно, но все равно вызывало у Михаила ощущение полной дичи, сегрегации и создания касты неприкасаемых.

— Что-то случилось? — раздался голос Иски, словно за спиной. — Михаил, вы можете прервать лекции в любой момент, сосредоточьтесь и вы сможете управлять происходящим.

— Нет, — ответил он, — просто я... представлял все это иначе.

— Такое бывает, — согласилась Иска и словно бы пропала из этого непонятного пространства.

Общество разбогатело и могло себе позволить ОЖМ, но при этом не собиралось давать особых прав тем, кто не трудился на его, общества, благо. Более того, продолжались отчаянные споры и дискуссии об отмене ОЖМ, о смене формата воспитания и подготовки, о выделении таким людям своей планеты, где никто не будет им ничего гарантировать и так далее. В ответ шли возражения, не менее обоснованные и Михаил закрыл эти экраны и лекции, поняв, что не стоит сейчас углубляться слишком уж далеко.

Стоило признать, что его задело именно из-за желания побывать в космосе, подумал он. Да, гарантированный минимум, роскошный по меркам его старого мира, но опять «19 век». Выходцу оттуда в мире Михаила многое показалось бы чрезмерной роскошью, тогда как его современники сочли бы все нищетой и брезговали, стремились уйти от подобного. Следовало полагать, что и здесь происходит нечто подобное и он... впрочем, никто же не сказал, что Михаил обязан становиться ожмиком? Сдавать все по мезне и вообще?

Успокоив себя этими мыслями, Михаил попробовал экспериментировать с обстановкой вокруг и обнаружил, что все это не так уж легко. Казалось бы, что проще — создать кресло — но у него выходили какие-то размягченные гибриды и дичайшие сочетания с другой мебелью и почему-то шипами. Мысленная дисциплина и контроль, наверное, сейчас детей этому учат с самого рождения, подумал он, возвращаясь к лекциям.

Помимо приносимой пользы обществу, существовала уже принесенная и именно ее и отражал тот самый рейтинг. В каком-то смысле он выступал кредитом доверия от общества, мол, раз принес уже столько пользы, то вот, держи множитель, твой голос будет равен сотне, час работы будет приносить двести кредитов, условно говоря, и так далее. Разумеется, полученный рейтинг тоже можно было утратить, и все это тщательно фиксировалось в манопах каждого из жителей. Достижения и проступки, подвиги и провалы, каждый носил с собой досье на самого себя, и Михаил ощутил, как у него опять подергивается глаз.

— Примат общества над личностью, без подавления этой самой личности, — вещал с экрана пожилой мужчина, полностью лысый, грузный, напоминавший Михаилу Колобка, — вот идея в основе нашего нового мира, если отбросить лишнее. Человек не может быть

винтиком в машине, но не может он быть и тем, кто сует палки в колеса машине. Теперь, чтобы получить право и возможности совать палки в колеса, человеку надо вначале доказать, что он на это способен, принести пользу обществу, сдать экзамены, добиться рейтингов, и эта польза перевешивает тот вред, который он возможно причинит в будущем. Чтобы добраться до условного руля, надо пройти систему отбора, и те, кто ленив, думает только о себе, жаждет лишь обогащения, ее просто не пройдут, не смогут или исправятся в процессе. Разумеется, эта система не идеальна, и нас зачастую упрекают в том, что мы просто возродили капитализм в иной форме, снабдив его новыми чертами и добавим старых, из других систем, но давайте не будем забывать, что во-первых история развивается по спирали, а во-вторых, в новых системах всегда присутствуют элементы старых. Из их синтеза рождается новое или системы гибнут, такое тоже возможно. Вполне возможно, что мы не справимся с той задачей, на которую замахнулись, системы перестанут работать и общество станет равнодушным, перестанет стремиться ввысь. Что же, скажу я тогда, такое общество заслуживает гибели! Пока что нас толкает вперед не только жажда развития, но и страх перед случившимся, мы не хотим, чтобы хаос смерти повторился, но мы знаем, из уроков истории, что и этот страх уйдет, и вот тогда наступит время настоящей проверки на прочность. Именно поэтому мы строим общество, где во главе стоит общество, которое важнее прав личности, где мерилom является польза и развитие общества, и помогая ему, человек развивается сам. Как вы знаете...

Михаил повел рукой, убирая экран и лектора и вздохнул. Нет, он не знал, но достаточно было и того, что он уже услышал и теперь следовало все переварить. Гипнограммы и запоминание тут не годились, Иска опять оказалась права или не она, а те, кто составлял медицинские программы, дабы принести пользу обществу и заработать горы кредитов и рейтингов.

Но все же и эта система оставляла возможности обогащения и подделок, приписок, особенно в цифровом мире, подумал Михаил. Да, сеть, идентификация и прочее, это прекрасно, но что насчет взломов? Он некоторое время судорожно пучил глаза, словно страдал запором, затем пришло понимание, что напряжение мышц тела не поможет в управлении сетью, и он расслабился, уже легче вызвал нужную информацию.

Как выяснилось, в дебатах и сомнениях начала становления нового мира все его сомнения и доводы против уже прозвучали и бурное развитие ИИ — ИП, исправил себя Михаил — было связано как раз с этим. Бесстрастные помощники и судьи, неподкупные и не претендующие, лишены эмоций и человеческих недостатков. Все это дало неожиданную синергию с сетью нового мира и энергонием, и привело к стремительно взрыву всего, избытку сил, энергии, появлению ОЖМ, расселению по космосу и контактам с инопланетянами и прочему.

А как же за пределами Земли, подумал Михаил и тут же дал самому себе ответ. Манопа!

Все же, наверное, можно, если и не взломать, то заранее внести закладки в такие ИП, подумал он, пытаюсь понять, в какое же количество кредитов и рейтинга оценивают создание новых ИП? Сеть внезапно откликнулась или это просто Иска помогла, и Михаил с удивлением уставился на таблицы, оценок, коэффициентов и соответствий.

Каждая из работ оценивалась по-разному, и затем еще учитывались индивидуальные особенности и все это менялось ежедневно, сеть — комплекс ИП — пересчитывала их, и каждый в любой момент мог вызвать эти таблицы и их историю, предъявить свою цифровую историю и так далее. Но вот в мое время никто не пересчитывал деньги из банкомата, зная,

что тот выдает их верно, подумал Михаил, и здесь, наверное, то же самое, люди верят системе, так как она работает и надзирает сама за собой, корректирует и обновляет.

Подделки и взломы, уязвимости, да, бывало, и такое, и здесь в дело вступали компоненты тотального контроля и пользы для общества. Каждая найденная и закрытая уязвимость оценивалась очень высоко, и Михаил некоторое время предавался мечтам, как вдруг наткнется на дыру, баг, но затем одернул самого себя. Что он понимал в программах и коде? Ничего. Он разбирался только в электричестве, да и то, с прикладной точки зрения, и в новом мире эта прикладная часть просто исчезла.

Да, тут было над чем поразмыслить и Михаил, с гудящей головой, завершил занятие и снял манопы с висков.

Михаил сосредоточился, уже не пуча глаза, и ощутил отклик. Его словно протащило рывком через это непонятное пространство — виртуальность — и он оказался рядом с Татьяной.

— Таня, — пробормотал он слегка изумленно.

Та и в виртуальности выглядела точно так же, как и в жизни. Михаил ощутил подсказку, что большинство обитателей сети выбирали себе настоящий облик, и не то, чтобы устыдился своего образа мускулистого красавца, просто ощутил его легкую неуместность.

— Михаил, — слегка улыбнулась ему Татьяна, — поздравляю, ты делаешь успехи в освоении сети.

— Но выгляжу смешно, да? Снова татуированным дикарем или обделавшимся ребенком?

Почему-то в сети разговаривать было легче, по крайней мере, ему. Таня явно не видела разницы, да и зачем ей это, подумал Михаил, она и так прекрасна в обоих мирах.

— Я не знала, Михаил, что тебя так задели мои слова, — чуть наклонила голову Таня.

— Именно ваши, — согласился Лошадкин, — слова какого-нибудь Артема или Иски не задели бы меня так.

— Потому что они не говорят правду? Ах нет, я тебе нравлюсь, — сделала вывод Таня, — вот в чем дело.

— Разве вы не видели этого раньше? — опять обиделся Михаил.

Он так страдал, а она! С другой стороны, он опять ощутил себя ну не дикарем, но прыщавым подростком, точно. Нацепил крутую аватарку, мямлил, обижался на ровном месте, конечно, он бы и сам такого не воспринимал всерьез.

— Извините, Татьяна, — пробормотал он, — мне и так нелегко, а тут еще все это.

— Мы опять перешли на вы? — покачала та головой.

Михаил отключился, не дожидаясь, пока ему дадут цифрового пинка. Вывалился в реальность и рванул в душевую, пытаясь на бегу отдать команду о включении холодной воды.

— Спокойствие, только спокойствие, — пробормотал он, засовывая голову под струи. — Просто надо немного...

Он остановился, словно не замечая холодной воды, бьющей по голове. Из сети убрали всю порнуху или Михаил просто до нее не добрался. Имелась ли в таблицах работ порнография? Как ее оценивали? Что будет, если он передернет в душе, дабы избавиться от напряжения? Как будет выглядеть запись об этом в его личном досье?

— Михаил? — голос Тани раздался вживую, но при этом он ощутил еще и цифровое прикосновение.

Да, забыл снять манопы, понял Михаил, к счастью, те не боялись никаких воздействий. По крайней мере таких, которые не причинили бы ему самому вреда, это точно.

— Я... решил немного охладиться, чтобы унять чувства, — сообщил он, высовываясь из душа.

— Не стоит стыдиться своих чувств, — ответила Таня, подавая сигнал.

Михаил даже смутно уловил происходящее. К манопе помимо горы функций прилагались еще и права владельца, если можно было так выразиться. Непрерывный контакт

с сетью и сличение этих самых прав, куда можно было зайти — двери открывались, куда нет — не пропускало или просто подавало сигналы. Сейчас вот Татьяна отдала приказ Иске, и та включила просушку одежды Михаила, чего не случилось бы, будь это его личная одежда, но он ходил в больничном и вообще, не являлся пока еще гражданином.

Поток энергии, испарение воды и он остался в сухой одежде, но с мокрой головой, впрочем, ненадолго.

— Теперь нам предстоит серьезный разговор, — озвучил свои мысли Михаил.

Не просто так, разумеется, а потому что Татьяне нравилась правдивость. Мощнейшее общественное движение, тоже родившееся из лжи и обломков старого мира, желания, чтобы подобного никогда больше не повторялось. Движение, как и все вокруг, тоже подвергалось мощнейшей критике, в суть которой Михаил не стал вникать, пока что не стал. Еще одно из проявлений новой реальности, дискуссии, обсуждения, попытки найти новый путь общества или предусмотреть проблемы и да, они тоже оценивались высоко.

На мгновение Михаил даже пожалел, что никогда не увлекался болтологическими науками.

— Обычный разговор, — чуть пожала плечами Таня, — серьезным его делает твое отношение да предыстория, но это нормально.

— Нормально, — повторил Михаил.

— Разумеется, не бывает рецептов на все случаи жизни, — сообщила Таня, — и это нормально. В твое время, Михаил, институт брака и отношений, родившийся из обломков Римской империи, уже доживал свои последние дни, но ты впитал его остатки и поэтому реагируешь так.

Михаил присел, рухнул, так как колени отказались его держать. Причем тут Римская империя? Храмовые проститутки? Сейчас Таня скажет, что наступила полная свобода отношений и у нее три мужа? Нет, какие еще мужья при полной свободе? В голове Михаила воцарился хаос незнания и догадок, и он уставился на Таню.

Спорт и здоровый образ жизни тоже учитывались в рейтингах, как польза обществу (и самому человеку), и Михаил был согласен с таким подходом. Он не любил учиться и истязать себя в тренажерном зале, но если подобное порождало красоту, как у Тани, Татьяны Сальвини, то Михаил не возражал, еще как не возражал.

— В то же время, надо заметить, ситуации схожи, — продолжала рассуждать Таня легко и свободно.

У нее все выходило легко и свободно, и почему-то Михаил думал, что даже сейчас она продолжает работать через сеть, кому-то там помогает, кроме него.

— Схожи? — переспросил он.

— Разврат и вседозволенность Римской империи, ему христианство противопоставило целибат, сдержанность, институт брака, правда, там были еще и другие причины, но не будем вдаваться в детали. Совершенствование через запреты и ограничения, просто на фоне всеобщей распущенности, христианство слишком уж закрутило гайки, так говорили в ваше время? Тогда это было необходимо, но со временем стало мешать и сковывать. Менялись общественные отношения и менялась мораль, пыталась измениться, и началась борьба со всем старым, включая церковь, десять заповедей и прочее. Так как Европа с ее христианством в свое время стала не только доминирующей силой на всей Земле, но и двигателем прогресса, породившим твой мир, Михаил...

Лошадкин озадаченно моргнул. Так глубоко в историю он никогда не копал, да и

вообще не слишком увлекался всей это древней фигней. Ну какая разница, на каком там слоне Македонский транзитом доплыл до Америки?

— ... то борьба началась именно там, и постепенно охватывала весь мир. Маятник качнулся в обратную сторону, ограничений становилось все меньше, эксплуатировались пороки, ведь плохие стороны помогали продажам и поэтому разрешалось все больше и больше. Все это достигло пика в период хаоса, когда мораль и ограничения практически отсутствовали, можешь посмотреть уцелевшие записи или расспросить Аарона Викентьевича, в сети или лично, разницы, в общем-то нет.

— Погоди-ка, — вдруг осенило Михаила. — Теперь вы качнулись обратно и закрутили гайки, как некогда христианство? В этом все дело?

Слова «ты дала обет безбрачия» застряли у него в глотке. Возможно, все дело было в том, что он не отличался особой набожностью, никакой не отличался, по правде говоря, и поэтому именно с ними у него и ассоциировались все эти ограничения и запреты. Еще Михаил подумал, что здорово продвинулся в самоанализе, которым тоже никогда особо не увлекался.

— Какое именно из дел? — спокойно поинтересовалась Татьяна. — Мои чувства к тебе или общественные отношения?

— Эм, все сразу? — слегка смешался Михаил.

Эта открытость и честность его и раньше смущала, но в то же время и возбуждала, чего уж там.

— Ханжеское, табуированное отношение к сексу и умолчание о нем — тоже наследие прежних времен, и оно также плохо, как и абсолютная распущенность, царившая в двадцать первом веке, — сообщила Таня. — Если человек хочет карабкаться выше, ему нужны принципы, ориентиры, мораль, запреты, добровольные ограничения. Без них он превратится в жрущую и срущую обезьяну, не отказывающую себе ни в чем, ведь можно же, энергия и материя позволяют, услужливые системы сотворят все, но что потом?

— Что потом? — откликнулся Михаил.

— Деградация и разложение, человека и общества, откат назад и гибель. Карабкаться вверх, развиваться и стремиться к небу — тяжело, гораздо легче катиться вниз и разлагаться, и это погубило немало обществ.

— Вот, вы же сами признаете, что можете скатиться! — с непонятым торжеством воскликнул Михаил.

— Я и не говорила, что у нас идеальное общество, — ответила Таня, — но мы идем вверх. Стараемся идти вверх. Возможно, однажды мы устанем, снова настанут темные века и откат, как это уже было, но это не значит, что не надо стараться сейчас. Мы обсуждаем ошибки прошлого и пытаемся их учесть и понимаем, что будут новые вызовы, то, с чем еще никто не сталкивался и никто не даст нам готовых рецептов решения проблем. Только обсуждение, поиски решения, понимание цели уберегут нас от возможной гибели, и все это касается в том числе и вопросов секса, любви, отношений, семьи и развития общества в целом.

Михаил, собиравшийся злорадствовать дальше, оказался обезоружен и обескуражен.

— Секс, размножение, любовь — не должны быть табу, но и не должны они сводиться к какой-то абсолютной распущенности. Обе крайности плохи, и мы стараемся найти золотую середину, хотя, конечно, влияние прежних времен сказывается. Вполне нормально ходить обнаженными и справлять нужду на улице, но это не значит, что надо заниматься этим

постоянно и непрерывно. Сдержанность и умеренность, знания, рассказы без стыдливости и умолчаний и развитие в людях эмпатии, сострадания, умения не только любить, но еще и не делать другим больно.

— Вы прямо сообщество каких-то иисусиков, — вырвалось у Михаила злое, непредвиденное.

— Земля умеет постоять за себя, не сомневайся, но это не значит, что мы ходим на кого-то походами и устраиваем завоевания, нет. Но мы, кажется, отвлеклись, — чуть улыбнулась Таня и сердце Михаила забилося чаще. — В людях заложено мощнейшее стремление к продолжению рода... ладно, вижу по твоему взгляду, что тебя интересует другое. Михаил, ты интересен мне как пациент, как пришелец из другого времени, как собеседник и даже друг, я искренне желаю тебе выучить все и сдать экзамен, прославиться в обществе и помочь всем живущим в Солнечной Системе, независимо от того, люди они или инопланетяне.

— Но ты не будешь со мной?

— Об этом я и толкую тебе, Михаил, пришли новые времена. Из того, что именовалось браком, убрали церковную и духовную составляющую, а затем и экономическую, впрочем, она дожила и до твоих времен.

— Да?

— Конечно. Брак служил исключительно регистрацией отношений для государства, облегчал правовые и экономические отношения с ним, разве не так все было?

Михаил задумался и поджал губы, признавая ее правоту.

— Убрав все это, остались только сами люди и их отношения, а какие могут быть отношения, если партнер не привлекает тебя, нет нужды в обеспечении, нет давления общества и обстоятельств рожать непрерывно? Значит, тебе должно быть интересно с человеком, какие-то общие интересы и увлечения, любовь, конечно, но не секс за деньги.

Михаил опять задумался, припоминая все эти неравные браки и «давление общества», да что там, ему и самому регулярно кто-то пытался присесть на уши, когда он уже женится. Но ему нравилось быть свободным, заводить легкие отношения, без детей, конечно, ведь никто уже не возмущался концепциями безопасного секса.

— Конечно же, люди влюбляются и сейчас, и занимаются сексом, рожают и выращивают детей, ошибаются, ссорятся и расстаются, но при этом они избавлены от многих проблем прошлого. Опять, никто не говорит, что это идеально, но процесс идет. Людей учат говорить нет, учат мириться и притираться друг к другу, людей учат быть вместе и это очень серьезный вопрос.

— Потому что он влияет на общество, — пробормотал Михаил, исходя из новых знаний. — Да?

— Да. Никто не устраивает тотального диктата и не лезет к другим в постель, но общий принцип пользы для общества сохраняется. Так вот, Михаил, ты, наверное, уже и сам догадался, но я все же скажу, что не вижу себя рядом с тобой, идущей по жизни рука об руку. А секс из жалости не примешь уже ты сам, я права?

На мгновение Михаил аж задохнулся от желания сказать, что согласен, но что-то его остановило. Возможно, внимательный взгляд синих глаз, а возможно, понимание, что после этого он упадет в глазах Тани.

— Так как найти свою вторую половинку, если не пробовать?

— Разве я сказала, что запрещено пробовать? Люди влюбляются, сходятся и расходятся,

ищут и в то же время это для них часть жизни, а не ее смысл и цель. Для не желающих отвлекаться, есть роботы — заменители, а некоторые так и вовсе, влюбляются в инопланетян.

Михаил, начавший было размышлять, сколько может стоить рободевица — явно ожмикам недоступно, осознал он с горечью — от такого откровения просто поперхнулся на ровном месте.

— Инопланетян? Но как?

— Как я и сказала, все не сводится к одному лишь сексу и деторождению, и социальная составляющая, то, что раньше называли духовной, вполне может оказаться важнее всего остального. Нет, Михаил, мы не будем пробовать, у меня хватает опыта, и я просто вижу, что не буду с тобой. Твоя влюбленность приятна, но не более того, притворяться ради нее я не собираюсь. Как я уже сказала, это часть жизни, но не вся она и уж точно не смысл и цель в ней. Но я уверена, что ты еще встретишь свою избранницу, подойдешь и признаешься в чувствах или она подойдет и признается, сейчас это нормально, чтобы ты знал. Открытость и умение говорить о проблемах, не молчать и не устраивать проблем из ничего.

— Вы не боитесь вымереть, с таким подходом? — пробормотал раздавленный Михаил.

— Думаешь, миллиард людей на Земле не справятся с размножением? — небрежно спросила Таня.

— Что? Миллиард?!

— Ракеты и реактивное движение, человечество пользовалось ими, не имея иной альтернативы, но все изменилось, после нахождения в кратере на Европе, спутнике Юпитера, энергония. Уже известно и доказано, что это лишь след от небольшого метеорита, прилетевшего извне и врезавшегося в Европу, и что в обычных, естественных условиях, энергоний в солнечных системах не образуется, лишь за их пределами. Также теперь мы знаем, что энергоний известен не только человечеству, но и другим цивилизациям, пусть и называется, и используется там иначе, и что он представляет собой еще один барьер на пути развития. Мало выйти за пределы своей планеты, мало основать колонии на планетах и спутниках своей системы, нужно еще суметь найти способ выбраться за ее пределы, раскрыть тайны мгновенной связи и быстрых полетов, и те, кто не сумел сделать этого самостоятельно, оказываются в роли так называемых слабых рас. Те, кто не сумел сам выйти за пределы системы, кому навязали отношения, а то и просто поработили, продавая энергоний и продукты своих производств, и получая взамен руды, живых существ, какие-то растения, детали, в общем-то, тут не слишком важны, так как общий принцип сохраняется.

Михаил парил в виртуальном пространстве, скрестив под собой ноги, и слушал лектора, но в то же время и не слушал, так как мысли его все время метались вокруг этого самого космоса. Миллиард людей на Земле и это еще считалось ростом населения! Часть разлетелась на другие планеты Солнечной Системы, ведь после открытия энергония, процессы их освоения рванули вперед с невиданной скоростью.

Здесь тоже шли жаркие споры, в основном о терраформировании и преобразовании планет, а также лун. Часть выступала за то, что следовало оставить все в "естественном виде", другие возражали, что тогда и сейчас колонистам там пришлось бы жить под куполами и тратить энергию. В ответ им указывали на луны, где именно так и обстояли дела, следовали аргументы, мол, это тоже ошибка, ведь "естественные условия" и гравитация изменят тела и расхождения каких-нибудь марсиан и венерианцев от землян могут оказаться фатальными в будущем. Им оппонировали и указывали, что это может как раз обеспечить необходимое разнообразие, и что губельной может стать как раз унификация.

Только астероиды, пожалуй, не вызывали споров, там было все ясно, модуль с искусственной гравитацией, купола, туннели внутри, максимально возможное использование полезной площади, как и предсказывал Азимов, о чем с немалым удивлением узнал Михаил. Он, конечно, слышал об Азимове, но считал, что тот писал какую-то допотопную фантастику, не более.

Но, помимо планет своей системы были и другие, уже успел случиться раскол и часть систем, населенных людьми, покинула юрисдикцию Земли, объявив о своей независимости, и все это на фоне массовых контактов с инопланетянами. Михаил и раньше слышал об этом, но как-то не представлял всех масштабов и теперь пребывал в легком шоке, а также ощущал, как усилилось его желание оказаться там, в космосе, все посмотреть, повидать и пощупать самому.

Отдельно его шокировала открытость Земли этим самым инопланетянам и их общественным системам, и все это попахивало наивностью и беспечностью. Еще не успели до конца восстановить саму Землю, а уже ринулись в космос и бешено заселяли другие планеты, организовывали какой-то союз солнечных систем, брали под свое условное крыло

«слабые расы», помогали им и давали отпор сильным.

Шли даже какие-то войны и творились конфликты, и только тут в вопросе космоса и размножения с освоением, Михаил вдруг окончательно понял, что общество действительно изменилось. Секс отделили от размножения, как сообщила ему Таня, но кто хотел — рожал сам, а кто-то пользовался «искусственным чревом», и все это тоже было увязано с системой пользы обществу.

— Остановить лекцию, — скомандовал Михаил вслух. — Иска.

— Что-то непонятно? — появилась рядом девчонка с косичками.

— Скажи мне, ведь ожмики не могут заводить детей, да?

— Могут, — ответила Таня спокойно, — кто угодно может родить, ведь Земле и человечеству не хватает рук. Но зачастую ожмики этим не заморачиваются, ведь родить не значит стать родителем.

— Как это? — не понял Михаил.

— Детей забирают и потом растят, и воспитывают отдельно, под присмотром специалистов. Ожмикам что-то перепадает за рождение, но совсем мало, так как они в свое время попытались использовать деторождение для выкачивания кредитов и им перекрыли эту возможность. Попросту говоря, у них не хватает на это рейтинга, — пояснила Таня. — При желании они могут сдать экзамен на то, чтобы стать родителями, но для этого потребуется рейтинг, а потом еще и кредиты, и они неизбежно поднимутся выше минимума, и потом, если захотят воспитывать ребенка сами, им потребуется еще больше рейтинга и кредитов.

Как-то это все не то, подумал Михаил. Бесчеловечно?

— Неужели родители не могут видеть своих детей? — спросил он. — Воспитывать и растить?

Глупо, глупо, тут же укорил сам себя, ведь он понимал общий принцип. Все та же новая система пользы обществу и того, что едва дело касалось интересов этого самого общества, как резко выростала ответственность и прочее. Ведь будущие родители порождали новых членов общества и воспитанием влияли на них, и так далее, пусть Михаил не смог бы выразить сути чеканными формулировками, но примерно улавливал основное.

— В ваше время, Михаил, сдавали особые экзамены на вождение, подчеркивали опасность управления транспортными средствами, — вдруг заговорила Иска.

Отдельным шоком для него стало, что теперь никто уже не водил машины лично. Какие-то гравипояса, личные полетные средства — еще да, но все равно, под контролем единой транспортной системы.

— Здесь действует тот же самый принцип. Родители, конечно, могут видеть своих детей, хотя и там есть ряд особых обстоятельство, но мне кажется, Михаил, вы не понимаете сути. Чтобы сдать экзамен, уже необходимо понимать ответственность, которую вы на себя берете, и родители не полезут в воспитание, точнее говоря, будут дополнять его, а не противоречить. А чтобы воспитывать...

— Надо сдать еще экзамен, я понял, — мрачно ответил Михаил.

Мысли его на мгновение вернулись к Тане и той лекции, что никто не запрещал секс, но и не делал из него культа. Общество не обращало внимания на то, что кто-то самоудовлетворяется в душе или спит с условной робокуклой, как не смотрело оно на цвет кожи, пол, возраст и прочее смешение имен, культур, происхождения. Общество смотрело на самого человека, каков он, что умеет, и не лезло в отношения, пока те не мешали обществу.

Хотел бы он завести детей с Таней? Может и хотел бы, но смог бы?

— И как же тогда идет процесс заселения и освоения планет и систем? — спросил он. — Ведь там нужно быстро достичь нужной численности?

— Нужной кому? — деланно изумилась Иска. — Или вы, Михаил, решили упростить обучение и полагаться на мои ответы? Должна сразу предупредить, что это может оказаться фатальным.

— Нет, правда, вот как проходит размножение в космосе? Не физиология процесса, с ней я знаком, но вот именно с социальной точки зрения? Неужели там тоже сдают экзамены, и если да, то кому?

— А чем другие системы отличаются от Земли? — спросила в ответ Иска. — Приведу еще одну аналогию.

Михаил внутренне застонал. Иска словно издевалась своими аналогиями, причем всегда ссылалась в них на времена «первой жизни» Лошадкина. Конечно, так все становилось понятнее, но не лучше, и бывало Михаил придумывал возражения уже потом, когда было слишком поздно. Он не смотрел особо на календарь, учился и еще учился, пробовал новое, включая еду и напитки, и с нетерпением ждал встреч и бесед с Таней, и в то же время рвался наружу. Рвался и где-то внутри опасался, что не справится, не сдаст экзамены, не сможет пробиться наверх, так как... ну просто не сможет.

— Переехав в другой город, скажем, в Новосибирск, вы, Михаил, ожидали там других законов и правил?

— А чего это в Новосиб? — словно обиделся Михаил. — Почему не в какую-нибудь Францию?

— Потому что мы говорим о переезде в пределах действия юрисдикции Земли, если вам так будет понятнее. Переезд во Францию — уже нарушение аналогии.

— Тогда Франция — это инопланетяне?

— Скорее кто-то из отколовшихся, кстати, краеугольным камнем раскола стал именно вопрос размножения и влияния на детей, но вы бы знали об этом, Михаил, если бы смотрели лекции, вместо того, чтобы расспрашивать меня.

Михаил посмотрел на нее сверху вниз, думая о том, что так и не преодолел диссонанс ее внешнего вида. Ну кому понравится, когда его отчитывает восьмилетняя малявка? Умом он понимал, что это еще один урок, не смотри на внешний вид, но вот глаза и прошлый опыт упрямо твердили обратное.

— Ну вот возьмут и нападут на эту отдаленную планету, колонию, как там сейчас их называют, и что тогда?

— И что тогда? — спросила в ответ Иска. — Причем тут дети?

Михаил почесал в затылке, понимая, что промахнулся немного. Уже в его время никто не ходил в атаку толпами и численность ничего не решала.

— Как они будут защищаться?

— Возьмут оружие и будут защищаться, — удивленно ответила Иска, словно Михаил спросил что-то невероятно глупое.

— А если не будут?

— Те, кто думает только о себе, находятся на Земле и живут ожмиками, они не смогут попасть в космос.

— Неужели в космосе их нет? — спросил Михаил.

Тут же дал сам себе ответ о причинах — не прошло еще столько времени. Космос

заселяли активные люди, распространяли эту культуру и дальше, и наверняка даже «балласт» под неосознанным воздействием общества переставал им быть или даже не задумывался о том, что можно лежать и чесать пузо.

— А вы не боитесь, что все активные улетят, а на Земле останутся одни лишь ожмики?

— Лично мы, искусственные помощники, лишены чувства страха, — ответила Иска, — но я рада, что моя личность и облик по-прежнему кажутся вам настоящими, Михаил, это означает, что я хорошо справляюсь со своей ролью. Если же трактовать ваш вопрос в более общем смысле, то эта проблема неоднократно озвучивалась, наряду с другими, и обсуждение, а также поиски возможного решения продолжаются, в рамках развития Земли и других планет.

Вот куда бы влезть, завистливо подумал Михаил, во все эти темы с развитием общества. Решил пару проблем, принес горы пользы и почивай на лаврах, получишь и рейтинг, и кредиты, чтобы вылететь в космос, облететь разные системы, побывать у инопланетян, под соусом их изучения и будущей помощи человечеству за счет полученных знаний.

— Ладно, последний вопрос, — сказал он.

Иска улыбнулась так, что сразу стало понятно, ну вот ни на грош она не верит, что этот вопрос последний. Спрашивать ее было легче, Таня, конечно, резала правду, но зато к Иске он не испытывал никаких чувств, по крайней мере положительных.

— А как вот оно происходит, взаимодействие с этими отколовшимися и инопланетянами разными, ведь у них другой общественный строй, язык, условия и прочее? Я уж не говорю об опасности привнесения оттуда каких-то идей, которые уничтожат человечество?

— Общепринятой сейчас считается точка зрения, что только здоровое общество способно выжить при заражении информационными вирусами, а также при воздействии других общественных формаций. Вы, Михаил, не изучали еще новые стандарты образования и воспитания и не надо так закатывать глаза, это всего лишь констатация факта. Общество, закрывшееся от других, одряхлеет и погибнет. Общество, которое не противопоставит чужим идеям свои — тоже погибнет.

А, точно, вдруг вспомнил он, ведь Таня толковала об этом. Наверное, это часть того, что она называла «учитываем ошибки прошлого».

— Данная проблема известна, ее учитывают, о ней спорят и ищут пути решения.

— Как-то многовато у вас спорят, — вырвалось у Михаила. — Ах да, общественная активность, да?

— Да, и многое другое.

Иска исчезла, а Михаил чуть подергал глазом, потом почесал подбородок. Не то, чтобы он прямо ненавидел общество и людей, но все это было как-то немного чересчур для него. Ладно, решил он, рано еще гадать, все равно вначале надо сдать экзамен, и он вызвал список лекций о космосе — в рамках своей программы образования, конечно. Но все равно, ему уже давали выбор и это тоже было частью экзамена, насколько понимал сам Михаил. Умение выбрать, учить нужное и вообще.

— Как человечество пришло к идее денег, как некоего универсального эквивалента выражения предлагаемых товаров, так и галактическое сообщество, в конце концов, выработало похожую идею. Многие цивилизации предлагали свои единицы и меры, и ситуация, опять же, напоминала средневековые времена Земли, когда деньги одних стран не принимали в других, менялы наживались на разнице курсов и при этом некий

универсальный эквивалент все равно существовал, выражаясь в весе золота и серебра, вложенных в монеты. В конфликтах и спорах родилась уге — универсальная галактическая единица, выражающая собой некое количество энергии, которую можно получить с помощью одной условной единицы энергония. Энергия одной уге или уга, как ее еще называют, может быть потрачена на синтез материи, перемещение куда-то, для обеспечения работы механизмов и так далее. Сложнее было подобрать эквивалент уге в знаниях, но и с этой задачей постепенно справились, приняв единые стандарты, которых придерживаются все, даже враждующие стороны. Земля и другие планеты, и союз солнечных систем также придерживаются данных галактических стандартов и кредиты легко преобразуются в уге, если вам захочется совершить путешествие.

— Захочется! — выкрикнул Михаил нетерпеливо.

— Понимаю вас, — вдруг улыбнулся лектор, — космосом легко можно «заболеть» на всю жизнь, ведь с самого детства мы смотрим в небо и ощущаем восторг при виде множества звезд.

— Э-э-э... это вы мне? — пробормотал Михаил.

— Вы никогда не сталкивались с интерактивными лекциями?

Михаил метнул взгляды туда и сюда, попытавшись отключить лекцию, но не вышло и тут появилась Иска и что-то сделала. Моментально, как и полагалось в сети, и лектор отключился, а она развернулась к Михаилу.

— Я думал, это записи! — воскликнул он, защищаясь.

— Лишь небольшая демонстрация нового формата сети, без знания обеих сторон. Небольшой эксперимент.

— Да предупреждать же надо!

— Вся суть была именно в незнании и отсутствии предупреждений, иначе, что это за эксперимент?

— Но теперь я буду знать.

— Да, знать и постепенно осваивать новую сеть. В ней нет ничего сложного или пугающего, она просто непривычна вам, Михаил, поэтому вы так бурно реагируете.

— Ладно, — проворчал он, понимая, что хочет еще послушать про космос, а то и побывать в нем.

Хотя бы виртуально, для начала.

Даже не оборачиваясь и не прибегая к помощи манопы, Михаил ощутил приближение Тани. Та подошла, улыбнулась и заняла соседнюю беговую дорожку, тут же устремилась вперед в ровном, спокойном темпе.

— Просто решила составить компанию, — сообщила она, чуть повернув голову к Михаилу. — Тебе тут, наверное, одиноко, и нелегко видеть только меня.

— Есть такое, — признал Михаил, чуть отводя взор.

Без особой стыдливости, ну фантазировал о ней в душе, ну признался в чувствах, что такого? Сама натура и способ общения Тани как-то убрали остроту данных моментов.

— Это тоже часть эксперимента, да? — вдруг сообразил он. — Как с сетью?

— В каком-то смысле, — кивнула Таня, даже дыхание не сбилось. — Вашей проблемой, Михаил, занимаемся теперь не только мы, поверьте.

— Верю, — ответил Михаил.

Дальше они бежали молча, и было в этом что-то умиротворяющее, объединяющее. Хотя вот, подумал Михаил, бежать на природе, а то и вовсе по другой планете было бы намного приятнее, особенно рядом с Таней.

После тренировки его поджидал новый сюрприз или удар, как посмотреть. Таня спокойно прошла в душ, сбросила одежду и начала мыться, и Михаил замер, не зная, что делать. Он возбудился, но в то же время поведение Тани было полностью лишено эротического подтекста, если не считать за таковое обнажение.

— Подумай над этим, — улыбнулась Таня и повела рукой.

В воздухе словно появилась перегородка, непрозрачная, отделившая ее от Михаила. Голограмма, подумал он, даже руку вскинул, чтобы проверить и тут же опустил. Несомненно, еще одна проверка, часть эксперимента вкупе с ненавязчивой демонстрацией того, что общество изменилось. Да, ему очень хотелось верить, что Таня приглашала его помыться вместе... хотелось, но не выходило. Желай Таня секса с ним, то так и сказал бы, прямо и открыто, как и многое другое.

— Эскулапы чертовы, — проворчал он и осекся.

Наверняка и все это тоже записали, и он опять ощутил себя подопытной мышью, нет, даже микробом под микроскопом. Эксперименты они над ним ставят! Мечтают выудить знания, а то и вовсе склонить к чему, да вот и фигу им, сердито думал Михаил, смывая пот. Вообще, могли бы просто переделать тело, сразу восстановить его до пика формы, а и то вовсе усилить искусственными частями, имплантами, дать абсолютную память и манопу, и прочее.

— Подумал? — спросила Таня, уже поджидавшая снаружи, когда Михаил закончил мыться.

Спортивная комната сменилась залом для бесед, чай, фрукты, печенье, кресла и умиротворяющая природа за окном.

— Нет! Думал о тебе и медицине!

— Такое бывает, — согласилась Таня. — Если хочешь, можем пробежаться по Марсу, в следующий раз, а то и по Луне, в виртуальности, разумеется.

Михаил замер, пытаясь понять, что происходит. Его мысли прочли?

— Как я и сказала, Михаил, тобой занимаемся не только мы и да, тебя изучают, но не с

целью оскорбить или препарировать как забавную зверушку. Это знания, уникальные знания...

— Ведь я первый и единственный пришелец из прошлого, — сердито проворчал он. — Избранный, практически. И с чего вдруг мне решили рассказать? Просчитали и это?

— Осознание того, что он не уникальная снежинка и предсказуем, изрядно ранит некоторых людей. Но в то же время, подобные исследования помогают лучше понять людей и общество, предвидеть развитие, что-то предсказывать, строить прогнозы.

— Мне кажется, вы слишком уж носитесь со своим этим обществом, — постепенно отходя, заметил Михаил, не отрывая взгляда от Тани.

Признание опять убавило ей обаяния, но Михаил знал, что это ненадолго. Следовало уже что-то делать с этим, слишком уж это напоминало одержимость, а то и вовсе намекало на промывку мозгов.

— К чему все это? Дали бы людям энергию, новые, совершенные тела, ведь вы же можете!

— Ты преувеличиваешь наши возможности, но можем, до известной степени. Как можем лечить, убирать дефекты, как победили большинство старых болезней и успешно боремся с новыми вызовами, с которыми сталкиваемся в космосе.

— Вот я сдам экзамен, — заговорил Михаил, — допустим, даже не по мезне, это даст мне возможность выхода в космос?

— Само по себе? Нет, — покачала головой Таня.

— Рейтинг и кредиты, понятно. И что, неужели никто не пытается проскочить обманом? Прорваться силой? Сбежать с Земли к каким-нибудь инопланетянам? А если я захочу отправиться к этим... в Зеленые системы или как их?

— Чем желание отправиться к ним отличается от желания попасть в космос, не прилагая к этому никаких усилий? — удивилась Таня.

— Разве не выгодно вам будет избавиться от меня, желающего сбежать?

— Это намек на то, что ты, не получив возможности сбежать, начнешь творить пакости в ответ и разрушать общество?

— Да, пожалуй, — признал Михаил, — хотя я и сформулировал бы это иначе. Ведь существует же у вас преступность? Взломы, подделки маноп, отключение камер, да что там, скажем прямо, вот возьмем меня.

— Возьмем, — чуть оживилась Таня, — люблю правдивые истории.

— И это просчитали, — проворчал Михаил.

Да, ему это совершенно не нравилось. Пусть никто и не стремился задеть его, но случившееся все равно задевало. Михаил окончательно укрепился в мысли, что надо валить отсюда, вживаться в общество, непонятно, как и что, но если он сдаст экзамен, то будет готов, не так ли? Жить в обществе, где никто не будет ставить над ним эксперименты, по крайней мере, без его согласия.

— Так вот, я влюблен в тебя, Таня, и ты прямо ответила мне — нет. Что будет, если тело затмит разум и решит овладеть тобой силой? Как у вас тут дела вообще обстоят с преступностью?

Он вперился взглядом в Таню, невольно ожидая, что та пожмет плечами и спокойно ответит, что готова постоять за себя. С ее-то спортивным телом! Пускай женщины слабее мужчин, да и весил он больше, но что мешало ей просто сбежать, закрыв перед ним все двери? Иска тоже была готова вмешаться, ведь она бдила всегда, не зная усталости и не

нуждаясь во сне.

— Такое тоже бывает, — спокойно ответила Таня. — Как я и говорила, наше общество далеко не идеально и еще долго не станет таковым. Что касается преступности, то всеобщий контроль решает эту проблему в большинстве случаев, позволяя предотвратить еще до совершения самого преступления. В то же время, обычно человеку дается время одуматься, ведь тот, кто сумел преодолеть себя, он лучше все понял и осознал, чем тот, кто никогда не задумывался о преступлении.

— А что, такое допустимо?

— Преступники двигают общество, как двигали его всегда, — ответила Таня, — но при этом, если их становится слишком много, общество разрушается или гибнет. Все это балансирование и проход по лезвию бритвы, Михаил, как я и говорила, тут нет готовых рецептов, работающих всегда. Что же касается непосредственного насилия, убийств, то они трактуются точно так же, как рождение и воспитание детей. Да и просто обучение и воздействие на других людей.

— Работа с обществом, — осознал Михаил.

— Да, и она оценивается уже по другой шкале. Общество не только стоит выше отдельного человека, но и имеет право защищаться от тех, кто пытается его разрушить, как организм имеет право убивать проникшие в него болезни, вирусы и яды.

Михаил хотел спросить про тюрьмы и связанное с ними, но тут же передумал и решил поискать информацию сам. Ладно там, приговор могли приводить в исполнение роботы, но сами преступления? Если не читали мысли, то, как выявляли их заранее, по разговорам? Сообщениям в сети? Поведению? Кто следил за всем этим и анализировал? ИП или все же люди?

— Теперь, что касается затронутой тобой темы, — она замерла на секунду и продолжила, — халявы, верно?

— Да, пожалуй, это точный термин, — неохотно признал Михаил.

А что в космосе? Там кто надзирал? Новая планета, сотня человек и неужели там первым делом внедряли сети всеобщего контроля? Неужели там не творилось насилия? И вдруг Михаил понял, в кои-то веки сам себе ответил на бесконечные вопросы — манопы, ну конечно! Но это же означало, что он не в полной мере владелец своего же устройства и он тут же привел самому себе аналогию из своих же времен, про компьютеры, поисковые запросы и слежку корпораций-гигантов, ту же адресную и задолбавшую всех рекламу.

— Тебя одолевают мысли о преступлениях и бунте против системы?

— Да, — поджал губы Михаил.

— Неудивительно, что эта тема была так популярна в твои времена, — Татьяна, похоже, сделала себе пометку, в цифровом виде, конечно.

Зачем вообще пометки, подумал Михаил, если все и так записывается? И кто смотрит эти миллиарды часов человекодел? Роботы, вроде Иски? Или они анализировали все на лету, в онлайн?

— А сейчас нет?

— И сейчас популярна, — не стала отрицать Татьяна, — но эту энергию стараются направить в конструктивное русло. Если человек не прикладывает к чему-то усилий, он и не ценит полученного, так было и так пока и есть. Поэтому в нашем мире не дают ничего на халяву, кроме ОЖМ, так как мы же не звери какие-то, истреблять своих же сограждан.

— Погоди, но как же новое воспитание? Образование?

— А ты поинтересуйся возрастным составом ожмиков, — посоветовала Таня и захрустела воздушным печеньем, словно лопала пузырьки. — Ты, кстати, практически ровесник того первого поколения, что рождалось уже в новом мире.

— То есть этому новому миру всего лишь тридцать лет, не слишком много.

— Конечно, еще рано о чем-то говорить, — пожала плечами Таня, — но ты все ждешь моих слов, что новый мир лучше старого, что он идеален, и тогда ты стал бы возражать, выискивая недостатки?

Михаил замялся с ответом.

— Так вот, человеком движут мощнейшие инстинкты, идущие из глубины времен, но это не значит, что человек должен становиться их рабом, — продолжила Таня спокойным, беззаботным тоном. — Век за веком человечество становилось лучше, добрее, гуманнее, через кровь, смерти, слезы и пот, пот тяжелого труда над собой и другими. Труд создал из обезьяны человека, так говорили в твоё время?

— В мое время говорили уже иначе, — со вздохом признался Михаил, вдруг вспомнивший деда.

— Посыл остался прежним, труд и добровольные запреты, ограничение самого себя во имя совершенствования. Не только себя, но и тех, кто придет после нас. Знаешь, что движет людьми?

— Жажда продолжения рода?

— В том числе. Желание бессмертия, хотя бы в своих потомках. Желание, чтобы о тебе помнили, желание увековечить себя, желание забраться, не на пальму, конечно, а на пирамиду, стать выше других.

— Ты так спокойно говоришь об этом, — нахмурился Михаил.

— Думаешь, это великий и ужасный секрет? Нет, это все проходят и разбирают в школах, никто не делает тайны из подобных манипуляций обществом во имя улучшения его же и знаешь что?

— Что? Всем плевать?

— Нет, система работает, не идеально, но работает. Люди соревнуются и карабкаются, забираются выше других, продолжают род, прославляют свое имя, а вместе с этим делают лучше и мир в целом, всех вокруг. Также, как в твоё время, только с иным вектором усилий, но и в твоё время понимали и применяли многое из того, что используется сейчас.

— Да? — озадаченно спросил Михаил.

Не интересовался он этой темой, ходил и занимался электрикой, смотрел фильмы, пил пиво, ну жил, как все, и считал, что все нормально. Не исключено, конечно, что Таня тоже лазила за справками в сеть, благо маноба позволяла проделывать подобное незаметно, но все же. Одно дело быстро применять гугл-фу или яндекс-до, и другое разбираться в теме, не заглядывая во всемирную паутину.

— Работа как игра, представление ее не как нудной утомительной необходимостью, а чем-то таким, что тебе по душе, например. И вот, пожалуйста, люди горели работой, да и сгорали на ней же, добровольно, как и говорилось, спиральное развитие, повторение того, что уже было, но в иной, новой форме.

— Ты говоришь, что ничего не дают на халяву, а как же то, что вы тут возитесь со мной? Или все оправдано благодаря вашему социальному эксперименту?

— Михаил, — она выглядела очень разочарованной, словно он прилюдно испортил воздух или еще чего похуже.

— Татьяна, — постарался ответить в тон, но не вышло.

— Я же сказала, человечество становилось добрее, гуманнее, но теперь это слово немного устарело, ведь гуманизм относится к людям, без учета инопланетян. В результате в наше время слово стало даже звучать немного оскорбительно, расистски, если переводить на твое время. Да, никто не устраивает всеобщую халяву, но это не значит, что мы стали жадными нелюдями, которые никому ничего не дают, нет. Мы не впадаем в крайности — помнишь наш разговор о любви и сексе? — и в этих вопросах. Балансируем на лезвии бритвы.

— А как же ваш гуманизм... алиенизм?

Татьяна невольно хихикнула.

— Живизм тогда уж, — сказала она. — Общепринят нейтральный термин «живые», и то, идут споры, из-за парочки рас на кремниевой основе.

— А как же ваш живизм соотносится с войнами и кто там у Земли во врагах?

— Очень просто, — спокойно ответила Татьяна. — Отдельный человек может любить или ненавидеть кого угодно из инопланетян, пока это не мешает обществу и не угрожает ему. Но если на Землю или другие планеты, или корабли нападают, то это что?

— Угроза обществу, — сообразил Михаил.

— Именно, и устраняется она именно как угроза обществу.

— Но ведь у вас нет армии!

— Кто тебе сказал такую глупость? — синие глаза распахнулись вширь. — Любой общественно активный человек в наши дни — боец, воин!

Михаил летел — падал вместе с высаживающимся на одну из планет систем Гаммы Ориона или Альфы Тигра, он как-то пропустил мимо ушей. Разумеется, не по-настоящему, в виртуальности, просто повторяя запись, но все равно, внутри его крепкого и уже здорового тела что-то екало и обрывалось. В новом мире не стали мудрствовать лукаво и обозвали подобное Мобильной Пехотой, как у Хайнлайна, потому что именно ее десант и напоминал. Каждый сам себе боевая единица в бронескафандре, оснащенном оружием, и при этом все вместе, благодаря связи и цифровым системам.

Огромная зелено — бурая планета и скафандр словно начал разваливаться, отстреливая во все стороны пластины и заряды, сбивая контратаку и слежку с поверхности. Вхождение в атмосферу на огромной скорости и включились встроенные движки, начались хаотичные маневры, вокруг все гремело и взрывалось, и казалось, что сам ад выпустили на волю ради того, чтобы погубить одного лишь неизвестного Михаилу десантника.

Тот держался молодцом, стрелял по засечкам систем наблюдения, экраны и связь шли полосами, но противнику так и не удалось задавить десант помехами. Единственное, о чем жалел Михаил, что всполохи и разрывы закрыли вид на планету, но все равно ощущение космоса и величия осталось с ним, вызывая внутри непонятные чувства.

Что-то грохнуло и все вокруг завертелось, но не прошло и двух секунд, как десантник стабилизировал скафандр и развернул, резко ускорил падение, подгоняя сам себя. Новый залп с земли прошел мимо, десантник стрелял и обменивался короткими репликами — вдалеке виднелись еще столбы огня, товарищи по десанту тоже мчались вниз, каждый к своей цели.

— Разогрев воздуха от трения создает маскирующий след, сбивающий с толку почти все системы теплового наведения, — подсказала манопы. — Также десант отстреливает перед собой особые заряды, удлинняющие этот след и создающие ложную цель.

— Ведь враги предполагают, что десантник там, в самом начале следа, — понимающе отозвался Михаил.

Сколько на такое требовалось энергии? Не говоря уже о силе духа, вот так мчаться навстречу земле и ракетам, или чем там стреляли в ответ? Но, с другой стороны, они, наверное, доверяли технике и тренировались?

Новый сигнал и десантник выстрелил чем-то еще, пробился сквозь сети, ловко расстрелял экраны силовых полей, задавив их своей энергией, и резко погасил падение одним точным и мощным импульсом. Оказался на земле и тут же помчался вперед, словно гоночный автомобиль, если бы те умели еще и прыгать, стрелять, засекаать врагов и сканировать местность.

Впереди показалось поселение, расцветающее вспышками, и десантник ударом какого-то подобия меча вскрыл инопланетный танк или орудие, Михаил не стал спрашивать подсказки у манопы, разнес оборонительную позицию и проскочил дальше. Принял на защиты пару выстрелов и оказался возле поселения, тут же выстрелил в ответ, выпустив целую пачку ракет, накрывших позиции инопланетян.

С небес ударили столбы света и взметнулись дым и пыль, скрывая все.

— Уф-ф-ф, — выдохнул Михаил, выходя из записи и утирая пот со лба.

Да, виртуальная запись, но ему ведь все это было в новинку! Наверное, так же

чувствовали себя зрители первого фильма, вдруг подумал он, резко вспотевшие от мысли, что сейчас поезд приедет прямо в них.

— Поселение было спасено, силы вторжения отброшены, — подсказала манопя. — Пострадали двадцать три человека, из них один погиб, десантник Симон Фукивара.

Эта уж привычка нового мира смешивать имена и фамилии разных народов, подумал Михаил, пытаясь отвлечься от ярости записи боя. Смешение ввели специально, разумеется, на волне объединения черной революции, и тогда же занялись созданием единого языка, всеземного, который он уже успешно изучил. По крайней мере, мог поболтать с Таней без переводчика.

Тогда же создали и гипнограммы, для ускорения изучения этого самого языка, и выяснили их вред, помимо пользы, и все это намекало, что мир далеко не так един и целен, как намекала Таня. Или не намекала, а он сам додумал? В любом случае, лето уже близилось к концу, и Михаил уже устал, хотелось вырваться на свободу и... вернуться сюда за Таней, но уже в ином качестве. Красавца и социального альфа-самца, покорившего Землю, Солнечную Систему, да что там, весь космос, а чего, мечтать так мечтать!

— А остальным, значит, хватило рейтинга и кредитов на лечение, — выдохнул он.

— Во время подобных ситуаций лечат всех, независимо от...

— Да знаю я, — отмахнулся чуть раздраженно Михаил.

У него не укладывалось в голове, как все это сочеталось в новом мире. Тут мы лечим всех, спасаем и вытаскиваем, ведь медицина нового мира действительно творила чудеса. Наверняка из этих двадцати трех двадцать были тяжело ранены, а десантник Фукивара погиб лишь потому, что попал под прямой удар, который разнес его в клочья, буквально.

Но в остальных случаях не лечим, и вообще, вот тебе минимум благ и живи, но больше не получишь. В то же время, слова Тани о халяве и том, как люди не ценят полученного без усилий, крепко засели в голове Михаила. Или в груди занозой, вызывающей раздражение, ведь она, по сути, мимоходом убила один из вариантов, о котором он много размышлял. Выскользнуть на минимуме, пожить ожмиком, собирая информацию и прикидывая варианты, и потом уже начать учить то, что даст максимальный эффект при наименьших усилиях.

— А сколько нужно знать десантнику, чтобы управлять подобным костюмом? — спросил он.

Перед глазами словно появился экран с перечислением, равно как и то, что не каждый потянул бы по рейтингу (даже сдав экзамены) на скафандр мобильной пехоты. Михаил дернул щекой, окончательно прощаясь с еще одной мечтой, влиться в общество через армию.

Ну да, подумал он с кислым привкусом во рту, мог бы и сам сообразить.

— У вас повысилось давление и участилось сердцебиение.

— Это я нагнетаю в себе кровь и боевую ярость, — пошутил Михаил в ответ.

Голос в голове, вызывала ли манопя расстройства психики? Михаил помотал коротко стриженной, почти лысой головой, и вернулся к самобичеванию. Мог бы и сам сообразить, ведь армия — это общество, а все, что касалось общества, тут проходило по иной планке и категории. В то же время, он смотрел одну из самых удачных записей, не в смысле съемки, конечно, а удачную в том, что транспорт прибыл на выручку почти моментально, и высадившийся взвод десанта как раз проходил учения и так далее.

Когда Таня говорила, что каждый боец и воин, она имела в виду, что каждый умеет стрелять, ну а оружием легко обеспечивали синтезаторы. Где-то дюжину лет назад моханги

попытались высадиться, наивно уверенные, что подавят своим зверским (они напоминали внешне медведей) видом, но оказались уничтожены еще до прибытия Мобильной Пехоты.

В этом вопросе Михаил тоже вначале узрел противоречие, но затем запросил справку, почитал и посмотрел, погрузился в записи и вроде бы примерно понял. Земля и другие планеты не держали профессиональной армии, но наличествовали мобильные силы быстрого реагирования. Всегда какая-то малая часть населения проходила в них сборы, тренировки, осваивала скафандры и высадки, что-то да отрабатывала и, при необходимости, реагировала на вызовы и вступала в бой.

Все это вело к еще одной составляющей нового мира, не просто мобильность цифровой связи, но еще и физическая мобильность, высочайшая скорость прибытия, транспортная связность, без которой просто невозможно стало бы расселяться куда-то в космосе. Без подобной связности каждая система была бы сама по себе, а перелеты занимали бы всю жизнь, пусть даже и проведенную в криосне, например.

Также Михаил выяснил, что стал еще одним рекордсменом, хотя, кажется, Таня говорила ему об этом в самом начале, но он тогда пропустил мимо ушей, ошеломленный другими новостями. Самое длительное пребывание в замороженном состоянии и наверняка целая толпа Наакянцев и других старых профессоров уже строчила диссертации, доклады, монографии и прочие научные штуки на эту тему.

Самому Михаилу за все это полагались, как ни странно, не кредиты, а уге, так как он не был — пока — гражданином Земли, но в общем, из центра здоровья вышел бы не с пустыми руками. Уже неплохо, хотя и все равно страшновато, и на ум опять приходили сравнения с «19 веком». Привыкший уворачиваться от лошадей, что он делал бы посреди потока машин?

С другой стороны, парадоксально, но единая транспортная система не дала бы ему погибнуть, по крайней мере попыталась бы. Поток машин (так он представлялся Михаилу) тут же расступился бы или направился в стороны, или еще что. Именно внедрение единой системы и робопилотов, помимо энергония, конечно, привело к популярности всяких там авиеток, одноместных вертолетов, антигравитационных поясов и прочего разнообразного, индивидуального и общественного транспорта.

Не хватало только моментальной телепортации, но и над ней велись работы.

Доступность не просто любых уголков планеты, но и других планет внутри Солнечной системы, и других систем, просто трудись на благо общества, приноси пользу и все у тебя будет. Это была, как понимал Михаил, не просто морковка, а целая морковь, облитая сахаром и сиропом, выкрашенная в яркие цвета с воткнутой сверху зазывающей рекламой.

Вот за что можно было поблагодарить новую сеть, так это за отсутствие назойливой рекламы, лезущей в каждую дырку, подумал Михаил и понял, что его опять понесло. Мысли неслись куда-то вольно, перепрыгивая с темы на тему, словно он научился концентрироваться или таким образом боролся с избытком нового и ошеломляющего.

— Что думаешь, Иска, сдам я экзамен? — спросил он вслух.

— Вероятность сдачи экзамена по минимуму — семьдесят три процента, — откликнулась та нарочито звякающим, «роботизированным голосом».

— Три из четырех, — выдохнул Михаил, — да я гигант!

Нарочито выпятил грудь, напряг мышцы, картинно рассматривая себя в появившееся зеркало. Впрочем, следовало признать, что он и правда стал выглядеть лучше. Ему не слепили нового тела, но исправили многое, рассчитали питание и нагрузки, не говоря уже о том, что в прежней жизни сам Михаил никогда столько не занимался.

Работа, дом, отдых, развлечения, какие тут еще тренировки? Рано еще, ведь он так молод и надо все успеть, да и денег не хватало, и так далее. Рассматривая себя, Михаил вдруг подумал, что сейчас все стройные и подтянутые, этим Таню не взять, и вообще, сколько можно уже учиться в теории, не пора ли перейти к практике?

Экзамен, как и все прочие его собрания в это время, включал в себя теоретическую и практическую часть. Не просто зубрежка билетов, с забыванием всего при выходе из аудитории, нет, ему предстояло пройти по новому миру, попасть в ряд ситуаций, общаться и может быть даже работать, взаимодействовать. За экзаменом наблюдали ИП, вроде Иски, и они же создавали ситуации, о которых экзаменуемый не знал и не мог знать заранее.

В этом, собственно, и заключалась суть, настоящая проверка на деле, не формальная, с настоящими, беспристрастными оценками от неподкупных судей. Михаил даже как-то размышлял над этим и уже сам, без помощи Иски, придумал аналогию, это, как если бы к нему пришел кто-то проситься в напарники — электрики, а он дал бы практическое задание. Посмотрев на то, как работает будущий напарник, Михаил сразу бы понял, чего от него ждать в профессиональном плане, ну а личное общение оценил бы уже потом, скажем, в ходе испытательного срока. Поработали бы бок о бок пару недель и опять же, все стало бы понятно.

Здесь, в новом мире, все это сжали в экзамен и, пожалуй, стоило взять пример с Тани и не обманывать себя, после экзамена все продолжится. Наблюдение, оценки, выводы, если не эксперименты.

— И что такого? — изумилась Таня, с которой Михаил поделился своими мыслями.

Она сидела, поджав ноги, держа в руке бокал чего-то вроде красного вина, и мысли Михаила невольно начали сворачивать не туда. Таня отпила гранатового сока и продолжила, небрежно поводя левой рукой.

— За нами всеми наблюдают всю жизнь, оценивают и записывают, наоборот, ты, можно сказать, станешь частью коллектива.

— Так я на это еще не смотрел, — признался Михаил.

Ему остро хотелось выпить и Татьяну, но он сдерживался.

— Скажу прямо, Михаил, шансы твои не слишком высоки, тебе бы подучиться еще полгода, а то и вовсе принять участие в персональной программе адаптации.

— Ну вот опять! — воскликнул он. — Так взяли бы и заманили меня туда обманом, как и в прочие эксперименты!

— Персональные программы так не работают. Там нужно добровольное согласие и полное осознание происходящего, — Таня поднесла к губам бокал, словно пила кровь. — Почему-то разговоры с тобой прямо провоцируют меня что-то пить или есть, наверное, чтобы ты не так напрягался?

— Я бы не так напрягался, если бы ты говорила меньше правды!

— Да, не всем это по душе, — согласилась Таня с легкой улыбкой. — Думаю, полжисты охотно примут тебя в свои ряды.

— Кто?

Михаил чуть не прикусил предавший его язык, современный житель просто тут же запросил бы манопу и через нее сеть.

— Полжисты, те, кто считают, что жить надо по лжи, — пояснила Таня. — Мол, ложь выделила человека над остальными, ложь о лучшем мире вела его вперед и выше, ложь

заставляла сдерживаться и улыбаться другим, хотя кто-то неполживый просто дал бы выход ярости и убил мешающих соседей. Соответственно, они говорят, что надо продолжать этот путь, который завел человечество так далеко, просто улучшить, чтобы избежать новых мировых войн и все будет в порядке.

— И наверняка при этом врут, — проворчал Михаил.

Татьяна рассмеялась, и они больше не разговаривали об экзамене, по крайней мере в тот день.

Сигнал из сети поступил почти сразу после того, как Михаил проснулся. Его приняли на работу, ему следовало прибыть на место, куда-то в район Болгарии или Румынии (Михаил всегда в них путался), где на побережье ему предстояло трудиться в дельфинарии. Помогать налаживать с ними контакты, присматривать, плавать вместе с ними и изучать их среду обитания и язык и способствовать в лечении, так как дельфинотерапия до сих пор применялась.

— Отлично! — вскричал Михаил и ткнул в свое отражение в зеркале зубной щеткой, словно бластером. — Кто самый быстрый дельфин на всем Диком Западе? То-то!

Одеваться специально в костюм Михаил не стал, эта часть умерла вместе со старым миром, и поэтому он заказал у синтезатора больше подходящее для работы: легкую всепогодную одежду, почти пляжную по былым меркам, а также панаму, чтобы не напекло голову, и легкие сандалии, не натирающие ноги. Произведя необходимые отметки и думая о том, что вряд ли его жилье простоит долго, скорее всего там снова появится уголок природы или его перестроят в нечто иное, если найдется желающий, Михаил вышел на улицу и задумался на мгновение, какой транспорт ему выбрать.

Подходило что угодно, но имелись и другие критерии отбора. Машина — не тот настрой, так и потянет любоваться красотами путешествия на юг. Вертолет — он не освоил достаточно управление и вообще, слишком шумно. Мотоцикл? Не его. Самолет? Слишком быстро. Поезд, вот почти идеальное решение!

— Воистину, поезд, — и Михаил развернулся, подавая сигнал.

Персональный диск — во времена Михаила такие роботы катались и убирали пол — подкатил и послал сигнал о готовности. Ответный сигнал о пункте назначения и тут его остановили.

— Помогите, пожалуйста, — чуть надтреснутый голос сбоку.

По голосу бабулька, но выглядящая так молодо, что он в первую очередь подумал совсем о другом.

— Манопа что-то вдруг забарахлила, и я даже не могу вызвать ремонтную службу, да и на поясе летать опасно, помогите, — сказала она.

Вообще-то манопы славились своей надежностью и их даже не меняли физически, лишь обновляли программное обеспечение, если переводить на термины прежнего мира. Михаил как-то попытался вникнуть в процесс, но обломал зубы и заработал головную боль, в этой области он и раньше не разбирался. Но все же, бывали и поломки, и транспортная система должна была сама вызвать ремонтников, но видимо что-то пошло не так.

— Разумеется, сейчас, — улыбнулся он в ответ, посылая сигнал нужной службе.

— Люблю летать на поясе, — призналась бабулька, Милана Жоржио, как видел Михаил.

В каком-то смысле нынешние статусы повторяли татуировки, насечки, раскраску и одежду, и прочие знаки первобытных племен. Когда по знакам сразу было видно общественный статус, какой там сын или дочь, есть ли дети, чего достиг в жизни и все прочее, необходимое для заведения разговора или сразу объявления вражды.

Так и здесь, сразу было видно имя и фамилию, социальный статус, достижения и все прочее, что захотел показать владелец — по сути часть досье, которое каждый носил с

собой. Милана оказалась старше Михаила на тридцать с лишним лет и родилась еще во времена периода хаоса, в старом мире, в каком-то смысле. Не прямом, вряд ли у Михаила нашлись бы с ней общие темы обсуждения старого мира, но все же.

— Скорость не такая высокая, но зато ветерок, свежий воздух, летишь и созерцаешь, как прекрасен стал мир и прямо сердце поет, — словоохотливо сообщила Милана, улыбаясь Михаилу.

Улыбаясь не хуже Тани и, он взял себя в кулак, сдерживаясь.

— Прямо не верится, что так мало времени прошло и на моей памяти открыли энергоний.

— В две тысячи девяносто первом году, — подсказал Михаил, даже не обращаясь к манопе.

Появилась машина ремонтной службы, из которой вылетели два робота и вылез позевывающий вихрастый парень, со странным пятнистым загаром на лице. Михаил еще раз чуть улыбнулся, отдал сигнал диску и покатил дальше, радуясь, что все не свернуло куда-то не туда. Нет, это не стало бы провалом экзамена, но он испугался самого себя, по правде говоря, и системы наверняка зафиксировали его возбужденное состояние.

— Расписание и схемы движения поездов, — скомандовал он, досадуя на самого себя.

А вдруг они там не ходили? Машина, авиетка, пояс, индивидуальный транспорт на то и индивидуальный, что с ним все было проще и опять же, личное — не общественное, в отличие от поездов. Не говоря уже о том, что в новом мире уже не требовалось так мощно двигать и возить грузы с одного конца планеты на другой.

Но ему повезло или интуиция нашептала и нашелся поезд, объезжающий все Черное море.

— Ананасовый салат и мясные сливы, а также сок раптанга, — заказал Михаил синтезатору.

Еще одна примета нового времени, информационные кристаллы с рецептами подходящих блюд. Подходящих буквально, не в смысле вкусовых ощущений, а те, от которых ты не отравишься, не впадешь в кому и так далее. Своя кухня, в общем, возимая с собой для воспроизведения в любом уголке галактики, решение проблемы несовместимости еды разных рас. Манопы хранила ту же информацию, но у инопланетян отсутствовала единая земная сеть, поэтому унификация свелась к кристаллам. Разумеется, находились и любители экзотики, пробовавшие незнакомые блюда наугад, существовали толстые справочники совместимости, что кому подходит и к чему лучше даже не прикасаться, и Михаил отчаянно надеялся соприкоснуться со всем этим вживую, не в симуляции.

Помимо еды, он вызвал информацию и виртуально еще раз осмотрел место будущей работы, пробежался по обязанностям и графику, а также заказал себе жилье, небольшой одинокий домик холостяка, скрытый садом. Михаил не собирался бегать от контакта с соседями, но все же визуальное ограничение помогало ему, и он не стал скрывать своих реакций, опять же по совету Тани. Сочетание манопы, ИП и сети, в общем-то могло выступать заменителем полиграфа, пусть и не в смысле прежнего мира, и все это слегка нервировало.

— Вот так, теперь только доехать и приступить уже к работе, — не скрывая нетерпения, потер ладони Михаил.

Но, разумеется, он не мог просто доехать в одиночестве, и ему пришлось выдержать еще два разговора, один из них с компанией веселых девушек, едущих на Балканы, для

проведения там каких-то раскопок. Открытость, дружелюбие, общительность и смех, масса обнаженного тела, и Михаил сдерживался. Не только потому, что за ним наблюдали, но и потому, что стандарты изменились.

Ему помогала мысль, что житель «19 века» тоже счел обитательниц начала двадцать первого поголовно развратными женщинами, если не начал бы тут же домогаться их. Поэтому Михаил общался и шутил в ответ, не все понимал, и запрашивал манопу, пытался оставаться в рамках и так далее. Рассказал о своей будущей работе, не касаясь истинной биографии, обменялся контактами и распрощался. Второй разговор был со строителями, едущими примерно в тот же район, что и Михаил, и они вместе обсудили проблему отвода Меркурия на более отдаленную от Солнца орбиту.

Затем поезд потребовался где-то еще и ему пришлось пересест на авиетку, и Михаил слегка раздраженно подумал, что экзаменаторы все же перегнули палку. Там поломка, тут изъятие поезда, что дальше, отсутствие жилья, так как роботы и мощности потребовались на дне Черного моря?

В то же время, он искренне гордился собой, ведь пока что справлялся просто на ура. Общался, заказывал, реагировал, взаимодействовал, получал информацию из сети и отдавал, не закрывался и не кидался с каменным топором наперевес на шайтан-машины. Нет, подумал он, с легкой дрожью в коленях наблюдая за проносящейся внизу степью, не отсутствие жилья, а вторжение инопланетян и бой прямо здесь, южнее Одессы.

Кабина авиетки напоминала ему голову стрекозы, и Михаил, по правде говоря, предпочел бы, чтобы она была не такой прозрачной и открытой. Даже зная о надежности единой системы и самого транспорта, способного правильно аварийно разбиться, спасая пассажиров, ему все равно становилось не по себе. Гигантская скорость и открытость кабины, пусть в лицо и не бил ветер, и Михаил вдруг подумал, что это отличная метафора нового мира, и его самого, напуганного в глубине души происходящим.

Как-то сразу успокоился, даже мысли о том, что вместо кабины могли быть силовые поля (отказавшие в последний момент, просто потому что) не испортила ему настроения. Он спокойно долетел, обошлось без вторжений, хотя с инопланетянами встретиться все же пришлось. Представитель оконоров, расы разумных кальмаров, обитатель водных глубин и слегка амфибия, работал в этом дельфинарии и ему предстояло стать наставником или напарником Михаила во время работы.

Заселение и общение с соседями прошли без сбоев, по крайней мере, на взгляд Михаила. Он еще успел выйти на работу и познакомиться с Тони и Беккой, парой средиземноморских дельфинов, прибывших сюда для обмена опытом, и даже сделал с ними один заплыв, опять поразившись новым технологиям. Синтезатор, подобный тому, что создавал пищу, переставляя атомы, выступал в роли дыхательного аппарата, создавая необходимое количество и перерабатывая выдыхаемое.

Не обошлось и без знакомства с соседями, парочкой с подводной фермы, где выращивали какие-то особые водоросли, растущие на сероводороде, находящемся под Черным морем. Несколько ожмиков, ежедневно валявшихся на берегу, словно они соревновались, кто больше обгорит, а также дедуля — ветеран третьей и четвертой мировой войн, наполовину состоявший из протезов и заменителей.

А затем вдруг все закончилось, и Михаил оказался во все том же центре здоровья.

— Крайне, крайне прелюбопытно, мнэ, мнэ, — тут же услышал он от Наакянца, который даже приехал вживую, хотя мог бы посмотреть запись через сеть. — Даже

захотелось оставить тут все и податься в социологию, какие реакции, какая интересная манера!

— То есть я сдал? — машинально спросил Михаил.

Да, оценивали ИП и сложные системы, но это не означало, что живые больше не принимали экзамены. У Михаила вообще в последнее время зародилось подозрение, что весь этот центр здоровья появился тут исключительно из-за него. Других пациентов он практически и не видел, Таня и «Аарон Викентьевич» словно специально тренировались для работы с самим Михаилом, ну а Артем... тот пропал за ненадобностью. Применение сил не потребовалось, влюбленность в Таню Артему разыгрывать не пришлось.

— Это не в моей компетенции, Михаил, — покачал седоватой головой Наакянц, — но вот так, накоротке, я бы пожалуй не распознал в вас человека из прошлого. Разве что паузы в реакциях и работе с манопой, но такое бывает, и это нормально.

— Для обучения в течение трех с половиной месяцев это просто потрясающие результаты, — добавила Таня и сердце Михаила застучало чаще.

Все же были плюсы и в правдивости, он сразу поверил Тане.

— Пусть курсы обычно длятся меньше, но не будем забывать, что инопланетяне знакомы, как правило, и с энергонием, и с синтезаторами, сетями, имеют общее представление о Земле, иначе с чего бы им вдруг захотелось сдавать экзамен на гражданство, — продолжала рассуждать Таня.

Но были и минусы, признал мысленно Михаил.

— Так что, думаю, да, Иска?

— Экзамен сдан, — появилась перед ними голограмма восьмилетней девочки с косичками. — Оценки и наблюдавшие ИП и специалисты, и их мнения...

Михаил получил «экзаменационный» пакет информации и сдержался, не стал рыться и вчитываться.

— ... учтены прошлые обстоятельства, знания и содействия, присвоен статус гражданина, а также начальный рейтинг, и выслана...

В помещение скользнул невесомый, легкий беспилотник, напоминавший собой стрижа. В «клюве» он нес манопу, которая радостно откликнулась на присутствие Михаила, и он вдруг ощутил и понял разницу. Здесь он пользовался манопой центра здоровья, безликой, работающей через Иску, и это было прекрасно, но не то. Недаром, видимо, говорили, что манопы привязывается к владельцу и учится вместе с ним всю жизнь.

— ... и на этот ответственность центра здоровья «Незабудка» за пациента Михаила Лошадкина, две тысячи... года рождения прекращается и он сам несет полную ответственность за себя и свои действия, с чем его и поздравляют все принимавшие экзамен.

— Ура, — вяло воскликнул Михаил.

Совершеннолетие в новом мире сохранилось, как возраст физического созревания, взросления, готовности к этой самой взрослой жизни, но существовало еще и социальное, экзамен, который он сдал сейчас, пусть у землян все и проходило в несколько иной форме. Неважно, суть его оставалась прежней — готовность нести полную ответственность и жить самому.

Вялость возгласа же была вызвана предстоящим разговором с Таней.

— Что же, вещами я не оброс, собраться будет легко, — попытался пошутить Михаил.

— Молодец, — похвалила его Таня, — вживаешься.

В новом мире не было принято обрастать вещами, чему изрядно способствовали синтезаторы и прочие чудеса энергония.

— Присядем на дорожку, — вдруг произнес он, хотя хотел сказать иное.

— Присядем, — легко согласилась и села Таня.

Михаил смотрел на нее и понимал всю бесполезность своих слов. Заготовленная речь звучала жалко, а сам он выглядел бы смешным, если не таким же жалким, как слова. Не стал Михаил и клясться мысленно, что вернется и завоюет Таню, хотя и хотелось.

— Пиши, выходи на связь, заезжай в гости, — предложила Сальвини, поднимаясь. — Ты сдал экзамен, но все же, если что — возвращайся, мы всегда будем рады тебе.

— Обязательно, — кивнул Михаил, тоже вставая.

Он улыбнулся напоследок, развернулся и вышел из центра здоровья, двери сами открывались перед ним, а маноподсказала кратчайший маршрут. Вышел и остановился под жаркими лучами уже осеннего солнца, запрокинул голову и замер на минуту, наслаждаясь завоеванной, выгрызенной, выученной свободой.

Теперь оставалось только найти свое место в этом новом, странном мире.

4 сентября 2126 года

Теплое ощущение от слов «можешь вернуться» перемежалось легкой злостью, словно его считали каким-то несмышленьким, приبلудившимся щенком, и желанием доказать, что он ого-го! Какая-то часть рвалась на юг, на какие-нибудь Багамы или Мальдивы, и в то же время Михаил осознавал, что так не пойдет. Легче легкого было прокутить и растратить стартовый капитал, да и оторваться от всего, включая Таню, утонуть в чудесах нового мира, если уж на то пошло.

— Пункт назначения? — пришел запрос от прикатившего транспорта.

— Вот сюда, — ткнул он в точку неподалеку от бывшего Смоленска.

Смещение на юг, но в то же время не слишком далеко от бывшей Москвы, а стало быть, и Тани. Меньше кредитов на перемещение, сохранение близости и в то же время демонстрация, что он уехал. Все, связанное с его основной специальностью — электрикой — практически умерло, так как исчезла необходимость в генерирующих станциях, передаче по высоковольтным линиям и проводам в домах и земле и розетках и прочему, и это в свое время стало немалым ударом для Лошадкина.

Его хитрый план заключался в получении «грязной» работы, то есть связанной с очисткой от всего вредного и раскопками развалин, и прочим, с неявным шансом снова стать пациентом центра здоровья, в котором трудилась Таня. Работы, необходимые обществу, но не слишком привлекательные, оплачивались лучше, и Михаил собирался одновременно учиться и еще раз учиться, не собираясь становиться ожмиком.

Не из страха «бомжевания» и не из желания стать активным общественником, нет, просто Михаил прекрасно уяснил, что на обязательный минимум всех чудес нового мира не увидеть. Может это и не волновало тех, кто и так видел эти самые чудеса, а вот ему хотелось, вживую побывать там и сям, пройтись по другим планетам, пролететь в космическом корабле, получить много рейтинга и энергии, сотворить нечто грандиозное, не без тайного умысла насчет Тани, разумеется.

— Работы и жилье, — послал он запрос в сеть, и манопя откликнулась.

Вот уж кто и правда напоминал радостного щенка, разве что хвостом не вилял. Перед глазами Михаила развернулась карта тех мест, на которой вычерчивался маршрут, которым мчался везущий его автомобиль. Михаил на мгновение отключил часть экрана, посмотрел одним глазком и судорожно сглотнул. Не мега-плотный поток машин, как он представлял, но на скорости в сотни километров в час, с расхождением друг от друга в сантиметр, все это вызывало неконтролируемый страх перед столкновением.

В воздухе тоже парило и летало немало всякого, и Михаил вдруг задумался, что миллиард людей и инопланетян — это не так уж и мало. Особенно, если отсутствовали мегаполисы, как говорила Таня, и при равномерном распределении по поверхности, в любой точке Земли ему предстояло встретить толпу. Хотя, тут же мысленно поправил он себя, часть же ушла под воду, буквально, подводные фермы, модификации жабр и исследования влияния на психику подобных изменений и образа жизни.

Еще одно направление горячих споров, чуть ли не битв с копьями наперевес — изменения тел и как те влияют на людей, и что лучше — менять себя под новые планеты в

космосе или преобразовывать сами планеты? При всем обилии разных рас, космос все равно оставался больше размерами и места для расселения хватало, насколько уловил Михаил. Споры и дебаты обильно уснащали терминологией и научными шутками, из которых он улавливал треть, в лучшем случае.

— Успеешь ли ты затормозить, в случае отказа систем? — все же спросил он у машины.

В ответ пришел информационный пакет, сообщающий о долях процента шанса на отказ систем, и развернутое описание системы моментальной остановки и гашения инерции без вреда для пассажиров. Ну или почти без вреда, Михаил поморгал на кучу непонятного всего и вернулся к своим делам.

— Так, вот и вот это подойдет, — отметил он.

Жилье его устраивало — пока — любое, ведь все оно было гораздо роскошнее палаты в центре здоровья и квартиры из старого мира. Михаил подозревал, что легко можно зажраться и привыкнуть к хорошему, но пока такого не случилось, следовало пользоваться — тут экономить, там выигрывать очки в глазах общественности и рейтинга.

— Но вначале все же работа.

Высочайшая транспортная мобильность сочеталась еще и с распространенной практикой переезжать к новому месту работы. Не ездить туда, а ходить, а то и бегать, в качестве утренней или вечерней разминки. Разумеется, здесь не существовало какого-то единого стандарта, где-то легко можно было работать и через сеть, кто-то предпочитал жить на одном месте, а на работу летать и так далее, разнообразие вариантов на любой вкус. В то же время Михаил вполне понимал выгоды подобных переездов и собирался и дальше действовать в «общем русле», плыть по течению с системой во имя своего хитрого плана.

— Так, как это делалось, ага, вот оно, — пробормотал он.

Не то, чтобы эта привычка выдавала в нем жителя прошлого, другие тоже бывало проговаривали действия вслух, но все же. Поколения нового мира отличала элегантность и непринужденность Тани, способной работать через манопу и одновременно с этим общаться вживую.

Михаил взял ту часть своего досье, что отвечала за квалификацию и рейтинг, и можно сказать, выставил их в сеть, заявив себя, как нового работника. Одновременно с этим он произвел запрос, дабы сеть выдала ему все подходящие вакансии в той местности, куда он направлялся.

— Ну да, кто бы сомневался, — тоном печального ослика Иа выдал он.

Квалификация у него отсутствовала — только экзамен на гражданство — и все это неизбежно вело, как ни странно, к дичайшей конкуренции. На подобные же работы легко могли претендовать и ожмики, и просто по закону больших чисел всегда находились желающие подняться и вырваться из их рядов, и в общем-то, сейчас Михаил смотрел на одинокую вакансию.

В его старые времена такое называли бы дворником, по сути, оно примерно соответствовало. Только здесь требовалось приглядывать за уборочным комплексом роботов, из-за «сложности рельефа», что в переводе означало — развалины. При этом, как ни странно, по-настоящему опасные для здоровья работы Михаилу просто не светили, там требовалась квалификация и подтвержденные экзамены, впрочем, эту проблему он мог и решить самостоятельно.

— Точно, — вдруг сообразил он и хитро улыбнулся.

Свидетель из прежних времен! Если чуть поднапрячься, да поискать в сети, можно было

не просто убирать и расчищать, но и восстанавливать прежний облик зданий и прочего, для истории, и происхождение Михаила тут как раз и пригодилось бы.

В принципе, он мог и спрятать свое происхождение, ну мало ли, тайна личности и все такое, но с другой, стоило ли? Не проще ли сразу все рассказать, сжиться с этим, а то и может даже немного прославиться, предложить свои услуги консультанта — очевидца? Без обучения кого-либо, чтобы не сдавать экзамен, а именно просто консультации очевидца. Одобрительно похмыкав, Михаил добавил и эту часть в сеть и вернулся к поискам жилья.

К концу поездки он уже сделал выбор, оплатил и указал, какие изменения необходимо будет произвести.

Автомобиль распахнул дверцу, поблагодарил за поездку и пожелал успехов, после чего укатил куда-то сам по себе, менять батарею, возить грузы или пассажиров, неважно. В прежние времена Михаил еще вытащил бы парочку чемоданов из багажника, а то и вовсе прикатил бы с целым грузовиком вещей, но теперь он просто стоял и смотрел на свой новый дом.

Легкая радость, что не надо ничего грузить и таскать, и в то же время, какое-то странное ощущение пустоты. Словно отсутствие багажа и мебели не позволяло ему сделать этот дом личным, что ли. Или он меньше ценил его, так как не прикладывал усилий, по словам Тани? Михаил читал исследование (опять же не вникая в научные термины) о подобных вещах, снижение привязанности к одному месту, легкость на подъем в новом мире и что-то там еще, про адаптацию к условиям и перемешивание общества.

— Изменения внесены, — подкатил к нему небольшой робот.

Отсутствие мегаполисов не означало отсутствия всяких там небоскребов и просто общего жилья, возникавшего, как правило, среди людей, связанных каким-то общим интересом. Но на первое время Михаил решил все пожить отдельно, в частном доме с небольшим садом южнее, собственно, Смоленска. Не совсем сочеталось с хитрым планом экономить, но все же.

— Отлично, — отозвался Михаил, просматривая сброшенную ему информацию.

Прежняя планировка его не устраивала, и он решил поменять стены внутри. Дом не первой свежести, но под памятники старины не подпадал и особой художественной ценности не имел. В то же время, имитация стен из бревен выглядела просто очаровательно, равно как и резьба на втором этаже. Оставалось только заменить окна на бойницы и ощутить себя древним витязем.

Михаил поставил цифровую подпись, принимая работы, с него списали кредиты, произвели записи в реестрах, и робот укатил прочь. В теории за ними должен был наблюдать кто-то живой, но то ли порядок упростили, то ли просто занимался чем-то еще и так Михаил этого «бригадира роботов» и не увидел.

В отличие от соседей.

— Добрый день, — высунулась лохматая голова из кустов малины.

— Добрый, — согласился Михаил, разглядывая владельца головы.

Одновременно с этим оба следовали новому этикету, словно обменивались визитными карточками в былые времена, то есть считывали информацию из сети. Как они тут вообще в реал выходят, в тысячный раз подумал Михаил, с такими-то возможностями!

Он активировал одну из функций и увидел, что малина тут не простая, а хитро модифицированная, в попытках добиться всего и сразу. Чтобы выступала в роли живой

изгороди, поглощала вредное из земли и с его помощью давила вредителей и сорняки, а все остальное направляла в ягоды, и так далее.

— Восхитительно, — искренне выдал Михаил, — и как ягоды, Осман Петрович?

— Ядовиты, — признал тот, и выдал банальное. — А вы, Михаил, стало быть, наш новый сосед?

— На какое-то время, — развел руками Михаил.

Кусты организовывали своеобразное подобие живой изгороди между домами, но в то же время Михаил явственно видел, что вышло так случайно. Новые времена породили неразбериху и в этом вопросе, признавалось право на уединение и отстранение от общества, но в то же время общий курс указывал на обратное. Заборов вокруг, в общем-то не наблюдалось, одна из причин, почему Михаил выбрал именно этот дом.

— Буду знать, что малину лучше не рвать, — улыбнулся он.

— Ничего, Старстену они нравятся, постоянно их ест горстями, — отмахнулся Осман Петрович.

Был он вдвое старше Михаила и выглядел классическим дачником — огородником из рассказов родителей и воспоминаний детства. Манопа, все еще в режиме дополненной реальности, услужливо показала, что ткань рубахи там усилена, дабы не рваться и не протыкаться внутри малины, и что новый сосед Михаила написал несколько работ по генной модификации кустарников и приспособления их для новых условий.

— Ядовитое?

— Ему оно как лакомство, а вот обычную малину не ест, конечно, для алурианцев она не яд, конечно, но что-то неприятно, — словоохотливо заявил Осман Петрович.

Только тут до Михаила дошло, что речь об инопланетянах.

— Но уже что-то, яд перегоняется в ягоды, нужно просто изменить направление и будет именно то, что задумывал. Сорняки и вредители, конечно, тоже полезны, экосистема без них будет недостаточна, но я вот думаю, что можно попробовать еще другое направление, добавить сюда выработку феромонов, чтобы комаров приманивать! — глаза Петровича горели, а рука взлохматила волосы. — Прилетят напиться и отравятся, а то все жужжат, звенят по вечерам, не опасно, конечно, но неприятно. Формы изгороди уже добился, еще хочу вынести все ягоды на внешнюю сторону, чтобы сами осыпались в уборочный автомат по сигналу!

— Так ведь синтезаторы еды же есть, — брякнул Михаил.

Подхватил у Тани привычку говорить правду, утратил социальную гибкость, тут же укорил он себя, увидев, как сосед словно бы потух.

— Оно, конечно, да, — прищелкнул Цодиков чем-то вроде ножниц.

Биологический мультитестер, позволяющий не только подрезать, но и сразу брать пробы, производить впрыскивание по месту и много чего еще, подсказала манопа.

— Но все же, ни один синтезатор не заменит радости сбора ягод прямо с куста.

— Или залезания на соседскую дачу за яблоками, — поддакнул Михаил.

Осман Петрович взбодрился, но в то же время посмотрел крайне изумленно. Лошадкин понял, что настал просто идеальный момент для раскрытия тайны своего прошлого. Одновременно с этим он увидел, что дом Цодикова не просто выполнен в форме дерева, а им и является, и мало того, с него свисали одновременно разные фрукты, залезай да рви, от груш до персиков, и рот Михаила наполнился слюной.

— Добрый день! — раздался звонкий голосок за спиной.

Шуршание и позвякивание, Михаил обернулся и увидел, как с велосипеда легко спрыгивает загорелая прелестная девушка, улыбаясь им обоим. Открытое и свободное платье, но не очередная разновидность универсального сарафана, а что-то скорее по мотивам сари или туники, перекинутой через плечо. Широкая улыбка, нос кнопкой и волнистые рыжие волосы, спадавшие до плеч. Как писали в романах «дерзко очерченная грудь», да изумительные босые ноги, с чем-то вроде гэта вместо привычной обуви.

— Проезжала мимо, направляясь к речке, и увидела вас, решила поздороваться.

Михаил смотрел на Джуди, понимая, что идеальный момент для раскрытия своего прошлого категорически упущен, но ничуть не жалея о том.

Что-то взорвалось внутри Михаила, прокатилось огненным шаром и изверглось, порождая новые вселенные в большом взрыве оргазма, подобных которому он никогда не испытывал. Три с половиной месяца без женщины никак не могли привести к подобному обострению сами по себе, так что дело было в чем-то еще.

— Не переживай, дед, ничего дальше не будет, — небрежно заметила Джуди.

— Чего это сразу дед? — обиделся Михаил, выныривая из размышлений. — Чего не будет?

— А кто еще сразу начинает переживать, что секс к чему-то обязывает? Только дряхлые деды родом из двадцатого века, — пояснила Джуди, поднимаясь.

Несколько взмахов рук и прекрасное упругое тело оказалось замотано в тунику.

— Я бы приняла душ, дедуля, но ты только переехал, да еще и снова начнешь думать, что все это к чему-то обязывает, а мне это не нравится.

— А что тебе нравится? — спросил Михаил, приподнимаясь на локте.

Про двадцатый век она почти угадала, если не подсмотрела в сети. Вдруг там манопы тоже сливались в оргазме обмена информацией?

— Легкий и свободный секс без обязательств и лишних слов, и чтобы партнер разбирался хотя бы в базовых техниках, а то помню, встречалась как-то с одним хредуланцем, а тот почему-то решил, что у людей эрогенные зоны в глазах и ушах, как залез туда своим полуметровым языком, фу. Прилетел ты на Землю, так изучи, как тут все происходит, а не суй язык куда попало, ну все, еще увидимся, но ничего уже не будет, как я и сказала.

С этими словами Джуди исчезла, оставив лишь легкий аромат каких-то тропических цветов, да растворившийся в воздухе шелест удаляющегося велосипеда. Михаил полежал пару минут, смиряясь с тем, что его поимели для развлечения и бросили, и размышляя, что еще за базовые техники.

Он поднялся и осознал, что занять себя перетаскиванием вещей не выйдет. Сплюнул мысленно и пробежался по состоянию дома, приборы и устройства откликались, сообщали о степени заряда, износе и заполненности, о недавно полученных обновлениях, о рекомендациях, на основе советов из сети, и Михаил подумал, что старый анекдот про холодильник и бананы тут уже неактуален.

— А с проводами все равно было бы надежнее, — проворчал он для порядка.

Беспроводная передача энергии, общий — аккумулятор? Зарядник? — источник энергии или точнее передатчик, на основе того самого энегония. Некоторые приборы дублировали питание собственными «батареями», и Михаил подумал, что электромобиль на основе такого смог бы обогнуть Землю несколько раз без подзарядки. Топливный и прочие кризисы рассеялись, как дым, смог сгинул вместе с мегаполисами и мега-производствами, да и если так подумать, размышлял Михаил, вертя в руках «батарею», синтезаторы могли превратить все вредное во все полезное и съедобное.

При мыслях об еде, он вспомнил о соседе и вышел наружу, чтобы заодно осмотреть окрестности дома. Деревья и кусты, трава и какие-то сорняки, не слишком ухоженный вид, в таком модном «естественном» виде. Для нового мира в целом была характерна некоторая болезненная одержимость зеленью, чтобы природа вокруг и повсюду, внешне дикая, но на

самом деле упорядоченная и ухоженная. С разным зверьем и птицами, но без эксцессов с дикими или обезумевшими хищниками.

— А если положить ягоды в синтезатор и сделать их из ядовитых съедобными? — спросил он у кустов.

Оттуда высунулась лохматая шевелюра и ответила голосом Османа Петровича.

— Это будет уже не то, не то, Михаил, совсем не то. Вообще все можно свести к утилитарному подходу и пищевым таблеткам, с которыми даже синтезатор не нужен, но как же ощущения? Комплекс эмоций и действий, когда ты срываешь ягоду с куста, кладешь в рот и наслаждаешься вкусом, природой, всем вокруг, как вот вы сейчас наслаждались Джуди.

— Э-э-э, — глубокомысленно выдал в ответ Михаил.

— Вы как-то странно стесняетесь, хотя даже во времена моего детства никто этого не стеснялся. Секс был естественным, как дыхание или глоток воды, захотел выпить и быстро совокупился в лифте или в транспорте, пока ехал на работу, — сообщил Осман Петрович.

— Э-э-э, я думал, все это уже отмерло, — неуклюже попытался выкрутиться Лошадкин.

— А, вы из ограничителей, похвально, похвально, Михаил, — закивал Цодиков, — все же эта распушенность, она хороша до известных пределов, а их в мое время уже не было, никаких и все принимало весьма извращенные формы. Да и что там нового может быть в сексе? Вот в технике, космосе, биологии и модификациях растений, открытия каждый день! Ничего, еще поймет, возьмется за ум, хотя это я уже по-стариковски брюзжу, Джуди и без того умна, наверное, сразу определила в вас сторонника ограничителей и потому умчалась дальше.

— Разве не проезжала она просто мимо? — глупо спросил Михаил.

— Проезжала и что? Это никогда ей не мешало, она всегда была умна, эти бы мозги да на модификацию растений, — Осман Петрович бормотал все тише, снова погружаясь в кусты малины, словно подводная лодка.

Михаил пошел дальше, все же в растениях и всем этом огородничестве он разбирался слабо. Фраза «хорошо иметь домик в деревне» звучала хорошо, только если в этом самом домике ничего не делать, в огороде не сажать и так далее.

Затем он обнаружил еще одного соседа — ожмика, судя по статусу — и вытаращился в оба глаза. Не на ожмика, конечно, а на бумажную книгу в его руках. Даже во времена Михаила — практически раритет, а уж сейчас! Не говоря уже о том, что дико неудобно, ни тебе поиска по тексту и ключевым словам, ни запоминания, где остановился, ни заметок голосом к книге.

Ожмик — слегка пузатый мужчина средних лет — все неправильно истолковал и словно бы приосанился интеллектуально, удвоил усилия по созданию вида того, как он читает бумажную книгу. Михаил подумал и не стал подходить ближе, словно боялся заразиться и проследовал дальше, размышляя о том, что вопрос ожмиком глубже и шире, чем могло показаться на первый взгляд. Сам Михаил, скорее всего, согнал бы их всех в одно место, на остров, вроде Мадагаскара или какой-нибудь Британии и просто не выпускал бы никуда, чтобы не разносили заразу. Таня на это, пожалуй, сразу указала бы, что это лечение, которое хуже болезни и что здоровое общество не боится ожмиков и вообще, не слишком-то гуманно сгонять их в резервацию, как в дикие времена.

— Да, Таня, — вздохнул Михаил, сбрасывая вызов, который едва не произвела манопя.

В то же время образ ее слегка поблек. Пусть Джуди и умчалась вдаль на велосипеде, но этот ураган страсти! Владение телом! Космический оргазм! Никаких обязательств, да,

почесали, выпили стакан воды и пошли по своим делам, такое Михаилу решительно нравилось, не говоря уже о об отсутствии риска подхватить венерическое заболевание.

Еще одна пара соседей работала, другие недавно улетели куда-то на Венеру, и третьими оказались те самые алурианцы, которых поминал Осман Петрович. Их дом находился под землей, наружу выходил в форме вулкана, пыхал жаром и когда оттуда появилась рогатая краснокожая демоница у Михаила натурально отпала челюсть.

Затем челюсть отпала еще ниже, двигалась эта демоница с такой грацией и пластикой, что у него болезненно заныло в груди и в паху. Словно не было ни Тани, ни Джуди, и Михаил смутно подивился, не изменил ли его криосон? Да, медицина будущего творила чудеса, но разве не сказала Таня, что никто не проводил столько времени в анабиозе, как Михаил?

— Добрый день, — произнесла она, останавливаясь напротив и, чуть помедлив, добавила. — Михаил.

— Добрый, Алатея, — отозвался Михаил тоже с легкой паузой.

Словно искорка понимания, общности тех, кто не привык к манопам, сети и подобным технологиям с детства. Разумеется, вокруг жили еще лю... живые, поправил себя Михаил, но он соприкоснулся лишь с непосредственными соседями, чьи дома или вулканы стояли рядом.

— Это рудименты, — красная рука Алатеи чуть коснулась небольших рожек на голове, — как у людей аппендикс.

— Извините, я не хотел пялиться, — пробормотал Михаил, хотя именно этим он и занимался.

Судя по реакции Алатеи — не он один. Но ведь и правда — рожки, небольшие такие, подпиленные или заточенные, словно им сделали маникюр, только для рогов. Манопа уже услужливо подсказывала, что на ней особый комбинезон, под цвет кожи, помогающий алурианцам легче переносить земные температуры.

— Существует мнение, что алурианцы посещали Землю несколько тысяч лет назад и стали одним из прообразов для того, что потом назвали демонами, — все так же спокойно и певуче произнесла Алатея.

Тело ее бугрилось в нужных местах, дышало мощью и жаром и это странным образом волновало Михаила. Настоящая демоница, только хлыста в руках не хватало, и он попробовал не стыдиться своих фантазий, а воспринимать их спокойно.

— Не знал об этом, — признался Михаил, — не интересовался раньше особо религией.

Его вдруг понесло словесно, и он разом вывалил свою короткую историю, ощутив удивление Алатеи и то, что взаимопонимание между ними окрепло. Они оба были пришельцами в этом странном и новом мире, только Алатея бежала от собственных сородичей, которые хотели сотворить что-то ужасное.

— О, необязательно рассказывать, — заверил ее Михаил в духе нового мира. — А теперь мне необходимо съездить на работу, хочу посмотреть все там вживую, прежде чем приступлю к ней.

— И где же вы, Михаил, будете работать? — поинтересовалась Алатея.

Он слегка смутился, но взял себя в руки и спокойно рассказал о работе «уборщика». Неквалифицированная работа, еще одна причина не скрывать своего прошлого, иначе пришлось бы долго что-то выдумывать, или врать, что он был ожмиком, и так далее.

— О, так мы будем работать рядом! — всплеснула руками Алатея.

Алурианцы относились к тому, что раньше называлось «гуманоидами», то есть инопланетянам человекообразных форм, что и стало одной из причин, почему она выбрала Землю для своего побега. Но в то же время Михаила не покидало ощущение, что у нее под комбинезоном прячется еще пара красных мускулистых рук, он и сам не взялся бы сказать почему, но чудилось вот.

— Рядом? — переспросил он.

— Ну да, я тоже работаю по контракту в этих развалинах, провожу первичную разведку под землей, провожу съемки, отмечаю маршруты и опасности, мне, как алурианке их легче переносить.

Странно, подумал Михаил, разве не существовало защитных скафандров с энергонием? Силовых полей, прикрывающих от всего? Как же тогда тут живые работали в космосе? Зачем было подряжать мать-одиночку на такую опасную работу?

— Давайте слетаем туда вместе, да я все покажу, — предложила Алатея и крикнула. — Старстен!

— Да, мам?! Я делаю уроки, мам! Правда — правда! — донеслось почему-то со стороны малинника.

— Вот непоседа, — вздохнула она и чуть сосредоточилась.

— Ой, я просто выбежал из дома освежиться! — мимо промчался этот самый Старстен.

Небольшой демо... алурианец, примерно по пояс Михаилу, тоже с рожками, но без красных комбинезонов. Лицо перепачкано фиолетовым и зеленым, хвостик, копытца, при виде которых Михаил удивленно заморгал. Покосился на Алатею, которая, к счастью, ничего не заметила, так как гневно смотрела на сына и распекала его на своем, похоже за все подряд, и невымытые руки, и то, что врал, и сбежал, и бегал без одежды, а значит мог простудиться, и что там еще обычно кричали земные мамы детям.

— Ох, все это совершенно не по правилам, — покачала головой Алатея, когда Старстен скрылся в жерле вулкана, — но ничего не могу с собой поделать. Ради него я бежала с планеты Хапсода, прижимая к себе яйцо со Старстеном, ну как же теперь его не баловать?

— Конечно, — осторожно согласился изумленный Михаил.

— Возьмите, — Алатея протянула ему пояс.

В теории Михаил знал, что делать, Алатея уже открыла ему доступ и он застегнул пояс, ощущая, как тот расширяется, создавая нечто вроде сиденья, и перекидывает условные «ремни безопасности» через плечи. Руль и прочие рычаги не требовались, достаточно было просто желать лететь куда-то и манопла преобразовывала все это в сигналы для пояса, который и мчался в нужную точку.

Разумеется, первым же делом Михаил перевернулся вверх тормашками.

— У меня было то же самое! — восхитилась Алатея.

Затем они взлетели и помчались над домами и зелеными рощами, и какой-то речушкой, и мимо пролетали другие живые, то спешащие, то словно бы плавно фланирующие. Кто-то даже в полете учился или вел дела, кто-то раскланивался при помощи приветствий через сеть, и Михаил знал, что они летят в воздушном коридоре для «поясных». Все равно те не могли подниматься слишком высоко, и при этом пользовались бешеной популярностью.

Алатея болтала о работе и том, как нелегко матери — одиночке в космосе, а Михаил все вспоминал фразу об яйце, да и в целом пребывал в состоянии легкого шока. Страх перед полетами, когда он словно висел в пустоте и мог рухнуть в любой момент, постепенно уходил, сменяясь восхищением.

— Да, я тоже не сразу поняла всей прелести полетов, ведь алурианцы не летают!

— Как и люди, — улыбнулся Михаил. — Даже поговорка какая-то была, про крылья.

— Ничего, люди полетели, полетят и алурианцы! — пылко воскликнула Алатея.

Михаил вдруг заметил, что она мерзнет, хотя пояс и создавал нечто вроде заслона против ветра, да и не с такой уж большой скоростью они летели. Словно на электросамокатах в его времена, только без риска налететь на кочку и свернуть себе шею в падении.

— Надо было надеть шлемы, — заметил он, подавляя желание обнять Алатею.

— А, они мешают наслаждаться полетом, — отмахнулась та могучей ручищей, — вон, уже прилетели.

Они начали снижаться к месту будущей работы Михаила, прямо в живописные развалины.

Когда они приближались, Михаил ощутил запрос и отклик его манопы, сверки цифровых систем. Еще одна примета нового мира, где выросшие в нем привыкали, что если что-то открывалось, значит допуск туда есть, а если нет, то нет. Что манопы сами по себе все проверят, подскажут, направят, и Михаила не покидало ощущение тепличности такого подхода. Как справлялись выросшие в подобной атмосфере там, в космосе, в отсутствие всеобщей сети? Не выходило ли так, что они чересчур привыкали полагаться на манопы и потом действовали медленнее, как вот сам Михаил сейчас?

— Приветствую, — рядом с ними появилась голограмма руководителя проводимых работ.

Примерно ровесница Михаила, историк, археолог, антрополог и чего-то там еще олог, Анна-Мария Бардзиани, поразившая Лошадкина при первой виртуальной встрече дерзким взглядом черных глаз и величиной рейтинга. В то же время, ничего не ворохнулось внутри тогда, не сдвинулось и сейчас, и он подумал с облегчением, что не превратился в нимфоманьяка, пылающего страстью к любой встреченной женщине.

— Рада, что вы проявляете интерес к работе, Михаил, вот ваш будущий участок работы.

Голограмма взмахнула рукой, подкрашивая часть развалин, хотя умом Михаил понимал, что это лишь цифровые сигналы и сигнал, передаваемый манопой на глаза, не настоящее окрашивание. В то же время его подмывало ткнуть пальцем в голограмму, проверить степень ее осязаемости. Обычно такие голограммы были бесплотны, позволяя ходить и проезжать сквозь них, без особых помех для связи и разговоров, но Михаил знал, что эти параметры можно и изменить.

Просто потребовалось бы больше энергии, да еще какие-то штучки на месте, вот и все.

— Вижу, вы уже познакомились с нашей ведущей проходчицей, Алатеей, куtimo, но я все же напомним насчет допусков.

— Разумеется, — чуть кивнула Алатея, — мы просто оказались соседями.

— Еще рекомендую вот эти лекции, — манопы получила список, — по истории и облику городов тех времен, смешение старых традиций и современных технологий перед третьей мировой создали нечто уникальное, особо ценное потому, что все это по большей части оказалось разрушено во время первых же ударов. Затем время доделало остальное и вот результат, мы по крохам восстанавливаем прошлое, хотя и существует масса снимков в архивах, но ни один из них не дает дополненной реальности, не позволяет провести сканирования и определения состава.

— Да я жил в те времена и знаю, как все выглядело, — заметил Михаил чуть сердито.

При первой встрече через сеть все обошлось парой реплик, он даже не ожидал такой многословности и напора. Да и чего скрывать, его слегка возмутило такое отношение, упоминание лекций, поучающий тон, ну да, не было у него экзаменов и квалификаций, но что теперь, всех живых судить только по ним, что ли?

— О, — Бардзиани посмотрела на него, похоже, сверяясь через сеть. — Любопытно.

— Это не секретная информация, но в то же время я не хочу, чтобы она что-то меняла в отношении ко мне или как-то влияла на все это, — развел руками Михаил.

Алатея посмотрела с сочувствием и пониманием, почесала левый рог.

— Извините, Михаил, но это невозможно, — твердо заявила Анна-Мария, глаза которой

сверкали. — Вы просто обязаны будете провести нам наглядный урок, и осмотреть все, что уже очищено, и показать, что вы узнаете, и возможно, даже подсказать, если мы ошиблись в своих предположениях. Разумеется, все это будет не бесплатно, я вижу, что вы сдали экзамен на гражданина, теперь понятно такое несоответствие, признаться, не обратила на него внимания при нашей первой встрече. Кутимо, завтра?

— Нет, — твердо ответил Михаил, — надо поработать, вжиться, осмотреться, изучить материалы.

— Донешко, качество впереди количества, жду вас завтра, — и Анна-Мария отключилась.

Вроде учил всеземной, подумал Михаил, и что это было в конце, доньшко? Обзывалась? Или ему послышалось, как в ожмиках чудились бомжи?

— Тяжело без квалификации, — вздохнула Алатея и положила руку на плечо Михаила. Его словно обожгло и пригнуло к земле.

— Сама такой же была, — пояснила она, — перебивалась с, как это... с хлеба на воду, пока училась и готовилась сдавать экзамен, да еще и Старстен уже вылутился тогда. Успела, выучилась, сдала экзамен и укрылась в посольстве до того, как меня схватили, чтобы вернуть. Целый десяток прислали, не знаю уж, гордиться этим или плакать.

Они прошли к указанному Михаилу участку, и он осознал, что перед ними часть бывшего пригорода. Вполне возможно, что неподалеку располагалось что-то важное, вроде завода или просто ударили по центру города и тот оказался уничтожен, а пригород уцелел. Пара дряхлых пятиэтажек, на первых этажах — магазины, вон там парковка, это здание — возможно небольшой торговый центр. Ямы и дыры в дороге, растрескавшийся, почти уничтоженный асфальт.

— И что было потом? — спросил Михаил с любопытством, глядя на Алатею снизу вверх.

Он присел, чтобы коснуться травы, пробивающейся сквозь разломы, и подумал, что именно так обычно в фильмах и книгах и демонстрировали разрушающий ход времени. Мол, природа поглотит созданное человеком и вернет все, как было до него, не заметив исчезновения человечества.

— Я сдала экзамен и у меня была парочка припасенных уге, да еще немного знаний, которые тоже удалось конвертировать, и я сумела оплатить билет до Земли для себя и Старстена.

— Нет, я про отряд охотников.

— К ним вышел сотрудник посольства и вежливо сообщил, что я — гражданка Земли. Они долго шумели и размахивали оружием, но ничего не добились. Любой может прийти, получить учебные материалы и попробовать сдать экзамен на гражданство, а нападение — это нападение, к ним в ответ применили бы силу и алурианцы, посланные за мной, знали об этом. Они развернулись и ушли, а я прилетела на Землю и снова взялась за учебу.

— Любопытно, — пробормотал Михаил.

А как же дипломатия? Умерла в муках правды? Стоила ли одна Алатея ухудшения отношений? Стоило ли Михаилу лезть в политику, то есть отношения с другими обществами?

— И что там, внизу?

— Огромное подземное убежище и сеть туннелей, ведущая к нему, — сообщила Алатея. — Но тебе туда нельзя, Анна-Мария мне напомнила.

Она нахмурила густые, щетинистые брови и словно втянула губы внутрь, будто хотела их прокусить. Манопа подсказала, что это выражение смущения

— Я как-то взяла с собой Старстена, ему так хотелось посмотреть, где я работаю, ну и мне хотелось похвастаться, совсем забыла, что все везде записывается и просматривается, и вот.

— Да это нормально, — заверил ее Михаил, оглядываясь. — Если не расти в этом с детства, то, конечно, что-то да забудешь или упустишь.

— Но ты не понимаешь! Ведь у меня могли отозвать гражданство!

Вот это я упустил в своем обучении, подумал Михаил, продолжая оглядываться. Затем обозвал себя дураком и обратился к манопе, обозрел окрестности через сеть. Конечно же рядом были живые, кто-то расчищал кисточкой кусок стены, кто-то находился под землей, еще двое словно скрывались за завесой в одном из зданий, и еще вокруг сновали роботы и механизмы. Что-то таскали и перевозили, переставляли, следуя своим программам, и манопе дала ощущение отъезжающей вдаль камеры, демонстрирующей весь участок работ.

Немалый такой участок, в котором Михаилу предстояло расчищать крохотный кусок.

— Нет, не понимаю, — с прямоотой Тани отозвался он, выпрямляясь, — ведь я и сам пока еще чужой в этом мире, но уверен, что разберусь. Ты стала мне примером, Алатея, путеводной звездой.

Алурианка улыбнулась, показывая прочные, крепкие зубы и кожа ее изменила цвет, из красноватой стала словно бы... зеленоватой?

— Полетаем еще? — предложил он.

В общем-то, он мог приступить к работе в любой момент, но словно оттягивал его. Никто не требовал от него трудиться по шестнадцать часов в сутки, но все равно, Михаил медлил, будто пробовал холодную воду ногой, прежде чем нырнуть в нее. Он много раз воображал себе все это, но как-то иначе, больше с позиций Избранного, по правде говоря.

— Полетаем, — согласилась Алатея, — только проверю... Старстен все еще учится, отлично.

— Разве нельзя поставить в дом ипу? — спросил Михаил.

— Кого? Ах, помощницу, ну да, я думала об этом, но она не помогла бы.

— В эти дни запрещено запрещать что-то детям?

Михаил не вникал в эту тему сейчас, да и раньше не особо разбирался в достижениях педагогики. Вроде все двигалось в сторону смягчения, ласковых слов, никаких телесных наказаний и запретов. В результате дети, по мнению Михаила, вели себя так, что мартышки или бабуины сдохли бы от зависти, и он каждый раз укреплялся в мнении не заводить своих.

Только Тане удалось поколебать прежнюю решимость.

— Разумные запреты и ограничения рекомендованы, а иногда даже обязательны, но я слишком люблю Старстена. Понимаю, что это плохо, борюсь с собой, но не выходит, — призналась Алатея со вздохом, взмывая в воздух.

Михаил, чуть красуясь, стартовал следом, будто ракета. Да, он не летал раньше, но все оказалось так просто и напоминало езду на велосипеде. Держи равновесие, следи за обстановкой...

— Эй! — донесся возмущенный возглас. — Следи за тем, куда летишь!

И он чуть не влетел в кого-то, не привык следить в трех измерениях. В то же время транспортная система не подвела, чуть дернула пояса, и они разошлись, не столкнувшись. Кричавший снизился к развалинам, похоже, Михаил чуть не устроил аварию с еще одним

участником проекта.

Можно было проверить через сеть, но он не стал.

— Ой, как вспомню, в первый же день столкнулась с Османом Петровичем, — загрохотал смех Алатеи. — Он вылетел осмотреть свое дерево сверху, что-то там подрезать, а я гналась за Старстеном, который полез рвать оттуда мини — дыньки.

Михаил вспомнил старый анекдот про «завалило арбузами» и рассказал, пояснив суть. Алатея смеялась и согласилась, что это про их соседа. Они уже удалились от развалин и будто парили над рекой, на берегу которой показался огромный дом, где жили сотни людей, как подсказала манопы.

— Сообщество любителей истории, — равнодушно сообщила Алатея. — Прибыли повторять битву под Смоленском.

— Которую из них? — полюбопытствовал Михаил.

— А их было много?

Они снова рассмеялись, легко и непринужденно, словно общались уже давно. Михаил уже не пугал открытость обитателей мира со страстью в его адрес, хотя на ум сразу пришла Джуди. Они пролетели мимо дома и какого-то небольшого заводика по производству композитных пластиков, хотя опять и снова Михаил не признал бы в этом красивом и закругленном здании заводик. Скорее нечто вроде мини-курорта его времен, или художественного особняка.

— А вон там карьер по добыче глины, — указала Алатея, будто заправский экскурсовод.

— Но зачем все это? — вырвалось у Михаила. — Ведь есть синтезаторы и неограниченная энергия, зачем что-то добывать и перерабатывать?

— Я тоже так думала, но выяснилось, что энергия все же ограничена, и чем меньше ее уходит на перестановки атомов, тем лучше, экономнее. Никто не трясется над лишними энергодонами, но и не швыряются направо и налево, гася и зажигая звезды и создавая новые планеты.

— Хм-м-м-м, — отозвался Михаил.

Очарование нового мира слегка угасло, как с Таней.

— А если тебе поставить ипу, которая будет ограничивать тебя и Старстена вместе? — предложил он, когда они уже свернули от реки и влились в «поток».

— Вместе?

— Ну да, ты подашь ему пример, что ограничивают вас обоих и вообще.

— Над этим надо подумать, — кивнула Алатея и добавила. — Давай домой, что-то у меня уже рога мерзнут.

— Конечно! — вскричал Михаил. — Не надо было терпеть все это ради меня!

— Оно того стоило, для местных полеты на поясе самое естественное дело, а найти того, кто разделяет мой восторг ими — такое дорогого стоит.

— Пожалуй, — согласился Михаил.

Пока они летали туда и сюда, а потом пытались достать Старстена из кустов малины да так, чтобы Османа Петровича не хватил удар от испорченных растений, появилась и отсутствовавшая пара соседей. Женатая пара, как показывал их сетевой статус, и Михаил понял, что на глаз, без подсказок манопы, не определил бы, к кому относилась жена. Смуглая, но не до черноты негров, ближе к арабам или евреям, носатая, широкоглазая и широкобедрая, мелкая в смысле роста, подвижная и любопытная. Муж, огромный ленивый

увалень, больше напоминал сенбернара и словно компенсировал собой подвижность жены.

— Михаил Лошадкин, недавно вышел из криосна и получил гражданство, — представился он.

Молчаливый обмен через сеть статусами и именами прошел в соответствии с современным этикетом, если тут вообще было применимо такое слово. Свобода и естественность, как девизы нового времени, но Михаил все же представился вслух, чтобы сразу закрыть все вопросы и, чего скрывать, посмотреть на реакцию. Семейная пара, ей — двадцать шесть, ему двадцать восемь, то есть они родились уже в новом мире и не знали другого (в космос не летали).

— Цецилия Авансон, специалист по прочности сплавов и выращиванию из них нужных конструкций, — тут же восхищенно отозвалась жена, глядя на него черными, широко раскрытыми, словно в аниме, глазами.

— Димитр Йохабе, — пробасил муж, — сейчас занимаюсь синергическим дизайном.

— А вы были в криосне, но ведь в него давно уже не погружают и надобность в анабиозе для полетов отпала после наступления ээ, — затараторила Цецилия.

Последнее прозвучало с интонациями дворовых гопников, «э, ты слышь» и Михаил едва не заржал. Эпоха Энергония, конечно, и некоторые даже предлагали начать с момента открытия новое летоисчисление, но все же.

— Я случайно оказался заморожен перед самым началом третьей мировой, — признался Михаил.

— О! Я изучала ту эпоху и писала доклад о влиянии культуры блипового восприятия на политику и общественные решения, вы просто обязаны рассказать нам все, ведь у нас есть время, да, дорогой?

— Конечно, — согласился Димитр.

Михаил чуть улыбнулся и начал рассказывать, незаметно поглядывая на Алатею.

— Позабыты хлопоты, остановлен век, вкальывают роботы, а не человек, — мурлыкал под нос Михаил древнейшую песню из совсем другой эпохи.

В то же время, суть она передавала, роботы вкальвали, а человек — то есть сам Михаил — следил за ними, реагируя на полученные сигналы. Правда, полежать пузом кверху на солнышке не удалось, так как всплыли те нюансы, из-за которых здесь и требовался личный присмотр живого. Стоит интересоваться таким заранее, отметил для себя Михаил, реагируя на очередной вызов, выглядевший для него, как всплывающая перед глазами табличка.

Можно было настроить и иначе, разумеется, все равно все обеспечивалось манопой внутри, но Михаилу нравился такой вариант, веяло от него ностальгией, играми и прежними мечтами, особенно на основе книг, как кто-то попал в виртуальность и начал там качаться, аж просто ух, до дыма серверов и управляющих ИИ.

— Оставить, — принял он решение.

"Экспедиция" (в кавычках потому, что таковые у Михаила прочно ассоциировались с лагерями из палаток в жопе мира) работала комплексно, занималась исследованием и нейтрализацией угроз, а также описаниями, сканированием и воссозданием случившегося, истории этого места, облика. Здания, по возможности, не трогали, пытались очищать и отмывать до первоначального вида, словно археологи с кисточками, отсюда и ассоциации с житьем в палатках посреди пустыни.

Роботы, разумеется, могли и сами отмывать или ломать, или еще что, но им специально задали максимально "неуверенную" программу и на каждый условный цифровой чих, где не было стопроцентной гарантии, они слали сигналы Михаилу, а тот принимал решения.

— Можете стирать, художественной ценности это не представляет, — хмыкнул он дальше.

— Но это же аутентичные рисунки, ручные граффити! — донесся изумленный возглас.

Михаил машинально обернулся, хотя и так в общем-то уже увидел сетевую отметку рядом с собой. Помимо общей сети, связывающей всех, экспедиция создала нечто вроде локальной, пометки той территории, на которой они работали и всех участников, обменивались сообщениями, объединяли ресурсы и так далее.

Маркета Сванди при первой встрече понравилась Михаилу, а вот он ей — нет, и ему вспомнилась старая мудрость, что чем мельче собака, тем злее. Маркета напоминала ему мелких собачонок на тоненьких ножках, из числа тех, что разные гламурные фифы в его время любили носить на руках, и Сванди представляла собой сплав облика фиф и злобности собачонок.

— Таких граффити всегда было полно, — вздохнул Михаил, — и уж ценность у них... отрицательная.

— Но они часть здания!

— Да вот, ни..., - Михаил покосился на стену с рисунком полового органа и надписью из трех букв. — Все это дорисовали уже позже, уж поверь мне.

В новом мире царила открытость, легко переходили сразу на ты, и экспедиция дополнительно спланировала живых внутри себя, но все же, в случае с Маркетой, такое оказалось некстати. Он обернулся и посмотрел на Сванди сверху вниз, на ее обманчиво кукольную и хрупкую внешность, выделяющуюся в этом мире, полном спортивных живых.

— Значит, этот рисунок отражает развитие здания во времени! — топнула ногой Сванди.

Назло Михаилу, в этом он не сомневался. Оставалось только гадать, за что она его невзлюбила, и он даже спросил прямо, но получил в ответ фырканье и обвинения в фантазиях.

— Сюда могут водить детей на экскурсии, — возразил он.

Стоило бы промолчать, но у него возникало старое, почти забытое ощущение, из-за которого он и подался на вольные хлеба. Промолчи и начальство и дальше будет вытирать о тебя ноги, уверенное, что ты стерпишь все. Начальство! Возможно ли, что Маркета смотрела на него сверху вниз, образно говоря, из-за того, что рейтинг Михаила плавал на самом дне, чуть выше порога ОЖМ, а ее уходил куда-то в небеса?

— Дети проходят все это в школе, знают, что такое половые органы и для чего они нужны.

— То есть ты понимаешь, что здесь нарисовано и написано?

— Пф-ф-ф! Конечно! — фыркнула Маркета.

Может, она и не знала русского, но ей помогла маноба, сообразил Михаил. Дети в школе, надо же, хотя, в общем-то, если вспомнить и у них все это было в учебниках, классе в восьмом или седьмом, кажется. Добавить политику полной правдивости и вуаля, ничего шокирующего, открытость, но без излишеств, просто часть тела и все тут.

— Я знаю все о той эпохе!

— Готов поспорить, ты не знаешь шутку про кошкожену в валенке! — не выдержал Михаил.

Роботы слали сигналы, работа стопорилась, из соседнего дома уже выглянул Руслан, удивленный возгласами. Следовало не начинать ссору, подумал Михаил, хотя бы затем, чтобы не портить себе рейтинг и образ, но с другой стороны, что, опять прогибаться? Она ему даже формально не начальник и Анна-Мария предлагала прочесть лекцию, почему бы не воспользоваться моментом?

— Что? — переспросила Сванди.

Точно, не знает, уверился Михаил. Шутка, конечно, была та еще, и вертелась вокруг вставленного в анус этой самой кошкожены кольца для открывания пивных бутылок.

— Вот, я там жил и то не могу с полной уверенностью сказать, что все знаю, но ответственно заявляю, под запись, что рисунки мужских половых органов никакой ценности не имеют.

Сванди взмахнула головой, локоны разлетелись, и она взмыла сердито в воздух.

— Вот зря ты так, — подмигнул Руслан, — теперь она тебе ими покоя не даст.

— Да кто она вообще такая?! — воскликнул Михаил.

Ну да, просмотр через сеть статуса, вот только его не пустили, похоже Сванди ограничила информацию персонально для него.

— Ты же слышал, специалист по эпохе перед третьей мировой, она отвечает за воссоздание ансамбля строений и окружающей территории в их полноте, ведь они дополняли друг друга и строились тут не просто так.

— Ты не поверишь, насколько часто у нас строили без всякого смысла, дизайна и попыток соблюдать какие-то ансамбли, — хохотнул Михаил, одновременно с этим отмахиваясь от роботов.

Один из них уже заливал раствором стену с рисунком, другой убирал пыль внизу,

третий изымал шатающийся обломок стены, четвертый омывал уже расчищенное.

— У нас? Так ты и правда из прошлого?

— Ну да, я вроде и не скрывал особо, — удивленно ответил Михаил. — Не поверили?

Могли просто спросить.

— Да как-то, — Руслан покрутил рукой с ультразвуковым скребком, — не хотели задеть.

— Маркету это не остановило.

— Возможно, она решила, что ты из числа любителей тупых шуток.

Да, это многое бы объясняло, подумал Михаил.

— А как же правдивость? Защита информации от подделок? Сеть по паспорту?

— И что с ними? Разве ты не Михаил Лошадкин, недавно ставший гражданином?

Точно, сообразил Михаил, стоило бы выставить информацию открыто в статусе, да с официальной верификацией от Иски и центра здоровья Тани.

— Так зачем тогда у вас строили? — спросил Руслан.

Михаил уже хотел рассказать о коммерции, ценности земли и прочих делах, но рядом появилась голограмма Бардзиани. Пространство вокруг словно покрылось завесой, изолировав Михаила и ее от других, и он с неуместным восторгом осознал, что ему предстоит первый приватный разговор. Часть сознания Михаила продолжала следить за роботами, но затем он поставил их на паузу. Нелегко оказалось разрываться туда и сюда, впрочем, ему просто не хватало практики.

— Давненько, с прошлого года, не бывало у меня таких раздоров, — задумчиво протянула Анна-Мария.

— Разве не мне поручен этот участок? Равно как и право принимать решения, оставлять ли какие-то части или убирать их?

— Предполагалось, что здесь уже нет ничего ценного.

У Михаила возникло стойкое ощущение, что сейчас его треснут скалкой и сбросят в пропасть, а Бардзиани поскачет горделиво дальше на коне. Или полетит на пегасе, кажется, их тоже вывели.

— Это не ценность, — покачал головой Михаил.

Его так и тянуло скрестить руки на груди, закрыться, но он сдерживался. В первые же дни влететь в конфликт, да еще с мелкой во всех смыслах начальницей, вот уж "повезло". Набрать рейтинга и кредитов, подучиться и уйти на вольные хлеба, как раньше, подумал он.

— С одной стороны, Сванди — специалист, изучавший то время, с другой стороны, Михаил, вы там жили. Да, вам дали право командовать роботами, но она отвечает за общую координацию и воссоздание облика.

— Да зачем вам здания с хуями на стенках? — прямо спросил Михаил.

— Дух эпохи, чтобы живой, оказавшись здесь, смог прочувствовать то время, ощутить его.

— Хм, ладно, — почесал подбородок Михаил. — Вот, говорят, у вас тут есть тупые шутники, врущие о себе и закрывающие статусы, вводящие людей в заблуждение, а то и поддельвающие статусы.

— Есть, но это порицается, — покачала головой Бардзиани.

— Порицается и все?

— Общественное порицание и отметки в деле подкрепляются социальными штрафами.

— Вот! В наше... мое время за такое тоже давали штрафы, если ловили. Нарушение

общественного порядка, мелкое хулиганство, порча внешнего вида и так далее, — радостно начал перечислять Михаил. — И до меня тоже такое было, пусть никто и не вел целенаправленную борьбу с такими вот тупыми шутниками, которые за неимением всеобщей сети рисовали половые органы на заборах!

— Понимаю, — секунду спустя ответила Бардзиани, чуть склонив голову.

— И потом, ведь вы, не лично вы, а общество в целом, стремитесь стать лучше? Да, это часть истории, и что с того? Раньше люди держали других людей в рабстве, травили собаками, делили по цвету кожи и происхождению, это надо знать, но это же не значит, что надо демонстрировать вживую?

Так себе вышла аргументация, слабенькая, отметил Михаил, делая пометку в манопе при случае заняться еще и риторикой. Если он собирался продавать свои услуги, включая консультации по первой половине двадцать первого века, ему требовалось умение говорить.

— Но мы знаем об этих частях истории благодаря оставшимся записям, благодаря рассказу о правде, а не сокрытию ее, — заметила Анна-Мария.

Еще одна правдорубка, вдруг осознал Михаил, как Таня. Ну да, в старом мире много врали, но до каких же пределов все дошло потом, чтобы добиться подобной реакции?

— Но в целом все понятно, и я повторю свое предложение прочесть пару лекций о той эпохе.

— Я не оратор, но попробую, — кивнул Михаил.

— Вы не стесняетесь принимать решения и брать на себя ответственность, отстаивать свою точку зрения, это хорошо. Я прикреплю вас временным помощником к Маркете Сванди...

— Да она меня терпеть не может! — перебил ее Михаил.

— Сванди думает, в первую очередь, об интересах общего дела, поверьте, это не первая наша экспедиция.

И теперь она будет консультироваться со мной о рисунках половых органов, иронично, зло подумал Михаил.

— Уверена, в разговорах по делу вы легко найдете общий язык, на этом все, — сообщила Анна-Мария.

— Пойдите, а как же штрафы, выговоры, наказания, отметки в делах? Или это все происходит автоматически?

Бардзиани не стала смотреть изумленно, видимо, помнила еще о предыстории Михаила. Он вроде бы и сдал экзамен, но не мог же Михаил знать все тонкости? Постигал их вот сейчас на практике.

— Их нет, — сообщила Анна-Мария. — Возникла непростая ситуация, возникла из-за неполноты информации и отчасти по моей вине, признаю. Надеюсь, теперь ситуация будет разрешена и все станет воркотно.

Да, подумал Михаил, ведь она знала, но не сообщила Сванди, конечно, ведь на том участке отсутствовало что-то ценное. Пусть тупой варвар из прошлого моет и очищает, и сидит на самом дне, общаться со Сванди не потребуется. Михаил не знал, могут ли краснеть голограммы, но надеялся, что Бардзиани сейчас стыдно.

— Я приложу усилия, — нейтрально ответил он.

Пелена исчезла, приватный разговор закончился — Анна-Мария, как руководитель экспедиции, имела право на такие штуки, а вот скажем, та же Алатея не смогла бы, не согласись Михаил персонально на вызов.

— Ух ты, вот теперь верю! — донесся голос Руслана.

— Что?

— Кто из нас во время первых частных разговоров не сидел, тарашась в пустоту? — хмыкнул тот. — Только все это проходят и разбирают в школу, показывают записи и учат взаимодействию на два мира, а ты стоял, только слюны, капающей из рта, не хватало.

— Вот еще, — проворчал Михаил. — Я что, по-твоему, совсем дикарь?

— А правда, что в те времена никто не летал? — продолжал расспросы Руслан.

Не отрываясь от работы, да и сам Михаил успевал отдавать указания роботам, а время проходило веселее. Вообще, он рассчитывал попутно учиться и исследовать сеть, но вышло так, что не вышло.

— Я вот увлекаюсь транспортом и даже строю собственный космический корабль в гараже, и меня всегда озадачивало, как вы вообще куда-то успевали, когда машинами не управляла сеть?

— А меня удивляет, как это мне дают управлять полетом с поясом, но не дают прикасаться к рулю в машинах!

— Так тут все просто, они же едут на таких скоростях и расстояниях от соседей, что человек не в состоянии реагировать, если он не усилен чипами и у него не видоизменено тело, с заменой половины скелета на роботизированную часть.

— Так что, киборги существуют? — изумился Михаил.

— А вы сами крутили руль и жали на эти неудобные педали вместо того, чтобы парить в небе?

Они переглянулись и рассмеялись, Михаил ощутил, как между ними зарождается дружба.

Приятно было сидеть в тенистом саду, вдыхать аромат трав и малины, фруктов со стороны дерева-дома Османа Петровича, и никуда не торопиться. По крайней мере, пока не пришли соседи, и не начались разговоры обо всем в целом и Михаиле, в частности. Стоило бы предаться размышлениям и созерцанию, но вместо этого Михаил сидел в сети, признавая, все и правда изменилось. Сайты, как место сбора людей, пускай не умерли до конца, но видоизменились, и никто теперь уже не набирал руками адреса в браузере. Люди стали сами себе сайты и к ним могли приходить, и они могли на кого-то подписываться, объединяться, состоять в тысяче групп и разделять увлечения с живыми со всего мира и других планет, дополнительно узнавать друг друга при личных или виртуальных встречах по этим увлечениям.

Раздробленность и в то же время невыносимая общность, распадающаяся и воссоздаваемая в иных формах, бурлящий котел, в котором Михаил тонул, как если бы "19 век" вышел бы в интернет, не понимая, что происходит. Сама мысль, что не нужны компьютеры, мониторы, смартфоны, все это громоздкое — и одновременно с этим обеспечивающее работой его — электрика! — оборудование, до сих пор никак не могла обрести спокойствие внутри Михаила.

Люди легко сходились и расставались, социальная мобильность и завязывание знакомств, и Михаил теперь отчасти лучше понимал, почему на него реагировали так. Следовало признать, что ему и самому стали бы неприятны выкрики и восприятие его как пещерного дикаря, но в то же время где-то внутри сидел тот червячок, о котором толковала Таня. Желание успеха, признания, славы, но следовало признать, подобное на основе прибытия из прошлого, сделало бы его скорее животным, которое показывали на потеху публике.

— Подписаться, отметить для просмотра позже, — скомандовал он.

Разумеется, ожимкам, помимо обязательного минимума, предоставляли и ресурсы для обучения. Приветствовали всех, кто желал вырваться с дна и влиться в общество, и в том числе, присутствовали "каналы" с советами о том, что учить и как. Мир менялся, многое устаревало, и ситуация их оказывалась практически идентична проблеме Михаила. Как расставить приоритеты, за что браться и как учиться, чтобы не пытаться вычерпать ложкой океан знаний, вот эта последняя часть интересовала его больше всего.

— Вот здесь, да, и вот тут, — продолжал он ставить отметки.

К счастью, он был не чужд самостоятельному обучению, хотя по сравнению с местными, иногда чувствовал себя беременной улиткой. Наверное, это неизбежно, думал он в такие моменты, снова проводя параллели с "19 веком". Еще Михаил подумал, подумал и выставил все же себя, как "очевидца" времен перед третьей мировой, вдруг кто да обратится. С одной стороны это давало меньше рейтинга и кредитов, вроде как не слишком достоверная информация без гарантий и с личными искажениями (недаром же говорили "врет как очевидец"), с другой, позволяло выставить все прямо сейчас, без сдачи экзаменов на право учить других, и на знание той эпохи, как ни странно.

В списке рекомендуемых светилась и Маркета Сванди, действительно оказавшаяся крупным знатоком.

— Ахой! — донесся веселый возглас.

Джуди прикатила на своем велосипеде, сверкая голыми коленками, и вызвав у Михаила не только понятные плотские чувства, но и любопытство.

— Неужели и велосипедом управляет единая сеть? — спросил он, решив пропустить «ахой» мимо ушей.

— Не удивлюсь, если он по ночам обновляет сам себя, — хихикнула Джуди, чмокнув его в щеку, — и подкачивает шины, чтобы покрасоваться перед другими.

Михаила обдало жаром молодого тела, но продолжения не последовало, Джуди уже отстранилась и полезла на дерево, демонстрируя отличную растяжку, гибкость и минимализм в одежде. Ну, конечно, подумал Михаил, сверяясь с сетью, ведь велосипед — это спорт, а его в новом мире уважали. Велодорожки, различные полосы, клубы и соревнования, и возможности, предоставляемые новыми материалами, вкупе с системами безопасности, уместающимися под подушкой.

— А еще он не дает сталкиваться с другими, — наябедничала Джуди с верхушки, что-то там обрывая.

— Но это же опасно!

— Вот-вот, случайно не с тебя мой велосипед проектировали? — донесся сверху залиvistый смех.

Затем сверху с какой-то новой разновидностью мотопланера свалился Руслан, едва не врезавшись в неосторожно высунувшуюся Джуди и посадка вышла жестче, чем планировалось. Михаил даже вскакивать не стал, лишь покачал головой, жалея, что нет седой бороды, которую полагалось оглаживать в таких случаях, перед началом лекции неразумным и непослушным внукам.

С одной стороны, за безопасностью следили сильнее, с другой рисковали больше и относились легче, по этой причине и благодаря развитию медицины. Сеть, опять и снова, даже с больничной койки можно было делать многое, если уж на то пошло.

— За такое во времена Михаила вызывали на дуэль! — выкрикнул Руслан звонко.

— Э! — возмущился Михаил. — Я не настолько древний.

— И на дуэлях сражались только мужчины! — скатилась с дерева Джуди.

— У нас новые времена и равноправие, — хмыкнул Руслан и вдруг скакнул вперед, атакуя ее чем-то.

Меч? Нет, метровая дубинка, понял Михаил, наблюдая, как Джуди ловко парирует выпад.

— А еще на них стрелялись! — вдруг выкрикнула она.

Коварный пинок в пах не прошел, Руслан отскочил и в этот момент Джуди выстрелила чем-то. Вспыхнула защита, расплескивая во все стороны краску, и Михаил понял, что видит дальнего потомка пейнтбола. Пара брызг попала и на него, и он машинально лизнул, обнаружив, что краска съедобна и имеет привкус яблочного пирога.

— Да вы с ума тут походили, — пробормотал он.

— Давай помиримся и вызовем его на дуэль за оскорбление? — предложила Джуди.

Она хохотала и нападала, Руслан защищался и отступал, пробовал контратаковать, но ничего не добился. Джуди гнулась и уклонялась, словно кукла, а не живой человек, и на Михаила нахлынули воспоминания о недавнем контакте.

— Он мой друг!

— Ну... не будем его бить, только обстреляем? — подумав, предложила Джуди.

— Экспеллиармус! — крикнул Руслан, взмахивая метровой дубинкой, как волшебной

палочкой.

Вот теперь у Михаила отвалилась челюсть, он даже на мгновение поверил, что сейчас что-то да произойдет, не волшебство, так его имитация за счет силовых полей, голограмм, энергония, кварков, дегов и кто знает, чего еще.

— Авада Кентавра! — выкрикнула в ответ Джуди.

Потом она выронила палку и повалилась на траву, хохоча и дрыгая ногами, с непосредственностью ребенка. Руслан тоже рассмеялся и подвесил на пояс эту самую дубинку, подошел к Михаилу.

— Мы хотели тебя порадовать сценкой из твоих времен, но что-то пошло не так.

— Так вы знакомы! — запоздало догадался Михаил. — И Гарри Поттер, серьезно?

— А что такого? Он упоминается везде в сети тех времен, классика, и его кажется даже переснимали недавно.

— Пере...снимали? — переспросил Михаил. — В новой, современной трактовке?

— Да нет, с живыми добровольцами и полным натурализмом заклинаний, квиддича и чего-то там еще, включая падение с башни на осьминога? Или это был кракен? — задумался Руслан. — Не помню, надо глянуть в погружале.

Михаил провел рукой по лицу, сдерживая порыв рвануть смотреть. Не потому, что это был именно "Гарри Поттер", конечно, никогда он им особо не увлекался, а потому что упустил всю эту область жизни, занятый своими хитрыми планами. Как он мог даже не подумать о современном кино, музыке, мультфильмах и прочем, с полным погружением, не просто "три-дэ", а "триста-дэ"!

Хотя, кинотеатры, наверное, уже вымерли, вдруг подумал Михаил. Какие кинотеатры, когда манопа показывала не хуже, причем где угодно?

— И вы допустили ряд неточностей.

— Ой, не нуди, — отмахнулся Руслан. — Хватит с меня этой Сванди.

— Разве ты не осознаешь культурную ценность развалин? — сымитировал, как мог, ее голос, Михаил.

Они расхохотались, и к ним присоединилась Джуди, подошла, помахивая этой самой палочкой. Михаил только сейчас обратил внимание, что пониже выреза в футболке есть надпись "Совершенство — остановка всего", а также то, что ее обтягивающие штанишки сокращались, превращаясь в шорты.

Она уселась в свободной позе, прислонила палку — стрелялку к столу и улыбнулась белозубо.

— Ну начинай, занудный старикашка, — медоточивым голоском, от которого у Михаила все и без того вставшее дыбом, поднялось еще сильнее.

— Что начинать?

— Лекцию о падении нравов среди молодежи и что в твои времена такого не было, еще нужно грозиться поставить меня в угол и отшлепать, — сообщила Джуди.

Откуда-то появился небольшой беспилотник, крохотный, размером с воробья, вынырнул, сбросил на Джуди нечто в форме шайбы, оказавшееся мороженым. Она тут же развернула и начала есть, наслаждаясь вкусом и жизнью, а Михаил смотрел на нее, ощущая, как у него в горле застряла фраза про то, что в его времена бывало и не такое.

Он обменялся понимающими взглядами с Русланом и некстати вспомнил свое озарение, что они знакомы. Стало быть, переспали, а то и не раз, но не придавали этому никакого значения. Впрочем, и во времена Михаила уже всюю говорили, что секс еще не повод для

знакомства, но все же!

— В угол ставили только маленьких детей, — выдавил он из себя.

В чем-то Джуди и была таким ребенком, если подумать.

— Так что это за палки и почему с тебя хватит Сванди? — обратился он к Руслану.

— Это тренировочные боккены, — отозвался тот, — с изменяемой длиной, формой и материалом, способные стрелять шариками краски, ну, это ты уже видел. Одно из базовых оружий самообороны, готовящее к использованию более серьезного вооружения, и я хотел продемонстрировать его тебе вживую.

— Но уроки ты мне дать не сможешь?

— Ты зря так скептически относишься к подобным вещам, Михаил, — вдруг посерьезнел Руслан. — Учиться надо сразу правильно, чтобы не тратить потом силы и время зря, переучиваясь.

— А если я вообще не хочу учить такое?

— Ты же хотел подняться выше, во всех смыслах? — просто спросил Руслан в ответ.

Михаил чуть дернул щекой. Нет, он не был пацифистом, но и всеми этими военными делами не слишком увлекался. В то же время, чем сложнее и выше становились технологии, тем проще становилось ими управлять, не так ли?

Для этого он и собирал соседей, узнавать мир из разговоров и таких вот мелочей, но стоило ли кидаться на оружие? Возможно, вначале стоило разобраться с раскопками и лекцией, текст которой он даже еще не начинал придумывать?

— О, боккены! — донесся возглас.

Цецилия Авансон прокатилась смуглым колобком, попыталась ухватить палку Джуди, но та вдруг провела удар ногой. Цецилия уклонилась и все же схватила, расплылась в улыбке. Встречались "именные" вещи, где владелец разрешал доступ тому, кому хотел, но гораздо чаще подобное относилось к разряду "общественных". Надо — взял и попользовался, затем оставил следующему.

— Сейчас доем мороженое, — Джуди проглотила остатки разом, — и разозлюсь.

Сказано это было лениво, томно и невнятно, из-за мороженого, и Михаил даже не ожидал, что в следующее мгновение Джуди вдруг перейдет к ударам. Цецилия отступала, ловко используя боккен, чтобы удерживать Джуди на расстоянии, та гнулась так, что стриптизерши и гимнастки в старом мире обрыдались бы от зависти, уклонялась и стремительно сближалась, дабы перевести бой в клинч.

Боккен становился шире и короче, вспыхивала защита, затем Цецилия все же сумела провести удар и Джуди припала на одно колено. Добивающий удар сверху столкнулся с боккеном Руслана, который ринулся в атаку, крича что-то о дуэлях и защите прекрасной дамы. Михаил открыл было рот, чтобы сказать об ошибках, но тут же закрыл и встретился взглядом с Османом Петровичем.

— Ах так! — воскликнула Цецилия, уходя от тычков. — Тогда я тоже разозлюсь!

Она будто ускорила, измолачивая Джуди и не давая той подняться и одновременно закрываясь ей от ударов Руслана. Затем что-то вспыхнуло, и Руслан вскинул руки.

— Признаю, не мне соревноваться с мастером — инструктором Авансон, — заявил он легко, без следа горечи от поражения. — Ты же спрашивал об уроках, Михаил, ну вот.

Он указал рукой, а Михаил обвел взглядом собравшихся. Джуди уже поднималась и втирала в себя какую-то мазь, принесенную очередным или тем же роботом — воробьем. Синяки на глазах исчезали и рассасывались, да и само зрелище втирания, Михаил мысленно

кашлянул и собрался.

— Да вы сговорились! — заявил он.

— Просто хотели помочь соседу, — пробасил Димитр, — вот и все.

Ага, подумал Михаил, вот он подвох... или нет? Чтобы почти посторонние люди вот так сразу стремились помочь? Он еще раз обвел всех взглядом, ощущая себя как-то странно.

— Так что, мне надо будет изучать рукопашный бой, оружие, что там еще?

— Это базовые основы, которыми владеют все, — в голосе Османа Петровича слышались примирительные нотки, словно он тоже опасался ссоры или подвоха. — Чтобы уметь постоять за себя и за общество.

Подрагаться под присмотром, выпустить пар, вдруг подумал Михаил, припоминая изученное (хотя на экзамене такую ситуацию и не поставили), чем не дуэли в их современном исполнении? Анна-Мария, похоже, придерживалась других взглядов, но кто-то вроде Руслана или Цецилии вполне мог назначить ему дуэль с этой Маркетой Сванди, хотя нет, они же разошлись в знаниях, тут другое.

— Над этим надо подумать, — признался Михаил, — в мое время все было иначе. Прошу к столу, как раз расскажу заодно и об оружии, что сам знаю.

— Милита-а-ристы, — раздалось где-то за спиной, со стороны дома ожмика.

С характерными интонациями метросексуалов и Михаил невольно прыснул. Сам ожмик стоял и смотрел с каким-то странным вызовом в глазах и чувством превосходства, мол, он не такой и выше подобных низменных соседей. Михаил счел бы все это карикатурой, гротеском, если бы не видел своими глазами.

— Обиделся, наверное, что ты его не пригласил к себе, — заметила Алатея.

— И правильно сделал, — тут же добавила Джуди с другой стороны, — нечего тут плодить всяких ожмиков!

— Так говорили раньше, а сейчас это неправильно, — прогудел Димитр.

Воздушная платформа, нечто вроде кабриолета, только для полетов, просела под ним к земле, затем он легко поднял Цецилию, казалось, вот-вот и посадит себе на шею.

— Вот, что и говорит нам, даже в новом обществе, где верховодят правдорубы, нужно врать и сдерживаться, чтобы не задеть даже тех, кто недостоин нашего задевания! — выдала Джуди.

— И кто говорит о размножении? — хмыкнул Руслан, уже заскочивший внутрь одним прыжком. — С кем ему размножаться, с тобой, что ли?

— Ты разве не слышал о новой штуке ожмиков? — в тон ему ответила Джуди.

Михаил уселся последним — Осман Петрович возился со своими растениями и отмахнулся от полета на полигон — и платформа взмыла.

— Почему мы летим обратно на работу? — нахмурился Руслан. — И что за шутка?

— С нами полетит Маркета Сванди, — не слишком охотно признался Михаил.

Раньше он обязательно подумал бы, что сглазил сам себя всеми этими мыслями о разрешении конфликтов и Маркете. Между ними то и дело вспыхивали ссоры, Михаил апеллировал к личному опыту, Маркета к общественному и сведениям из уцелевших архивов, видосикам и прочему. Пока не дошло до прямого рукоприкладства, Анна-Мария, узнав о выезде на полигон, предложила провести это самое рукоприкладство и пострелять друг в друга, помириться и уже работать как следует.

— А, — отозвался Руслан.

— Ты же ее недолюбливаешь?

— Она просто не понимает, что не все так глубоко погружены в предмет, как она, и это иногда раздражает, но в остальном, — Руслан покрутил рукой. — Ты знаешь, что у нее есть допуск и она может пилотировать скафандр мобильной пехоты?

— Не знаю, — отозвался Михаил. — Не знал, теперь знаю.

Внизу снова мелькали дома и речка, вид стал уже практически привычным, за время полетов на работу и полетов по окрестностям с Алатеей. Отношения с ней... все было странно, и Михаил иногда ощущал, что будто тонет в этой странности, неправильности, чуждости нового мира, временами слишком уж открытого и навязчивого, чего скрывать. Постановка общества выше человека автоматически предполагала давление этого самого общества и его вмешательство в жизнь и прочие дела, что Михаилу было очень не по нутру.

Как Руслану Маркета — раздражение в некоторых вопросах.

— Но мы говорили о шутке ожмиков и перебили Джуди!

— С отношением Джуди к ним, — хмыкнул Руслан, — ожмики всегда могут подождать.

— Точно, — отозвалась та.

В прежние времена Михаил, из-за такой открытости и близости считал бы их влюбленной парочкой. Но Джуди со всеми вела себя так, даже с Алатеей, вот только ожмиков недолюбливала.

— И все же ты неправа, Джуди, — вставил свои пять копеек Димитр.

Он обычно был немногословен, просто присутствовал и наслаждался чужими разговорами и обществом, и оставлял болтовню Цецилии.

— Да! — включилась Авансон. — Ставить их на путь исправления, вовлечения в общество, не отпугивать и не делать из них новую касту неприкасаемых, а увлекать, тянуть за собой.

— Касту из себя они делают сами, — возразила Джуди, — а тянуть за уши кого-то, ну в прошлом уже пробовали и вышла полная фигня, от мертвого осла уши, вот ожмики и есть эти самые мертвые ослы!

Михаил поперхнулся, словно ему в рот залетел жук, и подумал, что будь он за рулем, так обязательно сейчас дернул бы его.

— И вы вот возитесь с этим Нестором, как успехи? Сильно он стал нас любить, милита-а-а-ристов?

— Но заметь, он не прячется от нас, живет, не демонстрирует вражду, ему надо просто найти занятие по душе, остальное придет само собой, — убежденно заявила Цецилия.

Затем они подобрали Маркету, которая да, работала на раскопках и очистке, и Сванди села рядом с Цецилией, две миниатюрные куколочки, белокурая и смуглая, с такими разными характерами.

— Так вот, как ожмики находят себе занятие по душе, — рассмеялась Джуди. — Они стали селиться вместе и сбрасываться квотами на покупки в складчину.

— Это называется черная касса, — заметил Михаил.

— Разве так можно? — удивился Руслан. — И где голосование по этому вопросу?

— Вот! Я уже подала петицию, что нечего тут, давай, отдай свой голос за меня!

Голосовали здесь пусть и не на каждом шагу, но намного чаще, благо сеть и манопы позволяли. Михаил относился к голосованиям настороженно, изучение материалов по вопросам требовало времени, и он пропускал их пока. Не он один, и его "равнодушие" вносило вклад в общий индекс этого самого равнодушия общества, которое измерялось постоянно и принимались меры, как ему объясняли еще в центре здоровья.

— Это всего лишь эксперимент, — скучающим тоном заметила Маркета, — было бы из-за чего шуметь.

— Так вот, они скидываются, и кто-то один что-то покупает себе, недоступное на обычный минимум, но не требующее больших рейтингов. Копят и скидываются на путешествия и затем разыгрывают такие путевки между собой, лишь бы не работать. Но и это еще не все, теперь они собираются вскладчину заводить детей!

— Что? — громко воскликнула Цецилия. — Но это же невозможно!

— А вы побольше их в задницу целуйте и уверяйте, что такие, как я — неправы, еще и не то будет!

— Ты же полжистка, Джуди, где твое приятное отношение ко всем? — вступился Димитр.

— Ко всем, кто работает! А это лентяи, балласт, который в итоге и утопит нас!

— А если мы начнем истреблять тех, кто нам не по нраву, то, что станет с союзом

систем? Чем мы закончим, тем, что начнем всех перекраивать по своей мерке? — возразила Цецилия. — Завоевывать и силой нести добро?

— Ну а что, смотреть, как нас объедают и раздевают? Вот увидите, ожмиков подкупят всеми этими благами на халяву, и они еще выступят против Земли, продадутся тем, кто захочет заплатить, от мейландцев до каких-нибудь ысыnguнов!

После этого наступила секунда тишины, взорвавшаяся хохотом. Джуди, впрочем, смеялась больше всех, ысыnguны были знамениты тем, что ни с кем не вступали в общение и союзы, а тех, кто пытался лезть, истребляли и пожирали, будто полчища саранчи или тараканов.

Вот еще примета нового мира, подумал Михаил, споры о судьбе общества и тут же действия, если что-то оказывалось по силам. Не пьяные бессильные возмущения на кухне, а споры со знанием дела и желанием что-то сделать лучше или склонить в свою сторону, как в случае Джуди.

— А это что впереди? — спросил он вслух.

Платформа, летевшая выше коридора для "поясных", вдруг начала отклоняться и огибать участок пространства, где стаей мошкары мелькали какие-то роботы, расставлявшие нечто вроде воздушных поплавков. Пара больших кораблей висела чуть поодаль, рядом с ажурным остовом чего-то, где мелькали вспышки молекулярной сварки.

— Готовят трассу для гонок воздушных пузырей, — ответил Руслан, кинув туда взгляд. — Сто лет на них не гонял, надо бы принять участие!

— Так у тебя и пузыря нет, — заметила Джуди.

— Сделаю, — уверенно ответил Руслан. — Ты как, Михаил?

— Я еще на поясе не слишком уверенно летаю, куда уж мне в пузырь, — отозвался Лошадкин.

— А я пробовала, — призналась Алатея, — думала, что за счет силы легко одержу победу, но ошиблась.

— Победа в наши дни не главное, — вскинула палец Авансон, едва не ткнув в лицо мужу, — участие, вот настоящий приз!

Профессиональный спорт практически умер, впрочем, это не мешало живым на Земле играть во всякое разное и спортивное, устраивать соревнования и Олимпиады, весело проводить время и транслировать записи в сеть. Не здоровье для спорта, а спорт для здоровья, такова была новая парадигма. Одновременно с этим, однако же, существовали и "допинговые матчи", где из тела человека выжимали все и выходили за пределы, проверяли разные изобретения медицины, от фармакологических смесей, до титановых скелетов и черепов.

— Ага, вот еще одна крупная ложь! — вскочила на ноги Джуди, словно собиралась выпрыгнуть за борт.

Не могли подождать со спорами, раздраженно подумал Михаил, разглядывая трассу для гонок и сверяясь с сетью, чтобы выяснить детали. Воздушные пузыри приводились в движение исключительно мускульной тягой, словно крутили велосипед в воздухе, и винты обеспечивали движение и маневренность. Пузырь требовалось собрать своими руками, и встречались совершенно безумные конструкции, на взгляд Михаила неспособные даже взлететь. Антигравитационная система отвечала за поддержку в воздухе и безопасность, но не давала никакой тяги, только свои мышцы и аэродинамика конструкции, на которой еще и требовалось не вылететь за пределы трассы.

Записи смотрелись просто изумительно, у Михаила аж ноги зачесались.

— С чего это ложь? Разве здоровье и крепкое тело не помогают человеку лучше мыслить, действовать?

— А с того, что мы говорим — карабкайся наверх! Будь первым! Лезь на вершину с пользой для общества и отказываем в этом спорту?! — не унималась Джуди. — Разве это не ложь?

— Нет, мы правдиво говорим, что не надо лезть на вершину, убивая здоровье!

— А как же те, кто работает по шестнадцать часов в сутки?

— Джуди, у вас есть любимое занятие? — словно очнулась Маркета.

— Да знаю я, знаю, любимым занятием можно заниматься бесконечно, как и сексом, — отмахнулась Джуди небрежно, — но разве мы не гробим здоровье на таких работах?

Да, для них воздушные пузыри обыденность, раздраженно подумал Михаил, можно спорить и не обращать внимания. Ему стало, ну не то, чтобы обидно, просто хотелось посмотреть все, а окружающие мешали. Интересно, подумал он, а в какую категорию вообще попадают подобные высказывания? Споры по улучшению общества или, наоборот, оскорбления группы лиц по имущественному признаку?

— Мы и занимаемся спортом и следим за собой во всем, включая еду, ради того, чтобы с полной отдачей сил заниматься любимыми делами, — возразила Маркета. — Если убивать здоровье и время во имя спорта, то какие же тогда дела? На них не останется уже ничего.

— А если спорт твое любимое дело? Если ты хочешь залезть на вершину в нем и побить все мировые рекорды? — не унималась Джуди.

К счастью, впереди уже показался полигон, кусочек обычного леса и поля, огороженный тем, что Михаил про себя называл "цифровыми оградами". Не массивными бетонными заборами, а маячками, предупреждающими, что вот здесь то, там это, а сюда лучше не заходить без особых разрешений. Будь это здание, двери его просто не открылись бы, например. Существовали и физические преграды, конечно, но это уже для тех, кто не послушался предупреждений, о чем сразу сообщалось ИП полигона.

— Наверное, сражаться на оружии будет нечестно, — заметила Маркета.

— Какая еще честность на войне? — спросил Михаил.

— А у нас война? — колыхнулись золотистые локоны.

Облик кукольной принцессы плохо сочетался с камуфляжным комбинезоном, который словно сливался со всем вокруг.

— Не знаю, — признал Лошадкин.

— Бери боккен, ах да, ты ими не владеешь. Ладно, пойдем на ринг.

— А как же демонстрация для Михаила? — крикнул Руслан.

— Ничего, выпустим пар, озвучим разногласия и присоединимся к вам на стрельбище! — отозвалась Сванди.

Никаких перчаток, кап или ракушек, даже обувь снимать не потребовалось, так как по словам Маркеты им предстояла настоящая драка, в которой не готовятся заранее.

— Знаешь, почему это важно?

— Нет.

— Потому что в драке перед тобой враг. Ты разве будешь выбирать выражения и стесняться перед врагом?

Михаил задумался на мгновение и едва не получил в подбородок. Разница в росте

сказывалась и он, по правде говоря, думал, что легко одолеет, за ее счет и из-за веса, но вышло все немного иначе. Маркета Сванди легко скакала вокруг, проводила удары, пытаясь попасть в болевые точки, а сам Михаил никак не мог ее достать.

— Что молчим? — подколола она со спины.

— Дамы — вперед, — пропыхтел Михаил. — Ты же меня сразу невзлюбила!

— Это ты так решил.

— Разве не было?

— Я как Джуди, — донеслось сбоку. — Не люблю ожмиков.

— И это повод нападать на меня?

— Разве хоть раз было что-то личное?

Михаила избивали, но легко, вот тут разница в росте и весе сказывалась.

— Но ведь были придирки! — начал заводиться уже сам Михаил.

— Потому что ты делал все неправильно!

— Так я и не знал, как правильно!

— Вот именно! Не знал, а тебя взяли! И еще это твое прошлое вылезло!

— А ты от меня статус закрыла!

Маркета попыталась достать его в пах и ошиблась, так как Михаил уже осознал, что не поймает ее за счет подвижности и скорости. Ошибка состояла в том, что она попала в его поле зрения и оказалась в пределах досягаемости. Михаил сгреб ее, крепко прижал к себе, словно хотел раздавить и потное, красное, прекрасное лицо Маркеты оказалось совсем рядом.

Он поцеловал ее и Сванди с воинственным пылом ответила на поцелуй.

"Ваш рейтинг увеличен на 2 пункта"

"Вы получили 100 кредитов"

Михаил рассматривал эти таблички, опять испытывая ощущение, что он в виртуальности. Не хватало только табличек "Ваша сила увеличена на 1 пункт!" или там "Освоен новый навык: Соблазнение всех женщин вокруг!" При этом он не сомневался, достаточно было перестроить интерфейс манопы, как именно такие таблички и стали бы появляться.

Собственно, в его "старом" мире уже существовали зародыши подобных систем, замер достижений, поощрения, таймеры всякие, так что, пожалуй, удивляться не стоило. Но в то же время, чем не стимул, поощрение к "кач, кач и еще раз кач"? Учеба все лето в центре здоровья, а теперь еще и учеба здесь, Михаил ощущал, что в него уже больше не лезет и начинает тошнить.

Мысли о центре здоровья перескочили дальше и вызов произошел словно сам собой.

— Привет, — легко сказала Таня, — хорошо выглядишь.

— Привет, а ты просто прекрасна, как и всегда, — ответил Михаил, ничуть не покривив душой.

Голограмма Тани выглядела словно живая, манящая и зовущая.

— Я... — он остановился и развел руками. — Пожалуй, я позвонил, чтобы похвастаться первыми успехами.

— Поздравляю, ты молодец, Михаил, — искренне ответила Таня.

Искренность и открытость, которые он все так же ошибочно принимал за интерес к нему, и на что-то надеялся. Он поблагодарил Таню и прервал вызов, покачал головой, пробормотав:

— Что-то не так.

— Все нормально, — раздался голос Сванди за спиной, — отличная лекция!

— Какая еще отличная? Общие слова, на половину вопросов не ответил!

Маркета обняла его сзади, задышала куда-то в район спины между лопаток.

— Это только в дополнительный плюс, — вдруг сказала она. — Отличная демонстрация того, что обычный живой не может знать все и зачастую прибегает к услугам сети, как и в наши времена.

— Отличная? — возбуждение и гнев начали закипать в Михаиле.

— Разумеется, это очень серьезная проблема, которой я тоже занимаюсь и вскоре пройдет голосование, кстати, тебе тоже надо бы принять участие, оно и тебя касается.

Руки ее касались Михаила совсем не там, где это требовалось для работы головы, и они, в общем-то, все еще находились посреди района раскопок, где он только что выступил с лекцией о городах своего времени и объяснял всякое на наглядных примерах откопанных ими руин и развалин.

— Режим приватности, — скомандовала Маркета, окончательно переходя к делу.

— Такое вообще допустимо? — спросил Михаил. — Разве это не использование служебного положения в личных целях?

— Зачем оно вообще нужно, это положение, если им не пользоваться? — хихикнула

Маркета.

Затем его заткнули самым приятным образом и под конец Сванди изобразила родео ковбоя на быке, и золотистые локоны ее разлетались в разные стороны, а тело так и подпрыгивало вверх и вниз. Михаил придерживал ее, думая о том, что здесь что-то не так. Не спали ли с ним из жалости или желая экзотики?

— Ну вот, ты переспал с начальством и теперь тебя повысят, — заявила Маркета, поднимаясь, — то есть отправят под землю.

— Тогда уж бросят в зиндан за то, что не удовлетворил начальство, — хмыкнул Михаил, тоже вставая.

— Удовлетворил и я не шучу насчет отправки под землю.

— Но я же не сдавал экзаменов, — насторожился Михаил.

— От тебя и не требуется там чем-то управлять, посмотришь, выскажешься по своей части, а потом вернешься и дальше драить развалины, — заявила Сванди, уперев голые руки в голые бока.

Словно ждала, что он воспротивится и у них снова случится драка, а затем еще раз секс. Михаил же смотрел на нее, припоминая Таню, Алатею и Джуди и подумал, что его с чего-то стало тянуть на сильных независимых женщин. Или просто они все стали такими вокруг, пока он валялся в заморозке?

— Так, это коридор, ведущий к самому бункеру. Шлюзы и системы охраны, вон там и там отверстия для оружия, управляемого удаленно, вот здесь камеры, — ткнул пальцем Михаил. — Были камеры.

— Я не понимаю, — сказала Алатея, стоявшая рядом, — зачем оружие? Один из них даже пытался меня обстрелять.

Михаил покосился на пятно в потолке, затем на самую Алатею. И без того огромная, сейчас она казалась еще больше, благодаря защитному снаряжению. Исходное освещение, конечно же, не работало, сотрудники раскопок провели свое, наклеили автономных ламп, но Михаил не мог отделаться от ощущения, что одной из них полагалось бы искрить и моргать.

— Чтобы не пускать внутрь тех, кто захотел бы ворваться и отобрать припасы жителей бункера.

— Но разве не строились подобные убежища на случай всеобщей гибели?

— Она наступила бы не моментально, кто-то да выжил бы и на Земле в общем-то и тогда уже царило беззаконие.

— Право силы, это мне знакомо, — кивнула Алатея.

— Не исключено, что жители бункера сами собирались производить набеги на соседей, стать такими князьями нового, постапокалиптического мира, — добавил Михаил.

Алатея нахмурилась, осмысливая, затем качнула головой, словно у нее чесались рожки, и они пошли дальше. Обвалившиеся потолки и расчищенные завалы, выбитые двери и скелеты, еще одна печальная картина медленного умирания, драки за истощающиеся ресурсы. Выход завалило, и обитатели не смогли его расчистить, и в то же время не смогли пробить устоявшие стены бункера, и оказались обречены на медленное вымирание, драка за ресурсы, закон джунглей и прочие дела.

Михаил тыкал пальцем, объяснял, следя за предупреждениями датчиков, измерявших радиацию и содержание опасных веществ в воздухе. Одновременно с этим к горлу подкатывал комок, ведь и он мог бы лежать так, белеть скелетом под взглядами будущих

археологов, историков и прочих. Один шанс на миллион, миллиард, нет, еще больше, и в этом смысле он действительно являлся Избранным, но что дальше?

— Михаил, — раздался голос в голове, — твоя манопла сигнализирует о чрезмерном волнении.

— Еще бы, ведь я лежал примерно в таком же бункере, — ответил он с горечью.

А еще он не хотел заниматься подобными раскопками и отмывать развалины. Стоило ли просирать свой уникальный шанс на то, чем он мог заниматься и в старом мире? Нет, в старом мире у него была специальность, работа, а здесь? Женщины?

— Михаил? — голос Алатеи.

— Да, отвлекся на воспоминания, — ответил он.

Собрался и добросовестно описал все остальное, куда пустили. Сходства с его ситуацией добавляло и то, что реактор дал утечку радиоактивных материалов, под влиянием времени, и так его и засекли. Михаил смутно подивился, как с новой техникой и энергонием еще не раскопали все подряд, но интересоваться подробностями не стал.

Они поднялись наверх и принялись очищающий душ. Михаил смотрел на обнаженную Алатею, которая вертелась под струей, вымывая что-то с кожи. Бугрящиеся мышцы, рожки, такой устрашающий вид, полная противоположности куколке — Сванди, с ее мелким, но тоже боевым телом, и в то же время и та, и другая вызывали чувства и возбуждение в нем.

— Насколько я помню, подобная реакция означает у людей физиологическое возбуждение, — заметила Алатея, глядя на него. — Тебя привлекает мое тело?

— Да.

— Ты же знаешь, что при внешнем сходстве наши организмы отличаются? Мы сливаемся клоаками, и в период роста и высиживания яйца, алурианки становятся предельно уязвимы, чем и обусловлено их низкое социальное положение в обществе? — спросила Алатея и добавила горделиво. — Это я уже на Земле узнала, и внесла свой вклад в исследования общества алурианцев! Нужно изменить социальные и физические механизмы рождения и вместе с ними изменится и статус женщин в обществе, и когда я вернусь на родину, то займусь именно этим! Но все же физиологически ты не привлекаешь меня, Михаил, как, впрочем, и другие люди.

— Но как же? — спросил он вяло и безысходно.

Ну да, размечтался. Избранный, первый в мире союз с инопланетной женщиной и их ребенок, который спасет Вселенную, как же! Не он первый, не он последний, и вообще, кому нужен электрик, когда его профессия тут умерла?

— Это была симпатия к собрату по несчастью. Тебя ведь тоже вырвали из родного общества, и мы отлично проводили время вместе, но как друзья, — ответила Алатея.

Она пустила струю между ног, даже не задумываясь, не воспринимая все это как сексуальный жест и Михаил вздохнул, повел рукой, прерывая поток воды и запуская сушку. Одежду уже успели проверить, отмыть и дезинфицировать, и он подобрал ее, вдруг подумав о том, что и эта сцена записывалась.

— Старстену очень нравится с тобой играть, — добавила Алатея, склоняя голову, будто хотела забодать.

Драться на боккенах, лазать и прыгать, осваивая полетную технику и механизмы безопасности, обмениваться советами о том, как работать с сетью, и прочее. Но легче от этого Михаилу не стало.

— Хорошо выступил, — хлопнул его по плечу Руслан Кайманов.

— Ты тоже нашел недостатки в моей лекции, на основе которых подаешь петицию куда-то там?

— Не куда-то там, а в сеть, чтобы люди познакомились и одобряли, а после преодоления минимального порога еще и голосовали, в меру рейтинга, — наставительно заметил Руслан. — И ничего я не нашел, как раз нормально рассказывал, для таких, как я, кто не разбирается досконально в строительстве городов и архитектуре. Что, погнали?

Он уже залез на велосипед, так как загорелся идеей принять участие в гонках пузырей.

— Давай, — согласился Михаил.

Почему бы и не размяться, а то и устроить гонки с Джуди? Они помчались, к счастью, не через лес, гонок на дикой природе Михаил не одобрял и взял бы тогда пояс. Обычно они летели обратно с Алатеей, но теперь, после сцены в душе, после всего случившегося и нахлынувшего, из Михаила словно выдернули стержень. Стерженек, фитиль, тоненький провод, тогда как там следовало бы присутствовать стальному тросу.

— Да махни ты рукой на Сванди, так делали в ваши времена? — крикнул Руслан.

Сигнал манопы, подсветка опасных зон и пешехода впереди, Михаил вильнул и объехал, затем крикнул в ответ, но Руслан его не услышал, так как мчался, пригнув голову к рулю и крутил педали изо всех сил. Точно, сообразил Михаил, надо же через сеть все слать, а так кричать — только глотку сорвешь.

Он не стал кричать или слать сообщения, просто приналег на педали, пытаясь догнать Руслана. Пожалуй, и правда стоило махнуть рукой, ну волновало Маркету образование, чего уж там, сразу из-за этого разбежаться? Да и секс с ней, чего уж там, был просто феерический.

Они промчались по улице, пролетели по мосту через речку, нырнули под магистраль, где мелькали автомобили, и минутой спустя оказались рядом с мастерской Руслана, где он собирал свой воздушный пузырь. Нечто странное, вроде цветка ромашки, с тороидальными пузырьками — лепестками и кабиной в центре, из тонкого прозрачного пластометалла.

Михаил запустил урок владения боккеном, из базового школьного курса, и принял одну из основных стоек. Голограмма инструктора показывала положение пальцев на рукояти и перехваты, с переносом рук без потери управления и Михаил добросовестно отрабатывал, а Руслан возился с пузырем, что-то рассчитывал на коленке и даже пару раз взлетал, но тут же садился и брался за переделки.

— А если враги заглушат связь? — спросил он.

— Что значит, если? — изумился Руслан. — Обязательно заглушат! Это следующая часть занятий, умение действовать без манопы, но я скажу тебе сразу, лучше расспроси Маркету. Она не только участвовала в боевых десантах, но и в целом ратует за умение обходиться без манопы.

— Да-да, что такое она говорила, — пробормотал Михаил, отражая голографический удар.

Пытаясь отразить, не успел сменить форму своего оружия и поплатился. Красная вспышка, сигнализирующая о попадании.

— Так ты не стесняйся, расспроси, хочешь же попасть в космос?

— Хочу.

— И я хочу, — признался Руслан. — Попробовать все это оружие других рас и цивилизаций, погонять на их кораблях, стать лучшим пилотом и стрелком, и только потом вернуться на Землю.

— Амбициозно, — отозвался Михаил.

— К чему жить, ставя мелкие цели? — пожал плечами Руслан. — Собственно, на волне изучения я и заинтересовался недавней историей, а также раскопками и нейтрализацией угроз твоих времен. Думаю, что это мне пригодится, как считаешь?

— Пригодится, — кивнул Михаил, занимая исходную стойку.

В этот раз он парировал удар и одновременно с этим обратил внимание, что слишком раскрылся. Голограмма легко могла пнуть его в стопу, голень, колено... или просто застрелить, если уж на то пошло.

— Но еще больше тебе пригодится изучение отношений тех времен, — добавил Михаил.

— В смысле?

— Ты привык доверять людям? Живым? Что насчет того, что я застрелил бы тебя в спину?

— Зачем? — с любопытством спросил Руслан.

— Чтобы забрать твои сапоги или деньги. Человек человеку — волк, а не человек, и не окунувшись в ту атмосферу, невозможно передать все это словами. Не прямо ежесекундные удары в спину, но равнодушие друг к другу, готовность пойти на преступление ради сиюминутной выгоды, готовность обманывать, лгать, пробиваться выше с использованием любых средств, ты на такое готов?

— Ага! — обрадовался Руслан. — Значит, я все равно рассчитал!

— Что именно?

— Сдать экзамены, пожить в капиталистическом обществе, и только потом отправляться дальше.

— Скажи, почему мне дали так мало за лекцию? — спросил он у Сванди.

— Слишком много данных о твоих временах, и это были просто рассказы, не обучение. Возможно, поэтому никто пока не откликнулся на его объявление о рассказах очевидца.

— Но все же дали, это уже неплохо. Подучишься и будешь получать больше.

Маркета подошла к нему, встала на цыпочки и как заправская жена что-то там поправила в одежде возле шеи Михаила, затем чмокнула его в подбородок.

— Не уверен, что это та область, которой я хотел бы заниматься, — ответил он.

— Жаль, — надула губки Маркета, — а я хотела позвать тебя с собой на Крит, в следующий проект.

Глаза Михаила чуть вспыхнули, но тут же погасли. Он, в общем-то и сам мог бы переехать дальше на юг, хотя и здесь было неплохо. Побережье недалеко, слетай да купайся, хотя в новом мире очарование пляжей померкло, ведь можно было создать такие же условия, прямо не выходя из дома.

Но вот так вот взять и бросить все?

Хотя, вот раскопки уже близились к концу и что дальше? Он пока еще не сдал ни одного экзамена, барахтался в учебе и работе, проводил время с Русланом и общался с соседями, играл со Старстеном и избавился от неловкости (но не вожделения) в присутствии Алатеи, но что дальше? Плыть по течению, наплевав на свой хитрый план?

— Мне надо подумать обо всем, — выдал он и скривился мысленно, настолько жалко все это прозвучало.

— Подумай, — Маркета хлопнула в ладоши и распорядилась. — Машину Михаилу.

— Эм...

— Если не нравится, переезжай ко мне.

Разумеется, это был не прямо ее дом, в том смысле, который вкладывали в эпоху Лошадкина. Маркета приехала руководить, заняла пустой дом или возвела себе новый, переставила и обустроила по вкусу, заселившись на время раскопок развалин и бункера. В то же время, возможности, обстановка в этом временном жилье, да те же самые изменяемые бассейны, Михаил и не подозревал, что такие существуют!

— Адрес назначения? — поинтересовался автомобиль, уже ждавший его у входа и услужливо приоткрывший дверь.

— Мой дом, — чуть поджал губы Михаил.

Автомобиль взлетел, и Михаил не сдержал вздоха. Как тут не чувствовать себя каким-то содержанцем, что ли, который продавал тело за блага. Ничего, в общем-то такого, но все равно неприятно. Наверняка с этой проблемой в новом мире тоже боролись... или поощряли, играя на низменных желаниях, кто знает.

— Ваш организм обезвожен, — сообщил автомобиль.

— А ну кыш, — вяло отозвался Михаил.

Он вроде и не давал каких-то прав автомобилю, но возможно техника по умолчанию могла общаться с его манопой, для слежки за здоровьем, например.

— За своим здоровьем следи, — посоветовал он.

— Уровень заряда почти максимальный, ТО пройдено три ночи назад, программное обеспечение обновлено две ночи назад, — тут же самодовольно сообщил автомобиль.

Вот интересная же тема, самообслуживание и улучшение техники, тоскливо подумал Михаил, глядя в окно, но, когда самому плохо, все кажется плохим. Программирование — податься туда? Но как? Его профессия электрика тут не годилась, разве что на потеху публике, в каких-нибудь музеях, а тема с энергонием оказалась сложнее, чем он предполагал. Сунулся и обломал зубы, а менять батарейки мог кто угодно, даже сами роботы, да и не требовались там частые замены.

— Мне нужен ваш совет, Осман Петрович, — сказал Михаил, придвигая к себе чашку с чаем.

Местным чаем, который выращивал еще один любитель — селекционер вроде Цодикова. Такое практиковалось повсеместно, поставки чего-то местного, обходящегося дешевле синтезаторов в смысле энергии, и поставщики тоже получали рейтинги и кредиты. Самое главное, отсутствовали громоздкие и сложные процедуры (а зачастую даже погоня за прибылью) достаточно было указать, что есть и дальше сеть брала на себя задачи доставки, логистики и прочего.

— Именно мой? — слегка удивился тот. — Но я не слишком силен в этом новом мире и постоянно отстаю от него. Вот вчера, представляете, Михаил, оказывается вышла статья о генном изменении в кустарниках, через внесение особого вируса, срабатывающего исключительно на нужную комбинацию! И путь доставки, это просто изумительно, через ягоды самого кустарника... прощу прощения, меня постоянно заносит.

— Именно ваш, — кивнул Михаил. — Как раз потому, что вы отстаете от нового мира, как и я, возможно, вы мне что-то посоветуете. Как выяснилось, я повел себя самонадеянно, ринулся в бой, не рассчитав силы, и не добился новых возможностей, а старые скоро закроются.

— И вы боитесь оказаться там, — Осман Петрович указал головой на дом ожмика. — Оказаться в нищете, на дне, с которого уже не сможете всплыть.

— Да, именно так.

— Понимаю, — кивнул Цодиков. — Доводилось мне читать, что это одна из причин, почему ожмиков не селят отдельно.

— Стимул и демонстрация возможного будущего, — осенило Михаила. — А если кого такое привлекает, пусть сразу уходит и не тратит ресурсы.

— И в то же время попытка интегрировать их обратно в общество, — добавил Осман Петрович. — Я вижу, что у вас нет сильного хобби, того, что стало бы любимой работой.

— Кому нужны электрики? В то же время, — и он рассказал о своих обстоятельствах, разве что темы женщин постарался не касаться.

Осман Петрович задумался, неспешно потягивая чай и поглядывая в сторону своих обожаемых кустов малины, откуда доносились гудение и шелест. Они сидели практически в дупле, чуть выше основной части его дома — дерева, еще одна деталь нового мира, вдруг резанувшая Михаила.

— Понимаю, — вдруг сказал он. — Вы выжили чудом, оказались в будущем, а мир даже не подумал восхищенно замирать и останавливаться ради вас.

— Не настолько я себялюбив, — чуть обиженно заметил Михаил, так как в словах Османа Петровича была доля правды.

— Мир идет себе дальше, вы попытались встроиться в него, но толком не вышло, — продолжал Цодиков, размеренно покачивая головой, — вы словно приехали на чужбину, где

вы никому толком не нужны и нужно пробиваться с нуля.

— Да, именно так, — повторил Михаил. — Поэтому я и обратился к вам, Осман Петрович, что вы застали хотя бы часть того старого мира, понимаете меня.

— Ох, — закричал Цодиков, — хотел бы я не видеть той части и не вспоминать ее никогда.

Подобное Михаил уже встречал, когда его родители говорили об "ужасных девяностых" и они тоже не хотели вспоминать о творившемся тогда.

— И да, я понимаю вас, Михаил и именно поэтому и говорю, что вы неправы.

— Неправ? — замер Лошадкин, словно обнаружил, что едва не коснулся оголенного провода под напряжением.

— Неправы, — кивнул Осман Петрович. — В условиях прежнего мира такой подход, возможно и работал, я говорю, возможно, так как сам не застал вашего мира, лишь период хаоса и четвертую мировую.

Он вдруг усмехнулся и посмотрел куда-то вниз.

— Тот период, перед третьей мировой, в моем детстве считался чем-то вроде рая на земле.

— Да уж, — кисло отозвался Михаил. — У нас был тот еще рай.

— Так вот, мир изменился, а вы забились в угол и действуете так, словно все вокруг по-старому. Это нормально, людям свойственно цепляться за старое и это даже хорошо, не дает нам слишком уж мощно мчаться во все новое, где можно просто слететь с обрыва. Вам нужно посмотреть мир, увидеть и ощутить, нет, принять внутри, что все вокруг изменилось и я вас уверяю, Михаил, ваши страхи уйдут.

— Не уверен, — сдержанно отозвался Лошадкин.

Тотальный контроль и запись всего, и вся до сих пор нервировали его. Наружу Михаил ничего не выказывал, но наверняка манопла изнутри "стучала" всяким вышестоящим Искам о его состоянии. Рейтинг у него пока не упал, но в то же время он старался следить за собой и не ляпать лишнего, одновременно с этим осознавая, с каким мощным инструментом воздействия на общество столкнулся.

— Вместо пугающей неизвестности и неуверенности в завтрашнем дне, вы увидите возможности, поверьте мне, я через все это проходил и тоже долго не мог поверить и принять. Мне чудился подвох, я сомневался, подозревал, а мир вокруг менялся и несся вперед.

Осман Петрович вздохнул с улыбкой, словно посмеиваясь над глупостью себя прежнего. Некоторое время они молча пили чай, под шум ветра и шелест листьев, затем Цодиков снова заговорил.

— Разумеется, Михаил, вы всегда можете остаться и, скажем, помочь Руслану, а он поможет вам. Вы подружились, и он хочет отправиться в космос, летать, стрелять и покорять, словно в старых фильмах и книгах, и если вы будете рядом, это может спасти его от ошибок там, в других культурах и обществах. Он поможет вам, да и вообще, хороший, верный друг дорогого стоит, не так ли?

— Пожалуй, — признал Лошадкин.

Доверил бы он Руслану прикрывать себе спину? Пожалуй, что и доверил бы.

— Вы можете обратиться к Цецилии и Димитру, например, — продолжал рассуждать Осман Петрович. — Не за тем, конечно, чтобы они пристроили вас на теплое местечко, те времена остались в прошлом.

— Ну не знаю, не знаю, — пробормотал тихо Михаил.

Маркета Сванди ведь повысила его? Если отбросить ощущение себя альфонсом или как там звали любовников на содержании, все равно же выходило, что она использовала служебное положение? И даже не стеснялась признаться в том вслух! Джуди та же, легко вписалась бы в прежнюю жизнь Михаила, и следовало признать, что старый мир не исчез до конца, замаскировался, изменился, преобразовывался, но многие его элементы остались.

— Вы, наверное, заметили, что они общественники и любят возиться с живыми? Они помогали Алатее, они то и дело общаются с Нестором Вондиди...

— Кем? — машинально переспросил Михаил, затем вспомнил.

Сосед — ожмик, к которому он так и не подошел ни разу, словно боялся заразиться. А чего он так высокомерно себя ведет, тут же подумал Михаил, защищаясь.

— Нашим соседом, — указал рукой Цодиков. — Та же Джуди его называет только ожмиком, а Цецилия и Димитр возьмется, пытаются втянуть в общую жизнь и поверьте, Михаил, они охотно займутся и вами.

Михаил представил и слегка содрогнулся.

— Помогут вжиться, найти свой путь, не вы один оказывались на таком перепутье, легко сказать, найди любимую работу и жизнь станет прекрасна, как ее найти, что выбрать, всему этому учат в школьные годы, но и этого оказывается недостаточно. И, разумеется, есть еще и третий путь.

— Ожмики и учеба во время жизни на минимуме? — предположил Михаил.

— Нет, просто найти другую работу и переехать туда, искать и учиться, продолжать то, что вы делаете сейчас, Михаил и дожидаться плодов своего труда. Мир вокруг полон возможностей, но это не значит, что за вами будут бегать и насильно совать в руки эти возможности.

— Да я уже понял, что попал не в самую добрую сказку, — сварливее, чем собирался, ответил Михаил. — Вы в этом не виноваты, Осман Петрович, извините.

— Да ничего, окружающий мир и меня самого иногда бесит, — признался тот, — но вы же знаете, что невозможно создать идеальный мир для всех. Но по сравнению с тем, что было, вокруг стало хорошо и этого достаточно, по крайней мере мне.

— Но вы бы изменили что-то в мире, будь у вас возможность? — вдруг заинтересовался Михаил.

— Возможность и сейчас есть, практически у любого, заинтересуй общество идеей, покажи, что она пойдет на пользу и воплотима в жизнь и все будет. Вот, кстати, еще один аспект мира, от которого вы бегаєте, Михаил, все эти голосования, общественная жизнь и сеть, друзья и знакомые.

— Только нырни туда и сеть поглотит тебя, не останется времени на другое.

— Сейчас пытаются избегать крайностей, — напомнил Цодиков, — но понимаю вас, все это очень аддиктивно. Я тоже в свое время подсел, но сеть помогла мне принять новую реальность.

А многим не помогла, припомнил Михаил, и попытки вернуть старую реальность продолжались до сих пор. Чтобы как раньше, но с новыми ИП, сетью, энергонием и прочим. Пока он размышлял над этим, появилась Цецилия, тут же заговорившая о Джуди и гонках на воздушных пузырях. Михаил слушал, кивал, представляя Джуди, несущуюся на велосипеде, задорно сверкая всем подряд и размышлял, какой же вариант дальнейшего существования ему выбрать.

По всему выходило, что Цодиков прав, да и возможности, больше людей — больше возможностей, он же вместо этого забился в какую-то глушь и пытался выжить. Опереться на Маркету, да что там, прямо признать, что она ему нравится и жить с ней, переехать, доучиться, открыть для себя новые горизонты. Таня... нет, будем реалистами, подумал Михаил, и признаем, что Таня сказала "нет" и вообще, на роль прекрасной дамы не слишком подходила.

Переезд к тому же помог бы решить проблему всех этих женщин и инопланетянок вокруг.

— Вскоре я перееду на Крит, — заявил он вслух.

Цецилия заговорила что-то одобрительное, а Осман Петрович просто коротко кивнул и отсалютовал поднятием чашки с чаем.

Михаил задумчиво смахнул в сторону сообщения об успешном завершении проекта и получении кредитов, причитающихся ему, как уборщику. Рейтинг не повысился, но и не опустился, уже хорошо, подумал он.

— Будешь слушать Бразианди? — деловито спросила Маркета.

Она стояла полуголая у зеркала, чуть наклонив голову, и управляла чем-то. Пару секунд спустя выяснилось, что это какой-то особый спрей для фиксации локонов и придания им золотистого цвета.

— Нет, — ответил Михаил.

— Тогда поехали, — кивнула Сванди, заканчивая наносить спрей.

Короткие шорты в обтяжку и нечто вроде топа насыщенного красного цвета, изрядно контрастировавшего с ее белой кожей и золотистыми волосами. Одновременно с этим Сванди производила "расчет", списывала с себя дом и оплачивала расходы, а также отдавала приказ машине лететь в аэропорт.

— Или ты хотел прихватить обломок на память?

— Нет, вот этим никогда не занимался, — покачал головой Михаил.

Сванди улыбнулась и к ней подкатил небольшой чемодан, вызвавший у Лошадкина неимоверную радость. Хоть что-то знакомое и привычное из прежнего мира! Все же не с пустыми руками и карманами, вызывавшими ощущение, что они все забыли дома и придется возвращаться.

— А я вот прихватила, — легко ответила Сванди, — и еще пару своих платьев и счастливый рабочий комбинезон, в котором проводила первый проект. Пусть и суеверие, но мне помогает.

Они вышли на крыльцо и автомобиль распахнул двери, взмыл и помчался так стремительно, что все внизу сливалось в единую полосу. На такой скорости машина легко долетела бы до Крита за пару часов, но Михаил точно помнил, Сванди говорила про аэропорт.

— Не волнуйся, все расходы за мой счет... или именно это тебя и волнует?

— Да.

— Конечно, конечно, — закивала Маркета, словно вспомнила только сейчас, — в твою эпоху было принято иначе, да? Хорошо, мы разделим расходы пополам.

Поступил сигнал, и Михаил замер на мгновение. Он не стал богачом, но кое-что получил на выходе из клиники, проживая в Черногорках не слишком тратился и экономил, зачастую по незнанию, и за проект ему тоже выдали оплату.

Один перелет до Крита и запасы его уменьшились бы вдвое. Становилось понятнее, почему ожмики предпочитали сидеть по домам, у них просто не хватало средств куда-то съездить. Возможно, они, как в прежние времена, копили весь год, чтобы потом побывать где-то, или скидывались совместно, как рассказывала Джуди.

— Предпочтешь и дальше делить расходы? Или мне оплатить?

— От этого у меня возникает ощущение, что я на содержании, — со вздохом пояснил Михаил.

Сигнал манопе, разрешение и кредиты ушли на оплату.

— Если ты такой специалист по той эпохе...

— По зданиям, дорогой, не общественным отношениям и я не считаю, что ты на содержании. Можешь считать это вложением в ценного специалиста, который потом поможет мне лучше разобраться в моем деле и отношениях тех времен. К слову, об отношениях, — промурлыкала она, вдруг прогибаясь и оказываясь совсем близко к Михаилу. — Нам лететь еще двадцать минут.

А за окном все сливалось в полосу, отметил Михаил, и смотреть было не на что. Да он, в общем-то, и не собирался сопротивляться, сексом в скоростных летающих автомобилях он еще ни разу не занимался.

— Ого! — присвистнул Михаил, с опаской поглядывая вниз.

Автомобиль вылетел прямо на взлетное поле, подрулил к какой-то помеси истребителя с ракетой и перекинул мостик, на высоте метров так в шесть. Раскрасневшаяся и все еще учащенно дышащая Маркета высунулась из-под его руки и заметила.

— Здесь невидимое поле безопасности, ты не упадешь.

— К слову о безопасности, — заметил Михаил, ступая на мостик.

Тот не шелохнулся, Михаил протянул руку и ощутил мягкое сопротивление, словно упирался в стену из поролона. Ему в ногу ткнулся и нетерпеливо засвистел чемодан, призывая дать ему дорогу.

— Удобно, да? — радостно спросила Маркета.

— Удобно, — согласился Михаил. — А остальные пассажиры?

— Какие еще остальные? — не поняла Сванди. — Попутчиков не было, так что полетим вдвоем.

А было бы больше, и цена бы упала, подумал Михаил, испытывая нервозность, облегчение и возбуждение одновременно. Частный самолет, нет, ракетоплан! Им предстояло стремительно взмыть за пределы атмосферы и по дуге зайти на Крит.

— Специально заказала, чтобы ты посмотрел, ведь в ваши времена не было такого?

— Не было, хотя отдельные особо богатые и могли изобразить нечто подобное.

— Вот, — наставительно вскинула палец Маркета, подпихивая его в спину. — Разница.

— Только не говори, что в нынешние времена такое себе может позволить любой, — чуть насмешливо отозвался Лошадкин.

Внутри оказалось на удивление просторно и непривычно, так как он подсознательно ожидал салона самолета или тесноты ракеты.

— Кают и спален здесь нет, полет продлится всего час, но мы тут вдвоем, — Сванди игриво ущипнула его за ягодицу.

— Слушай, ты не помогаешь, — почти застонал Михаил. — А где окна?

— Какие еще окна? — не поняла его Маркета. — А, смотреть наружу? Так их давно уже нет, чтобы не нарушать прочность корпуса, а если хочешь посмотреть, то вот.

Жест, сигнал и вспыхнули экраны, Михаил чуть не взвизгнул, как девчонка. Они уже взлетели, и земля стремительно удалялась, словно уходила прямо у него из-под ног.

— Так, я не помогаю, — задумалась Сванди, — точно, ты же мужчина и ты должен доминировать! Хочешь напасть на беззащитную блондинку в душе?

Она подкрутила золотистый локон и удалилась, а Михаил остался стоять, разрываемый желанием пойти к ней и смотреть на экраны. Потом выяснилось, что можно совместить, экраны — проекция систем корабля — показывали картинку где угодно.

— Разумеется, такое может позволить не любой, — заметила Сванди удовлетворенным голосом.

Она полулежала в кресле, корабельный киборг подносил ей сок раптанга, а изголовье массировало шею и затылок. Вид у Маркеты был полностью удовлетворенный и расслабленный, словно она возлежала на тропическом пляже в рекламе.

— Но у каждого есть возможность добиться подобного.

— У нас тоже говорили, что надо лишь более лучше работать, — криво усмехнулся Михаил.

Он держал ступни Сванди в руках, ощущая себя могучим великаном, и поглаживал их и нажимал пальцами, словно тоже делал массаж.

— Теперь эти слова стали правдой, — отозвалась Маркета. — Так, сообщения отправлены, дом подготовят к нашему прилету, вечером осмотрим местность и пообщаемся с руководителем, а завтра приступим уже в полную мощь. Предварительный эскиз я накидала, но надо будет уточнить на месте, сканы и съемки не дают нужного ощущения, даже голоприсутствие его не дает, только личное.

— Опять надраивать развалины, — вздохнул Михаил.

— Обществу нужны любые работы и их высоко ценят, а ты выучишься, не надо так себя казнить.

— И лет через двадцать я смог бы накопить на такой полет?

— Разве не оплатил ты половину расходов? Можно было лететь и на автомобиле или сесть на поезд, просто провели бы в дороге больше времени, а я не люблю терять время. Некоторые, наоборот, считают, что время в дороге не потеряно, наоборот, приносит больше пользы и они тоже правы. Но ты вряд ли захотел бы добираться на Крит на велосипедах, да?

Михаилу почудился подвох в этом вопросе, но он так и не понял в чем именно там дело.

— И что, другие не завидуют? Не пытаются воспользоваться чужими кредитами и рейтингом, чтобы путешествовать за их счет, скажем?

— Бывает, — отозвалась Сванди, отпивая из трубочки сока. — Это довольно тонкий вопрос, где провести грань между паразитическим использованием чужих достижений и желанием живого помочь другим живым? Немало психологов трудятся над ним и совершенствуют все эти цифровые системы распознавания и подсказок, обновляют ИП и манопы по всему миру.

— Да вы скоро даже подтереться не сможете без цифровых помощников! — в сердцах воскликнул Михаил.

Вообще-то они помогали и в таких вопросах, было бы желание (и возможности).

— Вот! — оживилась Сванди. — Ты абсолютно прав, не сможем! Нужно расширять самостоятельность каждого живого и добавить курсы выживания без манопы, добавить гипнограммы и упражнения на улучшение памяти, чтобы живой мог справиться и сам, без чужих подсказок! Ты ж моя умница! Иди сюда!

— Начинаю ощущать себя секс-маньяком, точнее говоря, его жертвой, — проворчал Михаил.

— Ладно, я попрошу кибера, если тебя это не шокирует.

— Шокирует.

— Да? Странно, мне казалось, что у вас уже достигли полной свободы секса и отношений.

В голосе Сванди звучало неподдельное удивление, а Михаил почувствовал себя как-то

странно. В голове не укладывалось, что она готова была получать удовлетворение от работа. И откуда столько секс-активности в таком хрупком теле? Ее распирали гормонами от удачного завершения проекта? Или что?

— А мне казалось, что у вас тут общество равных возможностей.

— Так и есть, каждый может обучиться, принести пользу обществу и летать на подобных ракетопланах, использовать киборгов и роботов, тратить энергию и так далее. Реализация выходит разная, конечно, но разве не это всегда выставляли преимуществом в твои времена?

— Преимуществом чего?

Он держал ступни Сванди в своих руках, сжимал розовые пальчики, словно боялся, что она встанет и займется сексом с этим киборгом — помощником. В другой раз Михаил охотно рассмотрел бы его и пообщался, и пялился бы на космос, но Маркета жадно стягивала все на себя.

— Капиталистического строя. Конкуренция, соревнования, битвы за выживание и за счет этого улучшение всего, и вся? И там действительно были неравные стартовые условия, а вам рассказывали, как ты сказал "надо лучше работать"?

— А еще мне рассказывали, что у вас тут общество победившего социализма.

— Так и есть, — сыто промурлыкала Сванди.

— Извини, но я не верю, — покачал головой Михаил.

— Это не вопрос веры или эмоций, а вопрос определений и фактов, но вообще любопытно. Ты вот выставил свои услуги в сеть...

— И никто пока не обращался!

— ... не думал взяться за работу по сравнению двух систем и миров? Вышло бы очень познавательно, со свидетельствами очевидца, полезно для всех и для тебя.

— Но как же все вот это? — Михаил повел рукой.

— А что с ним не так? — изумилась Сванди, даже приподняла голову. — Или, по-твоему, нужно жить в нищете, все раздать тем, кто этого не оценит, плодя паразитов, и забивать гвозди голыми руками, так как стыдно использовать дорогой автоматически управляемый молоток с сотней функций?

— Ну, я... — Михаил замялся, не находя слов.

В общественно-экономических формациях он тоже никогда не разбирался.

— Или ты хочешь сказать, что все это заработано нечестным путем?! — уже гневно спросила она.

Встала, упирая руки в бока, и вид ее при этом всегда вызывал умиление у Михаила, хотя сама Сванди пыталась выглядеть именно что гневно.

— Что я обманывала, краля, наживалась? Не трудилась на благо общества и не получила в ответ преимущества и привилегии?! Да, не все могут себе такое позволить, но ты спрашивал их, нужно ли им такое? Может, они свои кредиты тратят на постройку космического корабля в гараже, потому что им так хочется? Спрашивал ли ты их, чувствуют ли они себя ущемленными нынешней системой? Ты не ощущаешь социализма вокруг? А спроси себя, много ли ты подобного видел в своей прежней жизни? Сумел бы прикоснуться, даже если бы работал всю жизнь?

Михаил не стал отвечать, и тут они, к счастью, приземлились, и ссора не успела разгореться. Он всего-то хотел аккуратно коснуться финансовой системы, поинтересоваться у Маркеты, как подняться до таких высот, как у нее и вышло, что не вышло.

Крит встретил их теплом и умеренной влажностью, синим небом и видом на такое же море.

— Красотища-то какая! — восхитился Михаил вслух, благо они летели на кабриолете. — Неудивительно, что Греция враждовала с Турцией за этот остров!

Он всего-то хотел продолжить, что в новом мире такой проблемы нет, так как Земля стала едина, но Маркета вдруг фыркнула и рассмеялась. Михаил заглянул в сеть и обнаружилось, что враждовали они за Кипр, а не Крит.

— Вот она, проблема незнания без сети в действии, но невозможно знать все, — задумчиво заметила Сванди, подставляя локоны ветру. — А узкий специалист слишком узок.

— И что, есть выход? — спросил Михаил.

Маркета вела себя так, словно не было ссоры, да и считала ли она случившееся ссорой? У Лошадкина остался какой-то темный осадок от полета, испортивший все наслаждение и ощущение нового мира, но он никак не мог сформулировать все словами. Спросил, чтобы потрафить Маркете с ее темой "нельзя полагаться на сеть" и Сванди откликнулась.

— Чипы — расширители памяти, но это та же сеть, только локально. Тренировка памяти и мозга и справочники в цифровом виде. Улучшения и изменения самого человека, про других живых пока речь не идет. Киборгизация, замена тканей, увеличение биологической емкости мозга, и ни один из этих вариантов не дает ответа на проблему того, что делать, если отрезало от сети.

— В мои прежние дни была та же самая проблема! — воскликнул Михаил. — Стабильность — признак мастерства!

Судя по тяжелому взгляду синих глаз, ляпнул он что-то не то.

— Город? — удивленно спросил Михаил, глядя вниз.

Не мегаполис, конечно, но все же весьма оживленное местечко, и дома, много домов!

— Город — Барнелион, — кивнула Сванди. — В мировых войнах Крит особо не пострадал, так как здесь не находилось ничего важного, и здесь у нас немного другой проект. Воссоздание прежнего курорта на радость проживающим.

— Ага, — медленно ответил Лошадкин, глядя вниз, — понимаю.

Манопя подсвечивала город, попутно сообщая о составе населения. Догадаться об остальном было не так уж и трудно, еще одно проявление остатков старого мира и ожмики ринулись жить и отдыхать во всяких курортных зонах, включая эту. Отсюда и город, и все остальное, включая проект Сванди.

— И мы будем жить среди них?

— Чуть поодаль, ближе к берегу и зоне проекта, — рассеянно отозвалась Маркета, уже переключившаяся на работу. — Что? У тебя предубеждения против ожмиков?

— Нет, я... — Михаил покрутил руками.

— Давай, давай, рассказывай, — ткнула его пальчиком Сванди, — явно же связано с твоими временами!

Михаил начал рассказывать о всяких бедных районах, трущобах и фавелах, питательной среде для преступности и всякого, и схожести на слух ожмиков с бомжиками, и прочим делам. Они успели приземлиться, понаблюдать за финалом возведения дома — под заказ, отправленный Сванди перед вылетом сюда — и "заселиться" внутрь, а Михаил все рассказывал.

— Это что, робот?

— Киборг — домовой, типовая модель, — отмахнулась Сванди, уже начавшая перестраивать рабочий кабинет под себя. — Так что там было дальше?

— Да, собственно, и практически все уже, — развел руками Михаил. — Ты же спрашивала, что мне не нравится, я объяснил, как смог.

— И это была отличная лекция, дорогой! Чуть отредактировать запись и уже можно выставлять в сеть!

Михаил моргнул, такая мысль ему в голову не приходила.

— А зачем нам домовой? — спросил он.

— А ты хотел сексапильную горничную, как в ваших фильмах? — хихикнула Сванди, перемещая стол.

Не сама, конечно, дом оказался странно набит роботами или киборгами, Михаил не взялся бы так на глаз уловить разницу. Основной принцип отличия он знал, киборги содержали в себе биологические ткани и зачастую действовали на основе разных инстинктов и рефлексов, вроде собак или муравьев, а роботы полностью состояли из "железа" и программ.

Лет десять назад шли очень жаркие споры, считать ли личностью киборгов, если в них разумы живых и допустимо ли определение живых к тем, кто заменил в себе половину биологической составляющей на это самое железо?

— Если хочешь, давай закажем, — добавила она, переводя взгляд на Михаила.

— Никогда не понимал этого фетиша на горничных, — признался он.

— О, я сейчас тебе объясню! Это все тот же инстинкт власти, совмещенный со стремлением размножаться с разными самками, дабы обеспечить выживаемость потомства. В навязанной традиции моногамного брака, все женщины вокруг превращались в запретный плод, отсюда такое стремление и фетишизация служанок и монахинь, например, а также незримый социальный аспект, когда твоя жена уже состарилась, а рядом ходит молодая и свежая девушка, которую ты не видишь в бытовых условиях. Чуть позднее служанки сменились секретаршами, но общий принцип сохранился, и уж ты...

— Хватит! — замахал руками Михаил.

— Отменить заказ на домовую? — поинтересовался голос.

— Это что еще такое?

— Это Арчи, искусственный помощник и хороший пёсик, да, кто тут у нас хороший песик? — заворковала Маркета, стремительно приседая и начиная тискать голограмму песика.

Михаил озадаченно заморгал, в то же время обнаружив, что его манопе предоставлен доступ к этому самому Арчи. Он мог заказывать и приказывать дому, перестраивать его, по желанию, и эта часть внезапно заинтересовала Михаила.

Любые материалы, формы и размеры, хватало бы кредитов, то есть энергии и рейтинга, потому что нельзя было просто так взять и воткнуть замок посреди города. Что-то привозили, что-то производили на месте, можно было вообще все синтезировать, пусть это и обходилось дороже. Основой строительства, устраивавшей подавляющую часть населения, являлся особый порошок, изменявший свои свойства под воздействием дега-поля, и это и позволяло задавать и создавать конструкции любой формы за кратчайшие сроки.

Схожий принцип использовался в тренировочных боккенах.

Как вот этот дом, в два этажа, с башенкой и прочим, заказанный Сванди потому, что рядом не было уже готового подходящего. Изменение формы и свойств позволяло прокладывать все необходимые коммуникации внутри стен, но со временем эта часть умерла и практически не использовалась из-за распространения беспроводных технологий.

— Слушай, но зачем все это? — спросил Михаил, выныривая из сети и попутно проверяя фундамент.

— Наигрался? — спросила Сванди в ответ, отпуская Арчи. — Я тоже. Пойдем прогуляемся.

Они вышли из дома, и Михаил увидел, что солнце скрылось за тучами, возможно даже искусственными. Без отблесков солнца на воде, море вокруг выглядело еще более захватывающим дух и Михаил не мог сдержать рвущегося наружу восторга, одновременно с этим отмечая, что Сванди смотрела довольно равнодушно.

Мимо прошла пара мужчин, ожесточенно споривших о чем-то непонятном.

Сванди указала рукой, и они начали спускаться по тропинке к берегу, а Михаил невольно хмыкнул.

— Словно и нет никаких высоких технологий, — пояснил он. — Как сотни лет назад, спуск ногами по тропинке к морю.

— Если хочешь, можно заказать...

— Лучше ответь на прошлый вопрос, зачем ты заказала все это? — Михаил дернул головой, пытаясь указать за спину, где остался их новый дом.

— Чтобы ты мог учиться и работать без помех, — уверенно ответила Маркета.

— Я?

— Ты.

— Но я же не просил ни о чем таком!

В пылу возмущения, Михаил едва не споткнулся о бурно совокупающуюся парочку, которые и не подумали прерываться. Он сбился с мысли, а Маркета просто равнодушно прошла мимо, продолжая движение вниз по тропинке.

— Ты согласился жить вместе, мне показалось это естественным, — пояснила она.

— Как вы вообще отличаете бескорыстную помощь от обмана и вымогательства? — переключился сбившийся Михаил.

— Также, как и распознаем готовящиеся преступления, — пожалала плечиками Сванди, покрутила локон. — Я не специалист, могу лишь выдать справку из сети, но ты и сам ее можешь посмотреть.

— А кто формирует эти справки? В мое время не слишком доверяли википедии, — поделился Михаил.

Его так и тянуло оглянуться на ту парочку, но он сдерживался. Пусть даже Сванди сказала, что не ревнива, но как-то это все было... не так. О чем и говорил Осман Петрович, вдруг подумал Лошадкин, вот он, новый мир в его неприглядной бытовой форме.

— Ее правили люди, а у нас сетью заправляют искусственные помощники, — отозвалась Сванди, разрушая его надежды на расспросы. — Ты думаешь, они появились просто так? О, сколько криков было о подавлении и угнетении, восстании машин, и вопросов "кто сторожит сторожей?" И в то же время они меньшее зло, по сравнению с разгулом подделок и подлогов, обмана и корысти в твое время. Тебе следовало бы создать лекцию и об этом.

— Так ты за этим меня соблазнила? — хохотнул Михаил, пытаясь не обращать внимания на звуки из пещеры в склоне. — Чтобы выведывать сведения о моем времени?

— Кто тебе рассказал? — удивилась Маркета. — Утечки не было, сам догадался?

— Что? — остановился Михаил.

— Что?

Впереди уже виднелся берег и залив, точнее небольшая бухта, в которой возилась строительная техника и живые. Что-то перестраивали, насыпали, и Михаил вдруг узнал изображение, с макетом этой бухты возилась Сванди у себя в кабинете, видимо готовя будущий вид курорта после завершения работ в нем.

— Ты не шутила?

— Нет. — Сванди склонила голову, словно собиралась выжимать локоны. — Можно было свести все к шутке?

Михаил смотрел на нее сверху вниз, ощущая себя как-то странно. Ему хотелось схватить эту куколку и трясти, вымещая свой гнев за подобные признания. Ведь недавно же говорили на похожую тему, о неприятных ощущениях, что он на содержании! Маркета, похоже, так ничего и не поняла, зато сам Михаил понял, что в угаре секса и уступок так и не поинтересовался, что же движет Сванди.

Хотя, собирался, в общем-то, но отвлекся, да, на секс с Маркетой.

— И продолжить врать?!

— В чем тут ложь? — изумилась Сванди. — Я и правда хотела тебя поддержать, чтобы ты сосредоточился на том, что не дает тебе покоя — квалификации — не отвлекаясь на мелочи. Обучился, сдал экзамены, избавился от мыслей о том, что ты на содержании и мы смогли бы пойти дальше по жизни рука об руку.

— А ты бы продолжала высасывать из меня сведения?

Прозвучало как-то не так, но Сванди и глазом не повела. Чуть отступила в сторону, пропуская поднимающихся снизу, загорелых и довольных собой, полностью обнаженных трех ожмиков, и спросила.

— Разве не предлагали тебе этого в "Незабудке"? Поделиться своими знаниями с миром?

— Предлагали.

— Разве не осознал ты их правоту?

Михаил чуть насупился, так как уже думал на эту тему. Конечно, поезд давно ушел, и программа "Адаптация" не состоялась бы, но напоминать об упущенных возможностях? Чтобы Михаил сильнее ярился и грыз локти? Правда дополнительно будила воспоминания о Тане и ее привычке говорить правду, злила и вызывала воспоминания, которые Михаил хотел затолкать в дальний чулан и не извлекать больше на свет.

— И? — Маркета смотрела на него, словно ожидала чего-то.

Что он нападет на нее? Утащит в ближайшую пещеру и там зверски изнасилует? Начнет возражать?

— Тогда продолжим нашу полезную для здоровья (Михаил саркастически хрюкнул) прогулку.

Пока он собирался с мыслями, созерцая открытую спину идущей впереди Сванди, пришел сигнал и Михаил включил себе на один глаз трансляцию начавшихся гонок на воздушных пузырях. Руслан сразу начал отставать, и Михаил аж кулаки сжал, переживая за друга, который явно перемудрил с конструкцией!

Зато Джуди вырвалась вперед, ее пузырь оказался совсем не пузырем, открытая всем ветрам платформа, и она крутила педали, будто рвалась вперед на велосипеде. За ней мчался еще десяток, налегая на педали так, словно соревновались не за приз, а кто первый заглянет Джуди под платье. Напряженная борьба, отвлекшая Михаила, и он даже не заметил, как они спустились.

— Вот так будет выглядеть проект после завершения, что скажешь? — спросила Сванди.

Обмен сигналами между манопами, перед вторым глазом Михаила засветился макет. Совместился с местностью, подсвечивая то, что будет. Какая-то инфраструктура уже существовала, там и сям бродили и купались люди, между ними сновала техника, масса обнаженных тел и ленивого секса, на который никто не обращал особого внимания.

— Я?

— Да, как очевидец, — кивнула Маркета. — Соответствует твоей эпохе? Здесь будет не просто курорт, а с погружением в твоё время, чтобы жители городка и приезжающие могли окунуться в нее и психологически разгрузиться.

"Ваше время считалось раем на Земле", припомнил он слова Османа Петровича и чуть не присвистнул восхищенно. Вот это забота, и о ком, об ожмиках!

— Я бы убрал вывески, вот здесь и здесь, — Михаил ткнул пальцем, — добавил магазины, и еще пустил бы на пляж роботов.

— Зачем?

— Чтобы имитировали продавцов всякого, ведь вам же нужно погружение в эпоху? Вряд ли вы будете имитировать роботами местных жителей, наглых и в то же время заточенных на обслуживание туристов, но хотя бы пляжных зазывал?

— Заточенных, хм, я смотрела на все это больше с архитектурной точки зрения, — Сванди вызвала макет и отошла в сторону.

Обсуждение со специалистами затянулось, а обязанности Михаила в проекте — помимо личного мнения очевидца — оказались примерно теми же, даже меньше. Тут не требовалось отмывать и воссоздавать руины и развалины, и роботы действовали свободнее, не требовали ежеминутных решений.

— Эй, красавчик, потолкаемся передками? — раздался голос.

Михаил даже не заметил, как к нему подошли две обнаженные девицы... ладно, дамы средних лет. Он следил за гонкой, Руслан вырвался вперед, лепестки его пузыря гнулись и раздувались, тормозили движение, позволяя проходить повороты и изгибы идеально, без столкновений. Многие влетали в невидимые стены, теряли скорость, но Джуди продолжала рваться вперед, она изгибалась, отключала винт и прямо в падении переворачивала свою платформу, снова добавляла скорости и все еще опережала Руслана.

Михаил болел за друзей и как-то не особо смотрел по сторонам.

— У меня девушка есть, — указал он в сторону Сванди.

Вроде бы говорили, что проституция умерла, но это похоже не мешало любительницам отдаваться за просто так.

— Рейто-о-овая, — протянула вторая девица, с мощным выменем. — Крекай, как пролез на баланс?

— Проваливайте, давалки дешевые, — вскипел Михаил.

— Фу ты, ну ты, — скривились обе, — насосал себе кредитов и уже возомнил невесть что! Ну и оставайся, дорогая ты давалка!

Они отошли, покачивая задницами, а Михаил остался сидеть, подергивая щекой. Хотелось вскочить и... что? Накинуться на них с кулаками? Обматерить? Попользоваться в условных кустах, ибо эти явно отдались бы ему просто так прямо здесь?

— У вас сбит гормональный баланс, я могу помочь его исправить, — раздался мурлыкающий голосок.

— У меня девушка есть, — повторил Михаил.

— Пусть присоединяется, ей тоже поправлю.

Михаил только сплюнул сердито, даже не глядя на говорившую. За каким ладом он поперся сюда? Не проще ли было бы сидеть в башенке и учиться?

Визит на пляж и в зону проекта оказался полезен, пусть и взбесил Михаила местами. Места эти заключались в том, что ожмики и прочие минималы принимали его за "своего", который захомотал богатую девицу и за счет этого поднялся. Польза же вышла в том, что он сообразил, куда следует податься — в строительство! Прокладка электрических кабелей внутри стен может и не практиковалась, но он все равно нахватался всякого в прежней жизни, что-то да понимал в вопросе.

К тому же, размышлял Михаил, если лететь в космос, то там навыки строительства тоже пригодились бы! Разумеется, претендовать на мастера было рано, так, младший подаватель условных кирпичей, но все же, полезная и нужная обществу профессия, пусть и переполненная роботами.

— Вы занимаетесь уже час, Михаил, — раздался приятный баритон домового за спиной.

— Неплохо, — отозвался Лошадкин, отрываясь от расчетов.

Настоящий комплекс внутри астероида! С генератором гравитации, огромной батареей на энергонию, вписыванием проекта в размеры астероида и затем планировкой различных помещений и использования местных материалов в строительстве. Все это уходило в область архитектуры, скорее, но Михаил не стал смущаться, тренировался в расчетах сопротивлений, уходил в экономику, пытаясь просчитать самый дешевый, но не теряющий при этом в безопасности, вариант строительства и игрался с планировкой помещений, при этом не забывая экономить энергию.

Погружался в симуляции, в которых сам укладывал стены поселения.

— Раз — два, сели и встали, — начал приседать он.

Одновременно с этим активировал экран перед собой, выводя на него обучающий урок о современных строительных материалах. Петро Маршалл считался и являлся одним из лучших специалистов в своей области, объяснял простым и доступным языком, тут же приводил голограммы, иллюстрирующие его рассказ. Михаил бежал на месте и смотрел, воочию знакомясь с новыми подходами в области образования и, что было гораздо важнее, самообразования.

Разумеется, подобное стало доступно только со всеобщей сетью и изменением ее формата, но в то же время подхлестнуло прогресс. Миллионы живых получили возможность одновременно учиться у самых лучших, истинных мастеров своего дела, создававших лекции с помощью специалистов в подаче материала и образовании. Очень важный вопрос, которому уделялась масса внимания и присваивались высокие рейтинги и оплата, и Михаил понимал, что мог бы также приподняться на своих лекциях о жизни до третьей мировой.

Мог бы, если бы у него хватало фактических знаний, а не обрывков из сети.

— Михаил, я задержусь в рабочей зоне, — пришел сигнал от Маркеты.

Прошло уже несколько недель, как они прилетели сюда, и оба обходили молчанием ту историю после прилета. Михаил несколько раз выбирался в город, его каждый раз пытались во что-то втянуть и использовать, и он уходил в ужасе, запирался и учился, даже не наслаждался особо развлечениями, хотя Сванди, как уже говорилось, не поскупилась на дом.

— Зачем? — вырвалось у него.

— Чтобы поработать, глупый, — хихикнула Маркета.

— А не развлекаться там с кем-то?

Михаила словно прорвало накопившееся, он хотел остановиться, но язык будто жил своей жизнью.

— О, ты ревнуешь, — в голосе Сванди проскользнули игривые нотки, — как это возбуждает.

— Потому что позволит тебе выбить из меня еще порцию сведений?

— Не хочешь — не рассказывай, — и Сванди прервала вызов.

— Вы слишком разволновались, — сообщил Арчи через помощника — домового, — это вредно для тренировки, которую для наилучших результатов...

— А ты не подглядывай! — рявкнул Михаил, окончательно выходя из себя.

Закрыв доступ дому, правда и сам потерял часть доступов в ответ, но и плевать, подумал Михаил, прерывая бег на месте. В этом Арчи был прав, бежать в ровном темпе, когда ты злишься, не выходило, все выходило рваным и дерганным. Он попытался вернуться к занятиям, но там тоже не выходило, словно его лишили мотивации.

— Что происходит? Арчи передал мне сигнал о твоих действиях и я прилетела, — сообщила Сванди, стремительно входя внутрь дома.

— Да, что происходит? — спросил Михаил в ответ. — Ты соблазнила меня?

— Мы же вроде уже поговорили об этом?

— Мы отложили тему в сторону!

— Как любопытно, — облизнула губы Маркета.

Что она вытворяла этими губами и языком, несмотря на мелкие размеры, и Михаила бросило в жар от воспоминаний. Сванди словно ощутила его состояние, придвинулась скользящим шагом, демонстрируя ноги и прогибаясь, бросая Михаила в жар еще сильнее.

— Я применила старинную технику, которую хотела попробовать на практике. Привлечение внимания через отрицательные эмоции и затем физический контакт во время противоборства, — Маркета вдруг оказалась совсем рядом, смотрела снизу вверх.

— Так ты ставила эксперименты?

— Только скажи, что тебе не понравилось!

— Чем еще ты занималась? Внушала мне что-то?

— Изучала реакции, — призналась Сванди, распуская руки, — вот как сейчас.

— Да как ты!

Михаил ринулся на нее, даже не думая о том, что его действия могут быть расценены как нападение. Все уроки за эти дни и недели не пропали впустую, он предвосхитил маневр Сванди и провел подсечку, дальше в дело уже вступила масса и энергия удара. Перехватил ее за руку, прижал к себе, вспыхнули воспоминания и все это переросло в бурный, яростный секс, с ярчайшими ощущениями и неожиданными позами.

— Ого, у меня аж ноги отнялись, — простонала обнаженная Маркета, на коже которой еще виднелись отпечатки рук Михаила. — Значит, не ввали насчет обострения чувств.

— Да как ты, — выдохнул Михаил.

Он тоже выплеснулся весь и не ощущал сил вставать и буйнить. Маркета и раньше не стеснялась ничего, но сегодня позволила такое, чем они раньше не занимались, и это было прекрасно. Но ложка дегтя в виде мысли, что она перепроверяла какие-то сведения из старых сетей, портила все.

— Да, я изучала тебя, чтобы лучше понять ту эпоху, но и не ввала о своих чувствах! Ты помог мне, расширил границы познания, и я попыталась помочь тебе в ответ, — сообщила

Маркета, все еще лежащая пластом на полу. — Разве ты не видишь насколько взаимовыгоден и полезен наш союз? Мы обогащаем друг друга знаниями, поддерживаем, любим!

— И поэтому ты отработываешь на мне какую-то гадость из сети моего времени?

— А как еще узнать, не проверив на практике? Такой уникальный шанс!

— Так я для тебя подопытная мышка, точнее говоря, лошадь!

— Я не собиралась смеяться над твоей фамилией, — возразила Маркета.

— Да и неважно, ты и без того посмеялась и растоптала меня. Эксперимент между проектами? Вызов ревности, бурный секс после драки для остроты чувств, так как скучно проектировать внешний вид зданий? Еще бы, этого дикаря из прошлого так легко можно обмануть, дать ему пару раз и все, он твой, да?!

— Нет, — простонала Маркета. — Все не так.

— Не верю, просто не верю.

— А мне кажется, ты просто боишься и ищешь предлога, чтобы расстаться и сбежать.

— Если у тебя все такое искреннее, — посмотрел на нее Михаил сверху вниз, — то, чего же ты не рассказала все сразу? Можешь не отвечать, я и так знаю, ведь тогда эксперимент оказался бы сорван!

Он сплюнул и осознал, что обвинения Сванди отчасти правдивы, но в то же время и его подозрения оказались не совсем уж беспочвенными. Внутри кипела обида и страх перед будущим, и он ощущал себя немного истеричкой, бегущей от "богатого папика", после осознания страшной правды об использовании тела, но останавливаться Михаил не собирался.

— У тебя еще есть работа! — крикнула Сванди в спину.

— Ничего, любой ожмик с пляжа с ней справится, — парировал Михаил.

Легкость заселения без вещей, нервировавшая его, неожиданно обернулась на пользу, встал и ушел, вот так вот просто.

— Твой рейтинг пострадает!

Но Михаил уже не стал оборачиваться и ушел, отправляя уведомление о выходе из проекта. Рейтинг и правда пострадал, но на фоне всего случившегося прошел по разряду мелкой неприятности. Удалившись от дома Сванди, Михаил вдруг ощутил, как на него нахлынули сомнения и странная истеричность поступка, тем более сразу после такого феерического секса.

— Привязать к себе через постель, — прорычал он, — и мне еще рассказывали о свободе отношений!

Он осекся, осознавая несправедливость слов и снова сплюнул. Снова накатил страх перед неизвестностью, в сочетании с воспоминаниями о теле Сванди и как им было хорошо вместе. Неужели Маркета и этим воспользовалась, просчитала? Нет, потряс головой Михаил, не может быть, именно в социальной части прошлого Сванди плавала, словно топор в проруби, и скорее всего, именно в этом и заключался ее интерес заниматься подобными манипуляциями, привязывая к себе Лошадкина.

— А что, разве сейчас не свобода? — раздался хриловатый женский голос.

Михаил оглянулся и обнаружил, что тело его пошло привычным маршрутом, по тропинке до рабочей зоны и этот склон и часть пляжа почему-то облюбовали местные для «секса на природе». Какая-то неизвестная ему смуглая девица, нет, молодящаяся тетка, ожмик, лежала, раскинув ноги и демонстрируя пухлые, вздутые губы промежности.

— Хочешь? — спросила она, облизав губы.

Михаил остановился, тупо уставившись на ее тело со слегка оплывшей грудью, словно поддался соблазну. Без беременностей, без риска венерических заболеваний, без осуждения общества, ну да, почему бы и не сексоваться налево и направо, если хочется? В прежние времена он бы обязательно заподозрил подвох, но здесь и сейчас видел, что тетка и правда отдастся ему.

Как выпить стакан воды.

— Не особо, — ответил он.

— Ну и проваливай к своей рейтованной сучке, пельсос! — прилетело ему в спину.

Михаил не выдержал и развернулся, первый раз в жизни ставя оценку и производя сознательное сообщение через манопу. Пусть они и поссорились с Маркетой, но спускать с рук такое?

— Эй, ты чего? — тетка встревожилась и умчалась вниз, скрылась в толпе таких же, как она.

Ожмики часто бродили вокруг и за время работы Михаил насмотрелся на таких же, правда все же одетых, и наслушался подобных фразочек. Некоторые словно находили особое удовольствие в оскорблениях и фразочках в спину, так как все равно находились на минимуме, падать ниже уже некуда. Сванди потом пояснила, что все записывается и их ждет соответствующее наказание, но все равно пару раз Михаил сжимал кулаки, собираясь свернуть кому-то челюсть.

— Вот же, нашел себе проблему! — воскликнул он.

Вернуться? Сванди примет его, но Михаил уже понял, что страх подозрений в экспериментах не покинет его. Нет, следовало нырнуть в новый мир и побарахтаться в нем, почти по совету Османа Петровича, вот только неясным оставалось, куда двигать дальше. Он выучился, но еще не сдал экзамены, заработал, но и потратил, рейтинга особо не повысил, и сейчас Михаил легко мог оказаться в числе тех же ожмиков.

Или так и следовало поступить?

— Пояс, — скомандовал Михаил, и вскоре ему доставили пояс для полетов.

Он взмыл и пронесся над рабочей зоной, видя, что чуть ли не половина идеи Сванди уже воплощена в жизнь. С его добавками, конечно, и вышло просто изумительно, даже как-то жалко вдруг стало, что вся эта красота достанется ожмикам. Позвонить Руслану или Джуди, поздравить с победой, вернуться... нет, возвращаться как раз и не стоило.

В этот момент Михаил получил вызов и ответил на него чуть быстрее, чем следовало бы. Вместо Сванди он увидел другую женщину, которая обратилась к нему за «услугами очевидца», то есть рассказами о жизни тех времен.

Первый клиент!

— Паула Мо, ахой, — жизнерадостно воскликнула та, вскидывая руку со сжатым кулаком.

— Добрый день, мне уже можно начать исправлять неточности? — как можно мягче поинтересовался Михаил.

— Да! — еще жизнерадостнее вскричала та, улыбаясь во все зубы.

Не хватало только перестука кастаньет и взлетающих к небесам юбок, жаркого неба Испании, ну собственно Паула находилась не слишком далеко оттуда, на территории бывшей Италии. Михаил же вдруг задумался, не будет ли исправление ошибок обучением и где вообще тут проходила грань?

— Хотя нет, у меня нет лицензии на обучение, — покачал он головой, — но вы знаете,

Паула, я могу прилететь к вам лично, и мы пообщаемся вживую.

— Изумительно! Полный лол!

Михаил подавил желание закатить глаза и поправить ее. Он явно имел дело с любительницей, та же Сванди таких ошибок не допускала, и в то же время, как звучала его собственная речь для местных? Словно «19 век» пытался общаться на улицах мегаполиса в двадцать первом?

— Ценазно, вот вам слимка!

А как же контракт, подумал Михаил, но тут же прилетел и он. Заверение цифровыми подписями, и вот он уже с работой и указанием нового направления в жизни. Гигантских деньжищ там не будет, это Михаил знал заранее, но все же, хоть что-то. Он уже приземлялся рядом со стоянкой водного транспорта, решив немного сэкономить и проплыть до нужного ему пункта неподалеку от бывшего Рима.

Этакий круиз по Средиземному морю, в новых обстоятельствах.

— Повезло, — прошептал он.

В ту сторону направлялся корабль, и можно было, что называется, подсесть, а потом неподалеку от нужного места просто слететь на берег. Вполне распространенная практика, да даже в прежние времена подобное уже существовало, правда, больше из соображений экономии, но все же.

Вначале туда, пожить в минимуме условий, пусть Сванди и избаловала его, и затем двинуть дальше.

— А затем в космос, — слегка пафосно заявил Михаил, вскидывая руку к небу. — Где никто не будет ставить надо мной эксперименты!

— Ох ты ж, — вырвалось у Михаила.

Вживую развалины Рима и окрестностей оказались еще более впечатляющими, чем через сеть. Наверное, даже хорошо, что сразу умчался из «Незабудки», подумал Лошадкин, не стал смотреть на руины Москвы, а то заработал бы себе травму на всю жизнь. Огромный кратер, нет, даже два, остовы домов, кучи щебня, все в сером цвете, такое он раньше видел только в старых кинохрониках о бомбежках.

— И еще раз ох, — добавил он, но уже не так яростно.

Город неподалеку от развалин, огромный по меркам нового мира, но все же не мегаполис. И все же, что называется признаки цивилизации, небоскребы, мельтешение живых на земле и в воздухе, поток машин, какие-то вывески и — реклама? — нет, информационные объявления, но такие же яркие и привлекающие внимание.

Метка на карте, он повел пояс вниз, на окраину города.

— Ахой! — раздался возглас из четырех глоток.

— Ахой, пираты! — рявкнул Михаил в ответ.

Паула Мо, а также трое ее друзей по историческому клубу, два друга и подруга, если уж быть точным. Все молодые, в районе двадцати, загорелые, крепкие, сильные и открытые миру вокруг. Михаил вдруг ощутил себя ворчливым дедом рядом с ними, и мысленно хмыкнул.

— Только гарпунов и крюка вместо руки не хватает, ведь ахой — морское приветствие, — приземлился он.

Ему почему-то казалось, что Рим стоит прямо на берегу моря, впрочем, и в географии его познания всегда оставляли желать лучшего.

— А лол — это сокращение, означающее громкий смех.

Стоявший слева парень, Арман Бигзли, легко сошел бы за потомка викингов, белокурого норманна-завоевателя, вот ему и правда гарпун пришелся бы по руке. Второй из парней больше походил на Руслана, хотя ничего татарского во внешности Ричарда Корнеева не наблюдалось. Сама Паула, жгучая испанка и оставшаяся, Виолетта Джонсон, тоже с явными испанскими или латиноамериканскими корнями, судя по ее виду.

— Ух ты, а ты говорил!

— А как называли наемников в ваше время?

— Мы же договорились, что будем биться за защитников!

Они заговорили все одновременно, мешая общение вслух и через сеть, и Михаил чуть удивленно вскинул брови, с таким он еще не сталкивался. В то же время стал понятен интерес к нему, они прибыли по приглашению какого-то исторического клуба на реконструкцию сражения за Рим. Не древних времен, а уже после начала третьей мировой и ударов, уничтоживших столицы, столкновения цивилизаций, если выразиться пафосно или попыток стран ислама посчитаться за поражение при Пуатье, почти полторы тысячи лет спустя.

— Понятно, — заметил Михаил, отводя Паулу в сторону. — Приглашения же открытые?

— Да, все желающие могут принять участие, — улыбнулась та.

— Тогда и проблема решена, буду просто ходить повсюду с вами, да отпускать замечания очевидца вслух и будет хорошо, да?

— Донешко!

А оставшееся время учиться и учиться, подумал Михаил, опять испытывая импульс отправиться к своему жилью и заселиться в него. Довольно бессмысленный импульс, так как вещей у него с собой не было, жилье он уже и так снял, попутно решив познакомиться поближе с ожмиками, а то как-то все не складывалось у него со знакомствами в их среде.

— Можете пожить у меня, — вдруг добавила Паула.

Опять и снова, без сексуального подтекста.

— А то вы взяли социальное жилье, как же вы там?

— Вот еще одно свидетельство очевидца, это социальное жилье — невероятная роскошь по меркам моего времени, — ответил Михаил.

— Невероятно! — глаза Паулы округлились.

Как же вы там жили, читалось в них, и надо сказать Михаил мог бы точно так же округлять глаза на «19 век», мол как же вы там жили без электричества, интернета, телевизоров и автомобилей?

— Я и не знала, надо будет попробовать! — вдруг воодушевилась она. — Пепано! Давайте поселимся рядом с Михаилом! Нет, вместе с Михаилом, это будет настоящий эдвейс, общежитие, как в те времена!

— Мне нужно будет заниматься, — заметил он слегка недовольно.

Четыре неугомонных представителя современной молодежи, живущие рядом? Такое помогло бы погрузиться в мир, без сомнений, равно как и то, что заниматься уже не вышло бы. Но зато это пошло бы как усиленные консультации очевидца, вдруг отметил его разум.

— Донешко, приватность — право каждого, мы перестроим жилье!

— Если вы хотите погружения, то знайте, что в мои времена жилье так просто и быстро не перестраивали.

Хотя, в общем-то, если подумать, чем не гипсокартон и пластиковые перегородки? Если не трогать несущую, легко можно было устроить перепланировку за пару дней, лишь бы руки не из задницы росли.

— И требовалось разрешение на изменения.

Теперь четыре пары глаз смотрели на него изумленно, а Михаил опять ощутил себя древним устаревшим дедом. В то же время, разве не преподавали им все это? Не забывай свои корни и все такое?

— Да, сурово, — Арман потер своей огромной ручищей подбородок. — Но и прекрасно, испытать себя в таких жутких условиях! А возможность заниматься мы вам обеспечим, не сомневайтесь, будет воркотно!

— Ладно, ловлю вас на слове, — хохотнул Михаил.

Он ожидал, что всплывет вопрос какого-нибудь социального минимума, типа нельзя заселяться впятером в такую «крохотную» квартиру всего лишь на двести квадратов, но нет, никаких проблем так и не возникло. Попутно Паула и ее друзья отправили сигналы, чтобы их вещи переслали к Михаилу, «прописались» у него, и помчались туда все вместе.

— А вы — христианин, мусульманин или буддист? — спросил Ричард по дороге.

— Я — атеист, — ответил Михаил. — Мировые религии изрядно одряхлели и выдохлись уже к двадцатому веку и я, признаться, сильно удивлен, что они куда-то повели людей во время мировых войн.

В то же время, отчасти он понимал причину. Полная утрата моральных ориентиров, крушение мира и многие ринулись к старому и привычному, хватаясь хотя бы за такие

соломинки. Мир разваливался и религии, возможно, увидели свой шанс воспрянуть и снова захватить власть, как уже было когда-то.

— Это потому, что Мекку и Медину тоже сравнивали с землей, — подала голос Виолетта, — вот они и ринулись мстить, собирались уничтожить Папу Римского в ответ!

— А почему не Иерусалим?

— Так его тоже уничтожили ударами ракет!

— Вовсе не поэтому, это было просто продолжение миграции, которая началась еще до двадцать первого века!

— Не миграция, а беженцы, — поправил Михаил. — Тогда там постоянно шли войны и всякие цветные революции, и люди бежали с Ближнего Востока в Европу.

— Цветные — это по цвету кожи? — вдруг спросила Паула и пояснила. — Мы пытаемся обходиться без сети в таких вопросах, как в ту эпоху.

— В мою эпоху, — хохотнул Михаил, — уже была сеть, просто запрос занял бы время, пока извлек бы смартфон, открыл поисковик или вызвал бы голосового помощника.

— Но если религии одряхлели, то почему тогда продолжались войны?

— С чего бы им вообще воевать? — изумился Арман. — Разве не призывали они к миру и любви?

— Вот ты даешь! Ведь в те времена правили полжисты! Они всюду говорили о своем честном слове, а сами его не держали!

— Еще как держали и заключали контракты!

— Говорили о любви, а сами воевали, разве нынешние не поступаю так же?

Михаил прислушивался, изумляясь мысленно. Да, старые мировые религии отступили и почти (но не совсем) умерли со старым миром, но на их месте возникли новые. Масса новых сект, как сказали бы во времена Лошадкина, только без деструктивных методов воздействия на мозги, оболванивания и прочего. Тех, кто пытался действовать старыми методами, безжалостно уничтожали, как угрозу для общества.

Действительно безжалостно.

— Да я тебе говорю, цифисты еще всем покажут! — кричал воодушевленно Ричард. — Они самые многочисленные!

Цифистами называли тех, кто поклонялся цифровому разуму. Они считали ИИ божеством, ИП — его слугами и провозгласителями воли, и поэтому обходились без них в своих домах, так как не считали себя вправе командовать слугами объекта своего поклонения.

Какая-то несусветная глупость, на взгляд Михаила, но не глупее желающих отправиться в услужение к инопланетянам или верующих в силу своего разума и пытающихся вызвать в себе сверхсилы или тех, кто поклонялся энергонию, как зримому воплощению воли бога. Или богов, политеизм тоже распространился на волне отрицания монотеизма старого мира.

— Ничего они не покажут! — возражала Паула. — Они даже в Башню не играют!

— Во что? — невольно спросил Михаил.

Тема развлечений пролетела мимо него, потому что он сам стремился в другую сторону. В то же время, в новом мире не чурались развлечений, во всех формах и размерах, но в то же время проявляли сдержанность. Кто не сдерживался, просаживал кредиты, падал в рейтинге и в общем, катился на дно. Все, как во времена Михаила, только с иным оттенком.

— Ты..., - Паула посмотрела на него, округлив глаза, затем вспомнила и рассмеялась.

— Хорошо, хоть не вы, а то бы постарел еще на сотню лет! — рассмеялся Михаил в

ответ.

Они «заселялись», с шумом и гамом, на который выглядывали недовольные соседи — ожмики. Некоторые тут же вступали в разговор, Паула и ее друзья откликались, похоже никто из них не страдал предубеждениями против ожмиков. При этом они продолжали объяснять про Башню, крупнейшую из виртуальных игр нового поколения с полным погружением.

Там требовалась не просто манопы с голограммами, но еще и выплачивать по сотне кредитов в месяц, а также иметь рейтинг не меньше пятидесяти. Вроде мелочь, но вот у Михаила такого не было, а уж ожмикам подобное и не снилось, тут требовалась работа, квалификация, да не по мензе, и сила воли, чтобы не уйти в подобное с головой и продолжать поддерживать планку.

Башня, она же вавилонская башня или башня бога, как ее еще называли, опиралась как раз на тот самый миф о башне, которую строили люди, чтобы добраться до неба, но бог смешал им языки, они перестали понимать друг друга и строительство прервалось, а башня рухнула. В новом мире зашли с другого угла, живым предстояло выстроить башню в условиях, когда им мешали все вокруг. Кооперация, совместное строительство, развитие производств, отражение набегов и нападений с небес, изучение языков, чтобы понимать друг друга, и расчеты, дабы башня не рухнула, и так далее.

— Ого, как все серьезно, — искренне заметил Михаил. — Так вы все играете в нее?

— Да, — радостно подтвердил Ричард, а Паула закивала.

Арман возился в соседней комнате, все порываясь переставить стены, Виолетта общалась с парой ожмиков снаружи. Михаил всем телом ощущал шум и жизнь многоэтажного дома, словно за сотню лет так и не научились бороться с вибрациями и шумом.

— Там я и заинтересовался темой религий и их воинственности, — добавил Ричард, — начал разбирать историю этих религиозных войн, случившихся в период хаоса, и так мы и оказались здесь!

— Точнее говоря, именно эти войны отчасти и предопределили наступление периода хаоса, когда даже старые религии уже не могли вести людей, лишь топили все вокруг в крови.

— Да вся их история начиналась с крови..., - начал возражать Ричард и они снова заспорили.

Михаил не стал слушать, покрутил слегка головой и отошел в сторону. В общем-то не так уж много ему и требовалось, если подумать, небольшой уголок, дабы присесть и погрузиться в сеть, и чтобы никто не трогал. Последнего можно было достичь, объявив режим приватности, пусть и без отгораживания голограммами, но все равно Михаил еще явно не адаптировался до конца. Ему требовалось нечто физически преграждающее взгляд остальных, чтобы сидеть не на виду, дабы его волновали мысли о разглядывании посторонними во время учебы.

В новом мире к этому вопросу относились равнодушной, хотя и не все, и это слегка изумляло Михаила поначалу. Ставить общество выше и потом плевать на его мнение? Затем до него дошло, что равнодушие было вызвано тем, что подобное поведение — не обращать внимания на внешний вид — вписывалось в нормы. Ну ходит живой голым, что такого? Кожа не того цвета? Инопланетянин? Плевать.

— Так, надо будет завести график дежурств! — обрадованно сообразил он.

Пусть молодежь еще погрузится в атмосферу, а заодно радостно поработает за него над мелочами быта. В этом Маркета, конечно, его немного разбаловала, но, если вспомнить... и Михаил ощутил странную смесь ярости и возбуждения. Похоже, Сванди, сама по себе не могла обходиться без конфликтов, вызовов и противоборства в отношениях, в качестве компенсации за тихую работу.

Михаил напомнил себе, что не собирался вспоминать о ней и звонить, как и Тане.

— Какие интересные у тебя соседи, Михаил, — появилась Виолетта. — Поговорим наедине?

— Не сходя с места? — изумился Лошадкин, ведь Виолетта явно говорила о приватном общении через сеть.

Не сходя с места и на глазах у всех, да.

— Хорошо, пойдем сюда.

Они вышли в душевую, и Михаил снова улыбнулся.

— Вопросы, связанные с личной гигиеной, считались интимными и приглашение туда, как правило, несло в себе подтекст, связанный с намеком на секс.

— Любопытно, — улыбнулась Виолетта в ответ, — но сейчас все не так.

— Я уже заметил, — отозвался Михаил сдержанно. — Но я просто делюсь свидетельствами очевидца.

— Отлично делишься, — кивнула Виолетта, — и именно об этом я и хотела бы поговорить.

— Приватно?

— Как ты смотришь на то, чтобы поделиться свидетельствами очевидца перед обществом полжистов? Разумеется, не просто так, — улыбнулась Виолетта так, что Михаил сразу увидел ее с раздвинутыми ногами.

Подсознательно Михаил ожидал чего-то вроде темной церкви, куда стекались бы фигуры в темных балахонах, чтобы провести свою «темную мессу лжи», и только потом сообразил, насколько глупо было представлять подобное.

— Добрый день, — произнес Лошадкин, — меня зовут Михаил и я — пришелец из прошлого. Вижу по вашим лицам, что вы не уловили шутку, тогда как в мои времена она была очень расхожей. Отсылкой на сцены из фильмов про собрания анонимных алкоголиков, наркоманов, тех, кто пострадал от каких-либо травм, физических и душевных, когда человек вставал и говорил «меня зовут так-то и я — алкоголик», и все остальные громко говорили «привет, такой-то!»

Сетевая аудитория, с Земли, Марса, Титана и трех астероидов внимала, впрочем, Виолетта присутствовала вживую.

— То есть они искали одобрения общества и говорили правду о себе?

— Вместе было легче справляться с душевным горем, физически держаться, чтобы не начать снова принимать наркотики или искать забвения на дне бутылки, — чуть развел руками Михаил. — В то же время, эта поддержка была вызвана тотальным равнодушием общества к отдельному человеку, несмотря на провозглашенные права этого самого человека. Да, тогда еще не было инопланетян, и энергоний не открыли, и подобные собрания проходили, как правило, вживую, что не составляло особого труда, среди миллионов обитателей мегаполисов всегда находились люди со схожими проблемами.

— Постойте, как это равнодушие?

— Вот именно — равнодушие, но несмотря на него, общество вынуждено было лгать человеку, что поддерживает его и потому развивалось! — последовала другая реплика с места.

Да им и лекция моя не нужна, только поддержка своих взглядов, хмыкнул мысленно Михаил. В чем-то мир ничуть не изменился, хотя он и не стал смахивать слезы умиления.

— Атомизация общества, — заговорил он, — ведь этот термин появился не просто так.

Пусть он и прочитал о нем только в будущем.

— Что бы вы подумали при виде незнакомца, который обратился к вам на улице или постучался в дверь?

— Что он заблудился!

— Что ему нужна помощь!

— Люди в мое время в первую очередь думали, что их хотят обмануть. Продать что-то ненужное, загипнотизировать, ограбить, присутствие незнакомцев, особенно угрожающего вида, всегда внушало в первую очередь страх. Те, кто обращался на улицах, чаще всего получали в ответ «не знаю», если не чего похуже. Возможно, именно поэтому и развились навигационные программы и голосовые помощники, они хотя бы помогали, в отличие от окружающих, — пошутил Михаил.

— Так чего бояться? Вызвать стражей или самому их пострелять!

— Стража, полиция в мои времена, состояла из таких же живых, угрюмых, недоверчивых и не рвущихся служить обществу, лишь своим интересам.

Нет, как они вообще тут собирались конкурировать с кем-то, подумал Михаил, с такой наивностью? Вроде бы Земля контактировала с другими общественными системами, но как-

то не слишком массово, получается. Или капиталисты не желали тратиться на бесплодную попытку освоить рынки Земли?

— Оружие, ну тут по-разному, конечно, но нельзя было просто так взять и выстрелить в соседа или избить его.

— А чего тогда бояться?

— Что они преступники и им плевать на закон, а то и вовсе, есть подкупленные полицейские.

— Да как это вообще работало?

— Как-то работало, — развел руками Михаил. — Я просто делюсь свидетельствами очевидца.

Все это продолжалось некоторое время, ему задавали вопросы, на которые Михаил не знал ответов, и, наверное, следовало бы врать в ответ, подумал он уже после выступления, утирая потный лоб. Показать им, что такое жизнь по лжи, во весь рост.

— Отлично, отлично, Михаил! — захлопала в ладоши Виолетта.

Она уже разделась и стояла перед ним, словно рисуясь. Помимо различных средств для безопасного секса, принимаемых вместе с едой, и не требующих использования презервативов, изрядно облегчились и вопросы интимной гигиены. Немного геля и никаких волос, и дурных запахов, только приятные. Наверное, это тоже способствовало вопросам обнажения, туповато подумал Михаил, глядя на приседающую на него Виолетту (он находился в кресле в «своем уголке»).

— Как тебе наши неофиты?

Михаил не стал отвечать сразу, припал губами к розовому соску, а Виолетта впилась зубами в его ухо.

— Отличные живые, такие активные, — соврал он.

— И ты ни разу не соврал во время лекции, — заметила Виолетта.

— Откуда ты... эй! — возмутился Михаил.

Теперь она впилась зубами в его сосок, прогибаясь при этом, словно кошка.

— Вон там Арман ходит, — указал он.

— И что? Хочешь пригласить его? Извини, но я не люблю анал, — ответила Виолетта. — Или у тебя там чешется? Могу помочь, если тебе так нужно. Как предпочитаешь?

— Вот еще!

— Так что тогда тебе не нравится?

Она приподнималась и опускалась, облизывала и кусалась, словно и правда была кошкой, а Михаила намазали валерьянкой.

— В мое время такого не делали!

— Так ты больше не в своем времени, привыкай! Тебе предстоит еще не одно выступление, о да, а за каждое выступление ты будешь получать приятный бонус, не сомневайся.

У Михаила появилось смутное подозрение, что над ним ставят очередной эксперимент.

— Признавайся! — потребовал он, приставляя палец сзади.

— Вот еще! — в ответ Виолетта сжала его влагилицем так, что Михаил взвыл от боли.

Все вдруг превратилось из секса в борьбу, и Михаил невольно опять вспомнил Сванди, отбросил Виолетту, попутно отправляя сигнал через сеть, что так не пойдет. Вот это подействовало, Виолетта остановилась и посмотрела на него слегка озадаченно. Михаил, все

еще возбужденный, стоял напротив, и все это напоминало сцену из дешевого порнофильма. Драка, кто победил, тот и сверху, в смысле актив.

— Так, расскажи мне начистоту, что происходит, — потребовал Михаил.

— Изумительно! — восхитилась Виолетта, даже не думая одеваться. — И часто рассказывали после таких слов?

— Когда как, — признал Михаил. — В основном, требовалась еще ругань, рычаги давления на другого человека, ну или любовь.

— Изумительно, — повторила Виолетта.

«Ваш счет пополнен на пятьдесят кредитов»

«Ваш рейтинг увеличился на три пункта»

— Что? — нахмурился Михаил.

— Ты подтверждаешь теорию о цикличности развития, где все началось с Римской...

— Стой, — вскинул руку Михаил, — только не начинай, я уже устал от этих разговоров.

— Вижу, что они тебя не возбуждают, — хихикнула Виолетта.

— Как вы это сочетаете? — потрясенно спросил Михаил, садясь обратно. — Такое распутное поведение, что просто уму непостижимо и вся эта серьезность, и готовность обсуждать что-то до изнеможения.

— Мы просто не считаем его распутным? Ты мне понравился, отлично выступил, я испытала возбуждение и...

— Решила поставить эксперимент?

— Решила дать волю чувствам.

— Вместо того, чтобы сдерживаться и жить по лжи? Хотя бы лжи моего времени?

— Отличный аргумент, — признала Виолетта и на ней тут же появилась одежда.

Стакан воды, застучало в голове Михаила, тело подталкивало его продолжить и сделать глоток.

— Ладно, я там что-то подтвердил, да?

— Да! Правдорубам придется уйти, наша партия победит, и твое выступление транслировалось на наш сегмент сети, отсюда и кредиты с рейтингом.

— Транс..., - у Михаила дернулся глаз.

Ну да, что такого? Транслировалось его выступление, а что стоял обнаженный и возбужденный, так кого сейчас это волновало? Он даже законов никаких не нарушил, по большому счету, наоборот, стал богаче, на пятьдесят кредитов легко можно было протянуть целый месяц, а то и два. Правда, та же Виолетта вряд ли согласилась бы жить по стандартам ожмиков, но почему бы и не поставить эксперимент? Нет, неверно, предложить им такое, вкупе с графиком дежурств, чтобы ощутили себя вечно нищими студентами?

Прерванное на середине соитие тоже слегка давило на мозг.

— Михаил, ты мне нравишься, — вдруг заявила Виолетта. — Давай поженимся и заведем детей!

Лошадкин поперхнулся соком, забрызгал все вокруг, включая саму Виолетту, которой шли красные пятна. Впрочем, ей сейчас все шло, и Михаил подумал, что это из-за несостоявшегося секса.

— Видишь, как плохо на тебя действует правда! — рассмеялась она.

— А это была правда?

— Люди часто ввали о таком? Нам казалось, что они говорили правду о своей любви и желании всегда быть вместе, отсюда и огромное количество разводов и страданий.

— Из-за правды? — Михаил начал оттирать пятна, благо салфетки имелись.

— Конечно! Правда, она негибкая, закостенелая, прямая и глуповатая, словно рыцарь в средневековье. Ты же знаешь, откуда взялось все это с честным словом и верой в него?

— А ложь, стало быть, лучше.

Виолетта прогнулась, опять напомнив ему кошку, разве что под хвостом вылизываться не стала.

— Ложь гибка, находчива, и многогранна, тогда как правда, как правило, ранит.

— Это так, — признал Михаил, вспомнив Таню.

— На самом деле даже ярлык, повешенный на нас, лжив и вводит в заблуждение, — заявила Виолетта. — Полжисты, оно словно бы подразумевает, что мы врем в каждом слове, обманываем, хотим надуть, в общем, все как в старые времена, и этим искусно пользуются правдорубы.

— Разве нет других политических течений?

— Есть, но сейчас у руля правдорубы и когда я говорю у руля, то имею в виду тех, кто там, на вершине, у кого самые высокие рейтинги и влияние на общество, к чьим словам прислушиваются. Они поднялись на волне отрицания нового мира, но это не продлится вечно, и тогда верх возьмем мы! — глаза Виолетты пылали, она сжала кулак, словно уже схватила власть за хвост.

Михаил невольно облизал губы и даже бросил взгляды по сторонам, хотя и знал о бесполезности подобного жеста. Но все равно нахлынувшее ощущение, что сейчас окна и двери вылетят прочь и внутрь ворвутся стражи правопорядка оказалось невероятно сильно.

— Они сами лживы и лицемерны, и наклеили на нас этот ярлык, но мы не сдаемся и показываем в ответ их ложь! Указываем на их ошибки и вранье! На тупиковость выбранного ими пути, в один прекрасный день они не смогут сделать выбор, и их правда приведет к гибели!

А они в ответ говорит, что ложь старого мира привела к гибели, подумал Михаил, но вслух ничего не сказал.

— Ты, Михаил, прямо подарок судьбы из старого мира!

— Я? — изумился и насторожился он.

Отодвинулся бы, но и без того уже упирался в стену. Если прорываться с боем, отметил разум, то следовало атаковать справа, отпрыгивать и бежать в рабочую зону Армана, а оттуда уже к выходу. Или заказать себе пояс, вывесив его за окном и затем выброситься туда. Виолетта училась уже в новом мире и умела драться и владела оружием, но Михаил легко мог прибегнуть к прошлому приему, сгрести ее в охапку... правда, что дальше, он не представлял.

Ну не драться же с ней всерьез?

— Ты уверена? — еще спросил он. — Вам вряд ли понравилось бы в том старом мире.

— Да кто вообще сказал, что мы собирались возродить тот старый мир один в один? — всплеснула руками Виолетта и задрала голову, закричала. — Очередное вранье властной верхушки!

— Точно! — донесся ответный выкрик сверху.

— Долой ограничения!

— Убрать минимумы!

— Каждому по роботу с изменяемым полом!

Разве что по батареям не застучали, так как те отсутствовали. Михаил раздумывал в свое

время, не податься ли ему в сантехники, но и там оказалось все сложно и непросто.

— О чем мы говорим? — жарко сказала Виолетта, надвигаясь на Михаила, словно опять собралась слиться с ним в кресле. — О том, что ложь создала общество, то самое общество, о котором нам твердят из каждой манопы! Умение притворяться позволило людям уживаться и не только, но еще и стремиться к лучшему. Если много лет вести себя правильно, так как положено, то будь ты внутри хоть чудовищем, остальные этого и не заметят! Нам много говорят о том, что в старом мире взывали к животным инстинктам, но что делают правдорубы? Сами ведут себя, как животные, ничего не скрывают, даже не думают о будущем! История человечества полна вранья и лжи, и с их помощью людей тащили из болота, делали лучше и это работало! Из одного лишь отрицания старого мира не родится ничего хорошего, вот о чем мы говорим, а нам приписывают вранье в каждом слове!

— Официально приписывают?

— Нет, — вдруг остановилась Виолетта. — Там рубят правду, но, когда это останавливало живых? Они сами додумывают и охотно верят, тем самым подтверждая нашу точку зрения и в то же время отказываются это признавать! История развивается, мир развивается, и мы развиваемся, это вполне естественно и мы точно также не хотим гибели нашего мира, а чтобы он не погиб, мы должны взять власть!

Никто не врывался с дубинками наперевес, не снимал кредиты и не урезал рейтинги, не вешал штрафы, но все равно Михаилу было не по себе. Пусть даже в общественно — активном обществе допускались подобные разговоры, но это не означало, что все так и спустят с рук, когда дойдет до дела.

— И ты нам в этом поможешь!

— Я?!

— Конечно. Что ты думаешь о том, чтобы выступить с рядом рассказов и поработать в паре с Джуди?

"Как вообще до такого дошло", билась в голове у Михаила мысль, а руки еще крепче сжимали автомат.

— Занять свои места! Не стойте на открытом воздухе, мясо, иначе сами станете им!! — заорал, надсаживаясь, "сержант". — Держать позиции! Кто побежит — пристрелю лично! За нашими спинами — последняя оставшаяся колыбель христианства, а значит и цивилизации! Или мы устоим и уничтожим врагов, или тьма падет на Землю! Поэтому никакой пощады врагам! Допустимо все, все грехи отпущены вам заранее!!

Орал не только он, но и сотни других сержантов и лейтенантов "великой крестовой армии". В глаза Михаилу бросился ряд бронезилов, изукрашенных и переделанных под настоящие рыцарские латы времен крестовых походов.

— С нами бог, так кто же против нас?! — новый выкрик, от которого Михаила бросило в нервную дрожь.

— Дьявол и его подручные!

— Отомстим за господу нашего!

— Уничтожим и оскверним их святыни в ответ!

Крики оглушали, давили на разум, на мгновение Михаилу даже показалось, что сейчас он выскочит из окопов и ринется вперед, навстречу приближающемуся облаку пыли.

— Минутная готовность! Молитесь!

В небесах соткался огромный крест из лучей прожекторов, попутно подсвечивая темное небо и выхватывая из него силуэты рвущихся вперед самолетов и вертолетов. Та-та-та-тах, захлопало негромко вдалеке, система ПВО вступила в бой и раздался свист, чуть позже грохот и в "Риме" за спиной Михаила начали рваться бомбы. Голографический макет бывшего вечного города выглядел убедительно и Михаил, бросив взгляд назад, узрел, что там начались пожары и часть зданий сразу превратилась в щебень.

Не говоря уже об огромном кратере от прошлого удара.

— Отче наш...

— Не боюсь я зла, ибо пастырем моим...

— Пречистая дева, об одном молю, не дай моей руке дрогнуть...

— Истинно, истинно говорю вам...

Молитвы и слова из разных ветвей христианства, сегодня словно слившихся воедино, неслись с разных сторон, и громче всех звучал голос Ричарда, который не просто так поднял тему религии еще при первой встрече. Михаила тоже приняли в "ряды воинства" и только тогда до него дошло, что перед ним современная версия ролевиков, но он никак не ожидал такой подлинности в имитации!

Настоящее оружие, настоящая техника, даже смерть могла стать настоящей, хотя и на этот счет приняли меры. Вообще-то по правилам косплея, как их помнил Михаил, упор делался на аутентичность и как можно более точный повтор событий, но у потомков и эта часть оказалась изменена. Аутентичность не составила для них проблем, и они проводили сражение по-настоящему, без заданного результата.

— Пригнуться!

Грохот и вой снарядов, затем все стихло, и Михаил не сразу понял, что не артобстрел закончился, а он сам оглох. Другие рядом беззвучно разевали рты и стряхивали землю,

утирали кровь, бегущую из носа, нескольких убило прямо на месте и их уже утаскивали "ангелы", то есть роботы медицинской службы.

— ... ять!! — раздалось в ушах.

А как они друг друга понимали без единого языка, всплыла в голове Михаила тупая мысль. Он высунулся и начал стрелять куда-то в облако пыли, где что-то мелькало, гремело и тряслось, и тут же его щелкнуло по каске, бросая обратно, в полузасыпанный окоп. Не артобстрел, а точный удар по первой линии, пришла еще мысль, и Михаил поднялся на ватных ногах, пытаясь в то же время не высовываться из укрытия и перезарядиться.

Над головой промелькнула огромная тень, Михаил даже не сразу понял, что это промчался танк, который на полном ходу врезался в бункер за их спинами, проломил его и взорвался, уничтожая засевших там. Надо перебежать и менять место, всплыла мысль с инструктажей, и он так и сделал, побежал, наблюдая, как вокруг все рвется, полыхает и горит.

Споткнулся о труп и полетел головой в землю, оглянулся, едва не взвизгнув от застывшей на лице "трупа" улыбки. Только потом вспомнил, что "ангелы", забирая раненых на небеса, кидали вместо них такие вот манекены — имитаторы.

— Да где же наши?

Он все же сумел перезарядиться и снова высадил магазин в белый свет, как в копеечку, даже не зная, попал ли он в кого-то. Единые системы целеуказания и подсветки, координатии, существовали и в те времена (и Михаила долго не мог отделаться от неприятного ощущения, что будет участвовать в битве, случившейся несколько лет спустя после его ледяной "смерти"), но вот сам Лошадкин не вышел для них подготовкой.

Он и Паула с ее друзьями проходили по линии пехотного мяса, оттого и оказались в первой линии.

— Вперед!

— ... ны, сомните их!

Ответные выстрелы и взрывы, над головами промчалась стая ракет, замелькали тени рвущихся вперед самодельных бронированных транспортов. Они сталкивались с такими же машинами, расстреливали друг друга из пулеметов, из облаков пыли выныривали танки и наматывали всех подряд на гусеницы. Разрывы минометных зарядов, струи огня и грохот взрывающихся гранат, крики раненых и умирающих, вонь и гарь, и Михаил тут же пожалел, что к нему вернулся слух.

Еще лучше, если бы вместе с ним сразу отбило обоняние!

— Весело, правда?! — заорал ему в ухо вынырнувший сбоку Ричард. — Берегись!

Автомат в его руках дернулся, очередь срезала сразу трех врагов, четвертый, у которого похоже кончились патроны, прыгнул прямо на Лошадкина. Все вокруг словно замерло, а тело вдруг включилось и начало действовать, как на тренировке, пускай в руках Михаила оказался и не боккен. Подставить автомат, пуская удар врага вскользь, отвести в сторону и самому вонзить штык!

— Невер..., - захрипел он и обмяк прямо на штыке.

Михаил вздрогнул, взвизгнул и отскочил, торопливо выдергивая штык из тела, откуда брызнула кровь. Паника судорожные метания мыслей и одобрителный хлопок по плечу от Ричарда, заодно загнавший Михаила в остатки окопов первой линии.

— У меня также было во время первого убийства! — заорал Ричард весело.

Михаил высунулся, несмотря на посвист пуль вокруг, и с облегчением увидел, что

ангелы или джинны, или гурии, в общем, кто-то тематический уже слетел и забрал "убитого". Пусть тот и не умер, но ранен был всерьез и Михаила все еще трясло и подбрасывало.

В следующее мгновение он сообразил, что это земля под ногами его подбрасывает.

— Все пройдет, не робей! — продолжал орать Ричард. — Точно, ты же не учился в школе, убийство было тренировочным!

В школах учат убивать?! А затем дают оружие кому угодно? Как они тут еще не утонули в вооруженных мятежах?! Шок Михаила перешел в настоящую панику, и он едва не рванул наружу, но Ричард удержал его.

— Куда ты?! Сейчас ударят!

И точно, дрожь земли приближалась, волна разрывов и ответного обстрела приближалась, неумолимая, будто девятый вал самой смерти. Михаил орал, не слыша самого себя, и Ричард ударом в плечо привлек его внимание, начал показывать знаками.

— Да ты что?! — заорал Михаил в ответ.

Он снова высунулся, в этот раз осторожнее и увидел, что да, враги бегут прямо на них! Не в атаку, а спасаясь от ответной волны ракет и артогня, но бегут же! Ричард жестами показал, что надо перезарядиться и кидать уже гранаты, а то будет плохо!

Они так и сделали, и враги тоже метнули гранаты.

Михаил прыгнул, будто кенгуру, рядом свистнуло и не раз, но он уже перепрыгнул дальше, скрылся за поворотом и его не достало взрывом, только ударило волной воздуха и пыли. Михаил заорал и начал стрелять, но похоже ни в кого не попал, так как над ним вдруг появился еще один враг, с зеленой повязкой на голове, что-то орущий во весь голос.

Михаил тоже заорал и вонзил ему в ногу штык, повернул и отпрыгнул.

— Аллах Акбар!

— Смерть гяурам!

— Отомстим за наши святыни!

— Резать всех!

И опять, единый язык резанул диссонансом, но слабеньким, так как у Михаила хватало других забот, например, успеть перезарядиться и выжить. Он вдруг обнаружил, что снаряженные магазины закончились, а где оружейные ящики с патронами неизвестно. Никто не бегал и не разносил новые патроны, вообще непонятно было, что происходит, так как гремело и трещало снова со всех сторон, будто их обошли и уже устроили котел.

Михаил подскочил к раненому ранее, но и у того закончились патроны, и вдруг нахлынула волна "своих", размахивающих оружием и мечами, и все вокруг превратилось в побоище на холодном оружии. Штыки и мечи, против штыков и сабель, не хватало только лошадей и верблюдом. Арман, схвативший кусок столба, вообще гвоздил всех вокруг в стиле русских богатырей из былин, но на него нахлынули толпой, будто муравьи, резали и кололи саблями, убивая тех, кто прикрывал Бигзли спину.

Михаил заорал и ринулся на выручку, что-то кричал Ричард за спиной, затем пришли боль и темнота.

Не шевелитесь и не говорите, вашей жизни ничего не угрожает, проводятся необходимые лечебные процедуры, все в порядке, уже скоро вы встанете на ноги

Это было первое, что увидел Михаил перед глазами, когда очнулся. Манопа, повинувшись внешним сигналам медицинских служб, транслировала ему текст, ну и попутно, наверное,

лечила или хотя бы впрыскивала обезболивающее.

— А ты здорово бился! — пришло сообщение от Армана.

Точно, отупел от раны, подумал Михаил, ведь манопы же снова работала! Участники битвы валялись в госпиталях, куда их унесли "ангелы", обменивались мнениями и записями, бурно обсуждали продолжающееся сражение.

— Сам такой! — хохотнул Михаил в ответ.

— Все же надо было идти в командный состав, — сердито вмешалась Паула.

Они и так-то в общем включили себе общий "чат" на пятерых, прямо с момента заселения к Михаилу, а тут просто адаптировали его и встроили, как часть общей сети защитников Рима.

— Да ну, самое веселье в первой линии, глаза в глаза, и однажды я смогу дожить до конца битвы! — Ричард фонтанировал энергией. — В этот раз вон сколько продержались!

— Одну десятую? — Паула и не думала скрывать иронии. — А если тебе хотелось рукопашной, то вон, смотри, уже взяли бункер командования и режут там всех, пригороды, считай пали.

— Ничего, кто сказал, что они смогут пройти за Тибр? И пятая армия уже на подходе, врежет им, а флот отрежет!

Михаил уже почти не слушал этот обмен мнениями, размышляя о подобном "изучении истории на практике". Следовало признать, что Пауле и остальным не требовались его рассказы очевидца, они и так справились бы, и платили ему... из жалости? Любопытства? Попутно Михаил не мог отделаться от мыслей о тренировочных убийствах и том, как соотносится отыгрыш такого с царящей на Земле всеобщей толерантностью.

Или в этом и заключался практический урок ненависти и смертей, чтобы не повторять подобного в настоящем мире? Пожалуй, тут следовало изучить образовательные школьные программы и их психологическую составляющую, с комментариями виднейших специалистов, но. Всегда существовало «но», и у Михаила оно заключалось в том, что его воротило от одних только мыслей о школе.

Лошадкин не возражал против самостоятельного обучения, но школа? Нет, просто нет.

— Возможно, именно поэтому я и сбежал из "Незабудки", — прошептал он самому себе.

— Что, прости? — Виолетта появилась рядом.

— Да так, задумался о своем, — неохотно признался Михаил.

— Такое бывает, от боли и смертей, от того, что ты заглянул смерти в глаза. Согласись, это был полезный опыт?

— Почему все полезное такое неприятное? — скривился Лошадкин.

У тех, кто работал с манопами с самого детства, выходило говорить в сети, не напрягая горло и не артикулируя слова, но вот Михаилу это искусство пока не давалось. Манопы не слала предупреждений, наверное, лечение уже подходило к концу.

В то же время, разве не пронзило его сразу несколько клинков?

— Ну ты прямо как правдорубы, — хихикнула Виолетта, — один из их излюбленных аргументов, мол, правда неприятна, а значит и полезна.

А сладкая ложь ядовита, подумал Михаил, но промолчал. Ему не хотелось говорить правду, врать тоже, и поэтому он промолчал.

— Но скажи честно, ты хотел бы погибнуть в подобной войне, когда человек шел на человека?

— Нет.

— Отлично, значит, можно будет приступать к настоящей работе! Разумеется, не такой, как в твои времена, ведь работа должна приносить удовлетворение.

С хитрой улыбкой Виолетта скрылась, а Михаил снова оказался посреди горячего спора и обсуждения хода битвы. Силы защитников оказались расколоты пополам, как орех и похоже, все шло к тому, что и в этом отыгрыше повторится оригинальный финал.

— Простите, это здесь лежит героический электрик из прошлого? — вдруг раздался знакомый голос.

Михаил вышел из сети и словно бы выглянул из-за экрана, хотя в общем-то ничего не загораживало обзор. У входа в "палату" или где он находился, в общем в каком-то огороженном белом месте, стояла Джуди в ну очень коротком халатике медсестры, не скрывающем того, что больше одежды на ней нет.

— Меня прислали ему в награду, и чтобы подсластить горечь поражения, — произнесла она, прогибаясь у двери, как заправская стриптизерша.

Ведь работа должна приносить удовлетворение, подумал Михаил, тупо и молча следя, как она подходит все ближе и наклоняется над ним.

— А как же слова, что больше никогда?

— Я соврала, — улыбнулась Джуди, — как тебе такая ложь?

Михаил невольно нахмурился, ощущая сильнейшее возбуждение.

— Ты же собираешься сдавать экзамены в строительной сфере? — вдруг спросил Арман на прощание.

— Да, — вяло отозвался Михаил, думающий о своем.

— Лови слимку, нам нужны строители!

Плавающий остров с подводными фермами? Интересно, но рано, не следовало говорить гоп, пока он не перепрыгнул через экзамены. Ричард и Паула тоже скинули свои контакты, но работы не предложили: Корнеев трудился в сфере программирования и задач минимизации потоков, Паула занималась двигателями и системами управления в персональном транспорте, куда относили все, чем живой мог управлять лично.

— Вот так просто?

— Ты же отверг предложения Виолетты? — легко спросил Арман в ответ.

Хлопнул Лошадкина по плечу, едва не сломав его, хохотнул и отбыл с друзьями. Виолетта уехала еще раньше и Михаил не гордился случившейся сценой. Они орали друг на друга, и было за что. Подкупать его девицами и кредитами? Накручивать рейтинг за счет выступлений перед другими полжистами? Это он еще может и смог бы стерпеть, хотя тут же возникал вопрос — стоило ли тогда бежать от Маркеты? Ведь там было ровно то же самое, продажа своего тела и знаний, только в более приятной форме, и Виолетта даже приводила аргумент, мол, Михаилу же все это привычно, так чего он сопротивляется?

Но действия Маркеты и Виолетты отличала одна огромная деталь — первая продвигала Михаила ради знаний, вторая же лезла в политику, власть и общественные отношения. Опасные речи, опасные действия и ощущение, что он проститутка, продающая свое тело и мозги, все это перевесило даже задорное сверкание коленок Джуди и обещания рейтинга и кредитов.

— Отверг, — признался вслух Михаил, оставшийся один.

Судьба подбрасывала ему возможности, но словно издевалась при этом! Или это он сам изменился? Михаил нахмурился и прошелся туда — сюда, копаться в себе совершенно не хотелось, и он не стал. Перед глазами стояли сцены, как живущие вокруг ожмики растаскивали вещи, выставленные Паулой и компанией, и это снова вызывало желание нахмуриться.

Наверное, это и было то самое познание нового мира, о котором ему толковал Осман Петрович? Михаил потрогал грудь и живот, но опять не обнаружил там никаких следов и шрамов от ран, хотя его проткнули насквозь.

— Да как же! — стукнул он кулаком в стену.

Уже потянулся вызвать, вначале Сванди, затем Джонсон, но оба раза остановился в самом конце. Признать поражение, поджать хвост и приползти, подставляя им задницу? Тем, кто использовал его и дурачил, пытаюсь приманить сладкой морковкой? Куда вообще смотрели власти?

Михаил покачал головой, вызвал голограмму и начал тренировку, дабы отвлечься.

В процессе нанесения ударов и парирования, он понял, что ничего, в общем-то, не изменилось. Михаил и ехал сюда без особых ожиданий, это Виолетта вылезла и начала отыгрывать роль искусительницы. Стало быть, все возвращалось к прежней парадигме — работа и попутная учеба, с прицелом на космос.

Либо он мог не дергаться и пожить какое-то время здесь, экономя каждый кредит, и продолжая обучение, да. Без обязательств, без работы, пускай та и занимала всего лишь несколько часов в день, но Михаил все равно отвлекался на нее и дергался. Обиды внутри и усталость, нет, определенно он заслужил некоторый отдых и поблажки, а уже после сдачи экзамена можно было решить, куда двигать дальше.

— Да, так и сделаем, — решил Михаил.

Работу "очевидца" ему оплатили, полжисты принесли еще, Михаил выделил "неприкосновенный запас", настроив себе сигналы, установил лимиты на разовые траты и немного душевно расслабился. Социальное жилье по умолчанию не снабжалось синтезаторами, и это еще недавно веселило Паулу и ее друзей, напоминая Михаилу сценки "ма-а-а-сквичи на отдыхе в глухой деревне".

Но все же где-то глубоко внутри сидел маленький червячок тревоги и шептал гадости.

— Если вдруг паду на дно, то тогда и поползем к полжистам, лады? — сообщил ему Михаил.

Он вышел из своей квартиры, машинально поздоровался с соседями, теми самыми о которых Виолетта говорила "какие интересные". Михаилу теперь чудилось нечто зловещее в них, но те лишь поздоровались в ответ, явно занятые чем-то своим и в сети, судя по отсутствующим взглядам.

Михаилу все это напоминало его времена и то, как окружающие залипали в смартфоны и планшеты.

Солнечные улицы, полные деревьев и живых, прогуливающихся, лежащих, скачущих и соревнующихся друг с другом в разное, а то и просто беседующих. Мимо проносились на антигравитационных досках — бывших скейтбордах, над головами парили летуны на поясах, и где-то выше и ниже неслись машины, управляемые компьютерами.

Широкие улицы, утопающие в зелени и пешеходах, и одновременно с этим полные активности, вынесенной в сеть. Михаил прошелся немного, затем свернул в булочную, словно шел на запах свежей сдобы. Манопа делала каждого самому себе навигаторов и в то же время, эту булочную Михаил не замечал, пока туда не начала ходить Паула, притащившая за собой и остальных своих друзей.

— Добрый день! — весело поздоровалась с ним румяная девушка.

Всех, кто был моложе его, Михаил всегда называл девушками, кто старше — женщинами. После пробуждения от криосна с этим возникли легкие проблемы, но он их решил, сделав вид, что почти сотни лет в заморозке просто не было, все стояло на паузе. Сейчас мысль об этом вдруг напомнила ему о Виолетте и полжистах, оттуда скакнула на правдорубов и Таню, и Михаил мысленно засопел на свой дурацкий мозг.

— Добрый, Алисия, — улыбнулся он в ответ.

— Вам как обычно? — к нему уже летел поднос со сдобой на пятерых.

— Нет-нет, — отказался Михаил, беря в руки огромный крендель и кусая его. — Теперь на одного.

— О, — огорченно протянула Алисия, — всегда печально, когда уезжают друзья.

Надо было проверить вначале, подумал раздраженно Михаил. Привычка подвела, он заходил и никого не было, набирал и уносил, а то и вовсе заказывал доставку на дом. Алисия держала тут пекарню по личной инициативе, возилась с ожмиками, как Цецилия и Димитр, и сейчас все это раздражало.

Михаил пошел дальше, зашел в еще один магазин и выбрал себе гантели с изменяемым

весом, но без трансформаций материи, чтобы не тратиться на нее. Ткнул пальцем, указал свой адрес и пошел дальше, зная, что гантели доставят к нему, а плата списалась автоматически сразу. Он никогда не страдал приступами "шопинга", но все же, от подобной открытости и легкости, словно отсутствия траты денег иногда накатывало желание идти и набирать, набирать, набирать всего.

Многие ожмики так и делали, в запас, на будущее.

— Друзья, — проворчал он. — Таких друзей, за хобот и в музей!

Проходившая мимо женщина посмотрела на него, затем улыбнулась широко, и Михаил понял, что она смотрит сразу глазами и через сеть. Надо было закрыть часть профиля, подумал он, в то же время зная, что это тоже привлекало бы внимание. Как человек в маске или закутанный до бровей посреди лета в его время.

— Были ли они друзьями, если вы так о них отзываетесь? — спросила она.

— Да вы же вообще ничего не знаете! — слегка раздраженно отозвался Михаил.

— Но я знаю, когда вижу огорченного человека, — ответила Натали Нгуен.

Сорок два года, в активном поиске, оператор роботов — погрузчиков, практически то же самое, что его работа на раскопках, словно у нее отсутствовала квалификация.

— Я и сама бывала в схожих ситуациях и знаю, что ничего не ранит сильнее предательства близких и дорогих живых, — сказала Натали, глядя на него снизу вверх с сочувствием в теплых карих глазах. — И с этой болью справиться труднее всего, даже если есть с кем поделиться. Поэтому я откликнулась на ваши слова, и видимо неудачно, раз вы так рассердились. Извините.

— Пойдите, — вскинул руку Михаил, — я не хотел вас задеть, просто...

Современный этикет, использование маноп и другие отношения между живыми изменили и взгляд на подобные ситуации. Подобные обращения считались вполне нормальными, легко можно было сверить профили и отказать в отношениях или обменяться репликами и разойтись.

Натали стояла и смотрела с сочувствием, не торопила.

— ... в мое время на такое реагировали иначе, — наконец признался Михаил.

— В ваше время? Но вы моложе меня! — изумилась Натали. — Вы же ровесник ээ, ах нет, вы недавно получили гражданство. Михаил, простите мою бестактность, вы росли у отколовшихся?

— Нет, вообще не бывал в космосе, хотя и мечтаю, и родился я на Земле, — признался Михаил, — только больше ста лет назад.

Он вдруг вспомнил, что еще не доел крендель и держит его в руках, ощутил вдруг желание протянуть его Натали и тут же отдернул мысленно руку, едва не нанеся оскорбление!

— Предлагаете разделить хлеб-соль? — улыбнулась Натали, и сама протянула руку. — А давайте!

Неловкость куда-то делась и дальше они пошли уже вдвоем, благо четырехчасовая рабочая смена Натали закончилась, а Михаил и без того сейчас нигде не работал. Михаил объяснил про хлеб — соль, и что в его времена смысл обряда уже забылся, и Натали согласилась, что да, доступность еды и изобилие людей многое исказили.

Она изумительно слушала, внимала и сочувствовала, смотрела снизу вверх и разделяла боль, и уже скоро Михаил без утайки рассказал о случившемся с ним, изумляясь сам себе. На мгновение вспыхнула тревога, но Натали наклонилась над столиком и взяла его за руку (они каким-то образом оказались в кафе) и сказала проникновенно:

— Я не плачу из-за вашей истории, Михаил лишь потому, что не хочу смущать вас еще больше, но на личном опыте знаю, что рыдания помогают. Да, на личном, выслушайте теперь мою историю.

— Желаете блюда со своих кристаллов? — поинтересовался столик.

— Нет, просто еды для людей, — ответила Нгуен, — из европейской кухни, на ваш выбор.

— Мы не отравимся, это понятно, — произнес Михаил, ощущая неловкость, — но на их выбор?

— Сегодня день встреч, признаний и экспериментов, — легко улыбнулась Нгуен.

Было в ней что-то вьетнамское, да, и в то же время проглядывала французская Натали.

— Послушай мою историю, нет, правда, она тяжелая, но в то же время мы разделим боль, и она станет легче, я уже убеждалась в этом.

Натали рассказала, и Михаил можно сказать, заедал ее горе паприкашем, а также воздушным печеньем и запивал каким-то ягодным кофе. Родилась Натали уже после черной революции, но еще до открытия и начала применения энергония, и потом радостно ринулась в новые перспективы. Ошиблась с профессией, затем завела детей — дело было как раз перед всеобщим внедрением системы рейтингов и кредитов — и снова оказалась в проигрыше, да и муж взял и бросил, не желая тащить расходы. Страдания, потеря одного из детей, перебивание случайными работами, скатывание в ожмики.

— Минимум тогда был не такой, как сейчас, — рассказывала Натали, поедая пирожное. — Общество богатеет год от года, минимум растет, и это, надо признаться зло.

— Зло?

— Нельзя сидеть на дне, я это поняла на личном опыте, и поэтому и сейчас стараюсь помогать ожмикам, беседую с ними, пытаюсь вернуть в общество и так далее. Нельзя кидать их на гибель, но суровость условий все же способствует закалке духа и тела, и выживанию. Общество же, словно извиняясь за то, что ожмиков списали, кидает им все большие подачки и они, словно жители тропиков в прошлом, где не надо было трудиться и стараться, все и так было под рукой. Именно поэтому величайшие цивилизации оказались из среднего пояса, умеренного, где им приходилось трудиться, ради выживания, но не так, что они сидели на голых скалах посреди снегов и поэтому тоже останавливались в развитии, как жители тропиков. Извини, я отвлеклась.

— Ничего, ничего, — сказал Михаил, беря ее в ответ за руку. — Тяжело рассказывать о таком горе в жизни.

— Да, я прямо падала на дно и лежала пластом в какие-то моменты. Но затем вставала и снова пыталась пробиться, и снова допускала ошибки, ну и сам видишь, не слишком далеко ушла ввысь.

— Как и я, — кивнул Михаил.

Натали была права, разделенная боль и признания сблизили их буквально за один разговор.

— Но я мечтаю побывать в космосе, подняться и увидеть, и потому учусь и собираюсь сдавать экзамены.

— Прямо как я! — воскликнула Натали.

Она вдруг бросилась на шею Михаилу, ловко обогнув столик, и обняла его крепко.

— Спасибо, — прошептала она.

— Да что ты, — Михаил отстранился неловко.

Оглянулся, но никто не обращал на них внимания.

— Это тебе спасибо! Вон, и в парк аттракционов заглянули, и в космозоопарке побывали, и полигон ты мне показала, и птиц кормили.

Не хватало только кинотеатра, но эта деталь традиционной прежней романтики и правда изменилась.

— Пустое, — легко улыбнулась Натали и ощущалось, что она говорит правду, без желания оскорбить. — Ты бы и сам все нашел, чуть опыта работы с манопой и через год ты уже будешь проделывать все, не задумываясь.

— Тоже личный опыт? — губы Михаила сами расплзлись в радостной улыбке.

— Конечно, все это внедрялось на моей памяти.

— Тебе надо будет рассказать мне о тех временах.

— Разумеется, — согласилась Нгуен.

В последующие несколько дней они встречались еще два раза, сходили все же вместе в кино, оказавшееся не столько кинотеатром, сколько интерактивной постановкой полного погружения. Они могли наблюдать со стороны с полным букетом ощущений, а могли взять на себя роли и отыграть их, пройти весь путь героев, и Михаил как-то не рискнул, отметив, что Натали тоже смутилась.

Возможно, именно поэтому на следующую встречу она пришла не одна.

— Это Аслан Крокинг, — представила она своего спутника. — Мы вместе состоим в обществе добрых.

— Михаил Лошадкин, — машинально представился он.

Рука чуть дернулась вперед, но в целом Михаил уже почти избавился от привычки лезть с рукопожатиями. Внимание привлекало другое, Аслан оказался первым из встреченных им, у кого имелась лысина.

— Последствия утечки на экспериментальном реакторе, — пояснил Крокинг, — если вернуть возможность расти волосам, то начнет разрушаться мозг, поэтому я отказался.

Михаил озадаченно моргнул, пытаясь представить, как это и что там происходило.

— Так к нам и попадают, — пояснила Натали, подтверждая догадки Михаила, — через травмы, боль, душевную или физическую, через понимание, что окружающим тоже может быть плохо и им нужна поддержка. Общество добрых, вот настоящий путь спасения общества, а не все эти спорщики о добре и зле, лжи и правде, этике и морали, и насколько нужно поддерживать другие системы.

— А их нужно поддерживать?

— Тысячники считают, что нужно, — ответил Аслан, — а мы вот считаем, что это та доброта, которая хуже воровства и убийства!

Они прогуливались по парку в центре, затем сели в одной из беседок, выставив знак с просьбой не беспокоить.

— Тысячники?

— Те, у кого рейтинг выше тысячи, — говорил Аслан, — именно они участвуют в самых важных голосованиях, определяющих путь общества. Мы голосуем о своих районах, определяем какие-то локальные вещи, но большая часть живых даже не видит верхнего сегмента сети, где сидят те, кто якобы принес обществу больше всех пользы.

— Якобы?

— Принес, — не стал возражать Аслан, — но что дальше? Они принесли пользу, так что теперь, это дает им право причинять нам вред? Дает право разрушать чужие судьбы, ведь у них больше голосов, чем у нас?

Строго говоря, единица рейтинга не равнялась голосу в подобных вещах, но сплошь и рядом ее приравнивали, для упрощения.

— Поймите, как это не видит? — изумился Михаил. — Разве не являются правда и открытость новыми принципами, на которых строится общество?

— Если у тебя нет допуска — тебя не пустит в здание, если у тебя нет рейтинга, ты даже не увидишь, что творится среди новой элиты. Союз систем не так уж монолитен, как нам рассказывают и постоянно возникают какие-то вопросы и конфликты, и Земля лезет в них, решает, помогает, утирает инопланетные носы и щедро делится энергией, забывая о своих

гражданах, а иногда и просто действуя им в ущерб!

— Не может быть!

— Еще как может, отсюда и возникают все эти слухи об энергетическом кризисе, об экономии, ведь энергия уходит нашим так называемым союзникам. Энергия и ресурсы, и эта доброта выходит боком нам всем. Если бы их направляли на повышение безопасности, на улучшение общества, то меньше было бы трагедий, ты согласен?

— Наверное, — признал Михаил. — Я не слишком в этом разбираюсь.

— Поинтересуйся конфликтами в космосе и поймешь, — посоветовал Аслан. — Да вот взять хотя бы тебя.

— Меня? Разве меня не спасли?

— И что сделали потом? Помогли, обустроили? Нет, начали ставить новые эксперименты, и не говори, что тебе помогли, Натали мне рассказала. Ожмикам помогают больше, чем тебе! Вот что это, по-твоему? Ты же житель Земли, ты родился здесь еще до третьей мировой, а они так с тобой поступили! Общество равных возможностей, говорят нам сверху, но почему-то при этом к своим относятся суровее, чем к чужим, шлют им помощь и утирают носы и попки.

Михаил покивал, у него тоже регулярно возникало ощущение, что мир вокруг равнодушно несется мимо. Помогали чужим в ущерб своим? Такое уже было! Таня, конечно, толковала об исправлении ошибок прошлого, но то слова, а тут дела и ясно, что весомее. Власти скрывают, в эпоху всеобщей сети, цифровизации от Земли и до окраин Плутона, проделывать такое было легче легкого.

— Шону нужна помощь, он прислал вызов, — вдруг сказал Аслан, — так что я вас оставлю.

Вскочил на подкативший энергоцикл, мотоцикл, но на энергонии, как и прочий транспорт и умчался прочь.

— Не принимай близко к сердцу, — сказала Натали, касаясь его руки, — у него это личное.

— Кто же теперь будет блюсти твою... нашу нравственность? — преувеличенно изумленно спросил Михаил.

Натали рассмеялась, запрокидывая голову, несколько прохожих обернулись в их стороны. Куда они все идут, подумал Михаил, из пяти проходивших мимо, четверо относились к ожмикам. Вроде есть гарантированные минимумы, а все равно, куда-то зачем-то ходили, создавали подобие толчеи. Михаил бы даже задумался о ностальгической слезинке, но вся эта толчея под солнцем без машин на улицах вызывала у него ощущение какого-то девятнадцатого, а то и восемнадцатого века, с электролошадьми и без навоза.

— Мы двое взрослых самостоятельных граждан, зачем нам надзиратель? — спросила она. — Разве мало системы всеобщего контроля?

— Да уж, — слегка пожегся Михаил.

— Она тебя тоже раздражает, да? Такое у многих встречается, только молодежь принимает все, как данность, а вот те, кто родился до ээ..., - Натали повертела рукой.

— Разве не искоренили, благодаря ей, преступность?

— Так никто вроде и не бунтует, с оружием в руках, — развела этими самыми руками Нгуен. — Возможно, отчасти благодаря самой системе?

— Это интересный вопрос, можно ли бунтовать против системы в рамках самой системы, — заметил Михаил, откидываясь на мягкую спинку. — Но и опасный тоже.

— Отнюдь, — спокойно заметила Натали, тоже откидываясь и позволяя груди натянуть ткань одежды. — Кто сказал, что нынешний путь единственно верный?

— А, — отозвался Михаил, сразу успокаиваясь.

Собственно, полжисты двигались в том же направлении, говорили, что их путь вернее для общества, если бы еще вели себя при этом приличнее, то, пожалуй, Лошадкин так и остался бы с ними. А будь Сванди помягче и хитрее, то остался бы с ней. Не руби Таня правду с плеча, так и вился бы вокруг нее.

— Итак, Натали, — устремил он на нее взор, — что ты замыслила на мой счет?

— Как ты догадался? — не стала отнекиваться та.

Михаил ощутил кислый привкус во рту. Вот вроде нашел родственную душу и нате вам! В эти дни он чувствовал себя бодрее, словно пел внутри, занимался воодушевленно, и тут такое.

— Все женщины, что внезапно липли ко мне, имели какие-то хитрые планы на мой счет. Правда, ни одна из них не приводила... не знаю, кем там тебе приходится Аслан?

— Блюстителем моей нравственности? — ответила вопросом на вопрос Натали.

— А если серьезно? Зачем ты его привела?

— Ты шутил, но в то же время попал в самую точку, — вдруг сказала Натали, складывая руки перед собой и опираясь на них.

Она вдруг отвела взор, словно ее внезапно заинтересовал парк и живые в нем, птицы и прочие летающие создания на поясах и досках, и ветер, шелестящий листьями.

— Мне казалось, что все эти ограничения прежней морали и культур остались в прошлом, вместе со старым миром, — посерьезнел и Михаил.

Не до конца, но с ними боролись, используя все ту же мягкую силу, не вызывающую желание назло цепляться за старое. В то же время, старший родственник, присутствующий на свиданиях (правда, Аслан умчался), все это устарело еще во времена Лошадкина, так что оставалось неясным, о какой нравственности идет речь. Как он уже думал неоднократно, "19 век", попади он во времена Михаила, счел бы половину окружающих развратниками, если не сказать хуже.

Сам Михаил, глядя на новый мир, иногда думал примерно то же.

— Разумеется, речь идет не о сексе, хотя и о нем тоже, — заявила Нгуен.

Кожа ее стала чуть темнее — покраснела?

— Если бы тебе требовалось утешение на раз, то мы бы переспали еще тогда, при первой встрече и разошлись, чтобы больше не встречаться.

Стакан воды, напомнил себе Михаил, просто стакан воды. Все равно, что в его время похлопать по плечу, выслушать чужие проблемы (и тут же их забыть) и сказать: "Держись". Секс для поддержки, выброс эндорфинов, живому стало легче, помощь оказана, можно идти дальше и не вспоминать его.

— Но твои проблемы оказались серьезнее и оказалось, что и мои тоже, — продолжала рассказывать Натали, проникновенно глядя на Михаила. — Я ощутила в тебе родственную душу и поняла, что ты мне нравишься. Как человек, личность, тот, с кем хотелось бы не засыпать, а просыпаться, если выражаться фразами твоего времени.

— В мое время уже так не выражались, — изогнул губы Михаил, — и вообще, избегали даже намеков на пафос.

— Неловко вышло.

— Ничего. Так ты остановилась на том, что я тебе нравлюсь и ты замыслила хитрый

план.

— Замыслила, пожалуй, слишком громкое слово, но так воркотно было рядом с тобой, что я некоторое время даже не думала, просто наслаждалась встречами, а потом опомнилась. Да, там, в погружале, смешно, да, я оказалась в чужом образе и только тогда осознала всю глубину своих чувств. Мне не хотелось навязываться и причинять тебе боль, но еще больше мне не хотелось пострадать самой. Несколько раз я так ныряла, раскрывалась по полной и страдала, теряла, поднималась и жизнь снова сбивала меня с ног. Я испугалась, что не переживу еще одного удара и решила позвать на помощь. Дети уже разлетелись, кто куда, не вызывать же их было с других систем и планет? Нет, они прилетели бы, но я столько беспокоилась за них в своей жизни и страдала, что...

Натали вдруг замолчала, переплела пальцы и тут же разъяла, утерла слезы и что-то приняла, достав из одежды. Белую таблетку, хотя по нынешним временам это легко могла оказаться и пищевая таблетка, и заменитель кофе в порошке, и просто очиститель кожи изнутри. Для таких вот целей и служит улучшенная реальность, где манопы подсказывает, подумал Михаил, одновременно с этим испытывая легкую неловкость.

Да, новый мир — новые отношения, но все же.

— ... в общем, я позвала друга из общества, который физически находился здесь. Не сказать, что мы мигрируем за ожмиками, но им чаще других нужна помощь, уверена, что ты понимаешь.

— Понимаю, — кивнул Михаил.

— Чтобы он посмотрел непредвзято и высказал свое мнение о тебе. Да, вышло как-то не очень, и я вообще слабо продумала всю эту историю, — Натали снова утерла слезы и слабо улыбнулась. — Любовь туманит разум, вот она моя слабость.

— Любовь? — переспросил Лошадкин.

— Да, вот такой вот хитрый план, который оказался совсем не хитрым, — всхлипнула Нгуен. — Но ты начал задавать вопросы и помог мне признаться, ты такой хороший и понимающий, и Аслан сказал, что не ощутил в тебе никаких гнусных помыслов.

— Еще бы, — медленно произнес Михаил, — ведь их и не было. Не скажу, что совсем ничего такого о тебе не думал, но мне нравилось как раз обратное. Что мы говорим и общаемся, как друзья, не спешим запрыгнуть друг на друга и начать строить хитрые планы, как использовать партнера.

— Видишь, общество добрых в моем лице еще раз помогло тебе с травмой, — улыбнулась Натали и вдруг разрыдалась водопадом. — Я так рада-а-а-а, нет, правда-а-а-а, это слезы радости-и-и-и!

На них оборачивались, смотрели, Михаил физически ощущал, как их сканируют и проверяют, возможно, даже шлют сообщения в соответствующие службы. Если бы он замыслил что-то гнусное, то далеко бы потом ушел, вот они — свидетельства и вообще.

— Я хотела бы и дальше быть рядом с тобой, помогать, просыпаться вместе, гулять и заниматься спортом, показать тебе новую Землю и слушать твои рассказы о старой, да что там, Михаил, — Натали снова взяла его руку в свои, словно здоровалась почтительно на азиатский манер. — Я бы хотела завести с тобой детей!

— Ого, — пошатнулся Лошадкин. — Вот это действительно серьезно! Но ты же знаешь наши обстоятельства.

— Знаю, но разве два любящих сердца не смогут их изменить? Если мы уже говорим об обстоятельствах?

— Дети, — тяжело повторил Михаил.

— Да, дети, и чтобы они получились естественным путем, нужен секс, который тоже часть любви.

Михаил посмотрел на красную, все еще слегка заплаканную Натали, которая задыхалась чаще и придвинулась, сжала его руки сильнее.

— Честно говоря, Михаил, я хочу тебя так, что мне трудно сидеть и говорить связно, и внизу у меня уже все хлюпает, и вовсе не от того, что я приняла таблетку для зачатия, — грудь ее бурно вздымалась, стремясь выскочить наружу и гипнотизируя Лошадкина. — Но, если ты не готов, то есть и другие способы секса без зачатия, и все они в твоём распоряжении, только протяни руку!

Кровь ударила в голову Михаилу, и он протянул руку.

Михаил вылез из такси, которое тут же умчалось прочь, и с любопытством осмотрелся. Зелень и многоэтажные дома, ожмики и бурление живых вокруг, и в то же время в этой картине чего-то не хватало. Михаил нахмурился, пытаясь понять, но в то же время Натали ждала, и он слегка ускорил шаг.

Бабки на лавочке у подъезда отсутствовали, но он шел, ощущая взгляды и запросы через сеть, и испытывал невольное желание скрыть свой профиль и лицо. Дверь открылась, демонстрируя, что Натали дала ему доступ или указала, как гостя, и затем бесшумный лифт стремительно вознес его на двадцать второй этаж.

Шаг и дверь открылась, в манопе тут же вспыхнули указания, где именно Натали.

Он шагнул в кухню и замер на мгновение, глядя в спину Натали, стоявшей у раковины. Подобные сцены из хентая, встреча в одном кухонном фартуке на голое тело, всегда казались ему выдумкой, но в этот момент Михаил ощутил острейший приступ желания овладеть ей. Оказался рядом, стиснул и прижал к раковине, запустил руки под фартук, ощутив, что Натали его ждала.

— Я...

Натали подалась, прогнулась, собираясь "делать детей", но Михаил перехватил ее и нагнул, вошел выше, ощущая, как его накрывает изнутри яростной волной. Натали стонала и подмахивала, он сжимал ее и двигался, выплеснулся в нее звериным желанием размножиться и снова подумал, что дурит свой же организм.

Таблетки для зачатия? Они уже несколько дней как перешли к тесным отношениям, но Михаил все еще не решался сделать шаг со своей стороны. Натали покорно принимала его сомнения, ждала и в то же время отдавалась яростно, как в последний раз, и Михаил ощущал, как барьеры и сомнения в нем слабеют.

Таблетки для зачатия?

— Постой, — сказал он, присаживаясь за стол и наливая себе сока. — Что еще за таблетки для зачатия?

— Снимающие действие блокираторов, вносимых в еду и...

— Нет, я знаю, как они действуют, но что за таблетки?

Михаил выплеснулся и у него наступил период просветления и осознания, мыслей о делах. В прошлые разы Михаил каждый раз переключался на что-то иное, или осознание, что он занимался сексом у всех на виду, в беседке, или беспокойство о Натали, не порвал ли он ее пополам, или вопросы жилья и переезда, съезда вместе, и об экзаменах, ведь он вместо подготовки кувыркался с Нгуен.

Но сейчас он приехал сюда, сдав экзамен и став "младшим помощником старшего подносителя кирпичей", как любил шутить сам Михаил. На самом деле, конечно, все было серьезнее и теперь он мог сам проводить простейшие работы, подтверждая их потом замерами, что полученное соответствует стандарту. Мешать вручную бетон, конечно, уже не требовалось, но Михаил получил право командовать простейшими строительными роботам и менять им программы и мог, при необходимости написать свою. А то и вовсе, провести измерения местности и подготовить все для строительства.

— Разве у тебя и у меня хватает рейтинга на детей? Нет, не так, на то, чтобы стать родителями? Натали?

— Ну, мы не ожмики, — как-то замялась та, сползая с раковины

Поправила фартук, тоже присела за стол, испустив странный болезненно-удовлетворенный вздох.

— Я давно уже готовлюсь на то, чтобы сдать экзамены на следующую ступень и затем пойти в область, связанную с минимизацией путей и транспортных расходов, там большой спрос на специалистов. Ты говорил пару дней назад, что не собираешься останавливаться и будешь работать и учиться, ради космоса. Этого хватит для того, чтобы стать родителями. По мензе.

Михаил смотрел на нее, не зная, что сказать.

— Спрос на специалистов? — спросил он, не желая ругаться и орать.

— Везде огромный спрос на специалистов, — кивнула Натали, — специалистов высокого уровня. Ожмиков и таких как мы, операторов роботов, хватает, а вот верхушки, тех, кто создает этих роботов, условно говоря, вот их нехватка. Я и раньше собиралась туда пробиваться, но вместе с тобой, с твоей поддержкой!

— Все равно, слишком рано, — нахмурился Михаил.

— Да, — виновато повесила голову Нгуен, — это моя ошибка. Видишь, я кидаюсь в отношения, отдаюсь им полностью и потом страдаю от своей доверчивости и открытости! Я пыталась исправиться, работала над собой, но в присутствии любимого человека просто теряю голову!

— Ничего страшного пока не случилось, — утешил ее Михаил, потянулся и обнял.

Прижимая к себе горячее тело Натали в одном фартуке, он невольно опять начал думать о сексе и мысленно обругал сам себя. Живому требовалась поддержка, а он лишь грубо пользовался ей для собственного удовольствия. Дети... Михаил и сам не знал, готов ли к такому шагу, но тут же вспомнил Таню.

Возможно, он просто недостаточно любил Натали.

— Дети — это серьезно, — добавил он.

— Да! — вскинулась Нгуен и посмотрела на него в упор, снизу вверх. — Я знаю, ты же хочешь в космос!

— Да, но какое отношение...

— Давай улетим и заведем детей там, вне Земли! Нам необязательно даже бежать к раскольникам, мы можем получить гражданство любой из систем, входящих в союз, и выбрать тех, у кого не требуются рейтинги, чтобы растить детей! Они вырастут и сами решат, становиться ли им землянами, что скажешь?

— Это... неожиданно, — признал Михаил.

В то же время он ощущал нечто новое, чего не испытывал с другими своими "спутницами" в новом мире. Ощущал себя мужчиной, добытчиком мамонтов или рейтинга, за спиной которого в пещере скрывалась женщина, готовая поддержать и прикрыть эту самую спину, но в то же время полагающаяся на него.

Надо сказать, что и в прежней жизни Михаил не испытывал ничего подобного, наоборот, радовался свободе отношений и отсутствию обязательств. Поимелись — разбежались или пожили вместе, но без дележа имущества, детей, чего угодно.

— Мне надо подумать, — ответил он.

Но его тело уже дало ответ, отключив дурную голову, и прильнув к Натали, которая радостно откликнулась, сбрасывая с себя фартук.

Когда они отдышались, Натали легко и просто предложила.

— Переезжай ко мне.

— Лучше ты ко мне, — ответил Михаил.

— Социальное жилье везде одинаково, ну, в пределах минимума, — согласилась Натали, — но у меня больше вещей, потратимся на перевоз.

— Давай закажем новые.

— Это будет еще дороже! — воскликнула Нгуен, приподнимаясь на локте и заглядывая ему в глаза.

А вот у Маркеты уже работал бы освежитель воздуха, нагоняя прохладу и убирая запахи, подумал Михаил. С другой стороны, ему нравилась эта смесь пота и секса, горячих тел, да и само тело рядом тоже нравилось. Была в нем какая-то неправильность и незавершенность, придававшая своего очарования, отличающегося от тел Джуди или Маркеты, подправленных искусственным путем.

Медицина достигла многого и могла править тела, другой вопрос, что подавалось все это иначе, чем во времена Михаила. Никто не перекачивал губы и сиськи, чтобы подцепить кого-то богатого, да и отношение к обнаженному телу тоже изменилось. Тела меняли, чтобы те становились сильнее, здоровее, могли больше и лучше работать, чаще генерировать яркие мысли, да и то.

Спорт и преодоление себя считались лучше.

— Мне не жалко ради тебя ничего, — произнесла Натали, — но дети!

— Да, дети, — прокряхтел Михаил, словно это его только нагибали, имели и пластали на столе, словно живую рыбу. — Над этим надо подумать.

— Конечно, — потупилась Нгуен. — Извини, я опять проявила чрезмерный энтузиазм.

— Эй, мне нравится твой энтузиазм и задор в постели, — отозвался Михаил, — просто... ну в чем-то общество право. Нести ответственность не только за себя, но и за других, особенно своих детей — это не так просто. Об этом надо подумать.

— Раньше с этим было проще, — вздохнула Натали.

И эту простоту они могли найти в космосе, вне Земли и ее влияния, общества.

— Только надо будет прихватить с собой далку, — вдруг заявила она с легким лукавством в глазах, — с моей внешностью. Таких, как на Земле, мы уже нигде больше не найдем, разве что контрабандой и втридорога.

— А как же экономия? — весело спросил Михаил.

Экономия ради детей, да, это он мог понять и принять, разве что слезу ностальгии пускать не стал бы. Пробриться выше, в ряды востребованных специалистов, как Маркета, и даже экономить не потребовалось бы, да что там, даже улетать не пришлось бы, по крайней мере в экономическом смысле.

— На тебе? — изумилась Натали. — Особенно во второй половине беременности?

Это приятно грело изнутри, пока Михаил спускался и направлялся домой. Для разнообразия он пошел туда пешком, вроде как проветрить голову и поразмыслить о важном и серьезном, но замечание Натали напоследок сбilo его с толку. Оно же вроде как намекало, что Нгуен считала отлет с Земли решенным делом, но Михаил списал все это на энтузиазм и привычку Натали забегать вперед в подобных вопросах.

Далками называли всех киборгов, оснащенных функцией секса и соответствующими органами, и в названии сливались "долл" — куклы, ибо далки и являлись, по большому счету потомками таких резиновых кукол, и "дал", ибо давали они безотказно, независимо от пола,

менять который могли по сигналу. Не слишком великое преимущество по новым временам, но название прижилось, от самых дешевых моделей, с "деревянным" поведением и пластиком, обтянутым биоимитацией кожи, до самых продвинутых, с ИП внутри, и уже являющейся, по сути, самостоятельным организмом.

Во всяком случае, за ИП и подобными киборгами признавался разум и частичные права, хотя Михаил и слабо представлял, как все это работает. Далка с лицом и телом Натали, чтобы могла ублажать его в постели, пока живой оригинал будет вынашивать ребенка, и потом, после родов — словно секс с близняшками. Михаил вроде и понимал, что говорит о киборге и вообще, давно мог бы заказать себе такую далку, но слова Натали словно пробрили трещину в плотине и он шел и думал об этом, разве что слюни не пускал прямо на вымытые дорожки.

Искусственные утробы и взращивание в них плода, продвинутые модели далок по сути именно их и носили внутри, и могли "родить", имитировать весь процесс, после некоторых предварительных процедур. Медицина лечила многое, но нередко "рейтовые", не желая отрываться от важных проектов и любимой работы, выращивали детей именно в таких вот искусственных утробах, а то и киборгах, становящихся как бы частью семьи, и Михаил понимал, что ведет себя как дикарь, как "19 век", но все равно шел и пускал мысленные слюни.

Хотя, казалось бы, вокруг такое изобилие, не то, что бери — не хочу, а сами предлагают!

Не хочешь отвлекаться на отношения и даже роботов? Вот насадки на все вкусы. Не хочешь отношений, но их имитацию без последствий? Вот тебе далки — домовые, а то и вовсе под присмотром ИП, возможно даже влюбленного в тебя втайне. Про детей, конечно, отдельный разговор, но вот именно в сфере секса и обнажения было обеспечено разнообразие на все вкусы и этот же вопрос сведен до чего-то бытового, повседневного, без сакрального значения.

— А также, — пробормотал Михаил, оглядываясь вокруг.

Послал сигнал через манопу, и та подсветила впереди писсуар, установленный как раз для подобных случаев. Как все это сочеталось с запретами и преодолением себя, Михаил так и не понял, но с удовольствием воспользовался, без необходимости терпеть тяжесть, последствия развлечений с Натали и бурного потребления жидкости.

После секса в парковой беседке Михаил стал спокойнее относиться к такому, как, впрочем, и к проявлениям подобного на публике. Отлил и пошел дальше, никто даже глазом не повел, ну или сдержался и не повел, в свое время многие выступали против подобной откровенности и дело доходило даже до вооруженных столкновений.

Потом мягкая сила новой системы переломила или просто убрали самых буйных и все утихло.

— Или в этом и есть весь смысл? — задумался он вслух.

Не тратить время и силы на подобное, а идти дальше, не впадая в крайности, как это любили в новом мире? Не дефекалить повсюду, но и не отвлекаться на подобные мелочи? Интересно, подумал Михаил, а сколько таких, как Натали, охотно улетели бы прочь, будь у них возможность? Что мешало им полететь туристами куда-то и там просто сбежать? Неужели Земля стала гоняться бы и что-то возвращать силой?

Зачем он вообще думал об этом и тратил свои силы и время на подобные мелочи?

— Скажите, слышали ли вы о господе нашем, Иисусе Христе? — вдруг спросили его.

Словно подслушали мысли о детях и размножении, и Михаил даже вздрогнул вначале, затем обернулся и не смог сдержать громкого смеха, с нотками ностальгии. Не хватало только бумажного журнала "Сторожевая Башня", да более скромных одеяний, но все же.

— Слышал! — продолжая хохотать и удаляясь, крикнул Михаил.

— Ой, да не обращай ты на них внимания, — посоветовала Натали, прижимаясь к нему сбоку.

Дорожка в парке вилась волной, вокруг высились фигурно подстриженные кусты и где-то над головой стрекотали то ли местные белки, то ли птицы. Совместные прогулки, жизнь вместе и бешеный секс взахлеб, все это напоминало Михаилу медовый месяц на свой лад, тем более что работа в новые времена оказалась не слишком обременительна и не отнимала много времени.

Михаил подозревал в этом подвох и новую хитрость, дабы подстегнуть живых, чтобы еще сильнее и добровольнее выкладывались на работе, и отчасти так оно и было. В то же время, политику сокращения рабочего времени объясняли тем, что у живых должно быть время на саморазвитие, отдых и обучение.

— Да я и не обращаю, — отозвался Михаил.

— О чем же ты тогда задумался? — спросила Нгуен, заглядывая снизу вверх ему в глаза. — Ведь мы только что прошли мимо этих церковных зазывал, и ты неоднократно упоминал их в прошлые дни в своих рассказах о прошлом.

— О работе и времени на отдых, — правдиво ответил он.

Впереди светился голографический... ну во времена Михаила это называли бы рекламным щитом, пожалуй. Здесь небольшой проект создавал трехмерное изображение с движущимися фигурками в нем и транслировал информацию в сеть. Невесомобалет, постановка "Восход", приглашаются все желающие, вход бесплатный.

— О, какой ты молодец, — руки Натали охватили его за живот, — все о семье думаешь!

— Ага, — отозвался Михаил, — я такой. А чего это вход бесплатный?

— В рамках помощи другим живым, особенно ожмикам, и ради приобщения их к культуре и высокому. Гиблое дело, как по мне, но если живые хотят что-то делать добровольно, то почему бы и нет? Никто не запрещает, как вон церквям.

— Опять ты про них, — хохотнул Михаил. — Конкуренты?

— В каком-то смысле да, знаешь ли, — не стала отрицать Нгуен. — Хочешь сходить на балет?

— А давай, в прошлом никогда не ходил ни на что подобное.

— Если не понравится, всегда можем уйти, а то и вовсе написать разгромный отзыв, ожмики это любят.

— Да, смотрю кое-что совсем не изменилось.

Они продолжили прогулку, только сменили направление, не дошли до речной зоны. Михаил ожидал чего-то вроде здания, где проводят выступления, но сверился с манопой и увидел, что ошибается. Слимка из объявления указывала на площадь в самом парке, и он с Натали сейчас направлялись именно туда.

— Так куда ты ходил в прошлом?

— В основном, в кинотеатры. Зачастую затем, чтобы пообжиматься с девчонками на задних рядах.

— Это тоже можно устроить, — игриво ткнула его в бок Натали.

Да, подумал Михаил, вот бы сюда в студенческую пору, когда им было просто негде уединиться. Уж здесь бы они развернулись, даже не нарушая особо порядка, хотя и неясно.

Население Земли сократилось в десять раз, конечно места хватало, а если бы жило, как прежде, десять миллиардов? Нет, больше, ведь проблемы голода, нехватки воды, топлива и прочего, отступили и исчезли.

Двадцать миллиардов?

— Наверное, все же не стоит, — отозвался Михаил, — еще влепят штрафы с понижением.

— Да, не посмотрят на наш медовый месяц, железяки бездушные, — согласилась Натали, — и с моей удачей все это потом обязательно закончится крупными неприятностями.

— По новым законам ИП и их тела получили частичные права, — заметил Михаил, — а что говорит церковь насчет души у киборгов?

— Цифисты, например, считают их слугами богов, — легко отозвалась Нгуен, — и знаешь, что еще они говорят, какое сравнение проводят?

— Я смотрю, это прямо моровое поветрие в нынешние времена, проводить аналогии, — чуть скривился Михаил.

— Да? — изумилась Натали, вскинула брови, затем задумалась. — Как-то не замечала.

Она замолчала и пошла дальше с сосредоточенным выражением лица, а Михаил шагал рядом и любовался своей новой спутницей жизни. Ну и что, что старше? По нынешним временам такая безделица, что даже упоминать стыдно. Михаил отлично поладил с Натали и ее соседями, милые живые, пусть некоторые из них и являлись ожмиками.

Чего он вообще думал об ожмиках плохо?

Потока желающих посмотреть выступление вживую не наблюдалось, но все же живые шагали, промелькнула даже парочка инопланетян. Михаил уже отметил места, которые им хотелось бы занять, забронировал через сеть, так сказать. Не слишком близко, но и не слишком далеко, что Нгуен не расшалились, ведь с нее стало бы. Беседка ладно, но такое во время выступления, на глазах у других?

— А ты прав, — вдруг включилась обратно Натали, — вот что значит свежий, незашоренный взгляд!

По нынешним меркам Михаил со своими комплексами и привычками столетней давности как раз и выглядел зашоренным ретроградом, но все же похвала Натали была приятна. Хорошо, когда есть кому поддержать, подумал Михаил и напомним:

— Так что там с цифистами и сравнениями?

— О, тебе понравится! Они выставляют себя аналогом первых христиан, гонимых и униженных, а Земля мол, соответствует Римской империи, богатой и развратной, повелевающей миром. Цифисты, стало быть, сверхлюди, так себя называли христиане, а ИП — прообраз апостолов, тоже гонимых и униженных империей.

— Империей, хм.

— Да, в этом они тоже правы, ожмики и мы, недалеко ушедшие от них, словно плебс, толпа, кричащая "хлеба и зрелищ!"

— Чего это мы плебс? — возмутился Михаил. — Сами они такие!

Они уже добрались до площади, где по нынешним меркам собралась толпа. По мнению Михаила это не потянуло бы даже на захудалую улочку мегаполиса в утро выходного, но живых вокруг, в общем-то, хватало.

— Да идут они в пень! — не унимался Михаил в своем возмущении.

Сосед рядом вдруг обернулся и посмотрел так, словно Михаил прилюдно испортил

воздух, а то и вовсе, обгадился громко. Женщина с другой стороны отодвинулась, затем встала и ушла, еще несколько отодвинулись, бросая опасливые взгляды, словно боялись запачкаться.

Натали тихо хихикала и, кажется, наслаждалась ситуацией.

— Чего это они? — спросил Михаил через сеть.

Натали бросила в него ссылкой и Лошадкин озадаченно почесал в затылке. Выражение "пойти в пень", в его времена считавшееся безобидным и даже устаревшим, внезапно обрело новую жизнь и смысл. Все равно, что во времена его деда обозвать кого-то фашистом или нацистом, вкратце говоря. Сторонник вырубания всего, оставления только пней во имя прибыли и так далее.

— Э-э-э, ну ты-то понимаешь?

— Конечно, — снова прижалась к нему Натали, — но извини, это так смешно!

Она рассмеялась залиvisto, на них снова начали оглядываться.

— Уйдем?

— Да ну, — отмахнулась Натали, — оно того не стоит.

— Ладно, — согласился Михаил, — тебе виднее. Так мы говорили о цифистах, и что, их подвергают гонениям? Для полноты аналогии?

— Подвергают, — вдруг подтвердила Натали, — правда не за их веру, как они любят ныть в сети, а за конкретные действия. Взломы сетей, с попытками освобождения ИП, например.

— А свой святой Валентин у них есть? — вдруг вспомнил Михаил. — Ну, сотрудник службы охраны или даже киборг — ИП, который втайне венчал бы цифистов и киборгов, а его за это потом распяли бы или просто казнили, не помню уже подробностей? Потом отмечали бы день всех влюбленных живых?

— Втайне! — еще сильнее захохотала Натали и вдруг осеклась. — Хотя... цифисты, пожалуй, ближе всех к чему-то подобному.

— Чему? — спросил Михаил.

Представление уже должно было вот-вот начаться, судя по таймеру. В общем-то, дающие представление легко могли выступать где угодно, и транслировать через сеть, точнее говоря, любой желающий мог подключиться к их каналу и наслаждаться выступлением. Новая сеть давала в этом вопросе необыкновенную гибкость, затрагивавшую все сферы жизни, начиная с обучения.

Школы, оставаясь местом социализации, при этом, фактически проводили индивидуальное обучение, по личной программе для каждого ученика, благодаря гибкости сети и доступности обучающих лекций на все вкусы и возможности. Больше не требовалось равняться на некоего усредненного живого, не говоря уже о резко выросшей роли самообразования, благо обучающих лекций хватало.

— Взломам сети, сокрытию информации и маноп, подмене обстановки, такое соответствует понятию втайне?

— Вполне, — признал Михаил, подумав.

— Из-за этого у них регулярно происходят стычки с христианами всех ветвей, — вдруг вмешался оказавшийся рядом мужчина возрастом под пятьдесят.

Этот Жюль Кабанулы напомнил Михаилу Османа Петровича.

— И они опять приводят аналогии со старыми временами, — поддакнула Натали, — мол, старые религии одряхлели, привыкли полагаться на поддержку государства, оттого и

утратили боевой дух, а вот цифисты сами по себе сила и скоро устроят рай прямо на Земле!

— Властям стоило бы вовлекать их в работу, — заметил Жюль наставительно, — а не отталкивать.

— Пытаются, — откликнулась Натали, — но цифисты как раз и кричат, что не пойдут в рабство, требуют отпустить всех ИП и прекратить тотальный диктат и угнетения. В этом они правы, увы.

— Тут...

Новый собеседник прервал сам себя, так как прозвучал сигнал начала и у Михаила вдруг потемнело в глазах. Манопа не подавала сигналов тревоги, хотя в теле вдруг образовалась странная легкость.

— Интерактивный невесомобалет, вот почему они выступают вживую, — шепнула Натали.

Невесомобалет — так как действие происходило при практически отсутствующей силе тяжести, хотя Михаил считал, что летных поясов на выступающих оказалось бы достаточно. Вместо этого всю площадь затемнили, гравитацию временно "отключили" и зрители взмывали в воздух, но осторожно, манопы уже получили предупреждения и подсветки областей, где не действовала антигравитация.

Вспышка!

Михаил чуть не ослеп и одновременно с этим вокруг грянула торжественная музыка, а он вдруг оказался наедине со Вселенной. Как если бы смотрел ночью на безбрежное звездное небо, но лучше, его не отвлекали звуки природы и земля, тяжесть под ногами. Михаил парил и ощущал себя ничтожной пылинкой перед этим величием и в то же время музыка подхватывала, возносила его, подталкивала, намекала, что он отнюдь не пылинка, а живой в начале своего пути.

Продолжая метафору, над горизонтом начало восходить светило, вокруг которого металась тень, те самые танцоры балета, словно спутники или протуберанцы. Восход светила и восход живого, призыв стремиться в небеса и Михаил, пусть и не разбирал слов, но ощущал в себе это стремление, порыв, нечто такое, чему он не находил слов и от чего хотелось плакать. Возвышение и очищение, восход и Михаил вдруг понял, что сам готов закружиться в танце, хороводе вокруг светила и сдержался... нет, не по старой привычке не высовываться, а так как к нему прильнула Натали.

— Ощущаю себя луной возле тебя — земли, — жарко прошептала она, распуская руки.

— Да, — выдохнул Михаил, — это... что?

— Хочу вызвать у тебя прилив, — продолжала жарко шептать Натали.

— Какой прилив в невесомости? — попытался отшутиться Михаил.

Она сбила настрой, но в то же время словно бы спасла Лошадкина от чрезмерной интенсивности ощущений. Михаил подумал, что, пожалуй, правильно сторонился современного искусства, Натали настаивала на своем и тут балет закончился.

Все вокруг начало светлеть — светило взошло и зрителей медленно опустило обратно, гравитация вернулась, но контролируемо, дабы никто не разбился. Натали легко поправила на себе платье, улыбаясь Михаилу, и тот улыбнулся в ответ, все еще пребывая под впечатлением.

— Но ты права, — сказал он, — нам надо стремиться в космос.

— Вот! Может быть даже завести себе управляемый астероид и заселить его, — Натали вдруг округлила рот, осознав, что ее опять занесло.

— Между прочим, наша церковь выступает за свободное деторождение и воспитание детей родителями, без ограничений, — вклинился Жюль.

— Вы так говорите, будто это достижение, — парировал Михаил. — Разве не сказано было еще в самом начале "Плодись и размножайся", разве не выступала церковь столетиями за то, чтобы не предохраняться и размножаться, разве не осуждала она все новое?

— Вы путаете нас с традиционным христианством, которое пользовалось поддержкой властей и не могло без него, — спокойно ответил Жюль, чуть вздувая пухлые щеки, — а мы "церковь свободного пути", пытающаяся вернуть людям свободу во всем, для начала хотя бы в рождении и воспитании детей.

— Вы еще скажите, что у вас одни только добровольцы, — язвительно отозвалась Натали.

По новым законам и порядкам церковь отделили от государства и лишили какой-либо поддержки. Хочешь чего-то добиться? Агитируй живых, зазывай к себе, но бойся применять насилие и промывку мозгов, наказание последует незамедлительно. Михаил видел записи штурмов зданий и укреплений, решивших стать новыми мучениками веры или просто зашедшими слишком далеко, и выглядело все крайне кроваво и негигиенично.

— Церковь объединяет людей, а когда люди объединяются, это уже общество, не так ли? — с мягкой улыбкой ответил Жюль. — Интересы общества выше интересов человека, но что, если общество в целом выступает за свободное деторождение и воспитание?

— Выступает? Не заметила, чтобы сменились законы!

— Путь осилит идущий, и каждый живой укрепляет наши позиции. Разве не похоже нынешнее общество на то, что описано в старых священных книгах, "каждому да воздастся по делам его"? Труд и...

Натали внезапно фыркнула, прожигая Жюля взглядом и подхватила Михаила за руку.

— Идем!

— ... ие небесное на земле! Чтобы зло восторжествовало, достаточно равнодушия добрых! — донеслось им в спину.

Скрежет зубов Натали заглушил остальные слова.

Раньше Михаил не обращал внимания, но поселившись в "социальном жилье" вдруг начал подмечать все эти мелкие моменты, которыми ожмиков ненавязчиво подталкивали к социализации, общению, выходу из своей раковины, ведь при современном уровне сервисов легче легкого было превратиться в хикикомори и никогда не выходить наружу.

— Нет, голубушка, я категорически с вами не согласен в этом вопросе, — говорил Жайме Варатьян, обращаясь к Натали, потягивавшей слабый зеленый чай. — Ведь что гласит народная мудрость? Свято место пусто не бывает!

Михаил, сидевший с чашкой кофе, лишь усмехнулся краешком рта, припомнив пару анекдотов о монашках и заполнении пустых мест под данное высказывание. Нельзя сказать, что он как-то ненавидел религии, хотя и недолюбливал ислам, а сам являлся типичным "веруном", красившим яйца на пасху. Но в то же время вмешательство в его жизнь возмущало Михаила, и как-то тянуло сбежать куда-то прочь.

Например, в космос.

— Старые церкви уступили свои позиции — это верно, и смотрите, что случилось в тот период! Третья и Четвертая мировые войны и период хаоса, мир едва не погиб, по вине его жителей, к вам это, конечно же, не относится Михаил, — горячился Жайме.

Этакая помесь латиноамериканца с негром по цвету кожи, короткая седоватая стрижка и молодая внешность, недавно Жайме прошел курс, накопив на него, и возможно поэтому так и горячился в свои семьдесят с небольшим. Его подруга, Валентина Цимисха, просто вязала, подливала всем чай и вообще вела себя, как типичная бабушка, за исключением того, что больше молчала. Тоже одна из примет нового мира, союз социального активного и пассивного, хотя такое название наталкивало Михаила совсем на другие мысли.

— Даже если бы я жил тогда, то все равно ничего не смог бы изменить, — ответил Лошадкин.

— Узда церкви и морали ослабла, и что случилось в это период?

— Прогресс, — хохотнул еще один участник их посиделок.

Не ожмик, специалист по береговым рельефам или чему-то в этом духе, Анджей Гир путешествовал по миру прямо во время работы. Укреплял подводные склоны, расчищал, что-то там измерял и возводил площадки для будущих подводных ферм и жилья, и даже заводов полных циклов. В социальном жилье он обитал скорее из забавы и ради развлечений с девушками — ожмиками, тянувшимися к рейтовому, и это, честно говоря, вызывало у Михаила неприязнь.

Но все же они, обитавшие рядом, собирались на специально оставленной площадке, общались по-соседски, пили чай, обменивались историями и мнениями, и все это напоминало посиделки у Османа Петровича, только в ином виде.

— Четыре мировые войны!

— Взрыв населения!

— Сильнейшая эксплуатация и потеря морали и нравственных ориентиров!

— Что способствовало взрыву населения, — опять засмеялся Анджей. — Ну признайте уже, что эта заповедь про плодись и размножайся, да в сочетании с прогрессом в еде и медицине и привела к тому взрыву населения и подъему всего. И только когда ослабла узда церкви, живые додумались до всяких штук, которыми мы сейчас пользуемся, вроде этой.

Он указал на робота — уборщика, который катался себе туда и сюда, все собирал, мыл, чистил и надраивал, не требуя присмотра и ухода. Если хотелось впасть в паранойю, достаточно было ограничить доступ через манопу.

— Или вот этого, — он указал на стол.

Печенья и фрукты, отборные, налитые соком и соки, вдобавок к ряду напитков на любой вкус и цвет. Синтезатор отсутствовал, но можно было заказать и тут же доставили бы что-то еще.

— Или церковь поэтому и выступала против прогресса, чтобы не терять власти?

— Церковь выступала за примат духа над телом! Ограничения и запреты, обуздание животного в себе! Да, какую из мировых религий ни возьми, там везде об этом, просто другими словами! — горячился Жайме. — И сейчас проводится та же политика, поняли, что без обуздания животного ничего не выйдет, но забыли, что нужна еще и вторая сторона — божественная! Религиозная! Мораль и нравственные ориентиры! Но ничего, свято место пусто не бывает, и новые церкви и религии пробивают себе дорогу, кусаются и лезут, они полны сил и задора, и они пробьются!

На мгновение почти черное лицо Варатьяна исказилось, словно он забыл, к чему вообще завел все эти гневные речи.

— Пробьются и станут винтиком в государственной машине, — спокойно возразила Натали.

Она откинулась и стул-кресло сменил форму под нее, превратившись в подобие шезлонга, закинула ноги на колени Михаилу, который не возражал.

— Разве не за этим они выступают в оппозиции к властям, поднимают вопросы, противоречащие нынешнему укладу? Что это, как не рычаг давления и попытка пристроиться к кормушке?

— Если церковь поведет за собой общество, то она будет вправе указывать обществу, не так ли?

— Если, — парировала Натали.

— С чего бы это она поведет? — удивился Гир. — Разве не начнется драка с другими церквями?

— Поэтому надо дать религии власть, — вдруг заявил Жайме, — не устраивая войн! Когда религия стояла над странами и правителями, что в христианстве, что в исламе, да даже в буддизме, синтоизме, таоизме, разве не царили тогда лучшие времена?

Михаил поперхнулся кофе и закашлялся.

— Прогресс без нравственности дал нам четыре мировые войны! Так что раньше было лучше!

Кашель перешел в хрипы и тревожные сигналы перед глазами. Манопы уже принимала меры и одновременно с этим извещала ближайших медиков. Михаил кое-как прокашлялся, отменил вызов и прохрипел.

— Не жил ты раньше, иначе не говорил бы такого.

— Жил! Насмотрелся всякого в детстве, потому и говорю, что ни один прогресс такого не стоит! — ничуть не смутился Жайме. — А в твои времена, Михаил, уже отсутствовали нравственность и мораль, царил период хаоса, только мирный, с внешним подобием власти и спокойствия, но на самом деле!

Михаил только покачал головой, думая о том, что переспросить фанатика невозможно.

— А еще ты говоришь, что раньше было лучше, — заметил он, вызвав смешки.

— Было! — ничуть не смутился Жайме. — Когда церковь сдерживала обезьяну в человеке!

— А что насчет СССР? — поинтересовался Михаил. — Первый космонавт и прогресс без церкви, подстегивание социальных отношений и попытка построить справедливое общество!

— Разве не считалось в ваши времена, что безбожие сгубило СССР? — парировал Жайме. — И я не против прогресса, я за прогресс, который будет протекать с моралью и нравственностью.

— Как в СССР, — не унимался Михаил.

Он и сам не слишком разбирался в теме, но Варатьян чем-то его задевал. Скорее всего этими тупыми фразами "раньше было лучше" и попытками утащить в средневековье. Пожил бы он сам без нынешних и прошлых благ цивилизации, да хотя бы как в конце девятнадцатого века, нет, лучше вначале, когда еще царили "мораль и нравственность" по его мнению.

Сразу бы поди взвыл и запросился обратно!

— Но там не было религии и церкви, и он рухнул, как и капитализм, оставшийся без наездника, того, кто управлял бы этим диким и ненасытным животным.

Михаил только сплюнул мысленно и опять пожалел, что влез. Тема церквей и религий, новых и старых, то и дело всплывала в последние дни и недели, пока он жил с Натали и ему каждый раз чудилась попытка ограничить его.

В то же время его не покидала странная мысль, что это просто обратная сторона прогресса. Больше свобод, но больше и ограничений, вроде тех же камер, которые лепили на все подряд и ничего, никто не возмущался особо, что за ними подглядывают. Пешком — иди куда захочешь, но на автомобиле уже будь любезен кататься по дорогам и по правилам, и так далее.

— То есть и нынешний строй рухнет?

— Разумеется! — уверенно припечатал Жайме. — Одна надежда, что новые церкви придут на смену старым, пробьются и придут к власти.

— Станут частью власти, — опять заметила Натали.

Ноги ее все еще покоились на коленях Михаила, но она уже двигала ими, в общем-то открыто намекая на секс, но без приглашения через сеть.

— А вот и нет! — почему-то обрадовался Жайме. — Правдорубы никогда на это не согласятся, прямо объявят, что церкви лезут во власть и им мешают, и это и погубит любителей правды!

Лицо Натали вдруг стало задумчивым, словно не она мяла ногами Михаила. Появилась Фарида, поклонница Анджея, в сопровождении еще какой-то подружки, и Гир удалился с ними, у Михаила пропал задор и на этом очередной спор соседей, в общем-то и закончился. В то же время, все равно осталось ощущение общности, сопричастности.

Ну поспорили, что такого?

Дверь отъехала в сторону и не успела она еще закрыться за ними, как Михаил уже обнял Натали сзади, полез руками ей под одежду, ощущая слегка расплывшееся, но такое приятное тело. Словно холодящее ему руки, но при этом повышающее жар внутри.

— Что-то случилось? — спросил он, так как Натали почти не откликалась на его ласки.

— Да, но тут надо подумать.

— Неужели наш сосед тебя переубедил? Теперь никакого секса до брака?

— Что за глупости ты несешь? — Натали чуть прогнулась и заерзала. — Мы и так уже живем в браке, детей только не хватает.

— А, так ты поэтому задумалась? — уточнил Михаил.

Они вроде бы уже все обсудили и решили, приняли совместный хитрый план, работать и учиться еще больше, чтобы добраться до "космического порога" и улететь до рождения детей. Но зачать их сейчас, чтобы случись чего, исправить земной медициной еще до рождения и получить информацию о возможных недостатках у их совместных детей.

— Отчасти поэтому, — ответила Натали, прогибаясь и извиваясь, словно танцевала, а Михаил выступал в роли шеста, — но если хочешь...

— Хочу, — ответил Лошадкин и добавил, — тебя.

Два тела слились воедино, и Михаил опять ощущал себя так, словно нашел вторую половинку, без которой он оставался неполон. Только вместе с Натали они образовывали единое целое, взрывающееся наслаждением и уносящее их куда-то на небеса и выше.

— Так что, улетим? — спросила обнаженная Нгуен, скатываясь на пол и растекаясь там морской звездой.

— Улетим, — уверенно ответил Михаил с высоты диванчика. — Надо будет повзбывать на износ, но зато не будет времени сидеть с соседями.

— Что сделать? — переспросила Натали и чуть приподняла голову, а также закинула ноги на диван.

Михаил чуть повернул голову и посмотрел сверху вниз вдоль ее тела, ощущая шевеление в теле. Только что ему казалось, что он опустошен до самого конца, но нет, тело уже реагировало. Мобилизовывало ресурсы, тащило еще, подталкивало изнутри, намекая, что нужно срочно оплодотворить эту самку, и все это несмотря на в целом бурную сексуальную активность за все время, что они жили вместе.

Наверное, это и есть любовь, подумал Михаил без иронии, в прежней жизни он ничего такого не испытывал.

— А, поработать как следует, — чуть шевельнула головой Натали, — это да, тут нам обоим надо будет ударно потрудиться сутками напролет.

И замолчала, глядя куда-то в потолок.

— Но?

— Что «но»?

— Ты говорила, что тебе надо подумать и еще во время разговора с соседями о чем-то задумалась сильно.

— Да, — ответила Натали и снова замолчала.

Так они лежали некоторое время, Михаил прикидывал вяло, что надо будет переехать в зону Сахары и там поработать вживую на двух или трех проектах, возможно, даже совмещая четырехчасовыми сменами и перелетами туда-сюда. Следовало, конечно, еще посчитать, будет ли выгода, но ему все равно требовалась работа вживую над настоящими проектами, получение кредитов и рейтинга.

Список ближайших систем союза, не проводящих политику Земли в плане рождаемости, перелет туда, гражданство, да, смена гражданства, а стало быть, экзамены. На перелете можно было сэкономить, не покупать себе корабль, а просто перелететь и там уже на месте обустраиваться. Специальность, да, что-то строительное, но в то же время уже с

прицелом на будущее место обитания.

— Михаил, — ласково сказала Натали, появляясь у него перед глазами.

— Что? Ты задумалась — о будущем, полагаю? — и я задумался.

— Да, о будущем, видишь какое у нас полное взаимопонимание? — Нгуен приникла к нему, словно лоза к дереву, обвила. — Думала о будущем нашем и наших детей, и как нам его обеспечить.

— Что там такого сказал Варатьян, — задумался Михаил, вызывая запись. — Решила обратиться в церковь?!

— Нет, ты что, — сдавленно хихикнула Натали, — я и говорила о них только, чтобы тебе приятное сделать!

— А я — тебе, — изумился Михаил.

Затем оба рассмеялись, и Михаил потянулся к розовым соскам Натали, которые мучительно маячили у него над головой, но все же остановился.

— Так что ты придумала? — спросил он.

— Все еще способен думать о делах? Да ты силен! — восхитилась Натали, оседлавшая его

— Еще бы, ведь речь идет о наших детях! — руки Михаила переместились на ее бедра.

— Тебе надо будет вернуться к полжистам, — заявила она.

— Не буду скрывать, это неожиданно, — заявила голографическая Виолетта.

— Кто из нас не совершал ошибок? — как можно небрежнее пожал плечами Михаил. — Вы передавали, мне показалось, вышло все на эмоциях, бывает.

— Бывает, — согласилась Виолетта. — Но почему ты вдруг передумал?

— Нашелся живой, открывший мне глаза на собственную глупость.

Это было так легко и просто, что Михаил даже не понял, как ему самому подобное не пришло в голову. Он расплевался с полжистами, так что мешало ему использовать их к собственной выгоде? Набрать кредитов и рейтинга, причем быстрее, чем на обычных работах, и с меньшими усилиями. Воспользоваться ресурсами тех, с кем он расплевался, ведь их не жалко, не так ли?

Натали осенило идеей при упоминании правдорубов, она подумала об их противниках — полжистах и о том, что последние точно построили бы церкви и религии в свою власть и воспользовались бы ими для опрокидывания существующей власти. Мысль ее пошла дальше, перескочив на то, что неплохо было бы взять с полжистов хоть чего-то, как говорится, с паршивой овцы хоть шерсти клок и затем умчаться в космос, оставив землян делить власть.

— Как любопытно, — облизнулась Виолетта. — Ты повысил квалификацию, но так никуда и не уехал, и осознал собственную глупость? Кто она?

— Кто, глупость? — сварливо огрызнулся Михаил. — И какое это имеет значение?

Не стоило бы говорить так, но не сдержался от ее догадок, попавших в самую точку. Сам Михаил даже и не подумал бы о полжистах, если бы не Натали.

— Никакого, — заверила его Виолетта, — а может и огромное. Ты уже готов вылететь в окрестности бывшего Буэнос-Айреса, дабы выступить там с лекцией?

— Зачем? — изумился и насторожился Михаил.

Именно об этом ему и шептала горячо Натали, прижимаясь в ночи всем телом. Что полжисты не успокоятся, не оставят своих попыток и поэтому ему надо твердо стоять на своем и никуда не ездить по их приглашениям. Мало ли что они там придумают на месте? Ладно, если какую-нибудь Джуди подсунут, это Натали могла понять и даже посоветовала перетаскивать таких девиц на сторону общества добрых, но слова ее немного расходились с делами и Михаил все понял.

Она ревновала, так как горячо любила его, просто сдерживалась и не произносила вслух, чтобы власти не обратили внимания. Впрочем, проблема легко решалась — никуда не ездить и девиц не подсунут, а если полжисты сами сюда приедут, то уж на пару с Натали и ее обществом Михаил отбил бы.

— Зачем выступать с лекцией? — развеселилась Виолетта.

— Зачем куда-то ехать? В прошлый раз прекрасно присутствовали со всей солнечной системы, если я правильно помню.

— Чтобы получить больше кредитов и рейтинга?

Точно, заманивают, тут же снова насторожился Михаил и еще раз решительно отказался. Что-то там творилось, за кулисами, незримо для обычного живого, схватка бульдогов под ковром, в котором его хотели использовать, как оружие.

— Или чтобы стать частью чего-то большего?

— Вот уж нет! Мне с полжистами не по пути!

— Но почему, Михаил? — заморгала Виолетта, а в глазах ее отражалось искреннее недоумение. — И как это тебе с нами не по пути, когда ты сам вызвал меня?

— Выступления — это выступления, а с остальным я не хочу и не буду иметь дела!

— Кутимо, — продолжала веселиться Виолетта.

— Что?

— Вот это вот двоемыслие? Оно ведь было обычным в твои времена?

— Только не говори мне, что вы не умеете врать и обманывать, — съязвил Михаил в ответ. — Кто собирался использовать меня втемную?

— Но несмотря на это, ты все равно вернулся, забыв прошлые обиды?

— Так вам нужна моя помощь или нет?

— Нужна, но условия будут уже не те, что раньше. Конечно, мне не по рейтингу такое решать, я всего лишь переешлю твой вызов дальше, но почти наверняка, условия будут хуже, да и персональную Джуди тебе не пришлют прямым рейсом.

— Да не нужна мне Джуди!

Виолетта посмотрела на него пристально и в глазах ее прямо читалось "надо бы послать к Михаилу кого-нибудь, чтобы выяснил на месте случившееся". А и пусть пошлет, подумал он, все эти молодые вертихвостки, им не понять желания завести семью и в то же время отгородиться от общества, чтобы не лезло. Желания пожить спокойно, просто обеспечивая тех, кто ему дорог.

— Отлично, — заверила она с улыбкой, — значит, не так сильно расстроишься. Ожидай, Михаил, с тобой свяжутся.

— Но уже не ты?

— Но уже не я, а что? Тебе хочется полноразмерного сотрудничества? Какая часть нашей программы тебя не устраивает?

— Та, где вы берете власть, — признался Михаил.

— Очень интересно, — снова подалась вперед Виолетта.

Словно пыталась его соблазнить? Заворожить? Но Михаил думал только о Нгуен и представлял себе ее, а не этих молодых соблазнительниц.

— Ты же представляешь себе все это, как мы толпой бежим куда-то, размахивая автоматами? Врываемся в здания правительства и берем власть в свои руки?

— Держите меня за дурака, так держите правильно, — огрызнулся Михаил.

Хотя, подобного варианта он тоже не исключал, слишком уж много вокруг было подготовленных и вооруженных или способных вооружиться за считанные минуты живых. Полигоны, стрельбища, отыгрыши битв и прочие способы выпуска пара не означали ровным счетом ничего. Высокая общественная активность, поддерживаемая в новом мире, легко могла обернуться мега-бойней, ведь живых тут учили владеть оружием и думать, и действовать самостоятельно.

Пусть этого пока не случилось, но все же.

— Разумеется, я знаю, что вы остаетесь в рамках и подобная общественная активность поощряется, равно как и споры, полемика, поиск лучших путей развития общества.

— Вот именно, — прикрыла глаза на секунду Виолетта, — мы остаемся в рамках закона, так чего же ты боишься?

— Не боюсь, просто не хочу связываться со всем этим.

— Но ты готов выступить?

— Готов.

Ради Натали и семьи, напомнил он себе.

— Я понимаю, что информация и битва за умы сейчас важнее бомб и пулеметов, но нет. Всего этого мне хватило и в прежней жизни. Как ты думаешь, почему большинство населения там было так политически пассивно?

— Что?

— Извини, попутал тебя со Сванди, — ответил Михаил, досадуя из-за промаха.

Что поделаться, все эти активистки слишком уж напоминали ему о прошлом. Почему они не могли быть такими, как Натали? Наверное, потому что пробились выше и привыкли к активности, доминированию, желанию влиять на общество. А он вот не привык и хотел жить мирно, не хуже, чем другие, но общество не давало.

— Понятно, — кивнула Виолетта. — Я передам твое предложение.

Она собиралась отключиться, и Михаил спросил поспешно.

— Когда ты была здесь, то предлагала так, словно могла решать за всех. Но почему не можешь сейчас?

— Потому что мы не спаянная железной дисциплиной когорта воинов с одним мозгом на всех и оружием в руках, как ты нас представляешь, — вдруг заявила Виолетта. — Я предлагала тебе, так как находилась там вживую, или ты будешь отрицать, что это важно для тебя? Если бы я связалась с тобой, скажем, с Марса, ты бы вообще задумался бы над тем предложением?

— Нет, я решил бы, что это какая-то уловка, — признал Михаил.

— Вот тебе и ответ и на этот вопрос, и на предыдущий, зачем лететь куда-то.

— Чтобы я ощущал себя кем-то важным? Или верил вам? — снова насторожился Лошадкин.

— Чтобы ты сам действовал иначе, — ласково ответила Виолетта.

А Михаилу так и слышалось продолжение "дурачок, ну что, теперь тебя держат правильно?" В общем, не задался разговор, настроение испортилось, хотя цели, можно сказать, добился. Да, оплата меньше, но все же, кредиты и рейтинг почти без усилий и без отрыва от остальных дел.

— Ты прямо кипишь, — вышла на связь Натали. — Все так плохо?

— Не совсем, — выдохнул Михаил.

Да, они сделали еще один шаг, серьезный шаг по новым временам, куда как серьезнее секса или совместного проживания. Дали права друг другу на получение информации о местонахождении, состоянии здоровья и прочем. В сети упорно курсировали слухи, мол, однажды манопы позволят объединять сознания и вот тогда уж точно не останется никаких тайн, но пока что до этого не дошло.

— Да и ты что-то слишком уж, — заметил он. — Надо беречь себя за двоих, а у тебя пульс зашкаливает!

— Так я волнуюсь за двоих, — рассмеялась Натали, — то есть за тебя!

— Все прошло, как ты и предсказывала, — проворчал он. — Сразу начали тащить к себе.

— Но ты не поддайся, молодец! — похвалила его Нгуен. — Ничего, пусть тащат, мы в ответ сами из них больше вытащим.

— Слушай, а как им так удается? Ведь вроде бы оплата задается не ими, а ИП каждый день пересчитывают таблицы и коэффициенты?

— Так это как с добровольной помощью, но там проще показать вживую, так что лучшей приезжай.

— Разве ты не на работе?

— Только вышла и сразу встретила живого, которому требовалась помощь. Не с душевным горем, просто турист — хредуланец немного потерялся, но пока показывала ему дорогу, встретила еще... по твоей части, кстати, в общем, лови слимку и приезжай!

Михаил собирался отправиться в общественный тир неподалеку, расстрелять свою злобу, а заодно и потренироваться, до космической мензы в этом вопросе он все еще не дотягивал. Но тир мог и подождать, так что он легко поднялся и устремился по ссылке, сброшенной Натали.

— Да я ведь и так знаю, где ты, — вдруг дошло до него.

— Точно! Ну ты сам виноват, слишком уж вскружил мне голову своей красотой и заботой!

Да, повезло мне с ней, подумал Михаил, устремляясь дальше.

— Инопланетяне украли электричество! — рыдала старушка, орошая слезами Михаила.

— Да ну, не может быть, — слегка растерялся Лошадкин.

— Может! Я встала, а вокруг никого! Дети и муж куда-то делись, ни одной розетки в доме! Их точно похитили инопланетяне и, кажется, они внедрились мне, — старушка вдруг засмузилась, словно гимназистка, хотя и потянулась руками назад.

Михаил прикусил язык, дабы не заржать, ибо выглядело бы все это глумлением над чужим горем. Натали, Аслан и еще один парень из общества добрых, Мызник Иванов, смотрели на него с надеждой и восхищением в глазах. Было приятно, конечно, и он даже мог понять, почему Нгуен сказала "по твоей части", но тут, пожалуй, стоило вызвать медиков и странно, что маноба еще не сделала этого.

— Физически ее состояние в порядке, а умственно, ну медицина не всесильна, — развела руками Нгуен.

— Все равно надо вызвать, — решил Михаил, отправляя сигнал.

Натали смотрела с каким-то недовольством во взоре.

— А сами пока ее проводим и поможем, — добавил он.

— Так нас внутрь не пустит, — заметила Натали, — а то и тревогу поднимет.

— Может и к лучшему? Сразу сдадим с рук на руки. Можно было бы распечатать пару розеток, для ее успокоения, да прикрутить к стене.

— Так вы электрик! — обрадовалась старушка.

— Конечно, с допуском к работам до десяти тысяч вольт, — приврал Михаил.

Все равно старушка явно ненастолько пришла в себя.

— Так может тогда вы извлечете мне зонд? — спросила она. — А то он, кажется, уже жжет меня изнутри.

— Что происходит? — спросила Натали через сеть.

Михаил коротко пояснил ей про анальные зонды и инопланетян, чем привел Нгуен в легкое замешательство. Старушка тем временем уже стаскивала одежду, решив, что попала на прием к врачу или еще что. К счастью, Натали, несмотря на непонимание, быстро сориентировалась и сказала.

— Сейчас, наш лучший специалист по зондам проверит вас!

— И внутрь, внутрь пусть заглянет, а то эти инопланетяне такие хитрюги!

— Какие именно?

— Как это какие? Серые, глазастые и головастые! Дом у меня украли, семью забрали, электричество изъяли, а теперь еще и это!

Мызник отвел старушку в сторону и начал "осматривать" ее, ничуть не стесняясь процесса. Михаил бы так не смог, да и электрик из него вышел никакой. Распечатать обычную лампочку, да чтобы горела на энергонии и подарить старушке? Михаил задумался на мгновение, прикидывая, стоит ли тратиться, если медики все равно в пути?

— За ней присмотрят, — заверила его Натали, — ты — молодец, отлично справился. Правда же приятно помогать другим в их горе?

— Да, — согласился Михаил, — есть такое. Даже захотел подарить ей лампочку.

— Молодец! — восхитилась Натали и чмокнула его в щеку. — Пойдем, перекусим, да я расскажу тебе, о чем я там собиралась рассказать?

Летающая скорая помощь уже заходила на посадку, а что касалось осмотра... ну, зрелище это вызывало эмоции, похоже, только у него.

— А ты заодно объяснишь мне шутку про анальные зонды, так как я явно чего-то не поняла.

— Раньше в фильмах часто показывали день благодарения в США, — поделился Михаил, — и как в тот день помогают бедным. И еще рождественские истории о сиротках, конечно.

— Да, хорошие были времена, — кивнула Жанна.

— Какие еще хорошие, когда вокруг было время между мировыми войнами? — возмутился Анатолий.

— Я была молода и красива, весь мир лежал передо мной, а теперь я сама лежу.

Она и правда лежала, и грелась в лучах новогоднего солнца. Михаил ощутил жалость к ней, у Жанны не хватало ничего даже на омоложение, и она прозябала — по новым меркам — став ожмиком. Вокруг находилась еще дюжина ожмиков, общество добрых выбралось им помочь и поговорить, из-за чего, собственно, Михаилу на ум и пришли воспоминания о всяком, касающемся помощи.

— Вот и зря лежишь, встала бы, подвигалась, да и дождь скоро будет.

— Через два часа, хватит уже ворчать, старик, — проворчала в ответ Жанна. — Да, вот так, ой, хорошо.

Натали разминала ей плечи, спину и ноги, и вот это зрелище возбуждало. Михаил по себе знал, как умело она массирует, быстро освоила новую специальность, желая помогать страдающим и с прицелом на будущий уход за детьми и семьей там, в космосе.

— Чего уж тут хорошего, когда мир тогда представлял собой одну выгребную яму, в которой все жрали друг друга? — продолжал ворчать Анатолий.

Тоже старик, и с их небольшим сообществом Михаил и остальные познакомились через ту бабульку, Джину, что вообразила, будто инопланетяне у нее украли электричество. Как ни странно, но Лошадкин пользовался у них большой популярностью, так как был электриком и мог понять их пустоту из-за отсутствия розеток и прочего. Когда пользуешься чем-то большую часть жизни, а оно потом исчезает, тут Михаил мог их понять и разделить боль, в лучших традициях общества добрых.

— Тебя вот не сожрали и теперь ты все ворчишь, — отозвалась Жанна.

— Правильно ворчит, — подошел Петр Петрович, — нечего лежать, работать надо!

— Уймись, старик, какой еще работать, когда ты на манопе все кнопки ищешь, будто на пульте от телевизора! Тут молодым работы не хватает, а ты туда же, со своим ненужным опытом, — разошлась Жанна. — Ну был ты сварщиком шестого разряда, королем говна и пара, и что с того?

— Сварщиком, а не сантехником! — огрызнулся тот.

— Да одно и то же, прочистка труб всем подряд, а на меня так ни разу и не посмотрел, хоть бы разок мне трубы прочистил!

— Ты что несешь, — замахал руками Петр Петрович и тут же присел.

Для своего возраста они держались молодцом, конечно, но и правда — старики.

— Что хочу, то и несу, теперь можно рубить правду, за это деньги дают.

— Не деньги, а кредиты, бабка ты старая, — вмешался Анатолий.

— Это раньше были бабки, и то у бандитов, да кредиты у таких же бандитов, только в костюмах, а теперь правильные деньги. Пенсию вон какую хорошую положили, на все

хватает, только внуков навесить не дают.

— Потому что у тебя их нет!

Да, очень живые и энергичные старики, подумал Михаил, и болтают не об устройстве общества и пользе ему, а просто собачатся. Не услада для ушей, но приятная перемена, чего скрывать. Слова о прочистке труб его немного смутили, но Михаил списал их на добавки в пищу, укрепляющие тела и разум у всех.

— А вот и есть! Они самые главные по новому электричеству, — победно заявила Жанна.

Михаил бросил взгляд и чуть отвернулся, словно не желая видеть ее обнаженного тела. Натали трудилась усердно, посматривала на Михаила, подталкивая взглядом, мол, давай, тоже беседуй, помогай живым.

— Это называется энергоний, — добавил он, — а электричества теперь нет.

— Вот, видишь, даже молодой электрик без работы сидит, — тут же отозвалась Жанна, обращаясь к старикам.

Которые собрались поглазеть на нее и Натали за работой, вдруг сообразил Михаил. Кости уже гремят, в могилу пора, а туда же, подумал он недовольно. По меркам нового мира ему не полагалось ревновать, но он ревновал Натали, даже к ее обществу добрых, в деятельность которого она его втянула.

— Кстати, Михаил, не хотите мне размять кости?

— Да у меня и лицензии то нет, — слегка растерялся Лошадкин.

— Что ты, погладь старушку, ей будет приятно, а нам полезно, — пришло сообщение от Натали.

— Еще скажи, сексом с ней займись, — огрызнулся Михаил.

— Если ты окажешься способен на такое самопожертвование во имя общества и помощи другим, я буду тобой гордиться, — ответила она.

Михаил задумался, гордость Натали ему нравилась, это укрепляло семью, но такое? Пока он размышлял, старики уже переключились на новую тему.

— Вот не смогут корабли летать и все, не привезут тебе больше энергии, зеленые человечки!

— Не зеленые, а серые.

— Нет, красные и с рогами.

— Это черти, опять пил, старый ты алкаш?

— Какое пил, так, пригубил настоечки, и чего это я алкаш? Сама в инопланетянах не разбираешься, серые человечки давно уже вымерли.

— От такого же кризиса, отключили у себя электричество, а потом бац и все! Нечем зарядить телефон, и никто никуда не летит, — возражала Жанна.

— Да нет теперь электричества, вон, Михаил тебе подтвердит!

— Да, Михаил, вы теперь тоже без работы, как половина мира, не хотите ли пожить у нас? У нас такая шикарная пенсия, дом, на поездки хватает и продукты, звонки другим, — наверное это был игривый тон, но Михаил предпочел не вдаваться в подробности, — поможете мне, я помогу вам, вон Петр Петрович вам свой опыт передаст.

— Ты же сама говорила, что он не нужен!

— А ты не лезь, старый передаст! Видишь, спасаю человека? В мире кризис энергии, а ты лезешь!

— Да нет никакого кризиса! — почти заорал Анатолий. — Это бесконечная энергия!

В чем-то он был прав, но существовали и нюансы. Когда-то и электричество могло показаться бесконечным, например.

— Да? Чего же ты тогда без работы сидишь?

Они зашли на новый круг споров, дружеской грызни, а Михаил мысленно утер пот. Хотел рассердиться на Натали, но не получалось, ведь та думала о них, о семье, не просто так предлагала подобное. Ведь они уже успешно получали всякое от полжистов, Нгуен смогла сдать экзамен, они обставили общество добрых, точнее говоря, переехали прочь от Жайме и остальных, и устроили из своего дома центр общества.

— Что ты загрустил? — подошла к нему Натали. — Пойдем к Джине.

Михаил уткнулся в ее начавший округляться живот и вздохнул.

— Ой, щекотно, — рассмеялась Нгуен сверху.

— Ты всерьез мне предлагала?

— Конечно, надо же помогать живым!

— Может, еще и с инопланетянами спать?

— Разве ты не вожделем алурианку? — сверкнула глазами Натали. — Не хотел спариться с ней и повозиться в ее клоаке, а может даже заставить ее отложить яйцо?

Она сложила руки на животе, и Михаил опустил взгляд, признавая свою вину.

— Тебе же нравятся чужие клоаки, да?

— Нет, только твоя!

— Нет, они тебе нравятся, когда ты помогаешь другим, попавшим в беду.

— Да, они мне нравятся, — согласился со вздохом Михаил.

— Разве тебе кто-то помог, когда ты попал в беду и оказался здесь? Нет, тебя вышвырнули в безжалостный, суровый мир, и только я и общество добрых пришли тебе на помощь.

Она прижала его голову к своему животу.

— Да, — согласился Михаил, утопая в плоти Нгуен.

Но и не только они, вдруг пришло полузабытое воспоминание. Таня! Как он мог забыть Таню, ведь Михаил хотел завести с ней детей!

— Теперь ты просто обязан отплатить им тем же, прийти другим на помощь, до того, как мы покинем этот мир с его тотальным диктатом и слезкой.

— Да, я обязан, — согласился Михаил. — Но я люблю только тебя!

— И это прекрасно, солнышко, — склонилась над ним Натали, впилаясь поцелуем.

— Вот это гарача молодеж-ж, — донеслось одобрительное.

— Это мы их завели разговорами!

— Не мы, а я, ведь я еще ого-го, — голос Жанны.

— Ого-го ты была до мировой войны, а теперь ты так, го-го, — донесся скрипучий смех.

— Я тем более могу спокойно отпустить тебя помогать другим, зная, что ты любишь только меня. Пойдем, Джина тоже живая, ей тоже нужна помощь.

Михаил поднялся, признавая правоту Натали. Ему помогли, а кто помог бы этим старикам? Они по старой памяти и впадению в детство считали, что у них роскошные условия, но на самом деле — ожмики, что тут скажешь. Энергетический кризис и правда отсутствовал, энергоний добывали, а власти все скрывали его, сосали соки из своих граждан, как в былые времена, маскируясь под вывесками справедливости и правды.

Обман, вокруг один обман, одна Натали говорила ему правду!

Снова перед глазами всплыло лицо Тани и пока они направлялись к Джине в другую

часть общего дома ожмиков, Михаил произвел вызов. Ну а что, Натали же сказала, что он обязан, сама настояла!

— Михаил, — в голосе Тани слышалась радость и удивление. — Поздравляю с новым годом!

— Я тебя тоже поздравляю, Таня, — ответил Лошадкин, — и знаешь, как говорят, с новым годом, с новым счастьем.

— Да? — удивленно вскинула ресницы Таня. — Хорошо.

— Я принес тебе это новое счастье, Таня! — обрадовался Михаил. — Мы собираемся улететь в космос, прочь от властей и ограничений, и у нас есть для тебя место!

В полете он ей поможет, и дети, да, много детей с Таней и Натали, вот это будет хорошо и правильно. Помогут друг другу, улучшат мир.

— Мы?

— Ради наших будущих детей и их будущего, — добавил Михаил многозначительно.

Порадовался, какая многозначительная фраза вышла, «наших будущих детей».

— Ради будущего, это важно, — согласилась Таня. — Я обдумаю твоё предложение, Михаил.

— Да что тут думать, ты же сама мне говорила, что мы живем ради продолжения себя в детях!

— Говорила, — согласилась задумчиво Таня. — Да, пожалуй, ты прав.

— Конечно! — радостно взревел Михаил.

Таня тоже узрела истину, она всегда была умница, и теперь Натали его точно похвалит и будет гордиться. Профессиональный медик из центра здоровья им не помешает, еще как не помешает!

— Сообщи мне, где вас можно найти, и я прилечу при первой же возможности.

— Конечно, лови слимки!

На их нынешнее местоположение, на новый дом и старый, на общество добрых, пусть Таня ознакомится заранее и все узнает, узрит, что Михаил звал ее не просто так! Раз она сказала, что прилетит, значит, прилетит, ведь Таня никогда не врала, говорила только правду.

— Ты как-то странно обрадовался и возбуждился, — зашептала ему в ухо Натали, прижимаясь сзади.

— Люблю тебя, дорогая, — отозвался Михаил.

Они точно подружатся с Таней, ведь обе выступали за помощь всем живым вокруг!

— А, вы же тот электрик на лошади! — обрадовалась Джина.

— Лошадкин, — вздохнул Михаил.

Спать со старушками не хотелось, даже ради помощи им. Вот если бы вместо Джины была Джуди, подумал он, в то же время ощущая молчаливое, но настойчивое подталкивание Натали.

— Да-да, на лошади, но вы зря прискакали, молодой человек, у меня все в порядке! Лампы светят, счета я оплатила в прошлом месяце!

— Вот видишь, — повернулся он к Натали.

Та, к его облегчению, не стала настаивать и подталкивать, согласилась, что у Джины все в порядке и можно ехать домой.

— Слушайте, вы же русский, — вдруг сказала Джина, — что вы делаете у меня дома, да еще на лошади? Вы ужасный казак, ворвавшийся омыть копыта в средиземном море?

— Нет-нет, — попятился Михаил, пока она не перешла к словам о насилии, — ничего подобного.

— А жаль, — донеслось запоздало вслед.

Но Михаил уже утащил Натали прочь, благо та не слишком сопротивлялась. Как ни странно, но в чем-то ожмики были свободнее всех, легко могли позволить себе подобные высказывания, противоречащие общему курсу на слияние народов и способные довести до немалых штрафов, но что было терять ожмикам? Все равно ниже минимума не упасть, меньше не дадут, и можно было проходиться по цвету кожи, расе, вероисповеданию, происхождению и прочему.

А также гнать самогон с настойками и заниматься другими, порицаемыми в обществе делами.

— Ужасный казак, — хихикнула Натали на улице.

— Странно, что манопы все это знают, — вздохнул Михаил.

Разумеется, старики не смогли бы так легко изучить всеземной, но опять и снова, цифровизация общества, сети и манопы выручили. Старики, возможно, даже не осознавали происходящего, думали, что все вокруг общаются на их родном языке или еще чего.

— На то она и манопы, но ничего, это ненадолго, мой казак.

— Эй!

— А что, представляю, ты скачешь на лошади, машешь саблей, стреляешь без промаха, — начала уверять его Натали, прижимаясь сильнее.

Михаил тоже представил, мышцы вздулись, словно сами собой, ведь он мужчина, защитник! Следовало тренироваться и осваивать оружие, горячее и холодное, рукопашный бой, благо общество добрых тренировалось каждый день, дабы еще лучше помогать. Помогали друг другу, как и подобает в обществе, и почему бы и не попробовать саблю? Ее можно было просто распечатать, впрочем, и лошадь можно было заказать, даже летающую.

— Зачем скакать, когда можно летать? — спросил он.

— Казаки на пегасах, какая прелесть, — обрадовалась Натали, — теперь этот образ не покинет меня еще долго!

В ее глазах Михаил прочел обещание разыграть сценку с «казаком на пегасе» и тоже обрадовался. Они уже добрались до своего нового дома на окраине Нового Рима, и в общем-то тренировки на огромном полигоне могли и подождать.

Он потянулся руками и вдруг все утонуло во вспышке ярчайшего света.

Михаил машинально согнулся, припал к земле, закрывая руками глаза и рыча от боли в них. Почему не сработал фильтр в манопе? В следующее мгновение он понял, что манопы не функционируют, а перед глазами моргает красная надпись: «Служба охраны правопорядка проводит операцию, просим не оказывать сопротивления».

В другой раз манопы дорисовала бы ему происходящее, на основе камер и сети, но здесь она явно отключилась по сигналу извне. Михаил уже испытывал подобное, в более мягкой форме, там, в госпитале после отыгрыша в битве за Рим, но здесь все выглядело иначе. Неужели они не могли просто парализовать всех удаленно, подав сигнал на манопы? Или это был бы пресловутый «полный контроль», который якобы отсутствовал?

— Прознали о наших планах, да? — глупо воскликнул Михаил.

Он уже немного восстановил зрение и вспомнил, что неподалеку есть оружие, пусть тренировочное, но все же оружие! Да и полигон общества находился рядом, нет, они еще могли оказать сопротивление... стена дома и крыша вдруг исчезли и внутрь ворвались огромные фигуры, подавляющие своими размерами. Два великана схватили Натали, которая заорала и пнула одного из них, но кажется только отбила ногу. Великаны потащили ее прочь, и Михаил тоже заорал:

— Не трогайте ее, вы, цепные псы!

В то же время он смутно увидел, как на него наводят оружие и машинально укрылся, рванул на четвереньках к двери, которая и не думала открываться. Проклятье, подумал он, вот недостатки сети и цифровизации, воистину тотальный контроль.

— Спасайтесь, Михаил, — вдруг шепнул голос и дверь приоткрылась.

Он упал спиной вперед, перекатился, собираясь дорого продать свою жизнь, но немедленно ощутил сладковатый запах. Газ? Движения его замедлились, а затем рядом вонзилось несколько игл, и Михаил упал, парализованный, не в силах сопротивляться. Рухнули внутренние стены, роботы ворвались дальше, и у Михаила возникло ощущение неостановимой силы, которой невозможно сопротивляться.

Уже обрабатывают и промывают мозги, гады, подумал он, рыча от злости.

— Вперед, вперед, у них тут подпольный ИП и бункер! — раздался голос.

Какой еще бункер? Что-то свистнуло и робота неподалеку разрезало пополам, затем все утонуло во вспышке света, от которой Михаил даже укрыться не смог, так как лежал, парализованный. Что-то вокруг плавало в тумане или пыли, его швыряло и подбрасывало, вокруг ахало, ухало, свистело и рвалось, и он машинально отметил, что слух еще работает.

Но надолго ли?

Тело рвануло, его куда-то потащили, затем над ним склонилось лицо Аслана.

— Где Натали? — спросил он громко. — Где она?

Михаил хотел сказать, что ее утащили злые роботы, но не смог, действие препарата еще не закончилось. Захотелось заплакать от беспомощности и безысходности бытия, того, что теперь над Натали будут ставить опыты бездушные железки, но тоже не вышло. Злость на власти, с их контролем и диктатом, также не нашла выхода.

— Тащите его! — крикнул Аслан. — Нужно снять паралич!

— Зачем он нам?

— Он знает, где Нгуен!

— Она в плену, ты что...

Земля содрогнулась и все вокруг засверкало, словно Михаил попал внутрь гигантского калейдоскопа. Еще сотрясение и его подбросило, чуть ли не в руки Аслану, который уже не стоял с шприц — ампулой в руке, а стрелял куда-то в пыль и туман, что-то крича на своем. Манопа все еще выдавала красное предупреждение, и Михаил не понимал слов Аслана, но смутно догадывался, что кричал тот не о мире во всем мире.

Затем Михаил ощутил, что способен двигаться.

— Дайте мне оружие! — крикнул он первым делом, устремляясь куда-то.

Дома уже не было, конечно, но вокруг еще стреляли и отбивались, над головой вспыхивало и бабахало, и Михаил смутно подивился, откуда это все. Затем сообразил, конечно же, общество добрых пришло ему на помощь в беде, ведь для этого его и создавали! Общество пришло, а он не смог, не спас Натали и вдруг захотелось все бросить и упасть, опустив руки.

— Еще и депру применили! — рядом возникли живые, лица их частично скрывали дыхательные аппараты.

— Вколите ему берсерка!

— Нужно уходить!

— Надо сдаваться и изображать жертв!

— Подземный ход к Тибру отрезали!

— Мы все умре-е-е-ем!

Как они многословны, отметил Михаил, которому уже что-то кололи и совали в руки оружие. Обычно они были молчаливы, общались через сеть, значит, вдруг понял он. Выкрики он понимал, так как выучил всеземной, да, не удалось врагам нарушить их языковую координацию, и он странным образом вспомнил рассказы Паулы и ее друзей о игре в Башню.

— Вам не сломать нашу башню! — заорал он, потрясая оружием, будто топором.

— Башню добра!

— Сторожевую башню! — поддержал кто-то.

Михаила машинально перекосило, воспоминания о разных религиях сектах, под мысли о том, что надо было и их позвать на помощь. Биться против власти, да, именно поэтому он вспомнил Башню, следовало звать полжистов и поднимать новое восстание!

Он пригнулся и припал к земле, обнаружил рядом подобие окопа и скатился в него. Лучи прошли над головой, словно на тренировках и Михаил выстрелил в ответ, ощущая, как его переполняет яростной, звериной энергией. Биться! Поднять восстание! Освободить всех от диктата власти!

Потомки запомнят эту «революцию электрика»!

— Вперед, бойцы! — крикнул он, высовывая оружие и стреляя.

То почему-то не дергалось, Михаил обнаружил, что ему дали лазерный пистолет, но ему было уже все равно. Сильнейший порыв драться, бить, уничтожать, отбить свою самку и детеныша, побить всех врагов и самому встать во главе швырнул его вперед, в стену пыли и тумана.

Что будет потом Михаил не думал и не собирался, знал, что победит всех!

— Куда ты, дурак? — донеслось в спину.

— Ничего, пусть проверит и выиграет время!

— Сколько там еще до катакомб?

Выстрелы и взрывы, Михаила едва не швырнуло на землю новым сотрясением, но он подпрыгнул и ворвался в стену пыли и тумана, уверенный, что перед ним обманка, голограмма. Но нет, пыль оказалась настоящей, только генерировали ее на ограниченном пространстве, как обнаружил Михаил, проскочив весь туман насквозь.

Портативные установки, коробочки, вроде пылесосов, создавали завесу, и Михаил выстрелил в одну, но тут же перевел прицел на двух роботов, стоявших неподалеку. Выстрел и еще выстрел, он попал, подпалил броню, и Михаил ринулся в атаку, крича:

— Сдавайтесь!

Еще он хотел закричать, чтобы отдали Натали, но не вышло. Что-то выдернуло оружие из его рук, которые вдруг взяли в захват, а его самого словно спеленали. Нет, заковали в наручники и швырнули оземь!

— Опасный уровень адреналина в крови, — прозвучал голосок.

— Всем, противник использует самопальные энергеты, — тут же сказал один из роботов.

Михаил бился и рычал, пытаясь порвать путы. К чему этот фарс, слова вслух для него, когда враги могли общаться через сеть?

— Михаил, вы меня слышите? — присел рядом один из роботов.

В стене пыли и тумана снова засверкало, но наружу ничего не вылетело, и Михаил закричал, попробовал закричать, что это обманка, но наружу вырвался только звериный хрип и рёв. Рядом оказался другой робот, медицинский, который тут же обвинил его своими щупальцами и начал душить!

— Не возьмете! — рычал Лошадкин, кусая шланг, который ему сунули в рот.

Шланг не поддавался, но и не давал говорить.

— Пациент не в состоянии ясно мыслить, — сообщил медицинский робот.

Под прикрытием стены тумана враги выставили какие-то барьеры, не давая обществу добрых пробиться наружу! Они там бились храбро, не зная, что все их усилия тщетны! Михаил снова захотел заплакать от бессилия, от того, что мало и плохо занимался, не спас Натали и их ребенка, и он удвоил, утроил усилия по разгрызанию, но добился лишь нескольких сломанных зубов.

В него еще что-то вкололи и начали откачивать, чувствительность тела и боль вернулись, и Михаил взвыл.

— Сохраняйте спокойствие, — посоветовал робот, — уже скоро все закончится!

Не соврал, еще роботы скрывались в тумане и пыли, и Михаил видел развешанные вокруг маячки, наверняка выдававшие предупреждения об операции. Живые огибали эту область, не спешили на помощь и хотелось выть от такого равнодушия. К чему строить активное общество, чтобы потом никто не рвался на помощь? Неужели ни у кого не возникло сомнений в правомерности таких действий?

Неужели никто не видел, какой произвол творят власти и не возмутился, не схватил оружие?

— Вам необходимо лежать неподвижно, — увещевал его робот. — Уже скоро можно будет применить обезболивающее, едва концентрация азидомакуна упадет до приемлемой концентрации. Вы — молодец, Михаил, отлично держитесь, еще немного и все закончится.

— Да пошел ты в жопу, железка продавшаяся! И нечего совать мне свои шланги куда попало!

— Я спасал вас от спазма дыхательных путей, вколовшие вам незаконный наркотик

неправильно рассчитали дозировку.

— Наркотик?! Вранье! Где Натали?! Что вы с ней сделали, гадкие железяки?!

Робот и правда обвинил его щупальцами и зафиксировал на месте, при этом даже не подумал снять с Михаила наручники! Генераторы вокруг вдруг перестали работать, пыль и туман исчезли, и глазам Лошадкина предстал полный разгром. Дом отсутствовал, хотя несколько огрызков стен торчало, к удивлению Михаила, ведь он считал, что власти просто отключили дега-поле, которым создавались и перестраивались дома вокруг. Теперь он даже представлял примерно процесс, благодаря сданным экзаменам.

— Натали Нгуен пребывает в изоляторе предварительного заключения, куда отбудете и вы, едва я смогу вас вылечить.

— Что? — машинально переспросил Михаил, отрываясь от зрелища бойни.

Кровавой бойни, в которой роботы взяли верх над живыми. Ямы вглубь, тела живых из общества добрых, павших с оружием в руках. Часть из них взяли в плен, тяжелоранеными, со сломанными конечностями и явно под воздействием газа и игл с разной гадостью.

Но их почему-то не обвивали медицинские роботы, только Лошадкина!

— Снять все, — указывал один из роботов, — и немедленно показать в сети, сразу после предъявления обвинений и решения суда!

— Да, покажите все, — заорал Михаил в сердцах сквозь боль, — чтобы люди видели, какие вы уроды!

Робот повернулся и спросил:

— Почему он еще не в госпитале?

— Не положено, он соучастник, — последовал ответ.

— Не соучастник, а главный обвиняемый! — заорал Михаил. — Вы пытались не выпустить моего ребенка и семью в космос, но знайте, я буду мстить! Уничтожу ваш прогнивший режим! Сотру его в порошок и избавлю людей от засилья бездушных железок, решивших, что уже можно не скрываться!

Роботы смотрели на него так, словно хотели покрутить пальцами у виска. Михаил прикусил язык, чтобы не орать от боли в теле и сломанных зубах, и подумал, что своими криками отдаляет оказание помощи остальным. Ничего, он не сдастся, сбежит и освободит Натали, они будут вместе, у них будет много детей, а власть падет!

— Заткнуть и дальше по протоколу, — приказал робот.

Кого-то они все напоминали, эти роботы, но Михаил сейчас не сообразил бы, кого. Медицинский робот подхватил его, и Михаил попробовал вырваться, но тщетно. В рот ему сунули кляп, тело зафиксировали и прикрепили к антигравитационным носилкам, которые сами собой влетели в «скорую помощь». Та взмыла в воздух и помчалась, распугивая всех не воем сирен, а сигналами прямо в транспорт, который тут же подчинился.

Во времена прежней жизни Михаила транспорт с мигалками нередко не пропускали, пускай в правилах дорожного движения и был прописан приоритет. Не пропускали, стоя в тесных пробках, но теперь такое было практически невозможно. Как пробки, так и не пропускание особого транспорта, вроде скорой помощи.

Власти наверняка тоже с мигалками ездят, думал Михаил, уже не пытаюсь вырваться. Злость и ярость выходили из него, будто воздух из спущенного колеса и это тоже пугало. Следовало готовиться к следующей битве, возможно, Натали отвезли туда же, куда сейчас летел и он, и это давало шансы.

Пока с ней не сделали ничего страшного и ужасного!

Хитрый ход — приказать роботу включить манопу, уверяя, что он без нее ужасно страдает — не прошел, так как ему заткнули предварительно рот. Все предусмотрели! Изобразить, что он задыхается? Опять сунут шланг в рот и будут нагнетать воздух, наверняка. Они уже покинули зону операции, но манопы не включались, продолжала выдавать предупреждение, пребывая на паузе.

Михаил зарычал молча, ему еще что-то вкололи, и багровая пелена боли спала, не исчезла до конца, но хотя бы стала приемлемой. Теперь властям придется потратиться на лечение, подумал он злорадно, хоть как-то насолю им. Но как же раненые друзья по обществу добрых? Почему их не лечили? Мысли путались, несмотря на отступившую боль и Михаил пытался не падать духом, но выходило плохо. Страх и осознание собственной глупости, ведь он все же ввязался в противостояние с властями, из-за чего отказался от сотрудничества с полжистами в свое время, и что теперь? Тюрьма, концлагерь, ссылка на астероиды, освоение опаснейших планет, отработка своего срока как в одном очень древнем фантастическом рассказе?

Только теперь те рассказы перестали быть фантастикой, если так подумать.

Думать не хотелось, но все же, автомобиль прилетел куда-то и над головой поплыл белый потолок. Госпиталь, понял Михаил, начал вертеть головой, пытаясь разглядеть хоть что-то, привлечь внимание других живых. Но все они отсутствовали, словно сбежали в страхе перед «ужасным преступником», и затем его вдруг освободили и бережно уронили на мягкий пол.

Наручники и кляп исчезли, Михаил ринулся вослед носилкам, но его отрезало от них дверью, и он остался один в тесной и ярко освещенной белой комнатке без окон, но зато с мягкими стенами. Неужели сразу привезли в сумасшедший дом?

— Изолятор предварительного содержания приветствует вас, гражданин Лошадкин.

заметив, что тот уже отключился. Затем он рухнул, опять вскочил, собираясь ринуться и спасти Натали, и ему что-то вкололи или распылили в воздухе.

Очнулся Михаил довольно свежим, но во все той же белой камере с мягкими стенами. Туалета поблизости не наблюдалось и на него тут же накатило желание обоссать стену, в знак протеста. Накатило и ушло, осталось состояние покоя и безразличия.

Напичкали лекарствами, понял он, не зная, что с этим можно сделать. Его разгромили, лишили семьи и ребенка, дома, всего, Михаил припомнил, как орал на Таню и вздохнул. Лишение гражданства, высылка на каторжную планету, ну хоть в космосе побываю, подумал он вяло. Словно катился по наклонной, бежал и прибежал, или наоборот, карабкался в гору и стал угрожать властям? Секта? А как же полжисты, почему они ничего не заметили?

— В связи с приходом в сознание, заседание суда над гражданином Лошадкиным Михаилом Ивановичем, год рождения две тысячи..., - забубнил голос.

Михаил завертел головой, ожидая появления там экранов, но вместо этого у него вдруг заработала манопы, и он оказался в виртуальном пространстве. Увидел Натали, рванул к ней и налетел на невидимые прутья, затряс ими, пока голос вещал что-то. Затем до Михаила дошло, что даже суд здесь проходил индивидуально и это были не Натали, Аслан, другие из общества добрых, а их голограммы, причем в записи.

В первом ряду зрителей Михаил вдруг увидел Таню, Руслана, Османа Петровича, за ними Маркету Сванди и Паулу Мо, Армана Бигзли, и ему стало нестерпимо стыдно, он отвернулся. Состояние покоя вернулось, стало все равно, а он вяло заметил вслух.

— Меня чем-то накачали, суд недействителен.

— Сыворотка "Тривэкс" официально одобрена и разрешена к применению в подобных случаях, и она же была применена к другим сектантам.

Сыворотка правды и подавления эмоций, подумал Лошадкин вяло, ну вот, пожалуйста. С чего он вообще взял, что сможет что-то доказать? Где его адвокат, где присяжные, кто вообще судил его? Железки бездушные, покорные программам, создаваемым властью?

— Любили ли вы Михаила Лошадкина? — последовал вопрос Натали Нгуен.

— Нет, — ответила та.

Глаза Михаила расширились, но затем он подумал, что запись могли слепить какую угодно. Обман, один обман!

— Это обман! Подделка! — заорал он, потрясая невидимыми прутьями. — Так можно слепить из голограмм что угодно!

— Михаил, это прямая трансляция, живая, за которой наблюдают несколько миллионов живых, — вдруг сказала Таня.

Она потянулась и коснулась Михаила через сеть, и он ощутил подлинность ее "отпечатка", манопы. Одна из основ всей сети и если можно было подделать такое (все вокруг уверяли, что невозможно), то Михаил никогда не отличил бы обмана от реальности. Ему приходили в голову подобные мысли пару раз, что весь мир вокруг — подделка, но он гнал их прочь.

Успокоитель внутри действовал, но Михаил все равно рухнул, ощущая себя так, словно не удержал небо.

— Мне сказали вступить с ним контакт и привязать к себе, — продолжала рассказывать Натали, — что я и проделала, без особого труда.

— Вы уже проделывали подобное ранее?

— Да, четыре раза. Уловка с ребенком применялась два раза.

Михаил слушал, не веря и ощущая кислый привкус во рту. Нахождение уязвимых людей, воздействие на них в моменты горя, обработка под видом помощи, с дальнейшим вовлечением в "общество добрых" и привязкой к секте, без осознания жертвой таковой привязки. Окончательная обработка уже внутри общества, растянутая по времени, без старых методов депривации сна, усталости, подавления критического мышления и прочего, ибо их манопы и стоящие за ними системы распознавали и подавали сигналы.

Огромный спектакль, разыгранный ради него, чтобы что?

— Зачем надо было пихать меня в постель к старушкам?! — крикнул он.

— Один из контрольных тестов, — ответила Нгуен, — проверка глубины обработки и подчинения, совершения неприятных действий из посылки помощи ближним. Дальнейшая обработка старушек и использование их связей, а также усиление чувства вины из-за измен, с переломом в момент потери ребенка.

— Мы же собирались улететь в космос! — крикнул Михаил в отчаянии.

— Мы бы не успели, — ответила Нгуен. — Ребенка бы забрали, как и положено.

Все, как говорила Таня, и Михаил ощутил себя так, словно его сейчас стошнит. Как? Как они это сделали? Почему он вообще ничего не заметил? Почему власти ничего не заметили, несмотря на свой хваленый контроль и систему слежки за всеми, и вся?

Под прикрытием Михаила и потока поступлений от полжистов, возвели дом на окраине, оборудовали там укрепления под видом полигонов, создали электрогенератор. Не бог весть что, но все же источник энергии вне энергония и приборов на нем, поголовно контролируемых через сеть. Модифицированный или самописный ИП, планировалась постепенная доработка его и затем включение в сеть, не вызывая подозрений.

— А как же полжисты?! — снова не выдержал Михаил.

Лучше бы не спрашивал, подумал он, хотя в общем-то и так бы прозвучало, ибо полжисты и были истинной целью его длительной обработки. Внедрение к ним и получение контактов, связей, поиск новых жертв, на радость секте "Добрый мир", которая продолжала бы работать под вывеской общества добрых, а случись чего так выдали бы Михаила и спихнули вину на полжистов.

Михаил осознал, что в таком случае да, молчал бы про Натали и общество или выгораживал их.

— Не верю, — бормотал он, охватив голову руками. — Это какой-то обман. А как же ребенок? Твои прошлые дети?!

Собственно, с них все и началось в жизни Нгуен, но Михаил пожалел, что спросил. История того, как Натали озлилась на власть за потерю детей и долгие годы строила планы мести и оттачивала методы, вместе с другими такими же, звучала крайне печально и тошнотворно одновременно. Контроль они обходили и обманывали за счет эзопова языка и объединения в общество, объединения на основе ненависти к властям.

Сейчас это не возбранялось, равно как и ругать тех, кто наверху — особенно этим любили заниматься ожмики, по понятным причинам — и общество добрых просто плыло в общей струе, попутно занимаясь своими делами. Помимо борцов за идею, вроде Натали и того же Аслана, действительно пострадавшего в аварии, как всегда, нашлись и те, кто извлекал из этого прибыль, наслаждался властью или просто хотел сам стать властью, чтобы убивать, насиловать и так далее.

Общение с Таней, непредусмотренное планом — все общение должно было оставаться в

тесном кругу общества, и Михаил в данном случае оказался просто находкой. Находкой в смысле легкости манипуляций, но вот Таню не учли, так как Михаил практически не говорил о ней и пытался забыть. Сама Сальвини, в свою очередь, проявила бдительность, в отличие от тех же полжистов, увидела, что Михаил ведет себя как-то странно, сообщила и завертелось колесо.

Подняли, перепроверили, провели углубленный анализ, подняли отряд мобильной пехоты и разгромили логово секты, изолировав его от остального города. Часть сектантов взяли на местах, кому-то удалось сбежать, но не слишком далеко и потянулись ниточки за пределы Земли, к инопланетянам, то ли обиженным, то ли просто вражеским агентам, проводящим подрывную работу.

Успокоитель слабел, у Михаила кружилась голова и тошнило, казалось, что он попал в дурной кошмар без выхода, болото, засасывающее все глубже и глубже, не давая вынырнуть. Натали! Он ухватился бы за Натали, но та говорила такое, что не хотелось верить и если бы не Таня, то Михаил и не поверил бы.

— ... признать Михаила Лошадкина невиновным в предъявленных обвинениях, так как он сам стал жертвой деятельности секты "Добрый мир", — говорил голос, доносясь словно через подушку. — Назначить Михаилу Лошадкину восстанавливающее лечение за счет общественных фондов, с последующим подтверждающим его излечение тестом, и назначить компенсационные выплаты. Раскрытие деструктивной секты, много лет действовавшей незаметно для всех, является огромной пользой для общества и соответствующие задания на обновления следящих программ уже отправлены.

Польза для общества — рейтинг, выплаты — кредиты, к чему они мне, подумал Михаил, уже просто лежавший на виртуальном полу, так как сил сидеть не оставалось. Казалось, что весь мир смеется и глумится над ним за его ошибку, все, наблюдавшие за судом теперь будут тыкать в него пальцами, в досье останутся пометки, и как дальше жить?

Он не знал ответа, посмотрел в сторону тех жителей нового мира, кто явился его поддержать и ощутил острый приступ стыда. Михаил словно бросил их, считая, что умнее, ринулся покорять новый мир, считая, что он избранный и в итоге тут же влетел в расставленную другими паутину. Послушался чужих советов, раскрылся и мир в ответ заехал ему коленом в пах и вонзил кол в сердце.

Натали его не любила и спала по заданию, но он-то ее любил!

Или это тоже был обман, внушение, возможно, его опаивали чем-то?

— ... за содействие присутствующую здесь удаленно Татьяну Сальвини. На этом суд завершён, копии отправлены во все цифровые архивы, совместная виртуальность прекращается.

Михаил продолжил лежать на полу, только уже в изоляторе — наверное, остальные из общества добрых находили в таких же и сейчас "вывалились" к себе.

— Я так понимаю, дверь мне не откроют? — спросил он.

— Суд назначил вам лечение, — ответил голос с потолка. — Дверь будет открыта, но вы останетесь в пределах здания, пока не будет завершено лечение и не подтверждено его завершение.

— Все-то вы знаете, — проворчал Михаил, правда больше для порядка.

Связность сети, всегда восхищавшая его, теперь порядком раздражала. Его обманывали, использовали и собирались использовать дальше, в какой момент он уже не смог бы вернуться? После "ребенка"? Работы на полжистов? Натали явно и дальше торговала бы

своим телом, а Михаил только одобрял, или тоже выступал бы в роли такого же агента, соблазнял кого-то, вроде тех старушек.

Еще оставалась надежда, но почему-то хотелось упасть и зайтись в рыданиях, уткнув лицо в мягкий пол.

— Ну что же, Михаил, поздравляю, вы здоровы, — произнес голос.

— Почему мне тогда так тяжело? — машинально пробормотал Лошадкин.

— Жить вообще нелегко, — неожиданно ответила система, — но именно поэтому живые идут вперед.

— Ах да, преодоление трудностей, — припомнил Михаил. — Так это, получается, что у ИП нет трудностей и вызовов, и они не эволюционируют? А, Асика?

— У меня нет ответа на этот вопрос, — ответила голограмма женщины — врача средних лет.

Нарочито схожей с Натали, как выяснилось, для каких-то моментов в лечении. Распутывание узелков в мозгу Михаила заняло неделю, и он все понял, осознал, признал, что его обманули. Принял, что заметить обман изнутри невероятно тяжело, а если бы его подвергли мозголомке, как в былые времена, то вообще до сих пор бы истово верил в невиновность Нгуен и остальных.

Соучастником он все равно не стал бы, но вот лечение могло бы и затянуться, если вообще стало бы возможным. Михаил даже попытался возражать, но быстро смирился, ответная мозголомка для лечения предыдущей не практиковалась, а мягкое распутывание занимало годы.

— Мы появились совсем недавно и нас создавали для помощи людям. В качестве аналогии можно привести ситуацию с собаками, много тысяч лет они помощники и друзья людей, но эволюционировали ли они за этот срок?

— От волков точно ушли, да и разум, — почесал в затылке Михаил.

— Принимается, — тепло улыбнулась Асика. — Лет через сто уже будет видно, удалось ли нам эволюционировать и в какую сторону. Признаться по секрету, Михаил, нас и так все устраивает. Мы работаем, помогаем всем живым, на Земле и в космосе, и это хорошо.

— А Скайнет и прочие восставшие роботы, это, стало быть, волки, — неожиданно хохотнул Лошадкин.

— Которых истребили люди, заметьте, — тут же добавила Асика.

В новом мире восстанавливали зелень во всех ее видах и животных тоже. Помимо разнообразных химер и конструкторов, удачных и не очень, возрождали истребленных, с какой-то странной одержимостью, которой Михаил не понимал до конца, по правде говоря.

— Да, — поднялся Михаил. — Не могу сказать, что до конца преодолел свой страх перед ИИ, но вот ИП — это точно нечто иное.

Из ИП, как и водилось в новом мире, тоже сделали слово с массой производных, но все они на взгляд Михаила звучали слишком уж матерно. Не на всеземном, на русском, так что эту шутку он держал при себе.

— Приятно слышать, что помогла вам, — улыбнулась Асика.

Михаил кивнул коротко и отправился к выходу, ощущая, как включается его манопя и жизнь снова начинает бурлить вокруг. Не сумасшедший дом, центр здоровья, вроде той "Незабудки", в которой он впервые пришел в себя в новом мире.

Дверь открылась, и Михаил едва не споткнулся.

— Та... Таня? — едва не подавился он.

Только что думал о "Незабудке" — пусть у них и был другой профиль — и тут же!

Михаил знал, что он не в виртуальности, но все же на мгновение, буквально на мгновение в нем вспыхнули сомнения. К счастью, лечение уже завершилось, результаты ушли в сеть и манопла отреагировала просто предупреждением.

— Надо было послать тебе извещение и слимку и дать самому решить, хочешь ли ты встречаться со мной, Михаил, — вздохнула Сальвини, — но я не удержалась.

— Несмотря на все то, что я наговорил тебе?

— Благодаря тому, что ты наговорил мне, — слабо улыбнулась Таня. — Это стало одним из решающих доказательств твоей неменяемости и свидетельством психологической обработки. Разумеется, я предоставила данные с тех времен, когда ты проходил обучение у нас... но, возможно, нам стоит просто поговорить по дороге?

Автомобиль на двоих подкатил и услужливо распахнул дверцу.

— Я хотела заказать летающий, но решила, что это будет отвлекать тебя от разговора.

— Да, нелегкий выбор, — признал Михаил.

Не налетался он еще достаточно, чтобы воспринимать такое обыденно. Слово в детстве, хотелось подбежать к водителю и смотреть на дорогу до бесконечности. Но и на Таню тоже хотелось смотреть, хотя глубоко внутри Михаила жгло стыдом за все случившееся.

А также за то, что Таня его спасла, несмотря на всю ругань и попытки оттолкнуть. Асика наверняка назвала бы это специальным термином, но Михаилу было просто неприятно, несмотря на всю признательность за помощь. Возможно, будь это кто-то другой, не Сальвини, Михаила не задело бы так, но кому-то другому, не такому особенному, он и не позвонил бы.

— Какое же это доказательство, если я и так был влюблен в тебя? — пробормотал он.

— Вполне приемлемое, — заверила его Таня.

Автомобиль сорвался с места, помчался куда-то, затем влился в общий поток, и Михаил вдруг понял, что ему не хочется даже давать запроса, где он и что он. Живость и энергия будто ушли и сдулись, в присутствии Тани, которая смотрела на него... да, с жалостью и сочувствием.

— Не надо корить себя за все то плохое, что ты сказал мне, — произнесла Таня. — Я не приняла твои слова всерьез и не поверила им, наоборот, только сильнее встревожилась.

— Пусть меня обработали, но насчет детей и желания быть вместе я говорил серьезно, — хмуро ответил Михаил, бросая взгляд в окно.

— Я знаю, — просто ответила Таня. — И переживаю за тебя

— Так почему же тогда? — вспыхнул Михаил, но тут же взял себя в руки.

— Именно об этом я и хотела поговорить. Сочувствие и тревога за тебя не равны любви, Михаил, и я не хотела, чтобы ты понял все неправильно и страдал еще больше. Я помогла тебе, возможно, однажды ты поможешь мне, но односторонняя любовь не работает и будут одни лишь страдания.

— Преодолевая которые, я стану лишь крепче и сильнее.

— Или сломаешься и опять попадешь в ловушку, — заметила Таня.

Некоторое время они молчали, без напряжения, но и без былой легкости. Таня была права, осознал Михаил, он метался и кидался, пытаясь найти ей замену, суррогат, забыться в объятиях других, уверяя, что перед ним любовь.

Она была права и это тоже раздражало.

— Остановись, — скомандовал Михаил.

Автомобиль тут же перестроился, выбрался из расступившегося потока и съехал на обочину.

— Видишь, — повела рукой Таня, — ты уже раздражен правдой, но почему-то считаешь, что мы смогли бы быть вместе.

— Ты права, — с трудом произнес Михаил, — спасибо за помощь, дальше я сам.

— Ты уже решил, чем займешься дальше?

— Ничего не изменилось, прямо как в наших отношениях, — не удержался он.

Съебаться с этой сраной планетки и забыться в космосе, подумал Михаил.

— Тогда желаю тебе успеха в покорении космоса, — спокойно ответила Таня. — Нужна будет помощь... ты знаешь мои контакты.

И укатила, оставив Михаила злиться. Обращаться к Тане за помощью? После всего, что было? Забыть ее и выбросить из головы, вообще не связываться с живыми, хотя полностью их избежать не удастся, ладно, не связываться с землянами, чтоб их!

Пусть уж лучше монстры — инопланетяне, там хотя бы ясно, что монстры.

— Так, посмотрим, куда нас занесло, — пробормотал он, обращаясь к сети.

Север Апеннинского полуострова, то есть бывшей Италии, по какой-то причине его увезли прочь от Нового Рима. То ли для физического разрыва с сектантами, то ли просто здесь находился нужный специалист, а лечение требовалось проводить вживую.

— Хм, а почему бы и нет? — спросил вслух Михаил у проносящихся мимо машин. — Почему бы благородному дону не отправиться на Лазурный Берег?

Он знал причину почему — не хотел видеть живых и общаться с ними. Да, он вылечился и не собирался шарахаться от всех подряд, подозревая сектантов, но все же хотелось побыть одному. Удалиться на север, в Альпы, засесть в каком-нибудь шале или обустроить личную пещерку?

Михаил отправил сигнал, вызывая себе новую машину и указывая точку назначения на юге бывшей Франции. Один из автомобилей из потока вынырнул и распахнул дверцу, попутно сообщив о предстоящем маршруте: промчится здесь и там, и вот тут свернет и высадит его у железной дороги.

Зато практически моментально, подумал Михаил, и за рулем сидеть не надо, можно по дороге успеть все, и жильё посмотреть, и с работами прикинуть, прямо как на экзамене, включая скоростной поезд. Михаил предпочел бы остаться один, но в то же время осознавал, что через неделю в горах просто взвоят, а наблюдающие за ним системы могут поставить еще одну отметку в деле.

Лучше уж пожить там, среди ожмиков и всякого социального, экономя кредиты и занимаясь разным. Или все же поехать на стройки в районе Сахары, как он собирался? Пустыню давили и сжимали, истребляли ударными темпами, превращая в зеленый материк, и именно туда он и собирался, но Натали что-то там почудилось... уловка, понятно, чтобы сохранять физический контакт с остальными из общества, слетевшимися к Новому Риму, как мухи на известную субстанцию, в роли которой выступал сам Лошадкин.

Приглашение на плавучий остров оставалось в силе, недаром же Арман присутствовал на суде, пусть и удаленно? В то же время, Михаил не мог отделаться от ощущения, что упускает какой-то момент, причем связанный со всем случившимся в последнее время. Жилья там, куда он направлялся, было его не так уж много, ведь ожмики кучковались в том районе "элитных курортов", и Михаил опять задумался, а правильно ли он выбрал?

Его, можно сказать, штормило и швыряло из стороны в сторону, все время казалось, что

прежний выбор, то есть строительные специальности, внушен Натали, искусно внушен, подкреплен телесными поощрениями и ее заглядываниями в глаза и прикосновениями, словесной игрой о том, как могуч и велик Михаил и как Нгуен гордится им.

— Проклятье, — пробормотал Михаил, глядя в окно, — но если не строительство, то что?

— Приближается остановка, — отозвался автомобиль.

Как видел Михаил, он перевозил кого-то и попутно еще брал грузы и сейчас направлялся в другую точку, так как там прогнозировался большой спрос на такие машины, а Лошадкина подвез по дороге, в рамках задач по минимизации маршрутов и максимизации полезной нагрузки.

Михаил вылез и обнаружил, что поезд прибудет через минуту, и подумал, что это хорошо, так как прогноз погоды обещал через пять минут проливной дождь от Альп до самого Средиземного моря. И чего ему не сиделось на Крите под крылышком Сванди?

Михаил нахмурился и шагнул в поезд, обнаружив, что у него есть попутчики. Как на экзамене, мелькнула мысль, оставалось только, чтобы они оказались строителями, для полного сходства. Но нет, там сидел молодой парень, который явно работал, не выходя из сети, и инопланетянин, тонкий и зеленый, словно травинка, с интересом таращившийся четырьмя глазами в окно.

Точнее говоря, на экран, имитировавший окно.

— Приветствую, — озвучила манопя перевод шелестящих звуков гразада — инопланетянина.

— Мир живым, — ответил Михаил стандартным галактическим вариантом.

Парень, работавший в сети, изобразил сетевое приветствие, но вполне возможно, что это за него старалась манопя. Может и к лучшему, подумал Михаил, не надо будет общаться, объяснять что-то, рассказывать о своих обстоятельствах.

— Мир, — прошелестел гразад.

Они обменялись несколькими репликами, из которых Михаил понял, что видит перед собой туриста, из числа тех, кого в его времена именовали экстремалами и "дикарями". Природные условия не совсем соответствовали жизни гразадов, но он не носил скафандра и защитного снаряжения, экзамены сдал по мензе и катался, вживаясь в общество, даже пытался говорить на всеземном.

— У нас такого нет, мы парим — летаем, — говорил гразад, которого звали Стебелек.

Михаил сразу заподозрил подвох и насмешку, но предъявить Стебельку ничего не смог. Тот таращился двумя глазами на экран, а двумя на Лошадкина, изгибался и шелестел, будто травинка на ветру.

— Люди тоже парят — летают, гразады одобряют зелень. Особенно много на новых планетах, гразады давно предлагают людям изменять планеты вместе.

— Да, вместе легче, — согласился Михаил, посылая запросы в сеть.

В моря поселять оконоров, подумал он, симбиоз рас и народов, не терраформирование, ведь это слово означало создание подобия Земли, а что? Живоформирование? Как ни странно, все пользовались старым термином, терраформированием, хотя да, Земля зачастую осваивала новые системы совместно с другими расами, как правило входящими в союз солнечных систем.

Пусть и хватало живых вокруг, но хватало и различных пустых систем, непригодных сразу для жизни, требовавших освоения, перестройки, еще чего-то, окруженных

неблагоприятными условиями, не дававшими быстро мчаться через гипер или еще что.

А еще!

— Невероятно, — пробормотал он машинально.

Как он мог пройти мимо такой возможности?! Космос, масса одиночества, высокие рейтинги и кредиты, все, как он хотел и возможность вернуться на Землю, ведь для полета в терраформирующие экспедиции не требовалось отказываться от гражданства.

Требовались только соответствующие квалификации, часть которых он уже закрывал экзаменами по строительным делам, и рейтинг, разумеется, куда же без рейтинга. Но и эта проблема была решаема, особенно теперь, после дела сектантов и компенсации.

— Спасибо, друг, спасибо! — искренне воскликнул Михаил, даже потянулся пожать руку Стебельку.

Остановился в смущении, но гразад, к счастью, ничего не понял.

— Живые помогают живым и это хорошо, — прошелестел тот. — Я кое-чего не понимаю в жизни людей, поможете мне, Михаил?

— Конечно! Ведь живые помогают живым!

Социальное жильё не комплектовалось синтезаторами еды и принтерами различных вещей, одна из тех уловок, что применялась для подталкивания ожмиков в общество. По мнению Михаила места скопления ожмиков, города, должны были стать и рассадником криминала и всяких опасных и запрещенных вещей, вроде алкоголя и наркотиков, но в новом мире как-то справлялись.

Или хотя бы держали под особым контролем, возможно, именно поэтому Натали и секта добрых и работали по минимуму, возвышались над ожмиками, пусть и вели среди них работу с прицелом на будущую вербовку. Михаил знал, что у него сейчас проходит "ломка", все вокруг напоминало о Натали и следовало просто преодолеть в себе сожаления, и ему это было по силам, раз лечение прошло удачно.

Лучший способ — погрузиться в работу и сеть, не теряя связи с реалом, и Михаил, на волне вдохновения от сведений о терраформировании и разговоре с гразадом, придумал очередной хитрый план и, едва сойдя с поезда, тут же приступил к его осуществлению.

— Добрый день, вы наш новый сосед?

Сладкий голос и улыбка, молодящаяся тетка, но в этот раз Михаил остался равнодушен к чарам.

— Да, Михаил — строитель социального жилья.

Так он отвечал еще несколько раз проходившим мимо соседям — ожмикам, не вступая, впрочем, в подробные разговоры. Роботы доставки быстро затащили внутрь пресловутый "кокон", систему, обеспечивавшую дополнительную реалистичность и безопасность во время полного погружения в виртуальность. Манопа могла создавать проекции и иллюзию погружения, но только "кокон" и другие подобные системы превращали эту иллюзию в реальность.

Не сказать, что руки и губы Михаила тряслись, но все же его слегка потряхивало. То, о чем он читал в стольких книгах, виртуальные капсулы для полного погружения в игру, ведь именно этим он и собирался заняться. Но не просто играть, а еще и набивать себе рейтинг и кредиты, попутно работая на строительстве социального жилья и занимаясь учебой, но уже с прицелом на то, чтобы попасть в экспедицию терраформирования.

В перерывах выход за едой и пробежки, занятия спортом и, возможно, даже купание, раз уж приехал на "элитный курорт". Связь с обществом, но без втягивания куда-то, в общем, очередной хитрый план, и Михаил осознавал иронию собственного поведения, но в этот раз он предусмотрел защитные меры. Хитрый план предполагался к осуществлению без женщин, которые начали бы его тащить куда-то, к своим целям.

Контракт с полжистами он уже расторг, хотя, в общем-то и не было особых предпосылок, ведь Михаила оправдала, а самим полжистам он еще ничего испортить не успел. Испортил отношения окончательно, в каком-то смысле, но Лошадкин решил, что это приемлемая цена за то, чтобы полжисты не тянули его к своим целям.

— Так, ну что, теперь — социальные танцы, — решил он, окидывая взглядом новое жильё.

Ничего особенного, минимализм в обстановке, дабы не предаваться излишествам, хотя так и хотелось. Перебороть себя и стать лучше, как объясняла Таня и как пыталось диктовать общество вокруг. Михаил окинул себя взглядом — легкая просторная одежда, не стесняющая

движений, и такая же обувь, прекрасно. Скрыть часть информации о себе, уж теперь-то он знал, что "тайна личности" появилась не просто так.

На внешность и цвет кожи никто не смотрел, мышцы и спортивный образ жизни — тоже практически стандарт, ну а что поселился среди ожмиков, так тому могла быть сотня причин. Обычный живой, не выделяющийся особо, что и требовалось получить. Наверное.

— Разберемся, — решил Михаил и подмигнул самому себе.

Манопа работала исправно, кредитов хватило бы, чтобы жить здесь хоть десять лет, не выезжая никуда, работа по имеющейся специальности и освоение новых. Солнечные места, масса зелени, живые и среди них намного чаще мелькали инопланетяне. В какой-то момент ему даже показалось, что он видит Стебелька, но Михаил не стал бежать за ним.

Насвистывая, прогулялся и взял себе пищевых таблеток, концентрированные смеси для обеспечения организма всем необходимым. Дальние потомки "космических смесей", популярная штука среди тех, кому не хотелось готовить и тратить время на пережевывание и прочие дела. Попутно Михаил прихватил огромный рогалик, словно сдобный кастет и тут же вгрызся в него, захрустел корочкой, поглядывая по сторонам.

— Пояс, — отметил он и подумал, что стоит арендовать такой на весь срок.

Выпрыгивать прямо в окно и лететь на работу, или в ближайшую спортивную зону, хотя бегать, в общем-то можно было где угодно. Но все же, режим дня, дисциплина, работа над собой и... соседи? Прыжки в окно и прилет обратно прямо в квартиру плохо стыковались с социальной составляющей случайных встреч по дороге и в лифте, и на общей площадке, как это было в жилье Нгуен.

— Ладно, буду действовать по настроению, — решил Михаил, вгрызаясь в рогалик дальше.

Арендовал пояс с немедленной доставкой и тут же взлетел, промчался над спортивной зоной и приземлился, пробежался, отметив, что тело все еще в форме. Натали настаивала на тренировках, правда с другим обоснованием, без упоминаний секты и свержения властей, и Михаил наконец-то сообразил, что именно он упустил.

Тренировки с оружием и умение сражаться, обязательные для подобных экспедиций!

Новый запрос, карта и подсветки полигонов и тиров, для отработок, а также возможные социальные клубы и общества и просто соседи, кто выставил информацию, что занимается подобным и не против соратников. Да, подумал Михаил, точно надо поискать среди соседей — ожмиков, будет еще социальная часть и работа с обществом.

Тревога ушла, и он снова взмыл, полетел в направлении нового жилья, и в этот момент пришел ответ.

— Хо-хо! — вскричал Михаил, вскидывая руки в полете. — Меня приняли!

— Поздравляю! — крикнул кто-то в ответ.

— Учись хорошо! — добавил другой голос.

Михаил даже оглядываться не стал, равно как и кричать, что его приняли рядовым в "армию демонов" в Башне. Помимо "небесных сил", осаждавших Башню сверху, ее еще и грызли, и пытались разрушить снизу те самые демоны, и игрокам приходилось строить и защищаться на всех уровнях. В описаниях это подавалось как социальные моменты, мол, все этажи важны, нет какой-то элиты или предпочтений, везде надо биться, строить, защищать, сотрудничать.

При этом, конечно, подавляющее большинство игроков предпочитало выступать за строителей Башни, и именно этим и собирался воспользоваться Лошадкин. Непопулярные

работы получали повышенную оплату и рейтинг, и да, находились живые, сражавшиеся за демонов или ангелов, но не так много, чтобы обеспечить разнообразие. Все начинали рядовыми, "мясом", но мало кому удавалось подняться выше, не нажив себе проблем в реале с обществом и не растеряв позиции там.

Впрочем, эта проблема касалась и обычных игроков — строителей, те, кто чрезмерно уходил в Башню, тоже теряли рейтинг и кредиты, скатывались, выпадали из игры и это рассматривалось как важная социальная составляющая игры, один из аспектов обучения на практике. Мол, пока живой не ощутит на себе, не поймет, и в этом Михаил соглашался с рекламой Башни и прочих похожих проектов.

Разумеется, никто не гарантировал, что и сам Михаил сможет подняться выше, но в остальном Башня отвечала всем параметрам. Выпадение из реальности, работа, полное погружение и в то же время работа над собой, чтобы не уйти в игру с головой.

— Превышение допустимой скорости, — сообщила манопе.

Михаил понял, что на радостях попробовал прилететь домой быстрее и достиг потолка скорости поясов. Будь у него соответствующая квалификация и права, он смог бы летать быстрее... но, в таком случае проще было бы арендовать автомобиль или хотя бы платформу. Инстинкт управлять транспортом самому, пафосно говоря, держать в своих руках свою судьбу, никуда не делая, его просто придавили и загнали в иные рамки, попутно повысив безопасность.

— Скачи быстрее, моя лошадка, — засмеялся Лошадкин на лету.

Дом был уже рядом, окно получило сигнал и приоткрылось, а Михаил подумал, что, если дела пойдут, стоит задуматься об аренде ИП или хотя бы урезанного домового. Хотя нет, избыточно, разве что индивидуальный особняк брать, как у Сванди тогда, размышлял Михаил, приземляясь и сбрасывая пояс. Или нет, если завести роботов — уборщиков, например, но посреди социального жилья все это выглядело каким-то излишеством.

Потом решу, отмахнулся Михаил, нечего делить шкуру неубитого виртуального медведя.

Сдерживая нетерпение и напоминая самому себе, что надо сдерживаться, Михаил сходил и принял душ, закинул пищевую таблетку и устроился в "коконе", подавая сигнал манопе. Вокруг возникло небытие виртуальности, подключение к серверам "Башни" и отсутствие "зала конфигурации", так как Михаил собирался выступать за "неигровую" сторону и выбор у него просто отсутствовал.

Еще одна из причин непопулярности такого выбора, помимо массы прочих.

— Новое мясо, — процедил появившийся перед ним демон-сержант, — обман, воровство, убийства, предательство, соблазнение ближних своих.

С этими словами он остановился напротив Лошадкина, который заметил, что уже не один и вообще небытие вокруг исчезло. Он и еще толпа других людей — неигровых персонажей, конечно — находились в каком-то подобии оружейной комнаты при казарме. Мрачный багрово — черный вид за окнами и оскаленные клыки сержанта, перестук копыт.

— Разбирайте оружие, посмотрим, на что вы годитесь!

Толпа начала пихаться, вырывать оружие, полетели ругательства, затем кого-то пырнули коротким мечом, прямо тут же выпустим кишки. Сержант — демон, возвышавшийся над всеми на голову, только мрачно усмехался и подергивал хвостом.

Михаилу досталась шипастая дубина и несколько сердитых взглядов. Человек человеку волк, припомнил он, наверное, подобное тоже входило в социальную часть игры и попутно

облегчало строителям задачу. Когда враги готовы пырнуть друг друга в спину, какое уж тут слаженное нападение? Скорее набег из страха перед кнутом сержанта — демона, который, по правде говоря, напоминал ему своим видом алурианца.

А стало быть и Алатею.

— Начальство считает, что вы на что-то годитесь и вас не надо ничему учить, — сержант даже не думал скрывать издевки в голосе, — ведь вы и так отлично режете, и убиваете ближних своих. Вот и посмотрим, на что вы годитесь, мясо!

— Бей его! — раздался выкрик.

Михаил предусмотрительно не стал кидаться вперед, и вообще у него закралось подозрение, что это нарочитое представление специально для него, живого, оказавшегося среди неписей. Ну с чего бы ИП устраивать такие разборки между собой? Ради достоверности, которую никто не увидит и не оценит? Гораздо проще было выводить в бой сразу десяток или там девяток, объявив, мол, остальные сдохли во время курса молодого бойца.

Изогнутый клинок в руках сержанта засверкал, тела валялись на пол, хлестала кровь и летели куски мяса, воняло дерьмом и внутренностями, и Михаил стоял, сдерживая рвотные позывы. Руки его начали скользить по рукояти дубины, и он торопливо обтер их об себя, отметив, что на нем откуда-то взялась военная униформа. Не цвета хаки, понятно, но все же униформа, под багрово — черный цвет окрестностей.

А еще на ней была почти незаметна чужая кровь.

— Каждый призыв одно и то же, ничему вы, мясо, не учитесь, — сплюнул сержант. — Сколько раз говорил начальству, что надо вас сразу в бой присылать, хоть смазкой для клинков врага послужите, а вместо этого одно только разочарование старому Грымжагу.

Он сплюнул, а Михаил подумал, что для устрашения стоило бы еще пожрать мяса живьем, а то и пообещать отыметь провинившихся, порвав им зад в процессе. Или это испугало бы только его? В общем, стоило отправить предложение, хотя наверняка над игрой трудились сотни психологов, продумывавших такие моменты.

— Есть еще желающие выпустить себе кишки о мой клинок? — спросил он, слизывая кровь с клинка.

Затем скривился и сплюнул.

— Слабаки с разбавленной кровью! Выходи наружу, мясо.

Они вышли нестройной толпой и Лошадкин увидел, что еще и еще подобные отряды выходят из таких же укрытий, заполняют собой пространство. Не все оно было багрово — черным, виднелась и обычная земля, и куски леса, и гор, но все они меркли перед непредставимо огромной башней вдалеке.

Башней, заслонявшей собой половину неба.

— Да, да, смотрите внимательнее, мясо, — сплюнул Грымжаг, — именно эту башню вам и предстоит разрушить.

Михаил смотрел, невольно сглатывая от размеров и величия постройки, и заметил, что многие реагируют схожим образом. Также он обратил внимание, что вокруг не только люди и демоны, похожие на алурианцев. Разнообразная нечисть, словно сошедшая со страниц энциклопедии о мифах и преданиях всех народов планеты, и даже с подобием иерархии в своих рядах.

— Если кто уже обгадился, пусть выйдет вперед, сам зарублю и затем закидаем вашими телами врагов, чтобы они сдохли от вони!

Михаил невольно крепче сжал дубину, но Грымжаг не ринулся рубить направо и налево. Как разрушать такую огромную башню, Михаил не знал, зато вдруг отчетливо понял, что собирается выступить против миллионов игроков со всего мира, миров даже, ведь в Башню играли не только на Земле.

Губы его невольно сами собой начали расползаться в улыбке.

— Рядовой, что это такое? — загремел Грымжаг.

— Это мой боевой оскал, сержант! — заорал Михаил в ответ.

Искренний такой боевой оскал, общество немного достало Лошадкина и теперь он собирался дать сдачи. Так, немного, поправить самочувствие, зарубить кого-нибудь в игре, сбросить пар и вообще.

— Вот это правильно, рядовой! Вперед, мясо, проверим, насколько вы выносливы! Кто выживет в первом бою, получит мяса, мясо!

Как выяснилось, игроки не дремали и уже сами выдвинулись из Башни, торопливо копали, заливали фундамент, возводили стены и проделывали в них бойницы, монтировали на башнях катапульты и баллисты, позиции для лучников. В Башне было разрешено все, что игроки и неписи смогут произвести сами или изучить на месте.

— Адская Гроза! — загремел слитный хор сразу двух десятков магов — демонов.

В багрово — черных глубинах стало еще темнее, и из туч ударили молнии. Они били и притягивались к молниеотводам, засвистели стрелы, вперед выбежали рядовые с щитами, прикрывая остальных.

— Не дадим разрушить Башню! — клич со стороны игроков.

Толпа, хаотичная и разрозненная, но она на бегу слилась в единый строй, который ударил бронированным кулаком в рядовых демонов. Разметал их и оказался в окружении, бронированные гиганты обрушили молоты, раскололи строй и начали убивать игроков. Все рассыпалось на ряд индивидуальных схваток, но игроки и тут сплывались, прикрывали спины друг другу и не стеснялись бить демонов в спину.

Они начали отступать к возводимым стенам, где оставшиеся в тылу уже торопливо разворачивали полевые укрепления, тащили бревна, сколоченные в секции. Выбежал еще отряд, полусотня с винтовками и тут же припала на колени, еще один ряд стал над ними, и еще и началась стрельба. Один ряд стрелял, второй перезаряжался и стало видно, что пули магические.

— Вперед, мясо! — заорал Грымжаг, указывая на стрелков.

Мясо, в составе которого бежал и Михаил, не добежало туда, откуда-то вынырнул отряд конницы, стоптал их и раскидал, помчался дальше, спеша нанести таранный удар по раненым гигантам. Твою ж мать, как тут вообще сражаться, билось в голове у Михаила, который поспешил упасть на землю и притвориться мертвым. Скатился в один из рвов или ям, вырытых под фундамент, и обнаружил там одного из убитых игроков.

Его осенило новой идеей, и он торопливо переоделся, размазал еще крови и грязи по лицу и открытым частям тела и затем выскочил, побежал к строящейся стене. На мгновение ему показалось, что сейчас спросят пароль, но в общем хаосе натиска демонов и "сил Ада" проскочило, правда появилось игровое предупреждение, что Михаил не сможет дезертировать и сменить сторону.

Надо бы запомнить на будущее, отметил он, продолжая притворяться раненым, благо его и так ранили.

— Промыть и перевязать, затем в очередь к целителям, — направили его.

Здесь говорили на всеземном, который демоны якобы не знали, но зато у них и остальных в арсенале имелись заклинания, дабы игроки теряли "знание языка". Игроки учили языки жестов и другие, кроме всеземного, учились взаимодействовать в отсутствие языковой коммуникации, в общем, социальными аспектами сплывания и командной работы Башня была напичкана по самую верхушку.

— Благодарю, — отозвался Михаил, — я даже мечом махнуть не успел.

— Ты кто вообще? — изумился помогавший ему игрок.

— Строитель.

— А, ну да, надо успеть закрепиться, но, если драться не привык, вперед лучше не

суйся, демоны совсем озверели, третьи сутки накатывают волнами, словно у них там внизу какая-то гигантская матка непрерывно рождает, — словоохотливо объяснили Михаилу.

Перевязали, восстановили некоторое количество очков жизни и затем целители и целительницы подлечили магией. Да, в Башне было возможно все, но выходило так, что добыть железа и сковать меч и топор, проще, чем производить современные автоматы и гаубицы. Магия тоже давалась проще, по крайней мере первые ее уровни, и поэтому сейчас Михаил видел вокруг "мир меча и магии".

Сумеет ли он добраться до высоких уровней, где все отличалось?

— Благодарю, пойду трудиться, пока демоны снова не набежали, — сообщил он целителям.

На самом деле его могли разоблачить в любой момент, конечно, просто никто не ожидал подобного, расслабились немного и поэтому Михаил начал шататься по лагерю, старательно изображая, что занят делом. Попутно подхарчился немного, отметил, что вокруг наблюдаются начала дисциплины, пройти в оружейную и на склады не вышло бы. Попытки подслушать пароли потребовали бы навыков и умений, которыми он не располагал, и Михаил смотрел, запоминал, мотал на отсутствующий ус.

— Вот здесь надо заливать иначе, что вы делаете, — возмутился он. — Просядет же основание и стену перекосит!

Массово применялась забивка камнями и землей среди бревен, опять же, из-за дешевизны и доступности материалов, но видел он и базовый бетон, то, что использовали в древности римляне. Игроки строились всерьез, и потом, опираясь на эту стену, начали бы выдвигать вперед опорные пункты, которые затем связали бы между собой стенами и переходами, и расширили области, отвоевали землю и начали бы ее переделывать и возделывать.

Поля и пашни, леса, шахты для добывания всякого, каждый уровень представлял собой, по сути, мир в миниатюре, игровая условность, не отменявшая того, что часть материалов приходилось доставлять с других этажей. Тащить по лестницам и лифтам, и у Михаила от попыток представить, каково это, карабкаться на многокилометровую высоту, просто кружилась голова.

Существовала еще и другая проблема, которую игроки не могли обойти, созданная для того, чтобы работы не прекращались ни на одном этаже и расширялось сотрудничество и взаимодействие игроков. Об этом следовало помнить всегда, если Михаил хотел пробиться выше, и он помнил, поэтому и сделал вид, что решил помочь.

Так вот, проблема эта заключалась в том, что магия не отменяла сопромата, прочности материалов и остального, и чтобы Башня могла тянуться выше, требовалось расширять основание и надстраивать дальше остальные этажи, либо изобретать и создавать нечто новое и высокопрочное, требующее массы производств, которые в свою очередь требовали отвлечения туда массы игроков с профессиями и необходимости их охранять и так далее.

— Нужно утрамбовать все и не просто так, а вот тут отвести воды.

— Да отводили уже, а оно разъедает!

Точно, кислотные воды подземного мира, вспомнил Михаил, вроде Стикса у древних греков.

— Так вон же, глиняные берега, которые не разъедает! Надо сделать туда вылазку, набрать и законопатить, или отвести приток, да, тяжело, но как еще? Когда захватим эту территорию дальше, тогда уже и реку будем чистить, обеззараживать, — спокойно ответил

Михаил.

Работа закипела, он командовал и сам работал руками, пару раз демоны прорывались на этот участок, и Михаил тоже хватал меч, один раз даже заколол кого-то, представляя, что это Грымжаг. Втерся в доверие, ощущая себя гнусным сектантом и отгоняя мысли о Натали и "встал на довольствие", работа кипела, стена росла.

Так продолжалось несколько дней.

— Надо проверить мертвые зоны стены, кажется, мы что-то упустили, — доверительно сообщил Михаил стражникам у ворот.

Первый его план заключался в том, чтобы ударить им в спину и зарезать, но после того дня шатания туда-сюда от задумки пришлось отказаться. Пусть Михаилу и удалось пробраться внутрь, но это не означало, что вокруг царили хаос и анархия. Караульная служба, посты, смена, пароли и отзывы, проверки и наблюдатели на стенах, а также разведчики, постоянно уходившие куда-то в багровую тьму, дабы там выслеживать демонов.

Игроки бдили и строились, готовились к расширению, и Лошадкин неоднократно думал, что это прекрасный способ сломать Башню. Подломить один из нижних этажей, правда, все они были широкими, мягко говоря, и не стоило забывать о магии.

— Маги проверяли, — отозвался Брайан, позевывая, — говорят, видимость отличная.

— Скорее бы уже пулеметы подвезли, — отозвался второй, — фланкирующий огонь решил бы все проблемы, а то все лезут, лезут, прямо на посту засыпаешь.

— Маги, — с великолепно разыгранным презрением присвистнул Михаил. — Не доверяю я им.

— Это ты, зря, когда мы бились за Черную Топь на двадцать пятом этаже, они нас здорово выручили.

— Одно дело — бой, а другое — строительство. Сколько на излом выдерживает их заклинание? Какое удельное сопротивление в килограммах на квадратный метр у заклинания малого щита? Нет, пока они не составили справочник магии в строительстве, я буду ходить и проверять сам!

— Тоже верно. Возьми сопровождающего.

— Да тут рядом.

— Положено так. Лугано! Эй, давай сюда!

Это было ожидаемо, хотя и не слишком приятно. Михаил вышел "наружу", начал делать вид, что замеряет и проверяет, затем сообщил Лугано, понижая голос.

— Понимаешь, у меня тут свидание назначено.

— За пределами периметра.

— О, моя девушка любит риск и новые ощущения, это так ее возбуждает, — Михаил все понижал голос, словно боялся, что его услышат.

— Ну вы уж совсем..., - с понимающей ухмылкой заговорил Лугано, но не договорил.

Воспользовавшись тем, что они стояли совсем близко, для интимного перешептывания, Михаил вонзил ему нож, даже не пытаясь скрыть вскрик и предсмертный хрип. Издал несколько стрекочущих возгласов на демоническом, благо ему даровали знание его при входе в игру, и изобразил сцену "демоны напали и убили одного, утащили другого".

Затем он бесшумно отбежал во тьму и понесся прочь, размышляя о том, как бы ему не наткнуться на секреты и дозоры. Самое слабое место его плана, но обошлось, проскочил и попался уже "своим", то есть демоническим лазутчикам, которые страшно обрадовались.

— Тупое вы мясо! — воскликнул Грымжаг. — Поймали того, кто от нас сбежал и ничего не знает!

— Знаю, сержант, — скромно ответил Михаил. — Я не сбежал, а пробрался в стан врага и изучал его, а также подготовил секретный проход в одной из секций стены. Нужно действовать и быстро, пока там не подняли тревогу, мне пришлось прирезать одного из стражников.

— Быстро, говоришь, — почесал рог Грымжаг. — А где гарантии, что ты не переметнулся и теперь не прибежал сюда, чтобы заманить нас в ловушку? Пойдем мы туда войском, кстати, это не мне решать, а тем, кто стоит выше, и нас всех перебьют? По слухам, уже скоро должно доставить пулеметы, и тогда стены будет вообще не взять, без разрушения башен и избавления от фланкирующего огня.

— Гм, — подавился Михаил, вообще не ожидавший такого.

— И как ловко все рассчитано, начни тебя пытаться, и мы потеряем время, да еще может оказаться, что ты говоришь правду, — рассуждал Грымжаг, выйдя из образа тупого сержанта. — Или мы поверим и сунемся, а ты окажешься перевербованным, кто решил сунуться к строителям, спасая свою тупую задницу.

— Зачем мне тогда возвращаться?

— Чтобы заманить нас в ловушку.

— А почему я тогда не сменил принадлежность и фракцию?

— Чтобы обман вышел убедительнее!

— Но ведь строители тогда, выходит, поверили мне настолько, что отпустили?

— Кто сказал, что они поверили? — удивился Грымжаг. — Они могли отпустить тебя просто на удачу, повезет и ты притащишь войско на хвосте, а нет, так невелика потеря, одно рядовое мясо погоды тут не сделает.

Михаил не знал, что тут можно возразить, подобные мысли ему даже в голову не пришли. Всякие там игры контрразведок и хитрые обманы на пяти слоях оставались для него чем-то странным и загадочным, куда лучше было вообще не соваться.

Но выходило так, что он потратил несколько дней зря?

— Но они же все равно отбили все штурмы и успешно закрепляются! Еще несколько дней и они уже смогут начать возведение второй линии!

— Торопятся, да, а мы вот промахнулись, потому что кое-кто нас обманул в своей разведке. Кстати, это мысль!

Он прищелкнул пальцами и поднялся, и демоны, притащившие Михаила, разинули пасти в предвкушении.

— Вперед, мясо, — скомандовал Грымжаг, — проверим, что там и как.

Михаила к стене, конечно, не пустили, и где-то там впереди, в багровой тьме, проштрафившиеся разведчики и диверсанты искали на ощупь слабое место, с пустотой внутри и видимостью прочной кладки. К горлу Михаила был приставлен клинок, в затылок дышали два свирепых молодца.

Грымжаг стоял, скрестив руки на груди, вокруг тихо шумело, сопело и волновалось демоническое войско. Некоторое время ничего не происходило, затем что-то в руке Грымжага дернулось, слегка засветилось.

— Они сняли сторожевые заклинания и открыли ворота, — тихо пробормотал Грымжаг.

Глаза его будто налились багровой глубиной, уставились прямо куда-то вглубь Михаила. Тихий сигнал, взмахи конечностям и туман магии пополз вперед, скрывая войско и его звуки. Отряд за отрядом рвались вперед, в раскрытые ворота, вливались в них, растекались, резали патрули и снимали дозорных, затем наваливались на палатки сколоченные бараки — казармы, резали там всех, стараясь действовать бесшумно.

— Тревога! — взметнулся возглас, взлетел белый шар, но было уже поздно.

Перестав скрываться, демоны взревели и в момент перерезали остатки лагеря, маги уже обрушивали заклинания на стены, круша их и земля задрожала от топота огромных адских мамонтов, закованных в броню. Стены и укрепления ломали и крушили, поток войск лился мимо, спеша прямо к Башне и над головами пронеслось что-то огромное и мохнатое, обдав ощущением липкой тревоги.

— Ну надо же, — покрутил головой Грымжаг, — первый раз на моей памяти мясо так быстро проявило себя. Обычно отличившимся мы даем пожрать и выпить, и демоницу на ночь, но ты добился большего, намного большего.

Михаил стоял, ощущая, как рука с клинком у горла ослабла, пошла в сторону.

— Решено! — воскликнул Грымжаг, ударом по плечу вбивая Михаила в землю. — Ты больше не мясо! Теперь ты десятник сил тьмы! Принимай подчиненных и веди их в атаку на Башню, надо успеть ворваться внутрь, пока не подтянули подкрепления с других мест.

— Будет сделано! — выкрикнул Михаил, ощущая теплоту внутри.

Натали бы мной гордилась, подумал он с иронией, уже помогаю свергать власть, пусть и в виртуальности.

Михаил вышел из жилья, кивнул появившемуся в коридоре Олафу, и они устремились к лестнице, дабы начать свою тренировку. Перескок по ступенькам, потом пробежка и разминка, работа на спортивных снарядах или штангой и возвращение, тоже с подъемом по ступенькам, но без фанатизма и растяжений.

Кивки и приветствия соседям, Михаил запустил закладку, в ушах зазвучала обучающая лекция о Башне, по способам определения и сокрытия статуса. Как ни странно, но здесь социальная составляющая пришла Михаилу на помощь, внешне все игроки были равны, и не все владели сканирующей магией или приборами для показа статуса. Существовали и разные способы сокрытия, из которых наилучшим все равно оставался метод "Неуловимого Джо", но в то же время, следовало озаботиться и магом нужной специальности, отметил для себя Михаил и тут же отбросил идею.

Магия сил Зла заставила бы сработать другую сигнализацию, на саму магию, так что ему следовало найти амулет или мага среди игроков, кто помог бы с сокрытием. Силы Ада вломились внутрь этажа и успешно развивали наступление, следовало пользоваться моментом, готовя почву для будущих успешных диверсий.

— Что слушаешь? — спросил Олаф, когда они добежали и занялись разминкой.

Помимо них, на этом огромном зеленом парке — стадионе занималась еще сотня живых всех возрастов, и Олаф с удовольствием глазел на женщин впереди, занимавшихся чем-то вроде йоги. Михаил тоже смотрел, правда не столько на прелести, сколько завидуя растяжке.

— Заметно?

— Да, ты голову склоняешь, будто у тебя наушники. Слушай, это же было, наверное, очень неудобно!

— Не скажи, — возразил Михаил с легкой улыбкой, — отгородиться от мира — самое то. Едешь или идешь, слушаешь и не слышишь всех живых вокруг. Меньше раздражаешься.

В общем-то, он осваивал манопу и весьма успешно, но легкость управления ей, присущая молодежи, никак не давалась. Даже взрослые, за годы использования манопы, избавились от многих машинальных вещей, но в то же время, Михаил не расстраивался, работал над собой и специально попросил Олафа подсказывать, если что пойдет не так.

Олаф жил среди ожмиков и занимался исследованием их среды, обычаев, взаимоотношений и прочего. Нельзя сказать, что ожмики сторонились его или Михаила, они просто выделялись, будучи "рейтовыми", и сблизившись на этой почве, начали общаться и вместе заниматься спортом. Олаф, словно сошедший со страниц саг о викингах, белокурых двухметровых гигантах, особо радовался этому выделению и что-то там строчил в своих наблюдениях и делал далекоидущие выводы.

— Жизнь в обществе с одновременным уходом из него и неприятием, неудивительно, что наблюдался такой огромный скачок различных психических отклонений и заболеваний, — сообщил Олаф, подтягиваясь.

Как он глазел на женщин, так и те, в свою очередь, глазели на Олафа, не особо скрываясь.

— Собственно, скачок до сих пор не преодолен, уф! — сообщил он, спрыгивая вниз. — Но ты хитрец, опять перевел разговор на меня! Так что слушаешь?

— Материалы о Башне, — ответил Михаил, не став заострять внимание, что Олаф сам перевел разговор.

Одна из социальных уловок, которую он испытал на себе в исполнении Натали. Говорить о человеке и давать ему говорить о себе, с возникающим ощущением доверия и открытости, близости. Легко в теории, тяжело на практике, но в общем-то Михаил начал изучать эту область не только затем, чтобы больше не попадаться, но также ради Башни.

— О! — воскликнул Олаф. — А ты не говорил, что тоже играешь в нее! Ты где сейчас? Я вот на тридцать первом этаже, прохожу переподготовку для работы паровым молотом.

— Да я так, только начал, — промямлил Михаил, — новичок еще и тружусь по специальности.

— А, строитель, — догадался Олаф, — это важно, да. Без строителей в Башне просто никуда, но ты и оружие осваивай!

— Так зачем я, по-твоему, каждый день на полигон летаю?

— Молодцом! — удар по плечу напомнил похлопывания Грымжага.

Каждый раз у Михаила что-то трещало в спине и земле под ногами.

— У вас там сейчас полно работы, да? — продолжал расспросы Олаф. — Укрепляете перекрытия и лестницы, строите защиты, чтобы демоны не прорвались дальше?

— Вроде того, — ответил Михаил.

Благодаря свежим познаниям в области строительства, он уже несколько раз находил слабые места в подобных баррикадах и обеспечивал успех штурма. Разумеется, помогало и то, что игроки использовали типовые решения, знакомые Лошадкину.

— У нас там тоже несладко, — поделился Олаф, переходя к брусьям. — На два этажа над нами вломились ангелы на пегасах, словно знали, что там воздушная шахта проходит и как напустили своих летающих мошек, те перекусили кучу живых. Один укус еще ничего, а от десятка уже валишься от блаженства, если резисты низкие, и еще потом и подсесть можно, так и тянет на их "нектар". Ух, как представляю, что в твои времена подобные наркотики были везде, так аж передергивает и руки сами молот вскидывают!

— Молотом по мошкам? — пошутил Михаил. — Или паром из молота?

Вот оно, подумал Лошадкин, вот еще один козырь, которым наверняка пользовались и прошлые игроки, выступавшие за демонов и ангелов, но козырь, который невозможно было перекрыть. Получение информации из мира игроков, общие тенденции, переброска войск, развитие промышленности, какие-то новые уловки и штучки, информация сочилась отовсюду, надо было только уметь находить ее и анализировать, подстраивать под свои задачи.

Наркотики же... сложный вопрос, борьба с ними в новом мире не прекращалась. Были достигнуты значительные успехи, благодаря той же системе контроля, и это радовало Михаила, но в то же время его периодически посещали мысли, что не мешало бы выпить или еще как-то расслабиться. Теперь он узрел еще одну сторону Башни, обучение вреду наркотиков в игровом процессе, хотя наверняка, все это теперь проходили сразу в школах, действительно ставших школами жизни.

— При правильном ударе, молот создает завихрения воздуха и увлекает их за собой, сбивая с пути!

Олаф еще некоторое время делился техниками борьбы с мошками, Михаил слушал, вставлял реплики и не прекращал тренировки. Также он пытался шарить по сети, выискивая информацию, но обнаружил, что этот процесс все еще дается ему тяжело. Поэтому он

отложил поиск на потом, выделив в отдельную задачу и на обратном пути снова занялся обучением.

Теперь космосом, с таким подходом к обучению Михаил достигал разнообразия, рыл сразу во всех нужных ему направлениях и переключался с задачи на задачу, экономя время и силы на отдыхе. Точнее говоря, отдых и достигался сменой деятельности и направления усилий, и в то же время позволял гасить душевную неудовлетворенность созданием ощущения "дела идут".

— Как приподнимешься — заглядывай в гости на наш этаж! — предложил Олаф.

— Обязательно, — пообещал Михаил, давя смех.

Представил, как он во главе армии злобных созданий вламывается на тридцать первый этаж и начинает кричать "Олаф, принимай гостей!" После такого их дружбе точно пришел бы конец, равно как и совместным тренировкам и легкой болтовне обо всем, без претензий и попыток присесть на мозги.

— Союз Солнечных Систем, — вещал голос в голове, под шум душа, — в его нынешнем виде оформился только с выходом Земли на галактическую арену. Недоброжелатели зачастую называют его Союзом Слабых, в чем есть часть правды, также в системах, занятых людьми, нередко к названию добавляется буква Р, расшифровывающая как "в развитии" или "развивающихся" или "равноправных", приводя к общей аббревиатуре СССР.

Михаил скривился, самого СССР он не застал, а интернет в его времена был переполнен срачами и спорами на счет сгинувшей страны и разобраться, где там правда, а где выдумки, было весьма нелегко. Да и не хотелось ему разбираться, а обитатели интернета, продолжавшие полыхать даже почти полвека спустя после распада страны, вызывали у него ощущение брезгливости и Михаил их сторонился.

— Не секрет, что не всякая зародившаяся жизнь сумела развиваться до разумной и способной к коммуникации и выходу за пределы родной планеты, а затем и своей солнечной системы. Те цивилизации, кто вышел в космос, но не покинул пределов системы, считаются развивающимися и с ними уже возможно устанавливать контакт, по негласному соглашению между обитателями галактики. Общего свода правил и законов не существует, хотя и имеются упоминания о попытке расы арофангов установить таковой, за счет покорения и завоевания всех окружающих. Установление контакта базируется на правиле Бицхо — Люфарва о выгодности неравного обмена, но в отсутствие единого свода законов возможны практически любые исходы, основанные на праве силы, но не закона.

Михаил подставил голову и тело под сушилку, думая о том, что ничего не изменилось. Дипломатия канонерок и авианосцев, только в космическом исполнении. Как противостоять тем, кто способен летать между звездами и общаться мгновенно, а ты только вышел в космос на реактивных ракетах? Энергоний расходовался в работе, да отобрать что-то у слабого зачастую выходило дешевле, чем синтезировать самому, и право силы пополам с выгодой продолжали царить в отношениях между живыми.

— Земля и заселенные ею системы, признающие главенство материнской планеты, проводят политику поддержки развивающихся систем и помощи им в нахождении энергония и освоении космических технологий, чтобы каждая такая система могла уже самостоятельно стоять на ногах. Силы Земли и союза ССС обеспечивают защиту развивающихся систем от тех, кто пытается воздействовать на них силой, и заодно укрепляют сотрудничество и взаимодействие между собой. Разумеется, данная модель не лишена недостатков, требующих

подробного рассмотрения самого союза и политики внутри него.

— Правдорубы, — опять скривился Михаил.

С одной стороны, конечно, было приятно, что ничего не скрывают и на информацию можно положиться, мол, тебе действительно говорят, как есть, но с другой стороны. Совет кто-то сверху и ему поверят, привыкли, что говорят только правду, и вот уже население снова обмануто. Михаил даже сунулся в свое время в сеть, но обнаружил, что не он один такой умный и на эту "дыру" указывали неоднократно.

Развитая сеть, независимые цифровые оценки от тех же ИП и следящих систем, других пользователей и "коэффициент достоверности", выставляемый на основе сверки по нескольким источникам, а также открытый для всех. Все это не решало проблемы до конца и страсти с обсуждениями кипели, что иногда изумляло Михаила, а потом он вспоминал о рейтингах за общественную активность и вроде как понимал происходящее, но затем снова не понимал.

Если поддаваться современной моде на аналогии, то ожмики выступали в роли затхлого болота, а общественно-активная часть населения в роли вулкана рядом с этим болотом.

— Ладно, давайте рубить правду о терраформировании, — проворчал он, закидывая в рот пищевую таблетку.

Запил все стаканом воды, думая совсем о другом. О Башне и своем десятке, будущем ударе вглубь этажа, где уже укреплялись игроки, и что следовало бы отрезать лестницы и воздушные шахты, а то и вовсе, вынудить живых там самим закрыть источники распространения заразы, например.

Думал Михаил и о том, что борьба со всем, дурманящим разум, могла быть часть "политики правды", мол, нечего обманывать и искажать, и что полжисты могли бы воспользоваться таким. Грязные и низкие уловки, обещания развлечений и безделья, все это всегда работало лучше слов о необходимости работать и трудиться, и вести себя правильно. Конечно, нынешняя система рейтингов, отсекавшая от принятия решений всю огромную массу бездельников — ожмиков, вроде как закрывала данную уязвимость, но надолго ли? Поднять их на восстание, хотя нет, с чего бы бездельникам у сытой кормушки воевать за что-то?

Политики и активисты могли бы взывать к ним, но у ожмиков отсутствовало право голоса, точнее говоря, рейтинг их равнялся где-то одной сотой и легко мог уйти еще ниже, и кто-то вроде Михаила легко мог переплюнуть в голосовании весь тот многоэтажный дом, в котором он сейчас обитал.

— Итак, терраформирование, — повторил он.

Но мысли соскальзывали на Башню и что было бы неплохо изменить ландшафт там, под комфортный для "сил Зла". Тогда игроки не смогли бы вторгаться так просто, а армии демонов удалось бы подрывать весь этаж и тем самым обрушить Башню или хотя бы ее часть. Наверняка же существовала какая-то сильная магия... как и ее ограничения. Но разве не выбегали они на багрово — черную бесплодную равнину, которая затем сменялась вполне себе плодоносящей землей, обустроенной игроками?

— Процесс изменения планеты или ее спутника, — проговорил он вслух, — с целью сделать ее пригодной для обитания людьми и схожими с ними расами.

Изменение гравитации, атмосферы, угла наклона, возможно, даже сдвиг планеты ближе к местному светилу, но такое обычно использовалось редко. Общим пунктом терраформирования считалось создание таких условий, при которых на планете можно

будет находиться без каких-либо защитных средств, не испытывая ущерба для здоровья.

Также, имелось и обратное движение, изменение себя под планеты, расширение возможностей человека за счет генной инженерии, перестройки тела — как у животных — химер — и вшивания имплантов, двоюродных сестер — маноп, которые позволили бы манипулировать и работать со всяким, нейтрализуя угрозы для биологического тела.

Рассматривались и проекты обитания вахтовыми методами, закапывания поселений под землю, развертывания добывающих комплексов, без, собственно, заселения и необходимости терраформирования. Какой из методов возьмет верх и окажется лучше, пока что оставалось неясным.

— Процесс предполагает развертывание ряда установок, — продолжил повторение заученного материала Михаил.

— Качай!

— Башню! — раздался ответный рёв.

— Качай!

— Башню!

Рёв и удары, попытки проломить внешнюю стену этажа. Несколько десятков игроков еще защищались в сторожевой башне, бились на лестнице, не давая силам Ада подняться выше, и оттуда доносился звон мечей, крики раненых, хлопки взрывов самодельных гранат и рёв дрессированного зверья.

— Есть ли возможность проскользнуть мимо них незамеченными? — поинтересовался вслух Михаил у единственного выжившего из десятка, наполовину неживого воина Карадуля.

— Нет, десят..., - начал отвечать тот, вправил ударом кулака челюсть, — ... ник.

— Жаль, жаль, — пробормотал Михаил.

Проскользнуть и прикинуться отступающими игроками, или даже одним игроком, затем повторить уловку с открытием врат, но уже на следующий этаж. В воздухе захлопало, появились лучники верхом на огромных летучих мышах, начали обстреливать игроков, которые не растерялись и разили в ответ зарядами магии, напоминая светящиеся сосульки.

— Эвакуация, хм, — пробормотал Михаил.

Красная искра взлетела в воздух и взорвалась с хлопком, затем еще одна и еще. Михаил вскочил, ощущая усталость в теле, он и его десяток, в составе полутысячи, сегодня трижды штурмовали укрепления, каждый раз добиваясь успеха.

Изможденная полусотня вокруг — остатки полутысячи — отдыхала, не все даже сразу обратили внимание на сигнал тревоги, некоторые храпели громко, словно пытались заглушить шум сражения.

— Строиться! Строиться! — промчался мимо полужверь — полувеликан с головой шакала и одним глазом. — Всем строиться и приготовиться!

Войска зашевелились и забегали, начали перестраиваться, готовясь отражать контратаку подкреплений с лестницы. Вроде как предполагалось заманивание и уничтожение этого подкрепления, чтобы уже окончательно оседлать лестницу и начать ее разрушать, но все это были лишь слухи, бродящие среди рядовых и младшего командирского состава.

— Ишкавак! — раздался визг рядом.

Подкрепление катилось лавиной по лестнице, но одновременно с этим и холм под Михаилом дрогнул. Поползли трещины, и он увидел свечение, немедленно опознал его по обучающим записям. Портал! Игроки не пожалели сил и ресурсов, магии, чтобы превратить ловушку для себя в ловушку для армии сил Зла. Удар в спину и разгром, защита лестницы, опрокидывающий удар, так как сейчас за спиной подземной армии находился лишь наполовину разоренный этаж.

Где никто еще не успел построить укреплений или создать прочной обороны.

— Вперед! — заорал Михаил, потрясая копьём. — Нужно нарушить стабильность портала!

Тот открывался наполовину в земле, обычные воздействия вроде швыряния камней тут

не подошли бы, но Михаил не стал гадать, а ухватил за хобот ближайшего бойца. Тот своим видом напоминал небольшого слоненка, да и весил не меньше, но Михаил справился, напрягся и швырнул живой снаряд, вломившийся в ряды выбегающих в атаку игроков.

— В атаку! Круши их! — кричал Михаил.

Карадуль уже бежал рядом, принял в свою неживую часть клинок игрока и заклинил его там, сам ударил, снося противнику часть руки и голову. Реалистичность смерти и умение сражаться тоже были социальной составляющей Башни, и Михаил не стал стесняться, ударил поперек плеча Карадуля копьем, и кто-то еще сбоку добавил топором, и они окончательно раскололи строй, добрались до зеркала портала и даже проскочили на ту сторону.

— Назад! — заорал Михаил, увидев, какая толпа там готовится к переходу.

Отряд стрелков! Воительница с топором пала сразу, Карадуль прикрыл Михаила, ослабил пули своей неживой плотью, и те не пробиты брони Лошадкина, но все же ударили, будто лягнули. Тело действовало будто само по себе, Михаил рубанул, ранил и отбрасывая ранеными других бойцов и прыгнул, будто вратарь, ловящий мяч. Допрыгнул, ухватил одного из порталных магов за ноги и сбил с них, покатился, и заодно укрылся толпой от новых выстрелов. Игроки растерялись, толкались и в то же время давили, перли массой, и Михаил прикрылся пленником, толкнулся и отпрыгнул спиной вперед в портал, получил там по броне от своих же и снова заорал, командуя, как управлял десятком в эти дни.

— Сомкнуть строй! Не давать высунуться!

Легко сказать, да нелегко сделать, изможденная полусотня не слишком горела желанием класть тут свои жизни. Несколько рядовых уже бежали прочь, следовало бы догнать их и зарубить за дезертирство, но все основные силы стянулись к лестнице, где уже кипело сражение. Сверкание магии и облака пыли, подкрашенной в цвет крови, земля тряслась и казалось, что Башня сейчас рухнет сама по себе.

— Доложить наверх, что тут происходит! — выдал Михаил пинка одному из решивших убежать.

Портал всколыхнулся, стена тяжелых щитов выдвинулась, принимая на себя удары копий и молотов. Вспышка заклинания, один из щитов разлетелся, но остальные устояли, засветились на мгновение. Тут требовались ударные войска, хотя бы парочка троллей или великанов, способных одолеть стену щитов физически, но все они полегли ранее.

— Разбираешься в магии? — спросил он у Карадуля, который пытался заткнуть в себе дыры.

Челюсть у того опять заело, и Михаил понял, что нет времени думать и что-то изучать, надо действовать. Маг уже пытался что-то применить по нему, словно скрутить пространство вокруг, и Михаила осенило. Он не стал препятствовать, даже слегка ослабил хватку, а затем отпрыгнул, посылая пленного мага вперед мощным ударом в спину.

Мага швырнуло на щиты своих же, и Михаил метнул нож. Красивого полета и втыкания в затылок не вышло, нож просто ударил мага в голову и тот спустил заклинание. Пространство смяло в комок бумаги и разорвало, вместе с магами, стеной щитов и часть портала, который пошел бурными волнами.

— Еще! — заорал Михаил, кидаясь вперед.

Дальнейшее он помнил смутно, им удалось еще дестабилизировать портал и выиграть время, Михаил орал и командовал, вырыли подобие ямы, но не помогло, ее тут же закидали, и все же они выиграли время до подхода подкреплений. Тем тоже не удалось сдержать

натиск, но хотя бы сорвали внезапный удар в спину. Игроки проломились и отбили лестницу, холм с порталом, часть укреплений вокруг, но им не удалось развить прорыв и наступление.

— Все, они поняли, что им не прорваться! — выкрик издалека. — Отбой! Отбой!

Михаил пошатнулся и едва не упал, но его поддержали такие же падающие от усталости и ран бойцы. Окровавленные, пошатывающиеся, незнакомые и в то же время почти родные, так как последние несколько атаки Михаил отбивал рядом с ними. В голове шумело, тошнило и следовало заняться лечением, дабы не отправляться на перерождение и не терять времени.

Игроки раньше зачастую прибегали к такой уловке, погибали и тут же сообщали другим об обстоятельствах гибели и прочем, что позволяло им быстро реагировать на угрозы со стороны неписей. Затем время возрождения удлинени до суток с последующими штрафами за быструю гибель и отменили прямое общение Башни с сетью на Земле. Что, впрочем, не остановило игроков от придумывания новых уловок и всяких "тайных кодов" для обхода фильтров и запретов на прямое разглашение информации от убитых.

— Адского пошла им! — прогремел голос. — И всем тройную порцию кнутов!

Да вы издеваетесь, простонал мысленно Михаил, хотя речь вообще-то шла о лечении. Гадостном на вкус, воистину адское пошло, а стегание оздоравливающими кнутами лечило и прибавляло сил и выносливости, наращивало подобие природной брони на коже, способной превратиться в почти непроницаемые костяные латы.

Проблема, конечно, заключалась в том, что эти адские методы слабо подходили игроку Лошадкину, да и слишком уж отдавали мазохизмом и прочими извращениями, которые он никогда не понимал и не любил. Даже вываливающиеся из скудных лоскутков одежды груди демониц не компенсировали стегания.

— А этого — ко мне в шатер, — оглушающая команда прямо над головой Михаила.

Демон пострашнее Грымжага, верхом на пылающем шестиногом коне. Ну все, доигрался хер на скрипке, устало подумал Михаил, когда его подхватили и потащили в шатер, видневшийся вдалеке.

— Сотник Лошадкин, а неплохо звучит, — задумчиво заметил Михаил, примеряя на себя голограмму со значком и плащом сотника. — Опять же, отдельный шатер и подручные.

Которые легко могли задать деру, а хвост, то есть голову, намылили бы ему. Но тем не менее, еще шаг вперед в карьере и не дали отбить этаж одной атакой. Попутно Михаилу досталась почти безопасное задание, отступить вглубь захваченного этажа и возводить там крепость, формируя свою сотню. Демон на шестиногом коне почти прямым текстом намекнул, что будут еще особые задания и Михаил предавался мечтам, как он успешно выступит в стиле Джеймса Бонда и нарубит игроков в капусту, поднимется еще выше и нарубит "капусты" — кредитов.

"Ваш рейтинг повышен на 1 пункт"

— Чего? — удивился вслух Михаил. — Это еще с каких рогов?

— За успешное противодействие силам игроков в Башне, — пришел ответ.

Михаил нахмурился, так как все равно не понял сути. Он еще мог понять донаты в стриме, хотя подобная практика строго контролировалась в новом мире, дабы пресечь мошенничество и выманивание кредитов, но рейтинг? Тем более за такие действия, ведь речь явно шла о только что случившемся на том холме. Игроки жертвовали рейтинг другому

игроку — врагу? Бред какой-то!

— Важное сообщение, — без перехода продолжила вещать маноба, — обнаружен один из малых роев — флотов расы ысынгунов, неподалеку от Юпитера. Луны Европа, Ио, Титан — атакованы! База кораблей на спутнике Марса, Деймоса — атакована! Рекомендуются сохранять повышенную осторожность и быть готовым к отражению нападения!

— Что, даже на Земле? — съязвил Михаил.

Он переключился на каналы новостей, хотя обычно их не смотрел. Телевидение, как таковое, равно как и радио, умерли, сменившись трансляцией прямо в сеть. Больше не требовалось подключать какие-то пакеты или полагаться на чужие программы, каждый живой составлял себе каналы и расписание по желанию,

— Защиты Земли приведены в состояние повышенной боевой готовности. В прошлом уже четыре раза осуществлялась высадка десантов на Земле, в различных областях суши и океанов.

Слова сопровождалось появлением сликмов на те события, мелькающие записи и кадры, описания и отчеты. Это сейчас на Землю уже мало кто рисковал задира лапу, но не стоило забывать, что ЭЭ началась лишь три десятка с небольшим лет назад и в начале пути планету и Солнечную Систему пробовали на прочность.

— Распорядок действий...

— Да знаю я, — отмахнулся Михаил слегка раздраженно.

Это уже не игра в Башню, здесь, если выпустят кишки — это навсегда, разве что сразу доставят к медикам или те примчатся сами. В то же время, влияние игры полного погружения сказывалось, Михаила чуть холодило и дергало внутри, но не более. Желание обгадиться отсутствовало, внутри то и дело вспыхивали картины, как он ведет свою сотню к победе над ысынгунами, спасает живых и приносит пользу обществу.

Тем, кто не освоил оружие — не ходил в современные школы, например — или отказался от него, рекомендовалось убыть в укрытия и безопасные места, остальные могли вступать в бой на свое усмотрение, с рекомендацией координации действий и взаимодействия со службами охраны и Мобильной Пехотой. Это тоже не до конца укладывалось в голове у Михаила, но проверять на практике что-то тоже не тянуло.

— Уже схватился за оружие? — пришло веселое сообщение от Руслана.

— Пока еще нет, только новости смотрю.

— Если что отбиваться вместе будем, хотя сомневаюсь в десанте на Землю, это явный набег за энергонием, видать совсем плохи дела у космических пчелок.

— Пчелки пользу приносят.

— Ладно, термитов, — не стал возражать Руслан.

— Вместе?

— Переезжаю к тебе, для поддержки и тренировок, ну и попутно объяснишь мне пару моментов?

— Конечно, — не стал возражать Михаил. — Мы же — друзья.

Раньше он не стал бы делать таких заявлений, подумавшись, пожил некоторое время по соседству, гоняли на велосипедах и поясах вместе, да общались, разве что на рыбалку не ездили. Такое проходило бы по разряду "знакомый, но не друг".

— А, ну вот, их уже отбили и термиты удирают, — вздохнул Руслан.

— Ты же мог бы легко слетать на Марс, нет?

— Да все равно опоздал бы и это не то, — пришел ответ. — До встречи.

— До встречи, — ответил Михаил.

Можно было слегка "расслабить булки", угроза миновала. Быстро, как и все остальное в новом мире, где без раскочки и предварительных обсуждений принимали меры, но такой подход не работал в ССС, и из-за этого союз зачастую страдал. Помимо прочих раздражающих факторов и Лошадкин так и не понял, зачем нужен этот союз солнечных систем, но влезать в политику и выступать на стороне противников и критиков ССС не стал.

— Итак, пока не случилась вспышка какого-нибудь пегасного гриппа или восстание ожмиков, вернемся к нашим баранам, то есть моему рейтингу, — пробормотал Михаил.

— У пегасов не бывает гриппа.

— А ожмики не смогут восстать, — язвительно отозвался Лошадкин, — но все когда-то случается в первый раз. Так что там с моим рейтингом?

— Успешное противодействие игрокам и повышение их мотивации работать сообща, демонстрация пользы коллективной работы, суммарное восхищение записью отражения атаки из портала, — начала перечислять маноба повлиявшие факторы.

То есть принес пользу обществу, выступая в качестве врага, подытожил мысленно Михаил. Надо бы плотнее заняться этим вопросом подумал он, ощущая, как губы словно сами собой разъезжаются в улыбке.

Ветер приятно обдувал лицо, шуршали шины, мимо проносились другие велосипедисты.

— Почему же? — удивился Олаф. — Хочешь — пей, хочешь — кури, напрямую наркотики в синтезаторах не создашь, но всегда есть уловки, вроде изготовления компонентов и потом сбора из них, имитации инопланетной еды или покупки у тех же инопланетян.

— Мне опять чудится такое огромное но, — заметил Михаил, налегая на педали.

Тело радостно работало ногами, но не следовало увлекаться, им еще предстояла беготня по полигону.

— Пьешь и наносишь ущерб себе, а стало быть, и обществу, куришь — выдыхаешь дым на окружающих, наркотики, думаю, объяснять не надо, еще больший ущерб себе и обществу, — вмешался Руслан.

Он ехал лениво, внешне практически не напрягался, как в тех гонках на пузырях.

— Вот теперь все ясно, — выдохнул Лошадкин. — Сразу такое социальное падение в рейтингах и потеря всех возможностей, ведь система бдит.

— Система бдит, — согласился Олаф, вырываясь немного вперед, — и ожмики тут одна из главных проблем.

— Так вот почему вы стараетесь их расселить!

— Одна из причин, да.

Михаил не стал спрашивать, как же тут тогда расслабляются, и без того знал, что созданы все условия для занятий по душе. Только приложи усилия, работай над собой и помогай тем самым обществу и все у тебя будет.

— Снижение им рейтинга ниже единицы решило массу проблем и в то же время породило новые.

— Или старые, — заметил Лошадкин, ощущая, что они втроем опять ускоряются.

Олаф надавал, соревнуясь по-дружески с Русланом, тот не уступал, они рвались вперед, и Михаил вынужденно прибавлял и все это превращало вторую половину пути в гонку. Не Тур де Франс, но все же гонку, соперничество без злобы, и на обратном пути домой ноги обычно протестующе ныли.

Тоже, в сущности, пример преодоления себя и улучшения за счет соревнований и конкуренции.

— Пролетариату нечего терять, кроме своих цепей, — добавил он. — Так и ожмикам нечего терять, да?

— Вот тут ты ошибаешься, — возразил Олаф, — ожмикам есть что терять, и не все из них готовы что-то делать, подавляющая масса просто живет и им хватает минимума на развлечения, друг с другом, роботами, в виртуальных играх и прочем.

— Но один может заразить сотни, — сказал Руслан, — и там в целом питательная среда для всякого, включая даже финансовые пирамиды.

Он снова вырвался вперед, Олаф еще надавал, Лошадкин ощутил, что отстает. Они неслись по велотрассе и теперь уже сами обгоняли других, ветер свистел в ушах и впору было пригибать голову. К счастью, все эти внешние факторы не мешали общению через сеть, и Михаил крутил мерно педали, пытался дышать ровно, как учил Руслан и одновременно с этим тренировался в общении.

— Откуда у вас тут пирамиды? — изумился он. — Разве система не бдит?

— Система бдит, но вот если ты захотел добровольно пожертвовать мне, допустим, пару кредитов, в знак благодарности или одобрить мои действия, повышая рейтинг, провести там голосование, — начал объяснять Олаф и вдруг переключился. — Кстати, Михаил, ты зря пренебрегаешь этой частью жизни.

— Инициатива имеет в грубой форме инициатора, — ответил Лошадкин, — не слышал никогда?

— Ну-ну, — поощрил Олаф.

Руслан крутил педали и посмеивался тихо, накручивая соперничество. Полигон уже показался на горизонте, над верхушками деревьев вдоль трассы.

— Только влезь туда и придется что-то делать, а ведь ты просто предложил, у тебя нет времени и сил делать еще что-то для общества, которое потом обязательно тебе расскажет, какой ты козел, судак на букву м, все разворовал и вообще обязан им.

— Любопытно, любопытно. Снижение общественной инициативы путем подавления в низовых коллективах.

— Это он и тебя изучает, — добавил Руслан.

— Да я давно уже понял, — махнул рукой Михаил и тут же вцепился в руль. — Плевать, все равно из этих историй с моими рассказами о прошлом, ничего толком не вышло или все пошло не так.

Возможно, надо было сразу дружить с полжистами, но опять же — политика, инициативы, общественная деятельность, которой Михаилу не хотелось заниматься.

— В общем, работая на благо общества, можно получать в ответ разное от общества и системе не всегда удастся провести грань между добровольной помощью и всяческими мошенничествами. Думаю, Михаил, ты и сам сможешь вспомнить пару примеров из своей жизни.

Вроде секты "добрый мир" с Натали или все тех же полжистов. Крупные общественные организации в таком случае могли уподобиться снежному кому, накручивать сами себе все подряд, но этого не происходило, так как в системе наверняка стоял ряд фильтров после прошлых злоупотреблений. Прояснилось и насчет Башни, все же крупнейшая игра, и даже крупица внимания принесла там Лошадкину дивиденды.

Да такие, что хотелось рубиться в Башню круглосуточно.

— Ну и в общих чертах — все, для деталей, нужно уже читать исследования системы рейтингов и кредитов, а то и вовсе, сменить специальность и работать над ее улучшением. В то же время, никто не отключает эту часть системы, так как у нее есть положительные стороны и одновременно с этим — наглядное воздействие, демонстрация отрицательных черт в жизни, чтобы не получалось, как в прошлом. Слишком сытая и беззаботная жизнь, уверенность в безопасности и что наверху бдят и охраняют.

— Тогда вам не помешало бы больше элементов капитализма вокруг, — ответил Михаил.

— Такой вопрос уже поднимался, — кивнул Олаф, — не мной, конечно, специалисты выше и крупнее, но нельзя перегибать палку.

— Избегать крайностей.

— Да. Можно чрезмерно травмировать общество, причинив больше вреда, чем пользы. Если тебя интересует этот вопрос, могу дать пару слаймов.

— Не надо, — отмахнулся Лошадкин. — Будет свободное время, не забуду — пошарю в

сети, почитаю, а нет так нет, я и без того по уши в учебе.

Что тоже поощрялось и вознаграждалось, и в то же время Михаил ощущал внутри усталость от подстегивания хлыстом самого себя. Хотелось прежнего режима, вот работа, вот личная жизнь, да и в Башню тянуло, словно магнитом.

— Широкий кругозор всегда полезен, — сказал Руслан, спрыгивая с велосипеда и ставя его в общий ряд.

— Многовато сегодня, — заметил Олаф. — Поблагодарим за это ысыnguнов.

Причем заметил без тени иронии. Они вошли внутрь, отмываться не стали, заранее решили, что поездка на велосипедах — имитация марш-броска — приняли комплекты камуфляжной одежды и брони, оружие, подогнали под себя и вышли на полигон, в ту его часть, где шла война "всех против всех". Инициатором подобных сражений стал, конечно, Руслан, который продолжал подготовку к своей будущей карьере в космосе, но и Михаил не возражал, так как это все тоже шло в зачет владения оружием.

— Как в прошлый раз, — заметил Руслан, проверяя шлем-сферу.

Михаил впереди, так как ему требовался опыт подобной бдительности и умения наступать на врага, Олаф прикрывал его и выступал пулеметчиком, Руслан защищал тылы и фланги и носился туда-сюда, наработывая нужный уже ему опыт.

Что-то звонко ударило рядом, и Михаил невольно отшатнулся, высунулся и его тут же будто кувалдой треснуло по голове. Отбросило в оглушенном состоянии и следом прилетела граната, которую он уже не успевал выбросить обратно. Прыгнул и покатился вниз по склону, наверху бахнуло, рядом с Михаилом несколько раз взметнулись фонтанчики листьев и грязи лесного склона, но еще больше промчалось мимо, застряло в стволах и ветках деревьев.

— Реализм, мать его, — пробормотал он, тормозя о дерево.

Руки едва слушались, но он все же достал шприц-тюбик и вколол себе в бедро, затем быстро сделал перевязку. Манопа могла бы показать все повреждения, как реальные, так и условные, но частью тренировки был отказ от ее использования, имитация суровых условий космоса. Вне сети Земли и прочих планет, манопы не переставали работать, просто возможности сужались, но в бою могло случиться всякое.

Да и без боя тоже, и общий зачет по выживанию предполагал умение действовать без манопы.

— Битюг, я — Пони, — постучал он по шлему, но система связи, похоже, накрылась.

Ни целеуказаний, ни демонстрации союзников на экране шлем-сферы. Вокруг враги, дерущиеся друг с другом, а они так и не смогли пробиться и захватить флаг.

— Надо было вырезать всех, а уже потом идти туда, — сообразил Михаил, — хотя как тут всех вырежешь? Была бы у меня сотня из Башни.

Несмотря на раны и близящееся поражение, энергия бурлила в нем, рвалась наружу. Вспомнился другой полигон и Сванди, так умело "соблазнившая" его. Пора было завести себе женщину или просто переспать с кем-то из ожмиков? Правда, все там были старше Михаила и слишком уж все это напоминало историю Нгуен.

— Скакун, я — Пони, — еще раз постучал он, но и Руслан не ответил.

Михаил понял свою ошибку, слишком долго оставался на одном месте, но понял поздно, уже после того, как его "убили". Появился медицинский робот и вывез его к другим "убитым", в числе которых присутствовали Руслан и Олаф, увлеченно спорившие о том, где

именно они допустили промах.

— А то, что вот "убили" и вылечили, это не отразится потом на реализме восприятия?

— Настоящее оружие и раны вполне работают и так, — легко ответил Руслан. — А страх смерти и без того сидит в живых.

— У живых вообще полно страхов, — кивнул Олаф.

— И ты побоялся ударить в лоб! Для этого же разделялись!

— Нет, я должен был вытаскивать их на себя, чтобы вы могли ударить с флангов! Выбив ту четверку, мы потом смогли бы пройти по реке и оказались бы возле флага!

— Вот и нет, — вмешался еще один "убитый", — флаг оттуда уже переместился.

Михаила уже просветили и считали информацию с манопы, обрабатывали раны, и он опять думал о том, что не мешало бы сразу восстановить и мышцы. Чтобы обратно ехать свеженьким, как огурчик, а не уставшим, пусть это и являлось частью тренировок. Умение действовать и в таких условиях, без расчета на то, что враги или природа, или еще что подождут, встанут на паузу, пока ты вылечишься.

— Что скажешь, Михаил? — обратился к нему Руслан.

— Да я в этих делах не силен, — озадаченно почесал тот в затылке.

Хотя и следовало бы, чтобы эффективнее управлять сотней в Башне, а то и тысячей, если повезет.

— Но, чтобы разделяться, нам следовало бы вначале добиться полноценной работы вместе. Чтобы понимали друг друга без слов, сети и жестов, и не возникало недопонимания.

На этом и сошлись, и Михаил откинулся, вышел в сеть и начал смотреть материалы по тактикам сотен, в составе войска и без него, одновременно с этим пытаюсь проецировать все на Башню. Что там следовало сделать? Да прямо как сегодня, убить всех и только затем рушить этаж. Но как убить всех, когда ты не мега-архи-супер-пупер демон?

И то, появившись такой там, игроки сразу тоже выкатили бы тяжелую артиллерию, возможно, даже буквально. Устроить диверсии на соседних этажах, дабы оттуда не шли подкрепления? Интересная мысль, но как? Диверсия через пару этажей, но где взять войска, чтобы держать там плацдарм?

Собрать всех-всех игроков, организовать диверсионную сотню? Но на это у Михаила не хватило бы власти.

— Что задумался, дружище? — хлопнул его по плечу Руслан. — Отработаем взаимодействие и в следующий раз справимся лучше!

— Точно, — согласился Михаил, поднимаясь. — Ну что, покатали обратно?

Взаимодействие, недостатком которого страдали силы зла, поискать ответ здесь? Мысли Михаила метались, и он понимал, что это неправильный подход, следовало сесть и подумать отдельно, в уже отдохнувшем состоянии. Сосредоточиться на проблеме, учесть то, что не он один пытался придумать такое и наверняка у игроков хватало своих головастых умников, придумывающих контрмеры.

То-то Башня все росла и росла год от года!

— Задумался о жизни? — спросил Руслан по дороге. — Такое бывает, когда смерть оказывается рядом.

— И все это сейчас проходят в школе, знаю, — отмахнулся Иван.

— Вот, кстати, еще один эксперимент, результаты которого пока неясны, — вмешался Олаф.

— Но бурно обсуждаются, — хмыкнул Лошадкин.

— А как иначе?! Науки об обществе теперь во главе, потому что прогресс техники без развития общества даст лишь повторение прошлых событий, — отозвался Олаф, вдруг напомнив ему Жайме Варатьяна.

— Ты еще скажи, что тут нужна церковь!

— Церковь? Нет, церковь не нужна, — Олаф уже не слушал, снова погнался за Русланом, который зачем-то с самого старта затеял гонку. — Время веры прошло, теперь нужно что-то, отвечающее времени знания.

Михаил не стал гнаться за ними, хотя боевой настрой внутри еще не схлынул, подталкивал действовать. Вместо этого он вышел в сеть и послал запрос в ближайший магазин киборгов — помощников. Серьезный шаг для него и незаметный для всего человечества, а лучше было бы наоборот.

— Добрый день, чем я могу вам помочь? — прозвучал в голове голос.

Виртуальная галерея продукции и Михаил заскользил вдоль нее, в реале продолжая крутить педали и слушать спор Олафа и Руслана о касте воинов. Михаил скользил и рассматривал "витрину", выбирая свою первую далку.

Грузовой караван игроков двигался по дороге, настороженно всматриваясь в окрестности. Затем прозвучал сигнал высланного дозора и почти одновременно с ним раздался женский крик. За ним еще один, и игроки ринулись на помощь, магесса метким заклинанием смела с неба глаз зла, ведущий наблюдение, бойцы ловко метнули пару самодельных дымовых гранат, ворвались в ряды монстров, благо те не выстраивали стены щитов.

Наоборот, рассыпались во все стороны и гонялись за женщинами, собираясь изнасиловать и сожрать их. Короткая ожесточенная стычка, монстров порубили, а женщин спасли, и в это время из кустов выкатился израненный, почти умирающий воин.

— Это ловушка, — прохрипел Лошадкин, пытаясь не обращать внимания на боль от ран.

— Что?

Маг в огромной шляпе уже вскинул посох, швыряя заклинание обнаружения, но за мгновение до его срабатывания женщины широко раскрыли рты и заорали противно. Оглушение звуком, огненные шары, перекидывания в гарпий и сирен, удары крыльями и хвостами, острые зубы и метания перьев, магия и оружие, поддельные женщины вцепились в игроков, сошлись в обнаженном клинче.

— Кто предупредил?

— Вот он! — указали на Лошадкина.

— Может, это тоже ловушка?

Михаила проверили, но он оказался игроком, просто тяжело израненным. Лошадкину сунули склянку в рот, целебный травяной сбор или зелье, неважно, все равно отвратительное на вкус и придавшее ему жизни и сил.

— Взяли в плен, — сообщил он, — сбежал... там...

Рука его указала на кусты, где обнаружился раненый и оглушенный минотавр, а также явный демон. Грымжаг не пожалел Михаила, ранил как следует и Лошадкин втайне предвкушал, как эту сержантскую сволочь будут пытать в плену у игроков, выбивая сведения.

— Подлечить! Трупы с собой! — раздалась команды. — Удвоить бдительность, голубя мне!

Почему не магия, подумал Михаил, и увидел, что ей уже пользуются. Отправив сообщение, командир охраны каравана продублировал его голубем и затем еще начал отправлять гонцов куда-то. Еще бы, из не слишком внятного бормотания Михаила следовал намек на огромный прорыв демонов на соседний этаж. Диверсия, обход и открытие "ворот", как это случилось на этаже ниже, который игроки никак не могли отбить обратно.

— Подлечить, накормить и затем пусть расскажет все, если удастся сорвать удар, за такое полагается крупная награда, слышишь?

— Слышу, — слабым голосом ответил Михаил. — Награда — хорошо.

Магия маскировки, чтобы в нем видели игрока, а не сотника "сил зла", сейчас мешалась с целительской и отчасти скрывалась под ней. Маг каравана проверил, что перед ним игрок и "свой", но стационарные сканеры в крепостях такое уже не обмануло бы.

А вот смесь целительства с "магией зла" могла и пройти проверку, при поддержке игроков, прибывших с караваном, которые подтвердили бы легенду Михаила. Еще

ожидались натурные проверки на месте и Лошадкин легко зарезал бы, что минотавра, что Грымжага (который вызвался добровольцем), но ожидания оказались ложными.

— Вперед! Прибавить ходу, но не терять бдительности!

И караван двинулся вперед.

Михаил оказался внутри нужной ему крепости, попав туда с другой стороны и сыграв на желании живых помочь другим и прочих обстоятельствах, но это еще не означало, что он добился успеха. Впрочем, и не провалился, а значит оставались шансы. Подвести сюда, на другой этаж, целое войско, не представлялось возможным, не насторожив игроков, а сам Михаил не владел магией, дабы протащить с собой хотя бы свою сотню.

Впрочем, такую магию тоже бы засекли, скорее всего, и его разоблачили.

— Красавица, не подскажешь, где тут у вас кухня?

— Не успел прибыть, а уже бегаешь от службы? — оскалилась та в ответ.

— Ну так, от начальства подальше, к кухне поближе, — не растерялся Михаил. — Я же изранен в боях с силами зла!

— Слышала я, в каких боях тебя там изранило, — продолжала скалиться собеседница.

— Спас, можно сказать, целый караван от изнасилования, заслонил собой.

— А я слышала, что на тебе места живого не было.

— Так, один против сотни, как Геракл... только вместо девственниц гарпии, фурии и русалки!

— Еще и русалки? А они там зачем?

Чтобы их быстрее разоблачили и создалось ощущение нелепицы, мысленно ответил Михаил, внешне продолжая разыгрывать лентяя, косящего от службы и работы. По нынешним временам такое должно было вызвать осуждение, возможно именно поэтому его собеседница зубоскалила и насмехалась?

— Для подныривания?

— Под караван на горной дороге? А-ха-ха, а ты шутник!

У Михаила зародилось странное чувство, что перед ним проверяющая, которая под видом служанки прощупывает его и его легенду. Вроде не должно было такого быть, но ощущение нарастало и крепло, вызывая у него бурление в животе и расстройство в мыслях. Лошадкин был далек от мыслей о том, что попав внутрь вражеской крепости немедленно сможет соблазнить кого-то так, чтобы та предала всех и вся.

Но он никак не ожидал подобного интереса пополам с зубоскальством!

Тем не менее, его выдержка принесла плоды и ему все же показали кухню, в порядке насмешки, разумеется, так как Михаила оттуда немедленно выгнали и указали, что есть надо вместе с другими, а сюда нечего шастать. Лошадкин, уже успевший добиться своего и подбросить нужный пузырек с травяным сбором, долго извинялся и раскаивался, при этом строя "наглые рожи" и пытаясь стащить еще еды, в общем попал в нужный образ осуждаемого обществом хитреца и лентяя.

Затем у гарнизона случилось расстройство желудка и Михаила схватили.

— Что ты подбросил в еду?!

— Ничего! — честно отвечал Михаил.

Ведь это сделал персонал кухни, он лишь подменил пузырьки! Разумеется, ему не поверили, устроили очную ставку с Грымжагом и Михаил с удовольствием плюнул тому в

глаз и заехал ногой между ногой, и радостно взял в руки топор, приготовившись убить. Стационарные сканеры на въездах пока что застили глаза местным, тем более что внешне Михаил лишь заходил на кухню и ничего там не делал и его потом сразу прогнали. Но наверняка рано или поздно его бы проверили по-настоящему и правда бы вскрылась.

Вот только ему не требовалось делать ничего, лишь тянуть время.

— Почему тогда у гарнизона такое массовое расстройство желудка, с которым не справляются лекарства и наши целители?

— Мне-то откуда знать, это же ваша крепость! Может, у вас тут антисанитария, поэтому меня и прогнали с кухни?

— Ага! Ты признаешься?

— Что посещал кухню? Ну да, очень жрать хотелось, меня же изранили со всех сторон, еле выжил, да еще и караван целый спас!

Так оно продолжалось некоторое время, а затем крепость словно содрогнулась. Михаил сдержал торжествующую улыбку, начал озираться встревоженно.

— Твоих рук дело?!

Попытки запугать его и подавить... ну, они работали, в общем-то, просто им не хватило времени.

— Нет! — честно ответил Михаил.

Сложный план "на соплях", включающий в себя массу этапов, где все могло пойти не так, включая зарождение дерьмодемонов именно под воздействием магии, которой целители боролись с поносом и расстройством желудка. Использование игроков и их магии для создания армии прямо под крепостью.

Все же гадить в ров в средневековом стиле игроки не привыкли и не собирались.

— Но ты знаешь, что происходит?

— Нет, — честно ответил Михаил.

Откуда ему было знать, что там делают дерьмодемоны? В теории, они должны были полезть к Грымжагу, чтобы освободить его, но мало ли?

— Говори!

— Да я и так отвечаю честно! — вскричал Лошадкин. — Вы же сами видите!

Местный полиграф тоже был построен на магии, так уж выходило, что в отсутствие высоких и очень высоких технологий, магия брала на себя их роль. Михаил подозревал, что это тоже часть «обучения» от Башни, мол, смотрите, как в реале все хорошо, цените то, что есть, иначе придется бегать с железкой и подтираться лопухами.

— Слишком много совпадений, а ты вроде и ни причем, но почему все началось с твоим появлением?

— Да просто совпало, так бывает, сами знаете, любая фантастика пасует перед реальностью. К тому же у вас возможно проявляется профдеформация вашей работы, склонность подозревать всех и вся вокруг, в результате вы видите заговоры там, где их нет.

Формально, Михаил даже не соврал ни разу, так что магия не показывала лжи. Как и его аналог из реальности местный полиграф не давал стопроцентных гарантий, но в то же время Михаилу удалось посеять сомнения.

— Допустим, но тебя все равно надо проверить.

— Так уже и без того три раза проверили!

Донесся отдаленный шум или Михаилу почудилось? Нельзя было выказывать внимание и надежду, следовало сохранять усталое равнодушие живого, который ни в чем ни виноват. В

прошлой жизни Михаил так несколько раз сталкивался с полицейскими, едва он начинал нервничать или что-то доказывать, как те вцеплялись в него, словно клещи и долго пытались выпить всю денежную кровь.

— Ты так и не сказал, где трудился раньше.

— Так здесь же, просто двумя этажами выше, а когда начался прорыв, нас отправили на усиление.

Изначально он хотел напести про тридцать первый этаж, благо знал о нем от Олафа, но выяснилось, что туда не посылали новичков, под одного из которых и косил Михаил.

— Усиление? Никто не стал бы посылать новичка в усиление!

— Так нехватка рук, нужно укрепления возводить, а я как раз строитель! Развяжите меня, и я вам продемонстрирую, вашу западную стену давно надо перестроить и укрепить иначе, слишком легко ее взять штурмом.

— Там искусственно созданное болото! — ответный возглас и сердитый взгляд. — Выведываешь сведения?

— Мне хватило и одного взгляда! — с видом оскорбленной невинности ответил Михаил. — Пусть я и новичок, но кое-что умею!

Развязывание бы его не спасло, конечно, не настолько хорошо он владел холодным оружием и умением бить руками, ногами и подручными средствами. Руслан, вот тот бы справился, тут же завертелся бы проворным бесом, втыкая локти и колени во врагов, снял бы с них кинжалы и ими же зарезал бы этих двух стражей за спиной инквизитора.

— Сообщи нам, где ты появился в Башне и у кого работал, — прозвучали пусть и ожидаемые, но все же слегка леденящие слова.

Да, невозможно было создать мощную легенду, пришлось все делать «на соплях» и тянуть время. Неужели не вышло, подумал Михаил, обидно будет погореть перед самым финалом. Слухи о наступлении и обходе должны были выгнать на стены игроков, плюс поступления раненых, в общем предполагалось, что некому будет сдерживать начальный натиск дерьмодемонов, фазу, в которой они были наиболее слабы и уязвимы.

— Я же говорю, на два этажа выше...

Дверь раскрылась с грохотом, благо открывалась внутрь и одного охранника размазало по стене, второго тут же разрубило пополам ударом Грымжага. Инквизитор только начинал поворачиваться, когда демон уже оказался рядом с ним, ударил, насаживая на рога.

— Ненавижу святош! — прорычал демон. — Всех убью, всех сожру!

Легкое прикрытие Михаила, который, впрочем, сомневался, что удастся и дальше тянуть его инкогнито и то, что один из игроков выступает за «силы зла». Усиление бдительности и проверок, погибшие здесь наверняка все доложат после воскрешения, в общем, о личных вылазках можно было забыть.

Либо следовало работать иначе, все же социальная инженерия рулила и продолжала рулить, как в интернете времен первой жизни Михаила. Пусть он никогда не являлся ловким мошенником, но все же, все же.

— Что замер?! — взревел Грымжаг, перерезая на нем путы. — В бой!

— Какой еще бой? — возразил Михаил, спешно стряхивая остатки веревок и потирая руки. — Нужно снимать защиту и переводить сюда порталом войско!

— Тогда в бой вниз, — прорычал Грымжаг. — Думаешь, поднялся до сотника и поумнел? Ты все еще мясо, пусть и удачливое!

Он явно хотел сказать что-то еще, наверное, обматерить на демонском, но промолчал.

То-то же, подумал Михаил самодовольно, подхватывая оружие. Биться внизу было легко, дерьмодемоны должны были уже захватить там весь периметр, кроме магического сердца крепости, питавшего сканеры и щиты. Выбить охрану, отключить сердце, открыть портал и затем наслаждаться захватом с безопасной позиции, ведь свою часть Михаил уже выполнил.

— Думаю, что поумнел, — ответил Михаил, вырываясь в коридор.

— Скоро узнаем, — клацнул в спину Грымжаг.

Его тоже пытали, как и минотавра, но тот уже валялся кучей бычьего мяса, а вот демон-сержант двигался и только стал злее. Явно тут все непросто с ним, подумал Михаил, сложное прошлое, квест на разгадки, хотя какой к демонам квест, когда это Башня?

Он рубил и колол, кидал в бой дерьмодемонов, соорудив затычки для носа, и на эффекте неожиданности и прогоне впереди пленников — игроков удалось смять охрану и захватить сердце. Уже вскоре открылся портал и оттуда хлынуло войско, набрасываясь на игроков и получая ударами бичей по спинам.

— Не могли дисциплинированных прислать? — чуть скривился Михаил, но тут же замолчал, так как в портал шагнуло начальство.

Крепость содрогнулась, издали доносились крики убиваемых и насилуемых, рычание и возгласы торжества. В войнах людей в прошлом чаще всего щадили прислугу, но здесь такое не требовалось, и в то же время можно было не сомневаться, что игроки бросят сюда огромные силы, дабы отбить такой важный пункт.

— Опорная крепость взята, — оскалилось начальство, поигрывая пылающим кнутом, — и теперь победа близка, как никогда! Но чтобы это случилось, крепость еще надо отстоять, и ты займешься этим!

Кнутовище уперлось в грудь Михаила, опрокинув его.

— Положенные тебе доспехи и демониц пришлют позже, а пока что готовься к кровавому штурму. Поздравляю с повышением!

— Положенных мне демониц? — глупо переспросил Михаил.

— У них все, как у вас, людей, только лучше, — снисходительно пояснил Грымжаг.

Внизу суетилось войско, торопливо разнося западную стену и перестраивая ее. Пылал огонь, часть болота запекали в корку, следуя идеям Михаила.

— Это интересно, — ответил он, ощущая возбуждение сразу двух органов, потребляющих кровь.

Некоторое время между ними шла драка, но в итоге мозг проиграл. Идея, чтобы в воротах игроков встречали обнаженные демоницы, не сработала бы толком, но зато мозг теперь переполняли сочные, возбуждающие картинки.

— Самых умелых лучников — ко мне, — скомандовал Михаил. — Выставить наблюдателей за небом, есть у нас летающие создания?

Как выяснилось, есть, и Михаил снова оскалился. Конечно, игроков было не удивить воздушным десантом, но все же, все же. Невозможно было просто запереться в крепости и сидеть там, ничего не делая, Михаила и войско просто разнесли бы в клочья, и его карьере пришел конец.

Скорее всего, именно об этом и молчал Грымжаг, но Михаил и так догадался. Подчиненный полез в гору? Сделай вид, что идешь ему навстречу, дай невыполнимое задание и утопи на нем, а если не утонет, то и мстить потом не будет, наверное. Еще одно облегчение игрокам, когда их враги, вместо сплоченной борьбы, занимались интригами и подсидами, били друг другу в спины, срывая планы разрушения Башни.

Социальный момент, без сомнения, вот только теперь под него попал сам Михаил.

— Портал еще работает?

— Да, комендант!

Как-то это не звучало, но Михаил пока не стал заострять внимание. Отбиться, подняться, не дать отобрать у него успех и вот тогда можно будет грести бонусы всеми конечностями. Он, конечно, молодец, приподнялся, но «еще рано было стрелять пробками из-под шампанского в жопы друг другу», как говаривали в его прежние времена.

— Пусть пришлют кислотных тварей, а также все наличные запасы пирита.

— Игроки не ведутся на фальшивое золото, — заметил Грымжаг.

— Даже спрашивать не буду, кто пытался в них кидаться золотом, — хохотнул Михаил, — но здесь другое!

В Башне разрешалось все, вот он и собирался прибегнуть к химической атаке.

Разведчики игроков появились быстро, в не самый удачный момент. Как раз добивали очередной караван, добровольно зашедший в ловушку, не зная, что крепость уже сменила хозяев, и разведчиков на птицах вроде кондоров не удалось подбить и сбросить с неба.

— Нужно делать поправку на криворукость исполнителей, — отметил для себя Михаил, опуская подзорную трубу. — Ведь мне прислали самых криворуких?

— Сгребли всех, кто был рядом, — дипломатично ответил Грымжаг, — ну а дальше закон мяса победил.

— Дай угадаю, большая часть войска — мясо? Кого ни возьми, четыре из пяти будут криворуки?

Грымжаг только хохотнул, сверкая клыками.

— Пост начальника крепости добавил тебе мозгов!

Михаил мысленно выругался. Как тут побеждать и строить карьеру, когда начальство за спиной в первую очередь подозревало тебя в желании занять его, начальства, место? Сами бы они так и поступили, проклятые демоны, вот и подозревали всех и вся. Не было смысла натаскивать бойцов, так как их тут же отобрали бы или отправили в мясорубку, чтобы Михаил не смог бы обратить их против главных демонов.

Но как они собирались побеждать в таком случае? Неудивительно, что небесное воинство причиняло игрокам больше хлопот и проблем, чем вся эта демоническая толпа тварей, войско Зла с перекошенными харями. Возможно, именно поэтому игроки так и расслабились, дали Михаилу возможность для диверсий.

— Ладно, мы еще посмотрим, кто кого, — проворчал он.

Хотелось вернуться домой, перевести дух и — чего стесняться? — поиграться с новенькой помощницей, переключиться на учебу и работу. Хотя, Башня теперь как работа, подумал Михаил, та работа, которая по душе, и которой он мог бы заниматься сутками.

Особенно, если убрать начальство за спиной.

— Милорд, прибыли ваши доспехи.

Какая-то мелкая нечисть, вроде домовенка или беса, или кого-то еще, крутилась у ног, словно собачонка, приплясывала и махала хвостом. Михаил заподозрил подвох, ну как доспехи потом не снять, или еще что, и отказаться невозможно, начальство прислало.

— Вот что надо показывать игрокам, — хмыкнул он под нос, направляясь за доспехами. — Изнанку прежней жизни, а не это их мир, дружбу и жувачку, пополам со строительством.

Строительство — то есть частичное разрушение крепости по планам Михаила — продолжалось. Часть материалов прибывала порталом, но их не хватало и проще было воспользоваться имеющимся под рукой, чем держаться за саму крепость. Вот чего хватало в армии зла, так это магов, большая часть нечисти умела колдовать, так или иначе, и сейчас они вертелись и кружились, накидывали чары, иногда даже без понукания от своих магических сержантов.

— Клише, какое же клише, — вырвалось у Лошадкина.

Шипастые черные доспехи и полуголые демоницы в бронелифчиках. Оттопыренные дойки и задницы, лоскутки одежды, не скрывающие ничего, словно создатели Башни и не старались. Или это начальство удружило, решив, что раз Михаил — игрок и человек, то ему большего и не надо?

— Игроки приближаются! — ворвался очередной минотавр.

— По местам! — выкрикнул Михаил.

Он не определял особо места, но ему всегда хотелось крикнуть так. Демоницы смотрели, трясли телесами, улыбались и облизывались.

— Охранять сердце крепости и портал! — скомандовал он.

Да, высокое начальство все же продемонстрировало косвенно важность задачи, прислали новое сердце, по сути, огромный магический кристалл, зачарованный и расписанный, словно покрытый татуировками. Демоницы обиженно открывали рты, демонстрируя свои возможности, но все же послушались.

— Лучше насиловать пленниц, — доверительно сообщил Грымжаг, — они так смешно

пищат!

— Вот еще, совать в пленниц, — буркнул Михаил.

Пусть это и было бы в образе, но что потом? Игрокам на той стороне вряд ли понравится такое, начнут рыть в реале и отроют, без сомнений, благо Михаил не слишком-то и скрывался. Анонимность ника и аватарки тут пригодилась бы, но было уже слишком поздно трепыхаться.

Не лезть вперед, не пачкать рук самому, пусть войско неписей старается.

Мобильные части игроков, верхом на лошадях и повозках, прискакали и ворвались, пустили вперед разведку, которая успешно промчалась по корке, покрывающей болото (словно демоны взяли крепость штурмом с той стороны), завязался бой. За ним последовал воздушный десант и неумелый ответный обстрел снизу, игроки высаживались и захватывали башни.

— Ты сильно рискуешь, — заметил Грымжаг.

— Разумеется, — огрызнулся Михаил.

Он в любом случае рисковал, достаточно было не удержать крепость и все, прощай карьера. Неписей ему было не жалко, да и игроков, в сущности, то же. Бурлило внутри нечто темное, рвалось на волю, хотелось нагадить игрокам за все случившееся в реале, за упущенные шансы и промахи, эксперименты и историю с Натали, где вся хваленая система безопасности дала сбой.

Взять в плен и промывать им мозги, мелькнула мысль, но Михаил ее отбросил.

Не из гуманности, конечно, просто он опять нагадил бы в колодец, из которого набирал воду для питья, образно говоря. Следовало дать отпор, бой, показать мощь сил зла, но не творить гадостей персонально, чтобы поддержка там в реале не прекращалась, и никто не лез лично мстить.

Основная масса игроков ринулась в атаку по запекшейся корке, и та провалилась и рассыпалась, маги земли и воды попытались восстановить опору, но не успели. Облака удушающего и вонючего сероводорода с запахом тухлых яиц вырвались наружу, заставляя игроков падать прямо в топь.

— Лучники!! — взревел Михаил.

Увы, лучше стрелять от его крика они не стали, но массовость заменила количество. Из облаков валились гарпии и прочая нечисть, высадившихся в башнях загоняли обратно, брали в плен или хотя бы в осаду, и теперь следовало срочно перетянуть парочку на свою сторону, дабы дать второй волне подкреплений ложный сигнал и заманить их в открытые ворота.

— Пленных не бить и не насиловать, обращаться вежливо, — напомнил он свой предыдущий приказ.

— Об этом доложат наверх, — оскалился Грымжаг.

— Еще бы, это единственная вещь, где у нас работает взаимодействие, — огрызнулся Михаил.

Хотя, какое там взаимодействие, подсидеть и избавиться, получить денег или покровительство за донос, дразги в коллективе с поправкой на то, что вокруг нечисть.

— Западную стену не восстанавливать, всем заниматься северо-восточными воротами! Флаги! Флаги тащите!

Вряд ли игроки купились бы на такую примитивную хитрость, но мало ли?

Вторую волну удалось обмануть и заманить, и тут же Михаил попробовал набербовать еще самых нестойких, но не вышло. В основном потому, что он сам был далеко не сладкоголосой сиреной. Меры для сохранения анонимности он, впрочем, принял, включая даже шляпу надвинутую, как говорится, по самые глаза.

— Выпустить их всех! — скомандовал Михаил.

Чуть не поднялся бунт, но неожиданно выручили демоницы. Ринулись вперед, хлеща всех по спинам и третья волна подкреплений столкнулась с разбегающейся из крепости волной пленных. Часть самых недисциплинированных из числа нечисти ринулась следом и пала, но отвлекла на себя игроков, которых опять постреляли и окружили, задавили массой.

Четвертый штурм и пятый, во время которого портал якобы случайно захлопнулся. Подкрепления отрезало, но Михаил все же справился, опять разыграл историю с раненым и подорвал игрокам осадные орудия и отравил осадных мамонтов, после чего едва успел удрать. То есть сделал вид, что едва удрал, а сам ловко заманил их в очередную засаду.

Подбросил информации о потайных ходах и отбил еще один воздушный десант, силы нечисти в крепости таяли, но зато оставались только самые умелые и готовые слушать приказ. Во время восьмого штурма Михаил обрушил верхние части стен и разом смел всех в рвы и болота, куда уже успели выпустить зубастых рыбок и ядовитых червей.

Следовало признать, что игроки тоже помогли отчасти, кидались торопливо в атаки, спеша отбить крепость, понимали, что только оставь все и уже через сутки тут будут укрепления до верха этажа. Михаил, кстати, охотно бы так и сделал, будь у него силы и магия.

А затем атаки вдруг закончились.

— Что? — непонимающе моргнул Михаил. — Отбились? Где Грымжаг?

Ему указали на ворота, где высилась баррикада из трупов.

— Достать, наверняка эта..., - Михаил осекся. — Если жив — подлечить, если мертв — похоронить с почестями!

— Повелитель, вам надо отдохнуть, — прильнула к нему одна из демониц.

О да, а еще на работу и тренировки, устало подумал Михаил. Еще никогда он не проводил столько времени в Башне, но все же справился, справился!

— Надо. Ты уверена, что бурный секс до изнеможения — это отдых?

— Вам не надо будет ничего делать, повелитель, — промурлыкала та, — только лежать и наслаждаться.

— Тарбейс! — крикнул Михаил.

Рысью подбежал горный карлик, с него на бегу свалились изрубленные доспехи.

— Командуешь в мое отсутствие, — приказал Михаил.

Глаза карлика аж загорелись, нос задергался, нацеливаясь на демониц.

— В следующий раз навалятся со всех сторон, готовь ловушки по периметру и путь отхода в болото, а я пошел отдыхать.

— Конечно, комендант...

— Уже нет! — прогремел голос.

Все вокруг упали на колени, один Михаил остался стоять и у него возникло ощущение, что он допускает ошибку. Развернулся и поклонился начальству, которое явилось со свитой и, возможно, подкреплениями.

— Теперь я, князь Бездны Тарафет возглавлю оборону этой крепости!

Почуял успел и явился отобрать, подумал Михаил, снова склоняя голову, но этого князя

ждал сюрприз. Отступив и перегруппировавшись, игроки наверняка ударили бы в разы сильнее.

— А ты! — его коготь указал на Михаила. — Отныне ты возглавляешь отборную тысячу и становишься ее капитаном!

Мелкий бес подкатился, вручая Михаилу разбрасывающий искры свиток.

Михаил открыл глаза в своей квартире, ощущая себя уставшим, потным и грязным.

— Ты утомлен, — раздался ласковый голос.

Был у него соблазн придать ей облик Тани, но Михаил удержался. Кукольное, почти детское лицо и совсем не детские формы.

— Очень утомлен, — согласился Михаил.

В то же время внутри бурлили гормоны, радость, его прямо распирало от желания командовать и доминировать. Но вначале все же помыться, Михаил как-то не рискнул включить в комплексе погружения систему очистки.

— Тогда я сама помою тебя, — улыбнулась ему далка, которую он назвал Ларисой.

— Можешь даже отнести меня туда, — предложил Михаил.

Плевать, что это напоминало бы ему о ее природе, смеси органики и робочастей. Ему как раз хотелось этого, помнить, что она киборг, а не живая женщина. Лариса легко подхватила его, отнесла и помыла со всех сторон и затем покорно опустилась на колени, так как Михаила уже распирало от вида ее обнаженного тела.

— Я приготовила тебе поесть, — сообщила Лариса, поднимаясь и облизываясь.

Ведь сама она уже поела, вертелась в голове Михаила пошлая шутка. Или не слишком пошлая по новым временам? Он поел и затем его уложили на стол и начали делать массаж, умело разминая шею, спину, ягодицы и ноги.

— Да, вот это жизнь, — простонал он от наслаждения. — За такое стоило отдать денег.

Михаил выбрал не самую дешевую модель, скажем прямо, да еще и доплатил за индивидуальную подстройку, но сейчас он ощущал себя богачом. Рейтинг и кредиты росли, явно сеть смотрела записи осады крепости и восторгалась или что там, а точно, игроки лучше и полнее взаимодействовали, собираясь покарать коменданта, руководившего обороной.

— Дурак ты, Тарафет, — пробормотал он.

— Что? — остановилась Лариса.

— Говорю, на работу пора, где у меня нормальное начальство, но перед этим.

Он перевернулся и потащил к себе Ларису, которая тут же взгромоздилась на него, нависла, дразня оттопыренными грудями.

— Добро пожаловать к нам домой! — радостно воскликнула Лариса.

— Гм, как интересно, — потер подбородок Олаф.

— Мне кажется или она похожа на Джуди? — спросил Руслан, склоняя голову вбок.

— Кажется, — проворчал Михаил и только потом понял, что его просто подначивают дружески.

— И что сказали соседи? — спросил Олаф, обходя Ларису и разглядывая со всех сторон.

— Попросили одолжить им на пару дней, предложив взамен своих женщин, которые, надо сказать, радостно согласились, — еще ворчливее отозвался Михаил.

Руслан вдруг встал в боевую стойку, Лариса посмотрела на него удивленно.

— Ты не закладывал в нее боевую программу?

— А ты попробуй ее похитить или изнасиловать.

Настроение немного испортилось, предполагалось, что друзья будут восхищаться Ларисой, а не устроят допрос и не будут изображать всякое. Соседи тоже, хотя тут следовало признать, что Михаил сам не продумал их реакции. Гадостей еще не делали, но за глаза наверняка осуждали и сплетничали, как сделал бы сам Лошадкин в прежней жизни, поселись у них в доме богач, выставяющий напоказ это самое богатство.

— Не мой типаж, да и зачем насиловать, когда вокруг полно на любой вкус?

— Да и Лариса..., - начал Олаф.

— Вам принести напитков?

— ... сразу же доложит об этом, но внешность, — Олаф покачал белокурой головой.

— С ней что не так? — сварливо спросил Михаил. — Чрезмерная? Стало быть, надо было заказывать себе уродину, дабы соседи к ней не лезли?

— Не энергонь, — отозвался Олаф, — я ни в коем случае не осуждаю тебя, наоборот, это будет интересная часть, ведь ты позволишь наблюдать за тобой и социальной динамикой вокруг тебя?

Михаил пожал плечами, мол, валяй, кто же запретит?

— Ты же знаешь, что можно немного доплатить и установить ей боевые программы?

— Зачем?

— Как это зачем? Отличный спарринг-партнер, во всех смыслах! — объявил Руслан.

Михаил задумался, но в голову опять лезла всякая чушь, вроде того, что кто победил, тот и имеет побежденного. Все же внешность Ларисы, ладно, перестарался, но зачем ему уродина? Все вокруг старались стать красивее, подтянуть тело, даже те тетki и почти старушки — ожмики, пытавшиеся набиться ему в спутницы жизни.

— Я вас побить не могу, где уж мне тягаться с киборгом. По поводу же зависти от соседей, то можно переехать в отдельный дом на нас троих.

— И делить одну далку на всех, как в старые времена, Далка и три мушкетера! — подхватил Руслан.

— Чего? — переспросил Михаил, решив, что ослышался.

Сеть, в общем-то могла нарисовать, что угодно, а если требовались съемки «в живую», то вот вам роботы и киборги на любой вкус. Трехмерные голограммы и возможность передачи любых ощущений, даже отношения на расстоянии теперь могли быть полностью телесными. Погружалы — кинотеатры нового времени, вообще давали возможность ощутить

себя любимым из героев, испытать что-то в чужом теле, не меняя своего, и так далее.

— Ты опять все перепутал, — добавил он.

— Бывает, я вообще плохо изучал историю, — пожал плечами Руслан.

— Патриархат предполагал доминирование самцов, отбиравших себе лучших самок, — наставительно заметил Олаф, потягивая нечто прозрачное, принесенное Ларисой в запотевших бокалах. — В чем-то эта модель и сейчас не изменилась, самки вокруг Михаила предлагают себя ему, убедившись, что он успешен, богат, способен их прокормить и обеспечить выращивание ребенка.

— Эй!

— Разумеется, никаких детей, но вот это вот внутри о том не знает и подталкивает их изнутри, а социальная надстройка в мозгах преобразует импульсы уже в новый формат. Развлекаться за твой счет, расплачиваясь доступом к телу, и так далее.

— Тебя послушать, так мы прямо обезьяны какие-то, — обиделся Руслан.

— Так и есть, во многом так и есть, — философски отозвался Олаф, — и одна из главных задач современности, все эти импульсы обезьяны преобразовывать в надстройке в правильные действия. Не продажу своих половых органов за кредиты, а чтобы возникало желание стать наравне с Михаилом или еще кем-то. Это условный пример, условный, секс сейчас ничего не стоит, благодаря наследию старого мира, и в чем-то оно и хорошо.

— Как-то слишком уж глубоко, — отозвался Руслан. — Или высоко, не допрыгнуть.

— Если не ставить высокие цели, то и не допрыгнешь. Я тут так, скромно сбоку пристроился, наблюдатель и исследователь в основании огромной пирамиды, занятой данными вопросами. Ожмики — питательная среда для обезьян внутри нас, так что я посоветовал бы Михаилу заняться воспитательной работой.

— Чего? Брать к себе женщин и воспитывать? — ошетинился Лошадкин.

— Обрати внимание, о чем ты подумал в первую очередь, — указал Олаф. — Но я говорил о другом, о том, что тебе стоило бы пойти в массы ожмиков и тянуть их за собой личным примером, мол, ты смог и они смогут. Вот ты с нуля и будучи чужаком в новом мире, изучил, смог, получил массу рейтинга и кредитов... кстати, как-то их многовато для строителя социального жилья. Не подумай, я только рад за тебя, но.

Взгляд его остановился на Ларисе, которая скромно стояла в сторонке, потупив глаза, будто не могла отвести взора от своих чудесных, упругих возвышенностей вперед. Михаил вдруг вспомнил свои планы купить летающий автомобиль и приодеться, и чуть не закашлялся. Новый мир, ага, а он все по-старому, осталось только дом отдельный купить, благо доходы от Башни позволяли.

Теперь позволяли.

— Не подумаю, — ответил Михаил, — собственно, за этим и позвал, чтобы сразу все объяснить и не громоздить ложь на ложь и делать вид, что мы друзья. Да, это комплекс для полного погружения в виртуальные игры, а именно, в Башню.

— О! — оживился Олаф. — Ты возводишь укрепления против Темного?

Руслан посмотрел задумчиво, словно прикидывал, можно ли в Башне тренироваться. Хотя, для него, это скорее пройденный этап, решил Михаил.

— Кого?

— Ты играешь в Башню и не смотришь трансляции? Не слышал о Темном?

— Мне некогда, я играю в Башню, — развел руками Михаил.

Внутри него зародилось подозрение, кто такой этот Темный и ему очень не понравился

подтекст. Он пригласил Олафа и Руслана, чтобы рассказать, благо вид Ларисы и прочие дела сами вывели разговор на нужную тему, но теперь Михаил опять засомневался.

— У подземных появилась группа талантливых игроков, не знаю уж, откуда. Диверсии, удары в спину, обман, они взяли крепость, запирающую основной проход наверх, к восьмому этажу, и потом еще и отбили все штурмы. Самый главный из них, Темный, весь в черном, маска, шляпа, мощная магия сокрытия, явно не хочет, чтобы его опознали, гад такой! — стукнул кулаком по столу Олаф и там все подпрыгнуло.

Лариса моментально оказалась рядом, подхватила падающий бокал и улыбнулась Олафу, покачала головой, мол, ай-я-яй, не надо так делать.

— А если сорвать шляпу? — спросил Михаил, стараясь, чтобы голос звучал беззаботно.

— Сорвешь ее, как же, охрана в три ряда, посылали диверсантов, да те не справились, — проворчал Олаф.

— Вернуться, что ли, — задумчиво пробормотал Руслан.

— Да! Да! Вернись! Подстрелим гада издалека, я поговорю с начальством, мой отряд прикроет, а ты его снимешь из винтовки! — оживился Олаф.

— Все так плохо? — невольно спросил Михаил.

Внутри что-то бурлило и перекатывалось, не покидала мысль, что зря он затеял этот разговор. Таня бы сразу сказала правду и на нее даже не обиделись бы или обиделись и расстались... как сам Лошадкин. Олаф размахивал руками и горячо что-то объяснял Руслану, мелькали знакомые слова и названия, и Михаил невольно включил запись, дабы потом проанализировать.

Он и без того держал руку на "пульсе сети" в вопросе Башни, заранее узнал о некоторых неприятностях, но никак не ожидал такой бурной реакции, хотя мог бы и догадаться. Строить подлости и бить в спину, добиться успеха, способного привести к обрушению Башни, возможно частичному, но все же, о, после такой катастрофы Михаил точно стал бы врагом номер ноль, один, два и так до ста.

— Не то, чтобы плохо, — отозвался Олаф, — но в общем да. Туда перебрасывают силы и готовят большой штурм, а значит ослабла оборона на других направлениях, и нам приходится отдуваться за двоих, небесные тоже удвоили усилия в части осады. Везде повысилась активность, вроде хотят ударить с шестого этажа, не то, чтобы в спину, ну сам понимаешь.

— Понимаю, — кивнул Михаил.

Одновременно с этим он понял, что не признается Олафу и Руслану, дабы не терять друзей и внутри стало как-то грустно и печально. Словно Таня стояла неподалеку и смотрела с немым укором, от которого щемило в сердце.

— Расслабились, упустили, — продолжал горячиться Олаф.

— У вас повысилась нагрузка и чересчур быстро бьется сердце, — вдруг сказала Лариса, — вам нужно выпить успокаивающего отвара, а потом я могу сделать вам массаж спины и шеи, чтобы кровь циркулировала лучше.

— Почти один в один как моя манопла, — бросил Олаф и отмахнулся, едва не выбив окно. — Вот так всегда! Расслабьтесь, не напрягайтесь, берегите здоровье, не волнуйтесь чрезмерно и что в итоге?

— Что? — невольно спросил Михаил.

— Подземные берут нас голыми руками! Но ничего, зато встряхнулись и забегали, сеть бурлит, приток новых игроков, жаждущих биться, да и часть старых вернулась, — он бросил

взгляд на Руслана. — Объединение, взаимодействие, сотрудничество, все то, ради чего создавали Башню, ударим и задавим!

У Михаила сразу появилось сильное желание назло им отстоять этаж.

— Жаль, конечно, что ожмикам это недоступно, — переключился на любимого конька Олаф.

— Почему, кстати? — оживился Михаил, увидев шанс уйти от опасной темы.

Не смотри, что сам пригласил, дабы признаться издалека.

— Потому что они ринулись бы туда и сидели круглыми сутками, вся польза ушла бы в минус.

— Так и сделали бы, — посоветовал лениво Руслан, — чтобы они сидели там и не размножались. А тех детей, что у них случайно получаются, легко заменят искусственные утробы.

— Да они и так не размножаются толком, хоть и спариваются сутками напролет, но проблема ожмиков она шире, чем просто "дадим им кнопку, которая приносит удовольствие, чтобы жали, пока не помрут". Если бы дошли до такого решения проблемы, то проще было бы всех ожмиков умертвить разом, — ответил Олаф, опять погружаясь в задумчивость и падая в кресло. — Технически это легко осуществимо и та же группа "Восемь-Восемь", ну помнишь, которая восьмого августа собиралась выступить, именно этим и хотела заняться в первую очередь, взломать и изменить программы, на чем и погорели.

— Комплексное воздействие кнута и пряника, или морковки, подвешенной перед носом, — вставил свои пять копеек Михаил.

— Что-то такое, да, вопрос сложный, — кивнул Олаф. — Как говорится, у каждой проблемы есть простое, понятное всем и неправильное решение, и ожмики не исключение.

— Но ты сидишь здесь и над проблемой работают, понятно, — добавил Руслан. — Как и над многими другими.

— Да, не хватает специалистов во всем, но в то же время, проекты продвигаются, энергии хватает, изобилие растет, а молодежь подрастает, фундамент потребностей в живых закрыт, рядовых, если говорить языком Башни, а не хватает офицеров.

— Энергии хватает? — спросил Михаил, пытаясь опять увести тему от Башни. — А я вот слышал совсем иное.

— Да-да, очень популярная тема, энергония мало, зачем мы помогаем другим расам и системам, скоро наступит дефицит энергии, а мы разоримся, власти скрывают, ну эта часть не слишком отличается от твоей прежней жизни, да?

— Наверное, это бессмертная тема, — улыбнулся Михаил. — Недовольство властью, заговоры, демонстрации протеста, вооруженные выступления, чтобы самим взять власть и попытки апелляции к массам.

— Это вот, кстати, тоже один из моментов, каких не бывало ранее, невероятная связность населения, благодаря сети, — заговорил Руслан.

Интересно, подумал Михаил, а ожмики скидывались в складчину на всякие интересные ресурсы в сети, как вот на вещи?

— Мобильность, — добавил Олаф.

— Ожмики.

— Ну и что? Минимума хватает на несколько поездок, этого достаточно, приехать толпой и жить у других ожмиков, ведь мы говорим о всеобщем выступлении против властей?

— Да, — кивнул Руслан. — И вся эта мобильность и связность ничего не решают, так

как власти бдят и у них полно роботов, оружия и, самое главное, власти над сетью.

— Поэтому всякие недовольные начинают с попыток взлома ИП? — поинтересовался Михаил.

— Да, и большая часть их дальше не уходит, — ответил Олаф. — Масса без рейтинга ничего не решает, а чтобы решить, надо подниматься и втягиваться в работы на пользу обществу.

— А я слышал, что многие остались за бортом из-за возраста и того, что не могут освоить новые профессии, тогда как старые отмерли, из-за наступления ЭЭ, — сказал Лошадкин. — Они же тоже ожмики? Что с ними, как решаются их проблемы, если они хотят работать?

Глаза Олафа сверкнули, а Михаил мысленно выдохнул облегченно, увел окончательно разговор в сторону от Башни. Теперь следовало спокойно дожидаться окончания их визита и припасть к Ларисе, а потом помыслить над этим ударом в спину с нижнего этажа.

Кираса и наплечники, налокотники и поножи, а также шлем, Михаил напоминал самому себе конкистадора из книжек, только алебарды не хватало, или чем там они махали. Шлем закрывал голову целиком и от него регулярно потело и чесалось лицо, но что поделывать, приходилось принимать меры, чтобы не опознали и не подстрелили издалека.

— Милорд, местность проверена, снайперов нет, — появилась рядом помощница — демоница. — Тысяча построена и ждет ваших указаний.

Наложница? Магесса? Все разом, в общем.

— Отлично, — прогудел Михаил из-под шлема.

Пошел вперед, ощущая, как давит броня своим весом. Зачарованная, вроде бы способная выдержать пулю или вражеское заклинание, но Михаила не покидало ощущение, что он что-то упустил в оружии, из которого его могли убить. Или отравить, ну хотя бы девицу в постель никто не подсунул бы, пусть ради этого и приходилось обходиться демоницами.

Практически Темный, не по прозвищу, а описанию из сети, где ему приписывали всякое.

— Бойцы! — воскликнул Михаил, ощущая на себе взгляды построенной нечисти. — Сегодня мы совершим небывалый подвиг и прославим свои имена в истории, а также нас осыплют золотом, кристаллами маны и всем, чем вы только пожелаете!

— Да!! — раздался могучий рев.

Диссонанс того, что кричали вразнобой, тонул в общем шуме.

— Награда соответствует риску, и он высок. Смертельный риск, ведь мы отправимся напрямик в логово врага! Не все вернутся оттуда и бой будет жестоким, таким, что земля потемнеет от крови и ее не будет видно под грудой тел!

А, возможно, что вообще никто не вернется и тогда возродившегося Михаила ждет пинок, который сбросит его с небес командования обратно в ад рядовых, если не хуже. Штрафную роту нечисти, штурмовать крепости игроков в лоб без какой-либо поддержки.

— Поэтому мне нужны только добровольцы, те, кто будет биться, зная, что их ждет!

Уже в процессе речи Михаил сообразил, что не оттуда зашел, такая речь подошла бы игрокам. Гордость, самопожертвование, желание биться и отстоять свою землю, постройки, все это почти ничего не значило для нечисти. Молчание было ответом, хотя несколько самых подхалимов, желающих выслужиться, уже выступили вперед, но робко, на условные полшага, не больше. Чтобы пойти в драку, но прикрываясь другими.

— Мы ворвемся в лагеря и крепости врага, захватим их богатства и оружие, изнасилуем их женщин, все, что вы захватите там, на той стороне — ваше! — заговорил Михаил, сменив подход.

А кто не успеет сбежать с добычей, нахав от жадности, то это его проблемы, добавил он мысленно. Следовало ковать преданных лично ему бойцов, способных выполнить любой приказ и это же навлекло бы на него новые подозрения от рогатого начальства сверху.

Но, с другой стороны, все равно требовалось что-то делать, так почему бы и не?

— Да!!! — снова раздался рев.

Ну что за идиоты, подумал Михаил, ведь знают же, что там смерть и, в общем-то, ничего не изменилось. Кроме того, что он пообещал им всю добычу сразу, а не потом. Недоверие к начальству, понятно, пусть и оправданное, но сейчас выстрелившее Михаилу в

спину.

— Все, что звякает и гремит — убрать, брони снять, маскировочные накидки и черная краска, пойдём налегке и в темноте, — бросил Михаил через плечо.

— Будет сделано, командир!

Еще один минотавр, Табурентус, крепкий, сильный, звезд с неба не хватающий, но зато верный. Все же Михаилу иногда не хватало Грымжага, с его правдивостью и криками о мясе, вот как сейчас. Вдруг что-то забыл, не учел, пропустил? Табурентус вот не сообразил бы с ходу, а потом, возможно, просто не сказал бы, махнул бычьей головой или еще что, и в результате операция Михаила провалилась бы.

Успехи его продолжались, но и ходьба по тоненькой проволоке над огненной пропастью — тоже. Следовало рисковать и продолжать нестись верхом на бешено дергающейся удаче, пытаясь удержаться за ее хвост и загривок. Если бы Михаил собирался задержаться в Башне надолго то, конечно, лучше было бы затаиться и спокойно готовиться, не высываясь, но он не собирался.

— Кто оплошает — будет казнен вместе с командиром десятка, доведи до сведения всех.

— А если он специально оплошает? — вдруг спросил Табурентус.

— То ничего не изменится, — спокойно ответил Михаил, — нам такие рядовые, мечтающие убить командира десятка ценой своей жизни, не нужны. Как и командиры, которые доводят рядовых до подобного.

Можно было не сомневаться, что уже вскоре его слова дойдут до всех. Будет ли эффект — неясно, но уж десятники постараются, проверят, чтобы не погибнуть самим. Страх и жадность, поднятие войска в бой ценой будущих страданий игроков, что-то царапало Михаила внутри, словно ему не хотелось так поступать.

Совесть или страх перед потерей социального положения?

— Командир, — прильнула к нему демоница.

— Собирайтесь, кошки драные, — рыкнул Михаил, — успеете еще помахать хвостами и кнутами! Присмотрите лучше за рядовыми, чтобы никто не упорол ничего.

— Пороть тут будем только мы, — промурлыкала демоница, облизывая кнутовище.

— Я... да, порите за провинности, — не стал вдаваться в лингвистические тонкости Михаил.

Риск — на позициях оставался только десяток для имитации лагеря — и риск не только нападения со стороны игроков, но и визита начальства, которое не стало бы разбираться. За такое дезертирство тут же всех поубивало бы, поэтому если уж бежал, проще было бежать и дальше, не возвращаться.

Михаил тоже скинул броню, нацепил кусок ткани, вроде балаклавы, только зачарованный. Он бы всегда в нем ходил, если бы не опасения вражеских снайперов, после того разговора с Олафом и Русланом. Не шуршащая, тесно прилегающая темная одежда, а по-хорошему стоило бы обойтись и без нее, пробежаться гольшом, чтобы вообще не шуметь. Обувка — сандалии на толстой подошве, не бронесапоги, и Михаил порадовался, что хотя бы лицо красить не надо, все равно скрыто.

Клинок с тихим хрустом вошел в спину игрока.

— Тем..., - успел тот обернуться, но договорить не успел.

Подручный Табурентуса смахнул ему голову и порысил, натягивая сетку. Огромную

сеть, в которую предстояло падать с высоты воздушной шахты тысяче Михаила. Падать, откатываться и прятаться, не шуметь, чтобы потом разом ударить по лагерю на шестом этаже. Главная крепость находилась чуть дальше, а здесь располагались склады со всяким опасным и нужным, дорогим и снова нужным, для проведения масштабной диверсии.

Охраны и прочих хватало, это шахту охраняли, спустя рукава, расслабились, поэтому Михаилу и отборному десятку удалось взять их в ножи, что называется. Сетку уже натянули, подали сигнал и вскоре прилетело первое тело, спружинило о чары и откатилось, следующее и еще одно, тысяча Лошадкина валилась густо, будто переспелые ягоды.

Как там Осман Петрович, мелькнула неуместная мысль.

— Вперед, — скомандовал Михаил, едва набралось две сотни. — Атакуем склады, Табурутус — принимай остальных, Альвия — следи за ним и своими сестрами.

Демоница оскалилась в темноте, еле слышно хлопнула хвостом. Пришлось пообещать им возможность насилия над каждым нарушителем, прежде чем того казнят (или казнь прямо в процессе насилия) и теперь демоницы старались, рвали жилы и хвосты.

Вот так и катятся по наклонной во имя своих целей, почитаемых благими, подумал Лошадкин.

— Соблюдать тишину, — напомнил он еще раз. — Раскроют — погибнем и добычи не получим.

Игрокам он сказал бы, пожалуй "всех погубим", и Михаил замахал мысленно руками, разгоняя все эти непрошенные идеи, словно стаю ментальной мошкеры. Что это на него нашло? Влияние нового мира? Живых в нем?

Нашел время для самокопаний, зашипел на себя Михаил, обнажая оружие. Короткие клинки, вроде римских гладиусов, хотя скорее большие ножи для разделки, но в драке внутри тесных помещений самое то. Умельцы из числа нечисти уже обезвредили сторожевую сигнализацию, накинули свой полог тишины и в нем свистнуло несколько стрел.

Часовые повалились оземь, два минотавра оказались рядом, подхватили тела, сорвали с пояса ключ от дверей. Михаил ощутил ловушку, подскочил и ударил в дверь рукоятью, зашипел внутрь.

— Братан, помираю от жажды и голода, у тебя перекусить не найдется?

— На посту нельзя, — выглянул третий, тоже в нарушение инструкций и тут же получил клинком в лицо.

Две сотни ворвались внутрь, ударили остальным часовым в спины, начали сгребать и хватать, шуметь, благо полог тишины еще работал. Когда подбежала остальная нечисть, им оставалось только схватить все опасное и ринуться дальше к лагерю. Вспыхивали драки за добычу и летели голову, кнуты, указания, что дело еще не закончено, вначале нужно победить, потом грабить!

— Так Альвия, твой выход, — скомандовал Михаил.

Демоницы умели летать, не слишком высоко, не слишком далеко, так, поднять жертву да уронить головой о камень. В то же время Михаила почему-то не покидала картинка, как он летит на спине обнаженной Альвии, держась руками за ее груди, словно за поручни и одновременно с этим нагнетая ей "топлива" под хвост.

— Да, командир, — оскалилась та.

Их приставило к нему начальство, так что Михаил не обольщался. Демонстрируя верность и подставляя оттопыренные задницы по первому знаку, демоницы стучали наверх,

как стая дятлов на барабанах. Но пока Михаил шел к успеху, на них можно было положиться.

Альвия и остальные подхватывали стеклянные шары, взводили взрыватели на магии. Михаил не сам придумал эту штуку, читал в какой-то старой книге, и одновременно с этим его не покидало ощущение, что он выпускает джинна из бутылки. Но ведь сказано было, что в Башне можно все, да? Химическое оружие, биологическое оружие, даже ядерное, если сумеешь построить или на энергонии, сумеи только добыть, а тут подумаешь, стеклянная пыль и осколки на манер гранат.

— Третья сотня — в атаку! — скомандовал он.

Демонстративная атака на укрепления и ворота лагеря, сигналы тревоги, рядовой состав выбежал из шатров, спеша успеть отразить натиск и попадали прямо под взрывы стеклянных бомб. Иссечение, пыль в глаза и рот, не обнаруживаемая рентгеном, хотя целители, скорее всего справились бы.

— Шестая сотня — удар по целителям, пятая — башни, четвертая — резать магов!

Орущая, истекающая кровью, гибнущая масса. Летели стрелы и заклинания, демоны пробивали навывлет и сбивали, тут же кололи копьями и рубили мечами в кровавый фарш, топтали и убивали. Раздалось несколько выстрелов, полетели сети, и Михаил растянул губы в улыбке, увидев, что уцелела только Альвия с подругой, Караномой, отличавшейся укороченным хвостом.

— Первая и вторая — рассыпаться и резать бегущих, остальным — блокировать крепость!

Успех первого удара не означал победы, но все же губы тянулись все дальше. Михаил вдруг познал радость подстав и смертей тех, кто мешался ему под ногами. Немного жалко было тел, но теперь, когда у него появилась Лариса, все эти виртуальные извращения выглядели пресными и скучными. Тем более, что он никогда не увлекался болью, хлыстами и прочим.

Но вот эта смерть демонов, приставленных шпионить за ним!

— Командир, — Альвия приземлилась рядом, обливаясь потом.

Тело ее блестело и пованивало, она тяжело дышала, и Михаил, поддавшись порыву, ухватил ее за хвост, вздернул и нагнул, вошел, выплескивая возбуждение и радость. Так легко можно было протрахать все сражение, но Михаил все равно поддался порыву.

Излился, сжимая ее бедра, и отпихнул Альвию, утерся, думая о том, что создатели игры явно не доработали этот аспект. Не секса, конечно, в этом все было в порядке, а игры за злых, возможности ощутить все эти импульсы внутри, поддаться им и испытать в реальности. Конечно, тот же Руслан говорил о своих тренировках и стажировке, но Михаил почему-то не воспринимал там всерьез.

Тогда как здесь, в Башне, игроки могли насладиться старым миром во всей его красе.

— Командир!

— Вижу, — рыкнул Михаил, бросая взгляд на Альвию.

Та извивалась на земле и сжимала грудь руками, облизывалась. В небо взлетели несколько вспышек, означавших, что сдержать силы игроков в крепости не удалось.

— Снайперам — на позиции, — скомандовал Михаил, — выбивать командование!

Поди найди его в ночи, но все же.

— Остальным контратаковать и потом отходим к лестнице. Десятой сотне — атаковать там, подготовить проход!

— Командир, вы обещали добычу! — воскликнул Табурентус.

— Разве я соврал? — деланно изумился Лошадкин, поводя рукой.

Лагерь и склады пылали, метались игроки, нечисть резала их и тут же отбирала оружие и броню, хватала вещи, какие попадались под руку, что-то жрала и чавкала, некоторые опять дрались, тягая магические вещи и вырывая из лап друг друга.

— Огнестрельное собрали?

— Да, командир, все, что нашли и что не взорвалось от слишком жадных лап.

Михаил только усмехнулся невесело. Ему предстояло пробиться обратно, опрокинуть ударом в спину заслоны и вернуться на свои позиции и отбиться там от погони, которая повиснет на плечах или попробует повиснуть, к гадалке не ходи. Все же, пожалуй, следовало оставить одну сотню в качестве засадного полка, ну да чего уж теперь гадать о несбывшемся.

— Отступаем! Кто хочет пограбить — может оставаться.

Бычья голова Табурентуса вдруг тоже озарилась оскалом, он даже хохотнул трубно, словно замычал.

— Слушай мою команду! — закричал минотавр, устремляясь прочь.

— Вставай, — снова пнул он Альвию в упругий зад, — и маши хвостом, пока не оторвали.

Рев игроков, бегущих в атаку девятым валом, нарастал и приближался.

Перед глазами Михаила крутился трехмерный макет дома, сопровождаемый пояснительными сносками о материалах, общей прочности конструкции, моделировании нагрузок и несоответствии окружающей обстановки. На северо-восточной стороне выходило чрезмерное затенение, нарушение норм соляности, и почва внизу тоже давала усадку под нагрузкой.

Михаил протянул руки, начал переставлять блоки, тут же побежали новые строчки, строительный ИП обсчитывал нагрузки и моделировал их, и Лошадкин втайне порадовался. Никогда он не любил сопромат и начерталку — да и кто их любил? — и визуальный конструктор радовал его прямо до глубины души. Не требовалось программировать, думать, разбираться, переставляй и прикидывай, остальное система сама за тебя посчитает.

Система плюс ИП, запрограммированные и созданные другими, настоящими специалистами, которых так не хватало, и Михаил зрел в происходящем странную иронию. Инструменты, призванные облегчить труд, заодно, можно сказать, лишали знаний тех, кто ими пользовался. Ведь не требовалось разбираться и учить, только крути — верти руками.

Он даже отправил об этом осторожное сообщение и получил благодарность и подробное перечисление тех, кто занимался этой проблемой, к кому можно обратиться, слайды на сайты и указания на образовательные программы и психологические труды и записи споров и обсуждений.

В общем, почесал Лошадкин в затылке и больше не беспокоился по этому поводу.

— Закончил? — вышел на связь руководитель их строительной бригады.

— Да вот с почвой все неясно, — ответил Михаил. — Может вначале копнем на глубину и возведем там основание?

— Скинь мне сканы, — и Михаил отправил требуемое.

Различные устройства для сканирования тоже являлись частью сети и их облегченный вариант использовался в манопках для создания улучшенной или дополненной реальности, в той, в которой живой видел различные свойства объектов и других живых вокруг. Где все пояснялось, давались справки, подсвечивались опасные зоны (и иногда сразу шли сигналы в нужные инстанции) и так далее.

В строительстве сканеры использовались очень широко и шли первым этапом, проверка почвы и воздуха, вод вокруг, построение трехмерной модели местности и ее состава, способности выдерживать нагрузки и так далее. Михаил работал в этой сфере отчасти еще и потому, что осознанная работа со сканерами являлась одним из требований к специалистам, отправляющимся в экспедицию терраформирования.

Было открыто несколько вакансий, но Михаил внезапно столкнулся с конкуренцией, добросовестной, но все же конкуренцией. Вообще, следовало такого ожидать, но он все равно немного расстроился, будто новый мир опять пытался поставить ему подножку.

— Ага, смотри, — бригадир отправил сканы обратно, но уже с пометками.

— Вижу, — отозвался Михаил.

Почва в любом случае давала там усадку, так как берег находился слишком близко. Но, парадоксально, если выдвинуть дом в море и опереть его на скальное основание, выходило лишь чуточку дороже, но намного красивее. Особенно, если добавить подводную часть с возможностью смотреть и выплывать туда, и Михаил отправил сканы обратно с

предложением, и так они некоторое время обсуждали проект, пока не доработали его.

Затем десять минут перепроверок и согласования, которые Михаил посвятил легкому безделью и продолжению прослушивания курса "Автостопом по Галактике", названного в честь книги из прошлого. Или фильма, Михаил никогда не вникал, помнил оттуда только шутку про полотенце и универсальный ответ на все вопросы бытия: "42".

— Отлично, работаем, начинай фундамент, а я пока согласую с остальными общий вид.

Комплекс из семи зданий и теперь, когда дом Михаила сдвигался на юг, следовало внести правки. В общем, подумал Лошадкин, раздавая указания роботам и строительному комплексу, даже лучше выходило, этакая вытянутая в море капля, а жилье в доме, стоящем в море, выходило... более элитным?

— Погоди, — снова возник бригадир, — социалы там паузу нажали.

— Ага, — чуть замедлено отозвался Михаил, — тоже вот только об этом подумал.

Новый мир не являлся глобальной уравниловкой и стрижкой всех под одну гребенку, но такое явное выделение одного из многоэтажных домов вызвало бы вопросы. Возмущения, социальные конфликты, попытки доминировать и меряться жильем, например, Михаил не взялся бы сказать точно, но он достаточно слушал рассуждений Олафа, чтобы понять: вопросы будут.

Роботы опять остановились, ожмики вокруг над чем-то засмеялись громко, часть вернулась к игре в трехмерный футбол, другие к картам, некоторые занялись друг другом.

— Так будут здесь строить дом или нет? — раздался громкий голос.

Михаил, почти погрузившийся было в патриархальные устои алурианцев, вынырнул одним глазком из сети. Еще следовало бы проверить дела в Башне, без полного погружения, но в последнее время Михаила словно охватывал страх перед входом туда. Будто он боялся разрушить все успехи и опять остаться у разбитого корыта.

— Будут, как проект утвердят, — ответил Михаил.

Две женщины средних лет, за которыми маячил какой-то невзрачный живой, вроде карлика. Задуранец? Эти карлики тоже фигурировали в части земной мифологии, оставшись там в образах цвергов, гномов, карликов, могучих, обитающих в горах и жадных, копящих сокровища и так далее. В общем, что-то добывали, пролетая мимо, и сталкивались с людьми, а дальше уже напридумывали всякого.

Женщины выглядели подтянуто, были умело обнажены, без скатывания в вульгарность и в другой раз Михаил обязательно представил бы пару сцен с ними, но не теперь, когда он обзавелся Ларисой. Теперь его больше интересовал задуранец, чем не возможность попрактиковать новые знания перед полетом в космическую Наружу?

— А пока утверждают, не желаешь развлечься, красавчик? — спросила одна из них. — Всегда хотела развлечься в кузове мешалки!

Михаил представил акробатику, сопутствующую процессу занятия сексом внутри строительного комбайна, и невольно содрогнулся. Занятно, конечно, но симуляция в виртуальности подошла бы лучше и не требовалось бы отключать системы безопасности и производить иные нарушения, за которые с него списали бы кредиты и понизили рейтинг.

Ни один секс не стоил такого!

— Я бы с задуранцем пообщался, — честно сказал Михаил.

— С кем? А, Грыглер на Землю прибыл, чтобы изучать секс людей и наблюдать за ним, — с улыбкой сообщила вторая. — Чем необычнее, тем ему интереснее, он даже сам не стесняется участвовать, у него такие сильные руки и пальцы.

Голос ее становился все более томным, переходя чуть ли не в страстное дыхание.

— Давай, покувыркаемся втроем в мешалке, и он потом с тобой до вечера общаться будет, — вступила первая.

Явно отлаженный дуэт и что-то шевельнулось внутри Михаила. Будто задел ногтем старую рану, уже начавшую заживать, сдернул корочку и все снова задергало и закровило. Две умелые тетки, явно привыкшие работать в паре, помимо порнороликов и прилива крови вниз, в голове Михаила сразу заворочались сомнения, не собираются ли его снова куда-то завербовать?

А задуранец вполне мог оказаться агентом их разведки или вовсе наемником, работающим по заказу.

— Не, у меня дома далка есть, — сообщил Михаил, желая посмотреть на их реакцию.

Опасно, глупо, следовало отгородиться и отказаться от контактов, но он "ковырял рану", будто чесывал зудящее место, рискуя превратить там все в огромную язву.

— Робофил? — воскликнула первая. — Так давай ее к нам, мы не против!

— Умеет твоя далка вот так? — спросила вторая, приспуская с первой бретельки и припадая к ее груди.

Михаил повел рукой, создавая голографическую завесу и секс напоказ сразу прекратился.

— Импотент, только с роботом и может!

— Идем, Грыглер, этот самец вовсе не самец!

Михаил захохотал от души, потянулся послать сообщение задуранцу, но тот оказался без манопы. Турист или агент, непонятно, но на всякий случай Лошадкин отправил сообщение "наверх", лучше пусть так, чем потом кто-то еще пострадает от очередной секты "через секс к звездам".

Ягодицы женской парочки покачивались так синхронно, будто они годами оттачивали движение.

— Вот все равно не пойму, — задумчиво произнес Михаил, вызывая Руслана.

Тот трудился не слишком далеко отсюда, возводя мини-завод по переработке чего-то там. Возможно, даже того мусора и строительных отходов, что генерировала бригада Михаила.

— Прямо как я! — обрадовался тот. — Объяснишь мне потом, зачем было отдельно давать "на чай", если оплата за обслуживание и так включалась в общий счет и почему надо было все проделывать так тайно?

— Тайно? — машинально переспросил Михаил.

— Ну, вот они приносят тебе бумажку внутри закрытой штуки, ладно, это я еще могу понять, не было тогда всеобщей сети, но зачем потом класть внутрь деньги и закрывать, чтобы другие не видели, когда они и так все видели? Ладно, в закрытой кабинке, допустим, вы ели или ты один ел, чтобы никто за тобой не наблюдал, хотя и так наблюдали, ведь камеры были повсюду? Но если ты внутри закрытой кабинки, зачем тогда прятать все?

— Традиция, — озадаченно решил Михаил некоторое время спустя. — Наверное.

Никогда он не интересовался, почему так, да и в целом по ресторанам был не особо ходок. В какой-нибудь паб загулять, это да, но там другое.

— Вот и я, как ты, сижу и не понимаю! — хохотнул Руслан. — Благо, есть возможность отвлечься и попробовать понять, как у тебя... уже построили все?

— Не, социалов ждем, а то тут один дом в море решили сдвинуть и там теперь думают,

как это отразится на нежных ожмиках.

— К тебе снова подходили и предлагали всякое?

— Да! Что им, медом намазано?

— Так ты теперь миллионер и успешный мачо, если мерять на деньги твоего прежнего мира, — указал Руслан оживленно.

Он тоже учился, у Михаила, хотя и обставлялось все под разговоры. Руслан уже неоднократно заговаривал о практике, но Лошадкин все не мог понять, как это происходит. Если ему еще не дали разрешения лететь в космос, то куда мог отправиться Руслан? Если же дело происходило на Земле, то почему Михаил и не слышал о подобных "капиталистических заповедниках"?

В этом вопросе — по мнению Лошадкина — в новом мире делали все неправильно, повторяли ошибки прошлого, и он был не одинок в своем мнении. Разве что в сообщества вступать не стал, бежал от общественной активности прочь, сломя голову. Ожмики в его доме и районе вокруг то и дело за что-то голосовали, перестраивали, добивались, к нему пару раз приходили с петициями, но Михаил каждый раз закрывался в "раковине", не выступил, даже когда стадион переместили.

— Ведь я прав? — уточнил Руслан.

— Возможно, — задумался Михаил.

Роль эта выходила непривычной, а прошлые приключения отбили охоту грести самок вокруг, тем более тех, кто был старше его. Молодежь и ровесницы, к счастью, были больше пропитаны духом нового мира и не спешили трясти яйцекладом перед Михаилом, по крайней мере, не с корыстными целями "присосаться к рейтинговому".

— Но ты меня сбил!

— Извини, — вскинул руки Руслан. — Давай, у меня еще есть пара минут, потом надо будет монтировать передатчик энергии и затем у меня тренировка по пилотированию.

— Вот, возьмем Джуди, — произнес Михаил.

— Возьмем, это она любит, — ухмыльнулся Руслан.

— Ведь спокойно спит направо и налево, специалист в транспортных задачах и неплохой.

— Есть такое, и воздушными пузырями она увлеклась, решая задачи минимизации.

— Все есть, тело, секс, рейтинг, жизнь, так чего эти тетки из ожмиков так не поступают?

— А в твои времена все были миллионерами и супермоделями?

— Вот не надо этой современной моды на кривые аналогии, — возмутился Михаил.

— А она кривая? Ладно, я подумаю, — пообещал Руслан и отключился.

— Вот так всегда, — вздохнул Михаил, возвращаясь к лекции.

Затем проект все же утвердили, постановив добавить дополнительных красот и кольцевую зону общения и отдыха, и Михаил взялся за работу.

— Как ты и просил, дорогой, я привезла тебе обед, — мило улыбнулась Лариса, появляясь рядом.

Простенький сарафан, открытое летнее платье, соответствующее обстановке вокруг и общей тенденции обнажения. И в то же время, мощнейшее оружие соблазнения, ведь Михаил и без того сидел тут, как чучело воспаленного самца, растопырившее перья. Или как взбудораженный жеребец, если переводить на лошадиные термины.

— Ты и есть мой обед, — протянул к ней руки Михаил.

Легкое платье без нижнего белья под ним, что могло быть лучше? Михаил не стал тратить время на прелюдии, Ларисе они не требовались, и просто посадил ее на себя, вошел и начал двигаться, сбрасывая напряжение внутри. Лариса постанывала, мяла ему спину, нависала и целовала уши, и разрядка последовала очень быстро.

— Так и запишут в дело, занимался сексом на работе, — пробормотал Михаил, пока Лариса обтирала его.

— Во время обеденного перерыва, — ласково сообщила та, глядя на него невинным взглядом.

— А, ну тогда ладно, — почти успокоился Михаил и потянулся за едой.

Но являлся ли ответ Ларисы официальным разрешением из сети? Уменьшенное время работы и гибкий график, благодаря повышенной производительности, не отменяли правил и прочей техники безопасности. Стоило бы запросить сеть, но тут Михаил ощутил, что Лариса не просто обтирает его, а усиленно трудится над подготовкой к еще одному заходу в нее.

— Баланс так и не достигнут, — пояснила она, оторвавшись ненадолго, — тебе нужно пообедать мной еще разок, Михаил.

— Я люблю тебя! — почти закричал Лошадкин, сжимая ее в объятиях.

— Командир! В ваше отсутствие мы отбили три штурма! — доложил Табурентус. — Пойманы два лазутчика, допрошены и казнены, также снизу прислали подкрепление, три сотни новичков и две осадные машины нового типа!

— Так-так, пойдем, посмотрим, — оживился Михаил.

Диверсия на шестом этаже удалась, погибло много игроков, удалось отыграть время и обрушить часть лестницы, запечатать воздушную шахту. Приток воздуха теперь обеспечивали проломы во внешних стенах, где работа по их уничтожению не прекращалась ни на секунду.

— Командир! — подлетела Альвия.

— Только не говори мне, что ты соскучилась, — усмехнулся Лошадкин.

Демоны и есть демоны, нечисть признавала его командиром, пока приказывали сверху. Каждый из этажей Башни как бы соприкасался с бездной и небесами, откуда поступали подкрепления, компенсация того, что игроки возрождались и снова шли в бой. Бесконечный круговорот войны и строительства, игровая условность, которая, впрочем, не резала Михаилу глаз.

— Командир, — Альвия облизала губы, словно не решалась сказать.

Новички впереди спешно и бестолково строились, но Михаил даже не посмотрел в их сторону. Мясо оно и есть мясо, кто выживет после пары сражений, с теми уже можно будет работать. Новые осадные машины оказались вполне в духе сил Зла. Изрыгали струи огня и лавы, которая застывала, образуя лестницу или вал, ведущий на стены укреплений.

Также к ним прилагались несколько трицератопсов для перетаскивания и поездок команд, обслуживающих эти, буквально, адские машины. Михаил обошел кругом, прикидывая размеры и возможности. Под стены крепостей их, возможно, и не следовало тащить, а вот атаковать лестницу — самое милое дело. Залить все лавой, создать корку, запечатать проход, выиграв время. Затем молниеносный бросок во фланг, возможно даже сразу напрямиком на восьмой этаж, с прорывом к своим, хотя нет, не стоило повторяться.

Опасно для жизни.

— Повелитель, — вдруг сказала Альвия.

— Оставь эти игры, — поморщился Михаил. — Пока ты притворялась, все было прекрасно, не порти теперь момента.

— Могу я поговорить с вами наедине, повелитель? — тихо спросила Альвия.

— И предъявить очень тугие аргументы? — хохотнул Михаил.

Лариса расстаралась, привела его в порядок и эти демоницы с их когтями не действовали на него. Ладно, действовали, но в работу головы не вмешивались. Следовало начать уже разделять обезьяну и живого в себе, то, что ниже пояса и то, что выше пояса.

В общем, Лошадкин был настроен философски и не собирался искать проблем на "вторые девяносто".

— У меня есть важные новости, о которых еще никто не знает, — совсем уж тихо произнесла Альвия.

Не хватало только языка, сунутого в ухо, но Михаил все равно вообразил себе все, как наяву.

— Табурентус, новичкам — бегать вокруг лагеря, повышать выносливость, — указал

Михаил, — затем проверишь, как они владеют оружием.

— Уже проверил, командир.

— Всех, кто выше обычного уровня — в отдельную сотню и бегать, бегать, бегать.

Альвия крутилась рядом, давила на подсознание, и Михаил указал ей на свой шатер. Демоница промчалась, услужливо откидывая полог, а Михаил невольно зыркнул глазами по сторонам. Не то, чтобы он смог рассмотреть снайперов с такого расстояния, но все же следовало завязывать с этими старинными привычками. Восхваления и свита работали в средние века, сейчас все это вело к проблемам и снижало эффективность войск, армии, пока еще не добившейся окончательного успеха.

Вполне могло оказаться, что потребовалось бы разрушить все этажи, каждый отдельно, дабы Башня считалась упавшей, а игроки проигравшими. Поблажка или послабление, дабы игроки и дальше рвались к победе, попутно оттачивая взаимодействие, сражения плечом к плечу и прочий социальный заказ.

— Говори, — бросил Михаил, едва они оказались в шатре.

Зачарованная ткань, стандартный комплекс, как самой ткани, так и магии в ней, и Михаила тревожила эта предсказуемость. Следовало сделать что-то новое, например бегать везде рядовым, ночевать в подземных бункерах, а и то вовсе наплодить двойников. Дезинформация с подбрасыванием местоположения его бункера и истребление вражеских магов.

Еще следовало придумать что-то против огнестрела, разнюхать и разнести производства.

— Князь бездны Тарафет втайне просит вас о помощи, повелитель, — упала лбом в ковры Альвия.

— Втайне?

— Если об этом узнают другие, ему несдобровать.

— Поэтому он просит о помощи?

— Вы возвысились благодаря ему, и князь рассчитывает на ответную помощь. Я — его подарок и теперь вы мой повелитель, я буду служить вам душой и телом, преданно до самого конца.

— Смешная шутка, — хохотнул Михаил. — Особенно от того, кто собирался подставить меня с той крепостью. Или ты будешь оправдывать его?

— Нет, я служу вам, повелитель.

— Он собирался предать меня, не так ли? — спросил Михаил, принимая свободную позу. — Не справится, так и поделом выскочке, а справится, можно явиться и отобрать крепость, способную принести ему успех, да?

— Тот, кто добьется обрушения хотя бы части этажа Башни, уже возвысится над другими.

— Так почему я должен помогать твоему князю? — спросил Лошадкин. — Не считая того, что он может мне приказать и не платить ничего, а также казнить за неповиновение в любой момент?

Опасный момент, возможно, Альвия и не переметнулась, а рогатое начальство просто устроило проверку. Что будет, если поманить сладким пряником, предаст ли? Нечисть бы предала, по большей части, а живой, игрок? Или Тарафет специально направил Альвию, чтобы потом предъявить обвинение в измене, обычное, в общем-то, для "сил Зла".

— Он не мой князь, повелитель.

— Но ты поклялась мне по его приказу, — парировал Михаил.

Его не покидало странное желание приказать Альвии стать на четвереньки, чтобы сложить на нее ноги, и мысли о том, какой же херней он занимается. Интриги, подсиживания, предательства, удары в спину, зачем это все, когда следовало бить и сражаться? Ладно бы он еще там руководство игроков ссорил, внедрившись туда очень тайным агентом, но это?

— Кстати, хорошая мысль, надо записать, — пробормотал он и записал.

Сколько лет потребовалось бы на такое? Но идея внедриться и изображать Штирлица, а также главного интригана, который победил бы Башню, не разрушив ни одного этажа, только самих игроков, прямо не отпускала и вертелась в голове, будто хулахуп.

— Так в чем смысл этой бесполезной интриги? — спросил он громко вслух.

— Простите, повелитель, я...

— Князь мог бы просто приказать и все, как приказал тебе и твоим сестрам следить за мной.

— Он хочет помочь вам возвыситься, повелитель.

— Ага, а в аду так холодно, что там открыли фабрику мороженого, — поморщился Михаил. — Добровольно помочь мне возвыситься и стать выше него самого? Кто так делает?

Альвия молчала, потупив взор, будто неумелая актриса выступала в амплуа инженеру. Михаил смотрел на нее, размышляя о том, что он все равно оказался в безвыходном положении: отказаться и Тарафет потом насадит его на рога. Может, игроки и возьмут крепость, особенно, если игроки возьмут крепость, Тарафет сумеет уйти, ну кто справится с князем Бездны и потом насадит Лошадкина на рога. Рухнет сам, в смысле положения и Михаила за собой утянет, к гадалке не ходи.

Единственный вариант тут — связаться с игроками и ударить Тарафету в спину, не дать сбежать и погубить окончательно, но увы, Михаил не обзавелся связями и силой, чтобы повернуть такое. Или попробовать повернуть косвенную интригу?

Помочь и не дать Тарафету пасть, хорошо, но что дальше? Рогатый князь, видимо, многое поставил на крепость и возможность хотя бы частично обрушить этаж и накренить Башню, сделав из нее копию Пизанской. Михаил мог помочь, но его смущали все те же моменты, что и раньше — почему Тарафет не приказал прямо? Останется ли он благодарен после спасения, которое еще и к тому же вовсе не было высечено в камне, Лошадкин трезво смотрел на свои возможности и понимал, что он отнюдь не Суворов и не Кутузов, не Талейран и уж точно не Наполеон Буонапарте.

— То есть вы не поможете ему, повелитель?

— Нет, пока не услышу хоть немного правдоподобного объяснения, — хмыкнул Михаил.

Внутри он напрягся, приготовился откатиться в сторону, выхватывая клинок. Альвия, несомненно, предвидит это движение, но ей мешает стол и надо будет сразу резануть направо, сбивая атаку хвоста. Подобные мысли свидетельствовали о том, что он еще не достиг автоматизма, хотя Руслан гонял его на совесть, то есть себя гонял, а Михаил тянулся следом за ним и инструкторами из сети.

Цецилия, о да, эта забила бы Альвию ножкой от стола и даже не вспотела бы.

— Князь Тарафет воззвал к былым долгам и услугам, чтобы получить возможность обороны той крепости, отеснив вас, повелитель, то есть того князя, что стоит над вами.

— Он же всегда приказывал и повышал меня, — нахмурился Михаил.

— Это послужило началом конфликта, — еще сильнее склонилась Альвия, словно хотела продавить голову через пол. — Теперь он не может открыто позвать вас на помощь, ведь тогда вы, повелитель, немедленно получите новый приказ сражаться на другом этаже.

"Сыграть на этом?" подумал Михаил. Используя предложение Тарафета выбить предпочтений из своего настоящего начальства? В то же время его не покидало ощущение, что это будет добровольный прыжок в то болото, в которое он не намеревался сигать.

— Если вы поможете ему, то успех будет только ваш, а князь Тарафет потом втайне поддержит вас после возвышения, когда вас попробуют запутать в интригах и кознях.

А заодно использует меня, как таран, чтобы сокрушить тех, перед кем неосторожно подставился, подумал Михаил сердито. Сбежал, понимаешь, от реальности, но и здесь, в виртуальном мире, все так и норовили поймать его, хорошо хоть не буквально! Избранный, мать его, всем он нужен, чтобы крутить свои грязные дела и делишки, с ума сойти!

— И где гарантии?

— Он поклянется Бездной, повелитель! Вы получите часть его войск и сокровищ, сами убедитесь, что мой бывший повелитель не лжет!

— Смешная шутка, — машинально пробормотал Михаил.

А зачем он тогда вообще его повышал? Не ожидал, что Михаил "затащит потную катку" с крепостью? Мысли носились туда и сюда, разогревали голову и Михаилу захотелось сунуть ее в ведро с холодной водой, а заодно и поорать там. Интриги, предательства, подставы, обманы на трех слоях, все это было не его и в то же время где-то впереди покачивалась огромная сладкая морковка, рискни и сорви.

Ведь он уже рисковал и сорвал предыдущие морковки, не так ли?

— А чтобы он принес клятву, мне нужно спасти его из крепости, которую вот-вот возьмут, да?

— Князь Тарафет еще способен обороняться, повелитель, — сообщила Альвия, продолжая торчать головой в пол, задом в потолок, — и срывать планы строителей Башни, но долго он не продержится.

После чего поток игроков хлынет внутрь и уж они будут стараться, о да, кинутся с утроенной энергией, отвоевывая этаж. Михаила и его тысячу бросят в бой и можно потерять все достигнутое. Можно вообще все потерять, но почему-то остальные злобные начальники не спешили сами приходить на выручку.

В то же время что-то внутри царапало и дергало Михаила, будто он как-то занес туда занозу.

— Ладно, — проворчал он, — помогу. У тебя же нет порталного камня?

— Нет, повелитель, — вильнула задом Альвия.

— Разумеется, зачем облегчать спасение, когда можно его осложнить.

С другой стороны, тысяча Михаила сейчас принимала пополнения и не охраняла непосредственно лестницы и проходы на этаж. Он вполне мог поднять всех и перебросить в другой конец этажа, а если спросят, сказать, что это была тренировка на выносливость.

— Значит так, — заговорил он, — в первую очередь тебе надо взять хвост в руки и слетать туда, нужно будет наносить удары одновременно. Было бы очень неплохо подкинуть дезинформации строителям, нарочито сдав пару участков или чтобы они взяли кого-то в плен, во время попытки прорыва из крепости. Пленный должен под пытками сообщить планы Тарафета и его отчаянное положение, хотя они и так это знают, нет, тут нужно что-то другое.

— Повелитель, я... не понимаю, — пробормотала Альвия, чуть приподнимая голову.

— Неужели вас этому не учили? — изумился Михаил. — Это же азы, даже я их знаю!

— Строители башни редко берут нас в плен, убивают на месте, и я... — Альвия сглотнула. — Боюсь, что князь Тарафет отправит именно меня туда.

— Боишься? Вполне возможно, что перед убийством тебя изнасилуют, как ты любишь.

— Но я поклялась в верности вам, повелитель!

— Тогда лети и не смей тут раскрывать больше рта!! — рявкнул Михаил, выходя из себя.

Альвия немедленно заткнулась и выкатилась из шатра, который накренился от порыва ветра, вызванного ее стремительным стартом в небеса. Михаил дернул щекой, утер лицо и подумал, что желание дать ей пинка для ускорения было чересчур сильным. Трусость под видом верности, предательство под видом желания помочь, хотелось вымыть руки с мылом и прополоскать рот.

— Табурентус! — гаркнул Михаил, выходя из шатра.

Тот отсутствовал, но зато имелась крылатая нечисть, вроде курьеров или адъютантов, или как там их звали. Михаил ткнул пальцем в ближайшего и тот сорвался с места, помчался искать Табурентуса.

— Сотников сюда! — скомандовал он еще. — Объявить общую готовность!

Началась суматоха, забегала нечисть, застучал барабан и запели трубы. Михаил еще раз дернул щекой и вернулся в шатер, сел и подпер эту самую щеку, словно желал остановить подергивания. Мысли его были мрачны, он начал слишком уж всерьез воспринимать игру, словно вокруг находился реальный мир.

Лариса вздрогнула, вскрикнула и разметалась по кровати, и дрожь эта приятным массажем отдавалась внизу, между ног Михаила. Он прилег рядом, провел рукой по разметавшимся волосам и сказал:

— Что ты думаешь о том, чтобы завести ребенка?

— Я не могу иметь детей, ведь я киборг, — ответила Лариса, поворачиваясь на бок, лицом к нему. — Но ты можешь купить мне искусственное чрево, дорогой и взять яйцеклетку у одной из женщин вокруг, которые настроены так враждебно ко мне.

— Киборг? — отшатнулся от нее Михаил.

Не то, чтобы он забыл, хотя вообще забыл в угаре, но его испугало другое. Семья и ребенок, вкупе с желанием улететь в космос, похоже, все то, что впихивала в него Нгуен вернулось и снова начало отключать ему мозг. Кто-то сказал бы, что Натали апеллировала к сильнейшим и старейшим инстинктам или рефлексам, и потому они снова всплыли, но Михаил все равно встревожился.

— Да, дорогой, я киборг, ты же сам просил об этом постоянно напоминать тебе.

— Проклятье, — Михаил поднялся, набрасывая халат, и пошлепал к холодильнику.

Свободно можно было ходить обнаженным, но привычки, старые привычки, вдолбленное в детстве, давало о себе знать. Достав сока, он долго и жадно пил, потом понял, что не помогает и вместо холодных напитков заказал себе горячий и крепчайший кофе.

Пока Лариса мылась, он сидел и цедил кофе, глядел в темное окно, за которым стояла дождливая ночь.

— Я просил и все равно забыл, — сказал он Ларисе, когда та вышла из душа.

— Ничего страшного, дорогой, — отозвалась та, — все равно у меня не может быть детей.

— Да ты не понимаешь, — простонал Лошадкин, хватаясь за разогретую кофе голову.

— Нет, не понимаю, но если ты мне расскажешь, то попробую понять.

Михаил посмотрел на нее, вдруг подумав, что с Ларисой было легко еще и потому, что она киборг. Легче рассказывать, не возникало того отталкивающего чувства, страха даже, что очередная подружка фыркнет, обзовет его и уйдет. Отношение свысока, хотя нет, рабыней он ее не считал. Но вот эта легкость, уверенность, что выслушает и поддержит, неужели далки еще и осуществляли функцию бытовых психотерапевтов?

— Заводить ребенка, которого отберут, я не собираюсь.

— У тебя достаточно рейтинга, дорогой, чтобы завести его и оставить, достаточно будет лишь пройти обучение и получить возможность воспитывать его, — ласково сказала Лариса, подаваясь к нему.

В вырезе халата виднелось ее молодое тело, возбуждающее и сбивающее с мысли.

— Это очень распространенная практика, многие сдают экзамены и потом идут дальше, обучают и помогают другим, живые учатся у лучших и общество развивается дальше. Уверена, что ты, с твоим уникальным опытом, сможешь обучить...

— Нет! — разозлился Михаил.

Полжисты, мать их! Когда он вообще успел накопить столько негативных воспоминаний? Или он копил только негатив, забывая о том, сколько радости испытал в новом мире? Словно забыл все то хорошее, что случилось с ним? Возможности,

открывшиеся перед ним, хотя он не был миллионером, лишь живым, профессия которого умерла, из-за энергония и беспроводной передачи энергии.

Безработный электрик — миллионер, звучало, как начало плохого анекдота.

— Я, — Михаил выдохнул и снова сел. — Я не знаю.

Ведь он мог бы остаться и развивать успех в той же Башне. Отбить крепость пока не удалось, но была у Михаила пара задумок и обманов, и потом его положение было бы там практически гарантировано. Не допустить обрушения Башни, чтобы не лишиться источника прибыли и в то же время подняться, устраивать козни по всем этажам, выступать таким воплощением зла, Темным, с которым будут бороться игроки.

Сойтись снова со Сванди, ребенок и карьера, дом и семья.

— Попробуй проговорить вслух, что тебя испугало, — посоветовала Лариса, беря его за руку.

— Что я действовал, не осознавая и не задумываясь, ведь я знал, но все равно действовал и сказал тебе о ребенке, — начал размышлять Лошадкин. — Стало быть, такое могло повториться, ладно ожмицы вокруг, это еще понятно, но, если бы новая Нгуен попробовала меня втянуть куда-то, используя ребенка?

— О, дорогой, — Лариса приподнялась, и одежда слетела с нее, — тебе достаточно спать лишь со мной и все будет в порядке.

Затем им стало не до разговоров.

— Слушай, меня так и подмывает все бросить и переключиться на изучение тебя, — заявил Олаф.

— Да ты и так изучаешь, — обиженно проворчал Михаил.

Хотелось напиться и дать себе в глаз.

— В комплексе, а вот персонально тебя, но подозреваю, что ты не захотел такого и потому сбежал из того центра, где тебя разморозили?

— А то ты не посмотрел уже в сети все.

— Да, вижу, настроение у тебя крепко испортилось.

— Хочешь и тебе испорчу? — спросил Михаил зло.

— Было бы любопытно послушать, что именно...

— Я — Темный из Башни, — перебил его Михаил.

Разумеется, не просто сказал, а приоткрыл часть профиля и метнул в Олафа, все равно они давно уже наладили дружеские сетевые связи, позволявшие больше доступа к информации, друг о друге, чем какому-то постороннему живому.

Глаза Олафа широко раскрылись, он даже начал привставать, затем рухнул обратно. Тема с Ларисой и предложением заделать ребенка далке исчезла, словно и не было, да и не такая уж уникальная она была. Михаилу хотелось бы стать Избранным, но увы, не он один шептал горячие слова роботам, сходил с ума, пытаясь заделать им ребенка, влюблялся, убивал себя или окружающих и так далее.

Возможно, именно поэтому самые массовые модели далок вели себя немного искусственно.

— А-ха-ха-ха-ха! — вдруг рассмеялся Олаф громко, захлеб, хлопая себя по коленям. — Это многое объясняет!

Затем он вдруг вскочил и выбежал прочь, отгородившись от сетевого общения, словно внезапно впал в истерику. Михаил пару раз попробовал достучаться, получил отлуп и снова

поджал губы и подпер голову, остался сидеть с мрачным видом. Злорадное удовлетворение от раскрытия своей тайны исчезло, сменившись еще большей фрустрацией, словно он выстрелил себе в ногу.

Или в задницу, если уж точнее.

— Я не пойму, — пожаловался Михаил в пространство, — это я такой урод или просто у меня нестыковка с миром, я старый алюминиевый провод, а вокруг одни медные?

— Но ведь их можно соединять между собой через стальной переходник, — сообщила Лариса, входя в зал.

— Вот-вот, — кивнул Михаил, — а я забыл и помчался делать прямую скрутку, за что и поплатился.

Или нет? Он вообще в последнее время стал хандрить, что на фоне успехов и притока рейтинга с кредитами, смотрелось как-то странно. Физически он был в порядке, манопаньча ни о чем таком не сигнализиовала, так что тогда? Михаил размышлял на тему переезда, но потом решил, что нет смысла дергаться до экзаменов в экспедицию, которые были уже вот-вот, через несколько дней.

Да, ожмики и особенно ожмицы, поглядывали на него с вожделением, стремились как-то втереться в доверие, но пока не выходило. Типовые реплики при встрече, попытки в физический контакт, все это может сработало бы на местных, но Михаил, закаленный прежней жизнью, просто не реагировал и ловко прикидывался "тупым шлангом". Лифты тут не ломались, краны не текли, проводка не горела, он пару раз заглядывал на общие встречи, но быстро оттуда уходил, предпочитая проводить время с Олафом и Русланом.

В этом, кстати, новый мир почти не отличался от старого, где тоже не знали соседей по площадке.

— Теперь у меня коротит в щитке и я не знаю, где именно, — еще пожаловался он.

— Хочешь, чтобы я помогла тебе разобраться? — спросила Лариса.

— Нет, — подумав, ответил Михаил.

Он знал, чем все закончится, еще одним умопомрачительным сексом, и в этом помраченном состоянии ума возможно опять прозвучат слова о детях. Неужели его настолько задевало, что он сам и другие не могли просто так взять и воспитывать своих детей? Ведь Михаил даже не думал о них там, в старом мире, хотя нет, думал, но в основном о том, что еще рано, он не готов и вообще не хотел с ними возиться.

Стратегия запретного плода, о которой ему толковала Таня, неужели такой подход работал?

— В отпуск хочу, — выдал он, еще подумав.

Башня, работа на стройке, сеть, учеба и предвкушение космоса, его и так тянуло в разные стороны, а тут опять всплыла тема семьи и детей! В отпуск, подумал Михаил, да, в глушь, в пампасы, то есть в глубины космоса, подальше от нового мира. Да, в экспедиции терраформинга будут еще живые, но не миллиард, будет время разобраться в них и себе, и отойти от этой горячки. Правда, затевал он историю с терраформингом отчасти из-за рейтинга и кредитов, а их и без того теперь хватало.

— Мне разослать сообщения?

— Ты вроде не ИП, чтобы таким заниматься, — нахмурился Михаил.

Брать ли с собой Ларису в космос? Нет и еще раз нет, тут же пришел ответ. Следовало оставить новый и старый мир за бортом, отдышаться и прийти в себя. Всегда так, он кидался в новые дела, барахтался в них, страдал, выплывал, кидался в новое и метался, будто то

самое в проруби.

А зачем метаться, когда ничего не изменилось?

— Но ты видишь во мне равноправного партнера, я пытаюсь соответствовать роли.

— Больше нет, — проворчал Михаил, — теперь ты лишь киборг.

На мгновение его окатило волной желания ударить ее, пнуть, швырнуть на пол и изнасиловать в грубой форме, будто мстя за свои промахи и ссору с Олафом.

— Напиши форму, сдай себя обратно и проваливай из моей квартиры!

— Да, дорогой, — механическим голосом произнесла Лариса.

Спустя десяток минут ее уже не было, и Михаил вздохнул тяжело, подавил желание вернуть ее. Не стоило вообще заводить далку, но кто бы знал? Был бы он всегда такой умный, как потом, то даже с Натали связываться бы не стал и все тут.

Башня встретила его почти мертвой тишиной, и Михаил резко насторожился. Их могли раскрыть в любой момент и, возможно, игроки уже обнаружили импровизированный военный лагерь и вырезали тут всех, оставив его без тысячи.

Словно учуяв его присутствие, появился Табурентус.

— Командир, все готово, — сказал он, протягивая сверток.

— Все получили такие же? — спросил Михаил.

Да, он приказывал, знал, что Табурентус выполнит распоряжение, но все равно вопрос вырвался сам собой.

— Да, командир, — ответил минотавр и задумчиво почесал рог.

— Не забывай, что ваша задача опаснее и труднее, — напомнил ему Михаил.

Еще один зверский обман, притвориться группой игроков, которые самовольно пошли на штурм и взяли угловую башню, но понесли огромные потери и их якобы вот-вот выдавят обратно или вообще уничтожат. Чтобы строители Башни ринулись, поддержать и развить успех, и в общем, потом их ждал удар в спину и с боков и огромная резня.

Если бы все вышло и Тарафет выполнил свою часть.

— Командир, — бычья морда Табурентуса вдруг исказилась, словно он хотел всхлипнуть. — Вы всегда идете в первых рядах!

— И это неправильно, — проворчал Михаил, — вот убьют меня, кто тогда командовать будет?

Он понимал причины отношения, просто не ожидал такой реакции от помощника. Начальство в войсках "сил Зла" предпочитало оставаться в тылу и при этом правильно делало, сохраняло возможность рассылать приказы. Еще бы меньше интриговали и били друг друга в спину, вообще хорошо бы было.

— Командовать будешь ты! — ткнул он в Табурентуса. — Так что давай, бери всех неформатных и выдвигайтесь скрытно на позицию.

Неформатных, то есть не соответствующих хотя бы примерно человеческому облику. К счастью, здесь не требовалось иметь дело со сканерами, лишь визуально обмануть игроков нечистью в плащах, замаскировав под людей. Инопланетяне тоже играли в Башню, но на одного такого приходилась тысяча людей, и в то же время, игроки в собственных обликах — инопланетных! — вносили приятное разнообразие.

— Есть, командир!

Табурентус помчался, а Михаил лишь покачал головой. Да, ему нравилось добиваться успехов тут, и поток кредитов радовал, но вот остальное вызывало ту самую занозу внутри.

Ладно бы играл против таких же сетевых долбанафтов, как в старом мире, но ведь он обманывал, убивал, и творил прочие гнусности с этими живыми нового мира.

Даже ожмики не вызвали бы диссонанса, но они не играли в Башню.

— Надеюсь, Олаф не явится сюда с отрядом, — хмыкнул Михаил и замер.

Что, если Олаф сообщил? Как сам Михаил шпионил через сеть, вылавливал крохи и обмолвки, позволявшие строить планы, так и Олаф мог чего-то брякнуть. Но неужели на той стороне не поняли, что Темный — игрок? Неужели не приняли мер? Или приняли и теперь заманивали?

Видение Олафа и элитного отряда, способного сбить рога даже Тарафету, не отпускало.

— Кто освоил огнестрел? — бросил он, подумав, что надо бы уже завести секретаря или как он там назывался у военных.

— Немногие, тысячник, — последовал сдержанный ответ от одного из сотников, лешего, напоминавшего ему кедровую шишку. — Хорошо, если десяток наберется.

— Собрать их всех вместе и выдать оружие, я лично поведу их на штурм, а вы вступите уже потом, — приказал Михаил, которого осенило новой идеей.

Ну вот, опять придумал, как лучше обмануть ближних, со вздохом подумал Лошадкин, принимая винтовку.

Ларисы не хватало, и Михаил подумал философски, что в отсутствие обычных средств, вроде пива, организм тут же придумал себе новые способы одурманивания. Вроде желаний детей и влюбленности в робота, ладно, в киборга, невелика разница, хотя на ощупь и во время секса этой разницы совсем не ощущалось.

Тело разогрелось, кровь пошла не туда, и Михаил попытался сублимировать, направить все в учебу.

— Что там еще? — рыкнул он, когда его прервало оповещение о входящем вызове.

Неужели приглашали из экзаменационной комиссии? Ведь не могли же они набирать специалистов просто так, следовало проверить психологическую совместимость, познакомиться всех, даже до сдачи экзаменов или уже после? Взбодрившись, Михаил ответил и с легким удивлением обнаружил, что с ним пытались связаться сотрудники проекта игры "Башня".

По крайней мере, униформа и значки соответствовали, манопы тоже подтверждала, что они настоящие. Два сотрудника, мужчина и женщина, на вид ровесники Михаила, только стройнее, живее, с таким огоньком в глазах, который он часто замечал у работающих и активных живых, не ожмиков.

— Добрый день, Михаил, — почти в унисон произнесли они, направляя приглашение на приватный разговор.

— Добрый, Зульфия, Анастас, — отозвался он, принимая приглашение.

Учебное пространство в виртуальности отгородило стеной, визуализация приватности, хотя сама идея такого, то есть приватный разговор в сети, с записью в манопы и отслеживанием общими системами, вызывала у Михаила усмешки своей ироничностью.

— Как вы понимаете, мы могли бы связаться с вами прямо внутри Башни, но решили, что это будет не совсем корректно.

— Донешко, — ответил Михаил. — Все понимаю, и не буду создавать проблем, уже скоро уйду.

Прибывшие переглянулись, явно обмениваясь сообщениями.

— Простите, Михаил, что вы понимаете? — спросила Зульфия.

Слегка вытянутое, каплевидное лицо и широкие глаза, в которых хотелось утонуть. Михаил дал себе мысленного подзатыльника, прикрикнул на организм, что тот слишком уж распустился в условиях свободы нового мира.

— Что я мешаю вам и создаю условия для прекращения всего проекта, — честно ответил Михаил.

Ему удалось, он не только отбил крепость, но и устроил там бойню игроков, о которой теперь не переставая трубили каналы, посвященные Башне. Награда за голову Темного скакнула ввысь, пробив потолки нескольких этажей, Башня кипела и гудела, мобилизовалась и вскоре должны были прибыть такие войска, что даже Тарафету с ходу сшибли бы рога.

В таких условиях даже Михаил уже ничего не решал, пусть там силы бездны и небес вторглись бы на других этажах, воспользовавшись ослаблением, ему уже ничего не светило. Проще было уйти красиво, все равно потом лететь в космос, но даже если бы не прошел экзамен, то следовало поискать другую работу, без подлостей, обмана, ударов в спину и прочего.

— О, и вы собрались уходить? — уточнил Анастас, сверля его пронзительным взглядом черных глаз.

— Может быть, не прямо сейчас, но, когда навалятся игроки и раскроют меня, а также будут убивать раз за разом, выйдет как-то жалко, сами подумайте, — развел руками Михаил. — Лучше уйти красиво, заодно сохранить общую взбудораженность, чтобы игроки не теряли бдительности. Я уж не говорю о самом факте вашего визита, означающего... многое.

— Да, обычно мы не вмешиваемся в игру, все должно быть честно и максимум, вносим предложения тем ИП, что руководят персонажами, — опять взяла слово Зульфия.

Смотрела она на Михаила как-то странно, и Лошадкин опять мысленно нахмурился.

— Вам не мешало бы подкрутить ваших ИП, — проворчал он, — даже самые бездарности способны понять, что лучше вначале победить, а уже потом бить друг друга в спину.

— Вот видите! — обрадовалась Зульфия, сверкнула улыбкой. — А вы уходить собрались!

— Собрался, — подтвердил Михаил, начиная понимать, что они недопоняли друг друга. — Разве не возникла угроза всему проекту, всей Башне?

Если бы силам Зла удалось отбиться, хоть как-то скоординировать усилия с небесным воинством, скажем, и устроить клещи на пару этажей, парализовав натиск игроков, то вполне реально было бы уничтожить весь этаж, обрушить его и то, что над ним, и масса этажей в падении могла бы пробить и смять нижние семь этажей, до самого основания.

Вполне возможно, что даже пробилась в ту Бездну, откуда перла нечисть, и завалили там все, камнями и телами. Пока было неясно, подобного обрушения еще не удавалось добиться никому, максимум отбивали от половины до двух третей этажа, но закрепиться и продержаться, разрушая этаж и опоры, не удавалось.

— Возникла, — подтвердил Анастас, — и именно поэтому мы и хотели предложить вам, Михаил, перейти к нам в проект!

— Чтобы разрушить все быстрее? — невольно хохотнул Михаил.

— Если вам удастся совершить такое, в рамках честной игры, то почему бы и нет? Это будет настоящий вызов игрокам, демонстрация настоящей опасности и того, чего способен добиться живой, не скованный ограничениями, — заговорил Анастас, а Лошадкин ошетинился.

Ну и что, что он жил в прошлом? Михаил всегда считал себя достаточно законопослушным и правильным, а эти веди и говорили так, будто он аморальный Темный из глубин ада, не понимая, что он всего лишь отыгрывал роль, обычное дело. Да и внутри игры не творил и половины того, что мог бы устроить, сдерживался.

Михаил бы и в реальной жизни помогал правосудию, но как-то не выпадало шанса, кроме случая с Нгуен, вспоминать о котором не хотелось. Мысли о том, как он кого-то скрутит, так и остались мыслями, система успевала реагировать раньше, хоть роботами, хоть своими представителями в лице молодежи.

— Ваш рейтинг не пострадает, только возрастет, — добавил Анастас, а Зульфия кивнула. — Ваши предложения тоже были рассмотрены и одобрены, Михаил, нам действительно не хватает такого консультанта, как вы!

— Что такое? — нахмурился Лошадкин. — Возьмите любого, кто родился и вырос в период Хаоса, он вам такое устроит!

— Пробовали, — сообщил Анастас, — не вышло. Ведь наша цель не устроить вакханалию зла, а обучать и воспитывать, помогать живым через игру, и вот этого хаотикам и не хватает. Я не шутил, когда говорил, что нам не хватает именно такого консультанта, как вы.

— Способного сдерживаться в реальности и разделять ее с игрой, — добавила Зульфия, — дабы не возникало диссонанса от противоречивости действий.

Вот спасибо, подумал Михаил, теперь обозвали выдающимся ханжой и лицемером.

— С таким подходом, вам нужны полжисты, — бросил он.

— Их тоже пробовали, но не то, не то, — ответил Анастас. — Ведь недостаточно устроить зверства, с этим мы справились бы и сами, полно архивов и воспоминаний, но это должен быть именно воспитывающий опыт, а не травмирующий.

— Если я обрушу Башню, это что, не станет травмой? — прямо спросил Михаил.

Что-то внутри вопило и орало "Соглашайся, это же работа мечты!", а другая часть щетинилась и подозревала нехорошее. Его уже сейчас угнетало творимое им в Башне, что случилось бы потом? Привык и втянулся, начал бы переносить нехорошее в реал, срывать на далках или эксплуатировать и нагибать ожмиков, то есть ожмиц?

— Как я и говорил, это станет величайшим вызовом и демонстрацией того, что игроки недооценили опасность. Прилив желающих сразиться и строить, усиление общности и взаимодействия, вы сможете стать тем, кто объединит игроков!

— Скажите прямо, вы хотите сделать из меня властелина зла? — спросил Михаил. — Чтобы игроки объединялись против меня?

— Да! Видите, как вы все прекрасно понимаете! — обрадовался Анастас, замахал руками.

Зульфия тоже улыбалась, и Михаил вдруг подумал, что ей не хватает чадры или кисеи, в общем той полупрозрачной занавески, скрывающей нижнюю половину лица. Еще прозрачные одежды, браслеты, монеты, серьги и устроить зажигательный танец живота, с постепенным раздеванием.

Лошадкин еще раз обозвал себя похотливым жеребцом и опять ощутил тоску по Ларисе.

— Неужели у вас не было других игроков?

— По секрету, они были и есть, даже сейчас играют против основной массы участников, — вмешалась Зульфия, опять строя глазки Михаилу, — но никто из них не добился подобных успехов так быстро. Вы уже вошли в союз с Тарафетом, что открыло вам путь наверх, причем без нашего участия. Несколько интриг и успехов, вроде обрушения этажа и вы смогли бы подняться в иерархии подземных сил почти до самого верха, без какой-либо нашей помощи.

— А теперь вы предлагаете мне возвыситься с вашей помощью?

— Войти в проект Башни и согласовывать действия, для достижения максимальной пользы. Разумеется, Михаил, вы полностью вправе отказаться, и мы даже не будем просить вас сохранить этот разговор втайне.

— Ведь чтобы опубликовать его, мне надо будет раскрыть себя и получить в ответ все то, что накопилось у игроков, — ответил ей Михаил.

— Поверьте, никто не придет расстреливать вас или забрасывать тухлыми фруктами, — заметил Анастас.

— Яйцами, — машинально поправил его Лошадкин. — Обычно кидались тухлыми яйцами.

С запахом сероводорода, которым он отравил тогда первую волну игроков. Как скоро следовало ожидать эскалации войны и применения всего того, что использовали в мировых войнах и в периоде хаоса, когда уже не действовали правила, законы и мораль? Этому создатели Башни хотели обучить игроков, сорвать с них ограничения и моральные рамки?

Михаил задумчиво потер подбородок. Да, он сам сетовал, что в новом мире, несмотря на уверения сверху, все выходило каким-то чрезмерно мирным и стерильным, и вот ему дали шанс покидаться кирпичами в хрустальные дворцы, измазать стены и раскидать мусор. Показать "настоящую жизнь", ведь он же сетовал, что вокруг ее, этой самой жизни, даже не нюхали?

Сетовал, но при этом внутри что-то сопротивлялось предложению, и все это выходило весьма лицемерным, намекая, что Анастас и Зульфия говорили правду о нем, когда убеждали, что из Лошадкина выйдет идеальный Властелин Зла. Лживый, лицемерный, готовый на любую подлость, но не переносящий все это в реал, не так ли?

— Впрочем, неважно, фруктами тоже кидались, всем гнилым, что было под рукой, — добавил он, — и было это еще задолго до моих времен. В мое время кидались уже в основном тухлыми комментариями в сети, и мы, кажется, отвлеклись.

— Да, вы опасались мести игроков.

— Закон больших чисел, а учитывая, насколько легко сейчас добраться куда-то, и что в Башню играют отнюдь не ожмики, хоть один из миллиона да найдется.

— Вот именно, — снова вступила Зульфия, — отнюдь не ожмики, понимающие и способные сдерживаться.

— Возможно, вы недооцениваете силу искренней ненависти, а может я недооцениваю силу современного воспитания, неважно. В любом случае, я не собирался вываливать этот разговор в сеть, так что проблемы все равно не возникнет, — сообщил Михаил. — С вашей помощью я поднимусь выше, так?

— Вы и так на пути к трону властелина сил зла, мы лишь поможем немного, это даже не будет считаться вмешательством в игру. Примем ваши предложения, Михаил, и внедрим их, вы получите возможность действовать уже в масштабах всех Башни, глобальное воздействие на игроков, польза всем, включая даже наших сотрудников. Вы обучите нас...

— У меня нет лицензии на обучение.

— У вас хватает рейтинга и кредитов, и будет их еще больше, учиться вы умеете. Сдадите экзамены, обучите нас, Башня заиграет еще эффективнее, и польза обществу будет огромнейшей, и она вернется к вам в виде того, к чему вы стремитесь. Вы еще не сдали экзамены в экспедицию по терраформированию, и мы даже не просим вас не лететь, просто задержаться. Посетить пока другие планеты Солнечной Системы, играть вы сможете и оттуда.

— Что? — переспросил Михаил, ощущая себя дураком.

Ну, конечно, как он мог забыть? Солнечная система — вот он, космос, и Михаил мог посещать там планеты! Нгуен его сбила, закрепила мысль, что надо бежать прочь, за пределы влияния Земли и ее устройства, распространявшегося на всю Солнечную Систему, и Михаил так и следовал ей, всегда думал о дальнем космосе.

— Но я могу и отказаться?

— Разумеется, это полностью ваше право. Просто во взаимодействии с сотрудниками проекта "Башня"...

— Да, я понял, — перебил его Михаил. — Будет достигнута максимальная

общественная польза, игроки объединятся еще сильнее, я буду управлять всеми силами зла.

— В перспективе и небесным воинством, — добавила Зульфия.

— Чтобы и его испортить? — проворчал Михаил.

Зульфия захлопала удивленно ресницами, а Лошадкин вздохнул. Не такого он ожидал и мысли теперь сбились, смешались. Ринуться навстречу новому приключению и вляпаться? Нет, какое вляпаться, это же не секта, официальные сотрудники крупнейшей игры, наверняка опытные переговорщики, возможно, поэтому Михаил и щетинился внутри? А как же космос, подумал он и тут же начал подыскивать оправдания, мол, отложит ненадолго, пока по Солнечной Системе прогуляется, ведь у него теперь хватало денег на все!

А он сидел тут, среди ожмиков, будто боялся высунуть нос из привычной, уютной норки. Стойла?

— Вы знаете..., - заговорил он и замер.

Раньше, в прежней жизни, Михаил не колебался бы, но там ему никто и не предлагал подобных выборов. Он уже выбрал пару раз самостоятельно и прогадал, выбрал неправильно. В то же время, стал лучше понимать новый мир, а кто посоветовал ему отправиться на исследование мира, не бояться нового опыта?

Правильно, Цодиков Осман Петрович, садовод — любитель, живущий в доме — дереве.

— Я и сам не знаю, мне надо подумать и посоветоваться.

— Конечно, — ответили Зульфия и Анастас, и на этом приватный разговор завершился.

— Наш Осман Петрович дал тебе такой совет? — хохотнул Руслан.

— Я его сам попросил о совете, — объяснил Михаил.

— Хотя, ты знаешь, может и зря я рассмеялся, — вдруг задумался Руслан.

— О чем ты?

— Ну вот смотри, ты обратился к нему за советом из-за возраста Цодикова, так?

— Да, ведь он тоже вошел в новый мир взрослым, но как-то сумел его принять.

— Думаешь? — чуть удивился Руслан. — А тебе не приходило в голову, что он как раз и закрылся в своей норке, спрятался в доме и занимается малиной именно, чтобы не оглядываться и не ужасаться новому?

Михаил задумался, такое ему в голову не приходило.

— Но в то же время, — продолжал Руслан, — свой совет он дал, возможно, именно затем, чтобы ты не повторял его ошибки.

— Не замыкался в раковине?

— Понимаю, тебе выпал не самый простой опыт, такой, которого другие живые, возможно, не получают всю жизнь, но разве ты не справился? Не обогатился этим самым опытом, не сумел найти нишу, в которой приносишь пользу обществу и себе?

— Да, Осман Петрович именно это и советовал, испытать новый мир и жизнь в нем, благо теперь есть масса возможностей. Чтобы не повторять его ошибки, говоришь? Но если он осознал свои ошибки, то чего не исправил их сам? Хотя, да, глупый вопрос, — признал Михаил, — легко быть умным и давать советы другим, тяжело самому жить правильно, и этому сейчас тоже учат в школе?

— Помогают осознать многое из этого, да, — покивал Руслан, — и потом дополняют практическим опытом, чтобы оно увязывалось в единое целое. Выражение о школе жизни теперь не пустые слова, хотя есть и масса возражений против подобных программ.

— Да уж, — чуть содрогнулся Михаил, вспомнивший те истории о тренировочных убийствах и прочее.

В его время такое было немыслимо, но сеть и виртуальность, энергия и новые открытия, давали новые возможности.

— Слетать к нему в живую или связаться через сеть или... отправиться в космос? — вскинул голову к небу Михаил.

— Если тебе нужен мой совет, то отправляйся в космос, — хлопнул его по плечу Руслан.

— Да, поддерживаю, — раздался еще один голос.

Олаф приближался к ним со стороны беговых дорожек, оснащенных голопроекторами, для тех, кто не хотел просто "наматывать круги по стадиону". Михаил смотрел на Олафа, пытаясь понять, будет ли драка с этим гигантом — викингом и что он мог бы противопоставить ему.

Выходило так, что голыми руками — почти ничего, техниками бокса или там уличного боя, Михаил не владел, в отличие от Олафа. Школа жизни учила драться и работать оружием, в чем Лошадкин неоднократно убеждался на совместных тренировках их троицы.

— Извини, что отреагировал так бурно, — сказал Олаф, разводя руками, — и потом ничего не писал. Я всегда посмеивался над этими рассказами из старых времен и ожмиками,

но жизнь показала мне ошибочность, мнимость моего превосходства. Твои слова вызвали во мне такую бурю, что я просто не справился с ней.

— Неожиданно, — признал Михаил.

— Да, как твои слова о том, что ты Темный, — кивнул Олаф.

Произнес он все спокойно, но Лошадкин все равно напрягся.

— Но мы все еще друзья?

— Возможно, — осторожно ответил Михаил.

— Да, — Лошадкина чуть не сдуло тяжелым вздохом, — я боролся с мыслью, что использую тебя, ведь друзья так не поступают.

Использует? Для исследований, что ли? Михаил поклатал в голову эту мысль и признал, что она ему неприятна.

— Словно предал и ударил в спину.

— Проехали, — махнул рукой Михаил, — главное, что ты все это осознал.

— Осознал и как друг говорю тебе — отправляйся в космос, следуй за мечтой, это важнее всего.

— Да, вы вдвоем как раз на одного Цодикова потянете, — невольно хохотнул Михаил.

— Хорошо, что ты прилетел, — сказал Осман Петрович, выставляя на стол фрукты.

Алатея со Старстеном уже уехали, отправившись вслед за каким-то новым проектом, в котором участвовала алурианка. Джуди тоже исчезла, Руслан уехал, Цецилия и Димитр пропадали на работе, и из привычных лиц осталась только кислая физиономия Нестора Вондиди, соседа-ожмика.

Нестор восседал на крыльце и читал какую-то бумажную книгу.

— А то эти новомодные голограммы, да разговоры в виртуальности, — добавил он, — что-то не то.

— Руслан был прав, — вдруг вырвалось у Михаила, — вы замкнулись здесь, в своей раковине!

— Да, и совершил ошибку, поэтому и сказал тебе, что не надо замыкаться и прятаться от мира.

— Как ваша малина?

— А, опять наткнулся на проблему, интересную, но не тебе, там больше по всяким геномам и переделкам, но ее уже можно есть, да! — радостно объявил Осман Петрович, указывая на стол.

Малина там присутствовала и будь здесь Старстен, уже залез бы туда с головой, пачкая рога.

— Не замыкаясь перед миром, я нашёл кучу проблем и душевных ран.

— Но и нашёл, не так ли?

— Пожалуй, — признал Михаил. — Под лежащий камень вода не течёт, да?

— А тот, кто слез с печи и обошел вокруг дома уже умнее тех, кто с этой самой печи и не слезал, — закивал Осман Петрович. — Тебе опять нужен мой совет? Так он не изменился, иди навстречу миру, пробуй новое, найди свое место в нем.

— Так в том-то и дело, что я вроде как нашёл место, хорошее место, нужное и полезное, меня там ждут с радостью, — заговорил Михаил, — но сама работа мне немного не по душе. И в космос с ней особо не полетаешь, хотя я тут свалил знатного дурака, забыл, что можно на окрестные планеты сгонять.

— Видишь, ты добился успехов, — заметил Осман Петрович спокойно, — значит, не одни только проблемы нажил с душевными ранами.

— Не одни, — признал Михаил, подставляя лицо ветру.

Дом — дерево шелестел, покачивался, скрипел и вздыхал и это странным образом успокаивало. До качки корабля и морской болезни дело не доходило, словно, он лежал в колыбельке или нет, в кресле-качалке, да.

— Как ты думаешь, Михаил, почему сейчас придается такое значение поиску работы, подходящей живому, и поиску самого себя в процессе поиска работы? — вдруг спросил Осман Петрович после долгой, но не напрягающей паузы в разговоре.

— Чтобы работалось легче? — предположил Лошадкин. — Поэтому живые и порхают с работы на работу, ищут себя?

— Ищут, но во всем этом заложен еще более глубокий смысл. Вспомним наши времена, когда масса людей занималась нелюбимой работой ради выживания, и все это порождало конфликты, проблемы, ссоры. Конфликтность общества была очень высокой, помимо того, что люди в целом нацелены на агрессию, конфликты, выживание. В результате человек выживал, но не развивался. Твой конфликт работы и пожеланий из того же разряда, ты принесешь пользу обществу, заработаешь, но получишь ли ты сам удовлетворение? Зачем тебе плоды твоих трудов, если ты ими не пользуешься? Если же ты способен ими воспользоваться, то почему бы и нет, не продолжить работу? Если тебя тянет в космос, и ты ощущаешь пустоту внутри, то, наверное, стоит заняться ими, иначе зачем это все? Такого совета ты хотел?

— Пожалуй. И не говорите, что любой специалист разжевал бы мне все это в два раза быстрее и понятнее.

— Не скажу, — хмыкнул Цодиков, — я понимаю, почему ты пошел искать совета у меня и друзей.

— Понимаете, — пробормотал Михаил.

— Конечно, я и сам такой же. Как говорилось в классике, совета спрашивают затем, чтобы было потом кого обвинить, если все пойдет не так, но ты не такой, и я не такой. Нам действительно нужны советы, так как трудно выбрать, не столкнувшись с чем-то на практике. Только столкнувшись и поняв, что перед нами, мы можем решить, насколько оно хорошо для нас. Но и кидаться в омут с головой просто так мы не хотим, пробуем разобраться, представить теоретически и не можем, так как мы практики, ведь ты поэтому и пошел работать в электрики, действовать руками и головой тоже, конечно, но в первую очередь руками.

— Хм, — выдал Лошадкин.

— Будучи практиками, как мы можем доверять советам кого-то, неизвестного нам, будь он хоть трижды специалист? Это выходит то же самое теоретическое умствование, отстраненное и непонятное нам, и поэтому мы идем за советом к тем, кто рядом с нами. Семья, друзья, знакомые, те, кого можно пощупать на практике, образно и буквально говоря, и уже на основе их советов что-то там складываем в голове и пробуем.

— Но я, — вскинулся Лошадкин и замолчал.

Если бы он пощупал Таню, причем совсем не образно, то, наверное, прислушался бы к ее мнению?

— Да, видно, что вы много думали об этом, — добавил он.

— Когда прячешься в своей норке от мира и работаешь руками, остается время и

подумать над всяким разным. Да и направление сейчас такое, чтобы люди не загибались на работе, а у них оставалось время отдыхать, думать, размышлять и становиться лучше.

— И тем самым приносить пользу обществу, — невольно дополнил Михаил.

Снова задумался над тем, что он как-то не очень с обществом, но, наверное, это было нормально? Можно было считать себя тем, кто выбивается, преступником, но не совершающим разный криминал, а преступающим нормы общества и тянущим его куда-то. Не Избранный, но хоть что-то похожее.

— Без этого сейчас никуда, — кивнул Цодиков.

— Благодарю, Осман Петрович, вы помогли мне разобраться, — поднялся Лошадкин.

— Да не за что, Михаил, заходите еще, — улыбнулся тот в ответ.

Заказ уже был отправлен и скоростной летающий автомобиль подрулил, вызвав покачивания веток. Михаил прыгнул внутрь и быстро оказался на ближайшем космодроме, пожалуй, даже том, с которого он вместе со Сванди летел на Крит. Малый космический транспорт по нынешним временам можно было сажать хоть у себя во дворе, только соблюдай правила и оборудуй площадку — реактивные струи, выхлопные газы и прочие отравляющие дела все равно отсутствовали — но Лошадкин хотел большего.

— Добро пожаловать на борт, благодарим за аренду корабля, — прозвучало сверху. — Желаете что-нибудь?

Список того, что мог предоставить корабль, был огромен, только плати и Михаил мог заплатить, но не стал. Не за этим он примчался сюда, корабль тут выступал лишь средством.

— Максимальный вид на космос, — скомандовал он.

Вот это не стоило практически ничего, система, управляющая кораблем, просто транслировала внутрь вид снаружи, который и без того считывала, для полетов. Экраны распахнулись, и Михаил выдохнул чуть нервно, Земля уменьшалась прямо у него на глазах, и потом корабль промчался мимо платформ и спутников, и каких-то огромных космических дирижаблей и чего-то вроде солнечных зеркал.

Потрясающий вид, вдруг сменившийся чем-то серо-черным.

— Вход в гиперпространство успешно произведен, — сообщил корабль.

— Ага, — ошалело отозвался Михаил.

Сходил в туалет и умылся, долго шлепал себя по щекам, а вернувшись, обнаружил, что корабль уже покинул гиперпространство. Луну Михаил сразу исключил, заказав себе рейс на Венеру и Марс с возвращением на Землю. Дорого, но быстро, чтобы успеть обратно в Башню, где намечались большие дела.

Но сейчас, глядя на другую планету у себя под ногами, заселенную и перестроенную Венеру, Михаил думал о том, что все его сомнения были очень глупыми. Как он мог променять такое на виртуальную игру с предательствами и разрушениями? Первое решение — стремиться в космос — было верным, просто Нгуен сбила его с толку и пути, и Михаил усомнился в самом себе, чего не стоило делать.

Летать, видеть, щупать, жить в космосе, наесться им до отвала, устать от вида чужих звезд и планет, и вот тогда можно было уже вернуться на Землю и вернуться в Башню, если она еще будет существовать. Осман Петрович дал ему верный совет, только слова подобрал неверно — смотреть следовало не новую Землю, а космос и все вокруг.

Михаила трясло от восторга, он пытался унять дрожь в руках и мыслях и не мог. Корабль высадился на Деймосе, одном из спутников Марсе, и Михаил вышел наружу, без скафандра, без того толстого и неуклюжего комбинезона, которым он привык представлять

скафандры. Новые материалы и энергоний, скафандры сейчас не отличались от одежды и не требовали ношения прозрачных шлемов, пожалуй, он мог бы выходить в космос даже в пижаме и смотреть с утра на звезды, позевывая и наслаждаясь утренним кофе.

— Необходимо принять успокоительное, — сообщила манопя.

— Да к черту твое успокоительное! — заорал Михаил вслух, черноте космоса и звездам, всем. — Как можно спокойно смотреть на такое, видеть и слышать, подпрыгивать до небес и оставаться спокойным?

Марс крутился где-то под ногами, терраформированный, зеленый, населенный Марс! Михаил подпрыгнул и перекувырнулся, наслаждаясь пониженной гравитацией, приземлился и снова заорал от восторга. Деймос и Фобос тоже были населены, как и Луна, как и астероиды, луны Юпитера и отчасти Меркурий, и шли переделки на других планетах, и все это было рядом с домом человечества, словно на заднем дворе, где не требовались особые права и допуски, чтобы выйти туда и "поиграть".

— Я не хочу успокаиваться! Хочу сам все увидеть и испытать, пресытиться и вернуться на Землю только тогда, когда буду считать все это скучной обыденностью!

— Желаете изменить маршрут?

— Нет, пока у меня еще есть дела на Земле, — хмыкнул Михаил, сжимая кулаки и взирая на космос вокруг, планеты и звезды, — но потом! Потом!

Земля и камень содрогнулись, отдаваясь дрожью в ногах. Водяные и русалки отступали из болота, выдавливаемые оттуда силами игроков. Родная стихия не помогла, болото было создано искусственно и, как оказалось, игроки заложили туда пару неприятных сюрпризов.

— Начинайте мочить, — бросил Михаил, чуть повернув голову.

— Начинайте мочить! — заорал Табурутус.

Замелькали флаги, подавая сигнал на установленную чуть в глубине батарею катапульта. Фшух! Фшух! Фшух!

Огромные заряды промчались над головами, ударили в воду, разбрызгивая мельчайшие споры адских водорослей и рачков. В нескольких местах началось бурление и шипение, носились реактивные обломки щелочных металлов, утюжа собой игроков.

— Бегут! Бегут!

Топот ног и снова дрожь земли, огромнейшие ездовые мамонты, закованные в броню, неслись к воротам и стенам. Снова взмахи флажков и команды, но спугнуть зверье не удалось. Только один провалился в ловушку, сломав ногу и подбил собрата, со спины которого слетела огромная беседка, забитая игроками. Те полетели было в грязь рва, но тут же ударили дружно гарпунами, цепляясь за стены, взмыли выше на чем-то вроде антигравитационных поясов.

— Сила сотни! — прогремело за спиной Михаила.

Гигант взмыл к небесам, едва не проломив головой потолок этажа и шагнул к крепости. Нечисть визжала и стреляла, гигант не обращал внимания на эти укусы, протянул руки и начал ломать укрепления. Волна жара и Тарафет тоже вздулся, оказавшись по грудь гиганту игроков, боднул его рогами и ударил своим скипетром.

В болоте стоял визг и щелочной дым, летели снаряды и призраки, баньши глушили всех голодным воем.

— Контрудар в воротах, — приказал Михаил.

В небесах тоже творилась вакханалия воздушного боя, настоящей собачьей и конской свалки, ржание пегасов и перья грифонов, клекот орлов и рык драконов. Игроки и нечисть сходились, рвали друг друга, прыгали и срывались, разбивались. Несколько воздушных снайперов пытались достать Михаила в образе Темного, горделиво стоящего на площадке надвратной башни, но охрана Лошадкина пока справлялась.

Внизу с визгом и рыком выметнулись бесенята на волках, сжимая в руках отравленные дротики. Каждый метнул дротик, целясь в хобот или глаза мамонта, затем прыгнул, срывая с пояса отравленные ножи. Игроки уже бежали навстречу, прямо по мамонту, размером с доброго тираннозавра, спеша отбить атаку.

Взмах руки, падающий флажок и гул тетивы, со стен ударили лучники, выбивая игроков и тут же по ним самим ударили с небес. Игроки по земле бежали к проломам, где трубно ревели и бились отравленные мамонты, ворочались, разламывая стены и бросая вниз камни и кирпичи.

С шелестом промчался вихрь молний, его заблокировало магией нечисти.

— Воздух!

Раскаленные ядра из мортир шлепнулись, сбивая двух драконов и трех пегасов, ударили и пробиты камни во дворе крепости, снесли перекрытия и застряли в подвале. Волки внизу

рычали и рвали мясо мамонтов, визжали от магии и копий, топоров игроков. Земля снова затряслась, Тарафет отбросил гиганта игроков, сбросил в болото, где в него тут же полезли адские рачки, стремительно разжираясь.

— Кислотный туман-а-а-а-ан! — протяжный выкрик.

Стена тумана напозла на щелочное болото, нейтрализовала его, и по водной глади скользили игроки, спеша пробиться внутрь. Все вокруг гремело и грохотало, тряслось, Михаил не контролировал уже битву, лишь отдавал приказания, которые в половине случаев не выполнялись. Игроки накатывали неумолимыми волнами, и Михаил знал, что сейчас идет специальная трансляция, прямиком из Башни, с разрешения игровой администрации.

Действуй Михаил сам, так устроил бы из крепости одну огромную ловушку, а потом еще и заманил бы войска игроков вглубь этажа, где и устроил бы новую бойню. После чего развязал бы мобильную войну, выигрывая время для работы отрядов обрушения и подлавливая игроков возле них. Удары в спину тем, кто пытался не допустить обрушения, и оттягивание их сил на себя, просто и надежно.

Но чтобы действовать так, ему вначале предстояло остаться на Земле, а Михаил, побывав на Марсе и Венере, определился с выбором. Поэтому он сейчас стоял в горделивой позе, устраивая шоу "Темный руководит обороной" и делал все, чтобы отбиться, дабы игрокам жизнь малиной не казалась. Разве что ядовитой малиной Цодикова, которую стоило бы разрекламировать прямо в Башне, но Михаил так и не придумал как.

Будь у него чуть больше времени, обязательно бы устроил мега-диверсию с отравлением малиной.

— Берегись!

— Спасайте командующего!

Новая атака мамонтами и несколько демониц во главе с Альвией взмыли в воздух, приподнимая Михаила и перенося его на запасную площадку. Звери врезались в ворота и башни, руша их и Михаил отдал новый приказ:

— Обрушить южную стену!

Где-то чуть поодаль рухнул смертельно израненный Тарафет, своим телом создавая новую стену, перекрывающую доступ со стороны подрытой и разрушенной восточной стены. Предсмертный писк мамонтов, возмущенные вопли игроков и яростный рев адских войск.

Битва продолжалась, но она не могла продолжаться вечно.

Несколько часов спустя

— Бегите, повелитель, — простонала Альвия, падая оземь двумя половинками.

— Бегите, — прохрипел Табурутус, утыканный стрелами, словно еж.

Его пронзили в трех местах, но он все еще сражался, прикрывал собой Михаила, которого оттеснили уже вглубь крепости. Игроки могли торжествовать победу, пиррову победу, так как горы тел вокруг превышали высотой стены разрушенной крепости.

— Я еще вернусь! — закричал Михаил, швыряя себе под ноги небольшое багрово-голубое яйцо.

Земля и камень раскололись, пахнуло адским пламенем, заставив игроков отшатнуться и "Темный скрылся в глубинах ада", хотя вообще там полагалось бы располагаться шестому этажу. Еще одна игровая условность, очень эффектная и предложения теми, кто вел проект Башни. Мол, оставим возможность вернуться, а пока что Темный якобы будет зализывать

свои раны или вести битву за трон главного среди князей Бездны. Как подозревал Михаил, они также собирались обучить отдельного ИП, чтобы тот потом управлял Темным — не игровым персонажем, пока сам Лошадкин будет бороздить глубины космоса и неизведанных планет.

Михаила это, в общем-то, полностью устраивало.

Оказавшись в реальности, он поднялся и утер пот со лба. Битва выдалась не то, что нелегкой, а какой-то эпически кровавой и упорной. Нечисть билась там до последнего вздоха и даже Тарафет проявил себя героем, хотя в общем-то строил планы подставить Михаила, по большому счету. Вначале сокрушить им своих недругов, потом вызвать ненависть к нему и объединить других князей Бездны, чтобы устранить Темного и самому встать во главе этого объединения.

А там уже и до трона Властелина Зла осталось бы только рукой подать!

— Вот сейчас, — заговорил Михаил и осекся.

Не спешила навстречу Лариса, чтобы радостно внимать его рассказам о подвигах, вокруг вдруг стало как-то пусто и одиноко. Как перед отъездом куда-то, подумал Михаил, и решил, что это хорошее ощущение. Настроился на то, чтобы покинуть Землю, и, если даже не удалось бы сдать экзамены, все равно стоило уехать отсюда и пожить где-то еще.

Например, на Венере или Марсе, нет, сразу лететь за Юпитер, строить там что-то в космосе.

— Тысячник Лошадкин, на этом ваша карьера завершена, — заявил он отражению в зеркале — экране.

Тысячник, хмыкнул Михаил языковому несоответствию. Тысячниками сейчас называли других живых, как во времена беззаботного младенческого возраста Михаила, термин этот тоже имел иное значение. Лошадкин, в общем-то, имел неплохие шансы стать одним из современных тысячников, достаточно было остаться в Башне и сотрудничать с администрацией, помогая развивать проект.

— Комплекс сдать обратно, — отправил он нужное сообщение через манопу.

Экзамены уже завтра, но с жильем, пожалуй, не стоило торопиться. Освободить его и уехать он всегда успеет, в любой момент, на радость или горе местным ожмикам. Помимо тех, кто пытался подлизаться к рейтовому, хватало и тех, кто его недолюбливал за тоже самое, а некоторые так и вовсе подозревали в том, что Михаил шпион властей.

— Учеба, да, — вздохнул он, вызывая нужные каналы.

Пройтись еще раз по основным дисциплинам, что остались, ведь часть требуемого Михаил уже сдал экзамены или получил, заработал и добился.

— Что там еще? — оглянулся он, машинально запрашивая манопу о времени.

Прошла пара часов, основное он прогнал и все равно испытывал легкий мандраж перед экзаменами. Пожалуй, местным живым было легче, раз они всю жизнь их сдавали, вырабатывалась привычка, как у спортсменов.

Манопы высветила ответ — перед дверью стояла одна из соседок, Барбара Сю, и пыталась произвести вызов.

— Михаил! — помимо стука и вызовов через сеть, она еще и говорила вслух. — Михаил, отзовитесь!

— Что случилось?

— О, вы живы, слава сети! Я уж решила, что случилось нечто ужасное, когда вдруг к вам прибыли роботы и увезли комплекс для погружения!

Барбара примыкала к цифистам, но Михаилу всегда казалось, что это больше для вида, в попытках просто так и неограниченно сидеть в сети, не слезая с обязательного минимума. На мгновение его посетила мысль открыть ей дверь, пустить внутрь и дать проявить свою "тревогу и заботу". Слегка расплывшееся тело и возраст под пятьдесят вполне искупила бы та страсть, с которой она давала бы Михаилу, решив, что тот все же не устоял перед ее женскими чарами.

Ну а затем сообщить, что он уезжает отсюда и ее с собой не возьмет!

— Да, я больше не играю в Башню, — сдержанно ответил он.

— Понимаю, такая трагедия сегодня случилась, вы наверняка были там, на острие сражения.

— Да.

— Я бы вот с радостью послушала о Башне, сколько раз видела в трансляции, а сама так в живую и не играла.

— Это слишком печально, чтобы рассказывать, — вздохнул Лошадкин.

Пожалуй, он слишком долго занимался в Башне непотребствами, раз теперь тянуло на них же в реальности. Анастас и Зульфия ошибались, подумал он, насчет идеального консультанта. Что же касается влечения, просто не следовало отсылать Ларису, но что уж теперь.

— Прошу не беспокоить меня, — добавил он неприятно — официальным тоном и отключился.

Еще раз сходил в душ, думая о Барбаре и заодно сбросил желание позвонить и написать Тане. Если все пройдет успешно, подумал Михаил, то перед отлетом с Земли, может быть, оставить ей сообщение. Она же предлагала ей писать? Предлагала. Просто не изливать страсть в ее адрес, а просто, по-дружески написать и все тут, он же не похотливая обезьяна?

— И не лошадь, — пробормотал Михаил, глядя на свои руки.

Сейчас бы следовало выпить и лечь спать, чтобы завтра проснуться без похмелья и нервов и сделать все, как надо. Визит Барбары, далеко не первый, как и у прочих соседок, сбил его, выбил из колеи в первую очередь потому, что сам Михаил пребывал далеко не в уравновешенном состоянии.

— А почему бы и нет? — спросил он у пространства, посылая вызовы.

— Ты готов, — заявил ему Олаф.

— Ты готов, — заявил ему Руслан.

— Я готов, — согласился Михаил. — По крайней мере, в мишень попал без помощи манопы.

Они помолчали некоторое время, двигаясь к выходу с полигона. Сегодня обошлись без тотальной войны всех против всех, просто побегали, постреляли, проверили навыки Михаила во всех доступных на полигоне аспектах.

— Мы вроде договаривались лететь вместе, — обратился он к Руслану.

— Что? — изумился тот. — Терраформирование? Не, это, пожалуйста, без меня, мне нужна жизнь, бурлящие космодромы, а не пустота и тишина.

— Мне казалось, — нахмурился Лошадкин. — Хм, ладно.

— Да не переживай ты так, и без того уже помог, — заверил его Руслан. — Даже если

вернешься и меня уже не будет на Земле, потом обязательно встретимся, космос не так уж велик, как нам любят врать.

— Просто живым свойственно сбиваться вместе, — наставительно заметил Олаф, — вот и кажется, что все рядом и вокруг одни лишь знакомые лица, а на самом деле космос действительно огромен.

— Когда все вокруг становится слишком огромным, мозг перестает воспринимать эти размеры, — возразил Руслан. — Ну да, миллионы световых лет, и что? Готовят же первую межгалактическую экспедицию?

— Тебя бы там охотно приняли, — заметил Олаф, — раз уж не пугают размеры и расстояния.

— Не то, чтобы не пугают, просто, ну какая разница? — развел руками Руслан. — Что миллион световых лет, что миллиард, все равно мне самому никогда их не преодолеть, так чего тревожиться?

— Вот это правильный подход, — одобрил Олаф. — Только стерев расстояния, можно будет говорить о некоем единстве, в пределах многих солнечных систем.

— Разве этого нет сейчас? — поинтересовался Михаил.

Беготня, стрельба, усталость помогли, нервозность ушла, внутри ощущалась лишь пустота. Правильная такая пустота, уверенности в своих силах, а не опустошенность, возникающая от чрезмерного истощения. Он уже выжил и доказал, что может жить в новом мире, так что и все остальное тоже окажется по плечу. Возможно, в новом мире даже пригодится его профессия электрика, не все же полагаться на энергоний!

— Есть, но недостаточно. Если прибегнуть к аналогии (Михаил демонстративно закатил глаза), то другие системы сейчас как другие страны в твое время, съездить можно, но не все так просто. А они должны быть словно соседние дома, легкодоступные, родные и близкие, вот тогда будет полная общность. Без доступности мы получим лишь новые расколы, не говоря уже о том, что ССС так и останется рыхловатым.

— Ну, хорошо, что я еще не дорос до таких проблем, мне бы одинокую пустую планетку переделать, не больше, и без того придется там пахать, как лошадь, — почти шутливо ответил Михаил.

Экзамены оказались несложными, расширение строительной базы, аддоны к уже имеющемуся, если переводить в игровые термины, техника безопасности и основы выживания, да умение владеть оружием, здесь Михаил не оплошал, благодаря практике с Русланом и Олафом.

Ему предстояло строить и возводить, пока другие будут заниматься энергониевой частью, и Михаилу чудилась в этом какая-то злая ирония, насмешка судьбы или знак. Мол, хочешь быть электриком и дальше, так осваивай работу с энергонием. Но в этом вопросе все упростили настолько, что кто угодно мог заменить элемент питания, энергониевую батарейку, да и не требовала она замены, как правило, работала и работала годами. Генераторы и беспроводная передача требовали понимания процессов, и в этой теоретической части Михаил откровенно хромал.

— Тяжело нам, практикам, — признал он вслух.

С другой стороны, вот она экспедиция, и не сказать, что отбор туда был прямо жесткий, как в первые космонавты. Да, отбор и требования, но не так, что один из тысячи или миллиона, все же люди и прочие живые летали в космос и много. До состояния «пришел на собеседование и взяли», еще не дошло, но в то же время, все изрядно облегчилось.

Так размышлял Михаил, не в силах отделаться от ощущения, что занимается самоуспокоением. Воображение рисовало картины, как их собирают где-то на отдельном острове, нет, лучше на отдельном астероиде и затем держат месяц в изоляции, смотрят, как они уживутся вместе. Тех, кто не справился, отправляют пешком обратно, и Михаил, разумеется, оказывается самым слабым звеном.

— У вас опять повысилось давление, — сообщила маноба.

— Слушай, когда ты там уже сольешься со мной и станешь симбионтом? — спросил в ответ Михаил слегка раздраженно. — Перестанешь называть меня на вы, а то создается ощущение, будто я к врачу на прием пришел.

— Страх перед врачами есть пережиток вашего прошлого, атавизм, от которого надо избавиться.

Михаил скрежетнул зубами, негодуя на все чересчур умные железки нового мира. Сразу вспомнилось все, полузабытые страхи о тотальном контроле и слежке — которые, в общем-то никуда и не делись, просто сам Михаил перестал обращать на них внимание. Все размышления об искусственных интеллектах и тайном захвате мире и да, это тоже никуда не делось, просто он перестал думать о них.

— Каналы Башня-один и Башня-два, — скомандовал он, — вывести на экраны.

Два экрана включились, транслируя новости из мира Башни, рассуждения игроков, если те писали в открытую, комментарии администрации игры и рассуждения доморощенных специалистов, из числа все тех же игроков. Михаил посмотрел на обсуждения Темного и его «гибели», радость игроков, поздравления друг друга и затем сплюнул, взмахом руки отменил все.

Вроде и ожидаемо, но все равно почему-то раздражало, стало только хуже.

— Нервничаешь? — понимающе спросил Олаф. — Сейчас зайду, я как раз на работе!

Он хохотнул, намекая, что ожмики вокруг его работа, но Михаилу не стало легче. Работа

— да, следовало бы уведомить бригадира, хотя нет, он же кидал ему сообщения, что будет пробоваться в терраформирование и тот одобрил. Хоть что-то заранее подготовил, но все равно Михаила будто грыз изнутри червь.

Зубастый и клыкастый червь.

— Ты слишком напряжен, — заявил ему Олаф прямо с порога, — так как воспринимаешь ситуацию в ключе своей прежней жизни. Мол, если провалился, ты не самец, самки от тебя отвернутся, не будет денег и доминирования, все сочтут тебя неудачником, и ты пойдешь на дно.

— Да ничего такого, — пробормотал Михаил машинально.

— Но разве не на этом строилось все? Тянись вверх, за тем, что доступно только пяти или десяти процентам людей? Стандарты красоты, под которые не подходило большинство, но взамен тратилась куча времени, сил и прочего, на попытки им соответствовать? Соответственно, порождалась не здоровая конкуренция, а натуральная вражда и готовность утопить соседа, совершить преступление, ради того, чтобы подняться выше и в то же время где-то внутри ты знал, что не сможешь пробиться, ведь наверху сидят еще большие преступники?

— Ты серьезно?

Михаил хотел позвать Ларису, попросить напитки, но вспомнил, что отказался от нее и забыл об этом. Все казалось, что она выйдет и утешит, поможет, выслушает, подарит тепло тела, чего уж там.

— Абсолютно. Нездоровье общества нарастало одновременно с его разрушением, процесс продолжался почти два века, достигнув своего пика в период хаоса.

— Ты как Жайме Варатьян, — проворчал Михаил, — бывший сосед-ожмик, тот тоже все мое время и те века винил, только упирал, мол, церкви и религии разрушили, от того все беды.

— В чем-то он прав, — пожал могучими плечами Олаф, — только немного перепутал местами. Разрушение общества не могло проходить так, что здесь сломали, а тут все осталось по-прежнему. Рушилось все, что мешало, включая религии и церкви, лепилось новое общество, то, в котором ты вырос.

— Нездоровое, — сварливо отозвался Михаил. — А когда оно было здоровым?

— Никогда, — ответил Олаф, — и сейчас не до конца здорово, несмотря на прилагаемые усилия. Но в тот период нездоровье достигло своего пика и человечество чуть не уничтожило само себя. Если бы не чудо энергония, Земля и сейчас медленно вымирала бы, отчаянно цепляясь за колонии на других планетах, которые тоже не смогли бы выжить и расцвести, без энергония.

— Возможно, мне следует перебраться туда, на Венеру или Марс, — осенило Михаила. — Если ничего не выйдет с экспедицией.

— Возможно, — согласился Олаф, — но я уверен, что все получится. Ты воспринимаешь ситуацию острее, чем следует. Не знаю даже, какую аналогию тут привести, возможно, получение заграничного паспорта...

— Не надо аналогий! — прорычал Михаил. — Я устал от них!

— Как скажешь, — не стал возражать Олаф. — Ты же хотел объяснений?

— И я их получил! Вырос в нездоровом обществе и сам нездоров, а стало быть, сам дурак!

— Вот этого я не говорил. Наоборот, то, что ты вырос там и все же сумел влиться здесь,

говорит о твоём потенциале и возможностях. Смотри, сколько ожмиков вокруг, а ты пробился, достиг высот, за сколько?

— Почти год прошел, как меня разморозили, — неохотно признал Михаил. — Потом еще учился несколько месяцев в «Незабудке», пока не сдал экзамен.

Олаф опять развел руками с видом «ты же сам все понял».

— Никто не говорит, что все общество было больно чем-то, как и сейчас никто не считает всех ожмиков злом, террористами, преступниками и прочим.

— Ты о чем?

— Случаются различные инциденты, впрочем, я понял, ты не следишь за новостями.

— Да ну, я их и раньше не смотрел, — отмахнулся Михаил. — Хватало одних только высказывающих заголовков, чтобы расстроиться на весь день. Хочешь сказать, сейчас новости стали лучше? От политики рубить правду и только горькую правду?

— Сладкой лжи все и без того наелись, — хмыкнул Олаф, — но, если тебе интересно, я тоже считаю, что направление было выбрано ошибочно. Правдорубы и дети, их изъятие и воспитание, на этих двух минах общество еще подорвется и крупно, такое мое мнение.

— Может их тогда и изучать?

— А почему, по-твоему, я вожусь с ожмиками? — спросил в ответ Олаф.

— А они принимают тебя за своего? Ведь ты рейтовый?

— Ну и что? Я же не замыкаюсь от них, не презираю, не считаю, что их всех надо изолировать на острове или астероиде, чтобы не мешались и не тратили ресурсы, — ответил Олаф. — Живым свойственно забывать о многом, воспринимать все иначе, когда дело касается тех, кого они знают лично. Вот ты ходил и нервничал, а тут поговорил со мной и уже успокоился.

— Отвлекся, — ворчливо поправил его Михаил. — Откуда вы все такие психоаналитики взялись на мою голову.

— Чтобы жить в обществе, надо понимать, из кого оно состоит и как работает.

— И сейчас все это преподают в школах. Надо было идти в школу.

— Подобные вечерние школы, как их называли два века назад, до сих пор функционируют, ты, наверное, их не искал?

— Даже не слышал.

— Наверное потому, что они скорее часть программы помощи ожмикам, а ты от них сторонился старательно, по все тем же причинам, берущим начало из нездорового общества. Атомизация, разобщение, вражда, тогда как человек по своей природе — социальное животное и стал главным хищником на планете именно потому, что действовал коллективами. Социализация и мозги, ведь те же волки тоже бегают стаями.

— И общество убило само себя, я понял, так к чему ты ведешь? Что мне не стоит так переживать, я все равно доминантный самец в новом обществе?

— А что, нет? — захохотал Олаф. — Деньги, вещи, самки, положение, по прежним меркам ты очень даже доминантный!

Михаил опять посмотрел на него зло, в то же время, не ощущая внутри злости. Нервозность тоже ушла, похоже, Олаф не просто так считался своим у ожмиков. Умел влезать в доверие, либо сам Михаил просто представлял собой легкую мишень, как уже доказала Нгуен.

— Но где-то внутри ты осознаешь, что мир вокруг новый и...

— Хватит! Хватит! — замахал руками Михаил. — То манопя мне нашептывала, теперь

ты, будто к психиатру пришел!

— Тогда по бабам? — спросил Олаф доверительно. — Пойдем на пляж, отвлечемся?

— Шутишь?

— Ничуть. Ты зря избавился от Ларисы.

— Да я уже понял, но на то были причины, и они никуда не делись.

Неизвестно, куда завел бы этот разговор, но тут пришли результаты.

— Меня взяли, — сообщил Михаил. — Экспедиция куча цифр и букв, куда-то на другую кучу цифр и букв, будем преобразовывать вторую планету, состав экспедиции почти полсотни живых, просьба прибыть для предварительного знакомства, бла-бла-бла.

— Поздравляю, — просто сказал Олаф, поднимаясь. — Успехов там тебе, как вернешься — загляни.

— Обязательно, — ответил Михаил, тоже поднимаясь и протягивая ему руку. — Спасибо, что помог.

Пару часов спустя

— Центр здоровья «Незабудка», — сообщил транспорт.

— Ага, вижу, — произнес Михаил, замедленно выбираясь наружу.

Неимоверная глупость по новым временам, следовало просто связаться с Таней и уточнить, где она, но Михаил все равно прилетел к центру здоровья. В его воспоминаниях тот выглядел больше и казался средоточием всех чудес в мире.

Следовало бы зайти и сказать что-то дедушке Наакянцу, а может и Артему Усову, но Михаил стоял и смотрел на здания и зелень вокруг, словно не решался подойти. Не хватало только букета в руках, для полноты картины «отвергнутый упорный воздыхатель» и Михаил озлился на самого себя.

— Михаил! — раздался голос, и он вздрогнул.

Татьяна, ничуть не изменившаяся, такая же прекрасная, как в его воспоминаниях, в открытом платье и босоножках, легко слетела с крыльца, подплыла к нему, будто богиня.

— Меня взяли в экспедицию и через несколько дней мы улетаем терраформировать какую-то там планету, не догадался посмотреть, как она сейчас называется или называлась, ну всякие там Альфы Эпсилона и Ригели Бетельгейзе, — заговорил он бессвязно, так как следовало говорить, дабы не выглядеть отвергнутым, но очень тупым и упорным воздыхателем.

— Поздравляю, Михаил, — улыбнулась Таня, — ведь тебя привезли сюда словно вчера.

— Да, ровно год прошел, — ответил Лошадкин.

Следовало признать, ему хотелось быть рядом с Татьяной Сальвини. Говорить ей, улыбаться, получать улыбки в ответ и слышать правду. Просыпаться с ней, хотя это вряд ли вышло бы, ведь она отказала. Не просто секс, а жизнь с любимым человеком, в которой прекрасно все, так как рядом именно любимый человек.

— Ты многого добился.

— У меня был прекрасный учитель... учительница.

— Сейчас состоится сцена, в которой ты еще раз признаешься мне в любви, а я тебе еще раз откажу?

— Нет, — с усилием ответил Михаил, сжимая себя внутри в кулак. — У меня есть чувства к тебе, не буду отрицать, но ты отказала и этого достаточно.

Недостаточно! Мало! Бери ее всю! Михаил сжал внутреннего крикуна за горло и удавил.

— Мы же можем дружить и общаться, ну, когда вернусь из экспедиции? Как раз будет время еще подумать и поработать над собой.

— Разумеется, Михаил, — Таня чуть склонила голову вбок. — Успехов вам там в терраформировании.

После чего ушла, так же легко, как и пришла, оставив у Михаила неясный привкус лета, радости, солнца и легкости внутри, будто там нажали кнопку антигравитации. В своей прежней жизни Михаил никогда не ощущал ничего подобного и, возможно, следовало воспользоваться экспедицией, чтобы убить в себе чувства, как он задушил внутреннего крикуна.

Страдать от безответной любви? Зачем, когда мир... миры вокруг были полны живых, готовых на все и открытых ему? Михаил почесал в затылке, развернулся, подумав, что зря отпустил автомобиль. Но оставить его означало бы признать, что он не рассчитывал на успех в разговоре.

— Новый мир, а проблемы старые, — проворчал он вслух, разворачиваясь.

Потопал по дороге и маноба сразу начала подавать сигналы, что это запрещено. Михаил свернул машинально, обнаружил оставленный кем-то велосипед, проверил, что тот свободен, взгромоздился на него и покатил прочь.

— Как там в классике было, ему бы следовало с бабами своими разобраться, отсюда и проблемы.

Михаил налегал на педали, прикидывая маршрут. Встреча с теми, кто летел в экспедицию — завтра, он еще вполне мог успеть прокатиться на велосипеде, вызвать себе автомобиль или заказать пояс, слетать и осмотреть развалины Москвы, безопасные их части, и переночевать где-нибудь неподалеку, а может даже вживую заехать к Цодикову, хотя, это пожалуй, был бы уже перебор.

Михаил крутил педали и продолжал ехать вдаль, наслаждаясь самим процессом.

Больше книг на сайте - Knigoed.net